

К. Р.

Дневники
Воспоминания
Стихи
Письма

ИСКУССТВО

*Его Императорское Высочество
Великий Князь Константин
Константинович Романов,
внук самодержца Николая I—
поэт, композитор, переводчик,
актер, воин на море и на суше,
георгиевский кавалер, командир
знаменитого Преображенского,
созданного Петром Великим полка,
Президент Российской Академии наук,
организатор научных экспедиций,
радетель Пушкинского дома,
создатель первых в России
комиссий помощи нуждающимся
литераторам, ученым, музыкантам...*

К. Р.
Великий Князь Константин Романов

Дневники
Воспоминания
Стихи
Письма

A handwritten signature in black ink, written in a cursive style. The signature is highly stylized and appears to read "K. H. ...".

К. Р.

Великий Князь Константин Романов

*Дневники
Воспоминания
Стихи
Письма*

МОСКВА
•ИСКУССТВО•

**ББК 84.Р1
Р69**

*Материалы к публикации
подготовлены*
ЭЛЛОЙ МАТОНИНОЙ

Художник
Е. Е. СМОРНОВ

ISBN 5-210-01334-0

© Э. Е. Матонина.
Вступительная статья, составление,
комментарии, 1998 г.
© Е. Е. Смирнов. Оформление, 1998 г.

*Моей матери Дине Филипповне
Никитаевой и внуку Алексею
Нагорному — посвящаю.*

ЗАГАДКА К. Р.

Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович Романов, внук самодержца Николая I — поэт, композитор, переводчик, актер, воин на море и на суше, георгиевский кавалер, командир знаменитого Преображенского, созданного Петром Великим полка, Президент Российской Академии наук, организатор научных экспедиций, создатель Пушкинского дома и первых в России комиссий помощи нуждающимся литераторам, ученым, музыкантам...

Он казался странным в высокодержавной семье и сознавал это. В Дневнике записывал: «...мне приходится слышать, что если бы я был министром просвещения, то беспорядков бы среди студентов не было... Да и сам думаю, что, пожалуй, с молодежью мог бы справиться: я люблю молодежь и доверяю ей. Но нет, я не пойду в министры, меня в высших сферах считают либералом, мечтателем, фантазером и выставляют таким перед Государем. И он, думается мне, сам приблизительно такого обо мне мнения. Где-то внутри, в самых затаенных закоулках души, гнездится дурное чувство обиды на то, что мною не хотят пользоваться». И, словно успокаивая себя, говорил себе: «будучи министром, я бы лишился возможности заниматься своими любимыми трудами».

Что же это были за «любимые труды»? Приходится по крупицам восстанавливать исчезнувшее в идеологических и социальных катастрофах представление о человеке, чья

жизнь и деятельность стали неотъемлемой частью истории русской культуры.

Родился Великий Князь 10 августа 1858 года под Петербургом в Стрельне, в красивейшем дворце, расположенном на берегу залива и окруженном великолепными цветниками и группами вековых лип.

Это был канун серьезных преобразований в государственном устройстве России. Царствовал Александр II.

Как отмечали современники, редко приходилось встречать у ступеней трона такое количество умных и выдающихся по красоте людей. Поражала неслыханная роскошь празднеств, балов, парадов. Это была сверкающая масса золота, бриллиантов, драгоценных камней, зеркал, шелков, мрамора, расшитых золотом военных мундиров, эполетов с бриллиантовыми звездами, орденов с драгоценными камнями.

Но великолепие придворных празднеств не исключало деятельной духовной жизни вокруг императора Александра II. Рядом с ним были просвещенные, независимые, энергичные личности, поклонники либеральных форм государственного устройства. И у этих людей покровителями были люди царственного положения.

Например, Великая Княгиня Елена Павловна, урожденная принцесса Вюртенбергская, жена брата Николая I Великого Князя Михаила. Немка по крови, она всецело была предана России. Замечательный ум и редкие душевные качества привлекали в её салон выдающихся людей, среди которых были и поборники либеральных реформ. Елена Павловна была среди тех, кто подвигнул Александра II на отмену рабства в России, запрещение телесных наказаний, создание суда присяжных, подписание манифеста, возвещающего русский народ о преобразовании Государственного Совета и вступлении страны на путь ограничения самодержавия народным представительством.

Среди поборников нового устройства государственной жизни России было еще одно Августейшее лицо — брат Императора — Великий Князь Константин Николаевич, отец Константина Константиновича (К. Р.).

Отец Константина был весьма своеобразный человек.

До последних дней жизни проявлениями своего сильного, широкого характера держал семью в напряжении.

Фрейлина царского двора, дочь поэта — А. Ф. Тютчева — оставила о нем, втором сыне Николая I, следующее свидетельство:

«У Великого Князя Константина довольно дерзкая и бесцеремонная манера рассматривать людей в монокль, пронизывая вас жестким, но умным взглядом. Один из всей царской семьи он невысокого роста, у него красивые «романовские» черты лица, а профиль немного напоминает Наполеона в молодости. Он отличается живостью, много говорит и с большой легкостью и изяществом выражается на нескольких языках. Говорят, что он очень образован, очень любознателен, очень деятелен: от него ждут с надеждой славы будущего царствования. Утверждают, что его отец не очень его любит из-за некоторых честолюбивых поползновений, которые внушают ему недоверие к своему второму сыну. Хотя у меня было сознание, что я подвергаюсь экзамену, однако я совершенно не смутилась. Беседа Великого Князя такая живая, что она вас увлекает. Впрочем, мне всегда казалось, что с умными людьми чувствуешь себя гораздо более непринужденной, чем с посредственными».

Константин Николаевич был управляющим русским флотом и морским ведомством. При нем произошла замена парусных судов паровыми, упростилось делопроизводство. Раньше других Константин Николаевич запретил в своем ведомстве телесные наказания. К морской службе привлекал наиболее выдающихся, предприимчивых людей¹. Сам он был прекрасным профессиона-

¹ Внук Константина Николаевича, сын К. Р. — Великий Князь Гавриил, пишет в своих воспоминаниях: «Газета М. М. Стасюлевича «Порядок», коснувшись подробнее вопроса о реформах в морском ведомстве, произведенных по почину моего деда, отметила, что «до 1855 года наше морское ведомство носило на себе характер крепостной, помещичий и даже в действительности было помещиком, так как имело настоящих крепостных своих крестьян на Охте и близ Николаева, а сверх того — кантонистов; даровая человеческая сила была потому нипочем, так что в 1855 году наш флот представлял ужасающее общее число нижних чинов морского ведомства, а именно — более 125 тысяч человек, из которых самое ничтожное количество расходовалось на прямое дело матроса на корабле, остальные же руки, около 100 тысяч человек, служили часто одному комфорту, под разными наименованиями, до денщиков включительно: были даже целые «конюшенные» роты «морского» ведомства.

лом в морском деле и славился бесстрашием и находчивостью. Однажды он принимал личное участие в испытании новой лодки американской конструкции, плоскодонной и с очень небольшим водоизмещением. Когда лодка вышла в открытое море, она начала тонуть, и в одно мгновение исчезла под водой. Великий Князь, хороший пловец, с большим присутствием духа, единственный выпутался из беды без посторонней помощи. Его адъютантов спасали.

Великий Князь, будучи при Александре II председателем Государственного Совета, принял деятельное участие в проведении крестьянской реформы 1861 года. В обществе он слыл «свирепым славянином, говорящим только по-русски и намеренно пренебрегающим всеми формами европейской цивилизации». На самом деле, будучи европейски образованным человеком, он видел Россию управляемой собственными силами, но в кругу мировой цивилизации.

Реакционные придворные круги, утверждавшие, что политика Александровских реформ губительна для России и отрицает принцип самодержавной власти, ненавидели Великого Князя Константина Николаевича. После убийства Александра II обер-прокурор Святейшего Синода, фанатик неограниченного самодержавия Победоносцев, доказывая императору Александру III кощунственность новых идей, призывал его «гнать от себя людей, подобных Великому Князю Константину». Константин Николаевич, унижаемый подозрениями, испивший всю чашу горечи и разочарований в 1881 году, сложил с себя все должности и удалился от двора.

В своей книге «В Мраморном дворце» Великий Князь Гавриил так пишет о своем неординарном деде:

Охтенские крепостные были освобождены от крепостной зависимости в 1859 году... В 1879 году общее число нижних чинов в морском ведомстве вместо прежних 125 тысяч не достигало и 27 тысяч человек, из них почти 94 проц. составляют прямую боевую силу флота и только 6 проц. с небольшим уходит на такую косвенную службу, где вольнонаемные люди были бы неудобны. Береговая команда в 1855 году поглощала сверх 63 тысяч человек, а в конце 1879 г. — ограничивалась 800-ми. Наличие офицеров в 1855 г. без соответственной надобности для самого флота превышала 3.900 человек, а теперь — 3.200, главным образом — для прямой морской службы. Морская администрация требовала для себя более 1.100 чиновников, в настоящее время она состоит из 500 человек с небольшим».

«Дед, родившийся в 1827 году, был вторым сыном Императора Николая I и с самого детства был предназначен к морской службе. Когда ему было пять лет, к нему был назначен воспитателем заслуженный моряк Ф. П. Литке (впоследствии граф и президент Академии Наук). Литке был очень строг и требователен. Ему в воспитании деда помогал наш знаменитый поэт В. А. Жуковский. Василий Андреевич так сблизился с дедом, что переписывался с ним до самой своей смерти.

Переписка возникла так: каждое воскресенье до обедни дед должен был писать для упражнения письма к окружающим. Когда очередь дошла до Жуковского, то ответ последнего так порадовал деда, что он захотел продолжать переписку с ним.

Жуковский считал, что революция есть «шаг из понедельника в среду», и был против насильственных действий и всецело за реформы. Литке держался того же взгляда, что видно из слов, сказанных дедом Государственному Секретарю Е. А. Перетцу: «Благодаря Федору Петровичу Литке я с молодых лет питал уважение к наукам и верил в необходимость поступательного движения на пути просвещения».

Дед много учился, благодаря чему из него вышел очень образованный человек. Притом он был человеком больших дарований. Но было у него одно качество, которое вредило ему в жизни и создало много врагов: он был горяч, пылок, часто несдержан, по выражению одного из сановников царствования Николая I, это был «паровик».

Граф В. А. Соллогуб в своих воспоминаниях описал случай с моим дедом: «Государь Николай I каждый вечер играл в карты, партию его составляли приближенные ему сановники или особо отличенные им дипломаты. Государь, как известно, был очень нежный отец и любил, чтобы августейшие его дети окружали его вечером: Цесаревич (Александр Николаевич), тогда уже замечательно красивый юноша, великие княжны Ольга и Мария Николаевна и великий князь Константин Николаевич. Младшие дети оставались во внутренних покоях. Великий князь Константин Николаевич был нрава очень резвого и любил всякого рода шалости. Однажды вечером, после того, как Государь, отпив чай и обойдя по обыкновению всех присутствующих с милостивыми словами, сел за кар-

точный стол, к другому такому же столу, недалеко стоявшему, подошли четверо из приглашенных Государя, намереваясь также вступить в бой. В ту минуту, когда они, отодвинув стулья, собирались сесть за стол, великий князь Константин Николаевич, тогда еще отрок, проворно подбежал и выдернул стул, на который собирался сесть Иван Матвеевич Толстой (впоследствии граф и министр почт). Толстой грузно упал на ковер и, огорошенный этим падением, поднялся с помощью М. Ю. Виельгорского. Великий князь, смеясь, выбежал из комнаты, но Государь заметил это маленькое происшествие, он положил на стол свои карты и, обращаясь к Императрице, сидевшей недалеко, возвысив голос для того, чтобы все присутствующие могли слышать, произнес:

«Madam, laver-vous.

Allons demander pardon а Иван Матвеевич, d'avoie si mal fils!»¹ Императрица поднялась.

30 августа 1848 г. состоялась свадьба дедушки и бабушки. В этот день дедушка был произведен в контр-адмиралы, назначен шефом Морского корпуса и командиром лейб-гвардии Финляндского полка, шефом которого он уже состоял. С этого дня Финляндский полк стал чрезвычайно дорог для сердца моей бабушки.

В 1849 г. дед находился в Венгерском походе, участвовал в сражении под Вайценом при устройстве переправы через реку Тиссу и в сражении под Дебречином. От Главнокомандующего армией кн. Паскевича он получил орден Георгия 4-ой степени.

Из этого похода дед писал обстоятельные письма своему отцу. Государь говорил, что именно на основании их он оставил себе наиболее полное и верное представление об этой кампании. Свою государственную деятельность дед начал двадцати трех лет в 1850 году, когда был назначен членом Государственного Совета и в то же время председателем высочайше утвержденного комитета для составления Морского устава. В 1852 г. он уже представил Государю проект этого устава.

Император Александр II сразу по вступлении своем на престол призвал моего деда к фактическому управлению

¹ Мадам, встаньте. Попросим извинения у Ивана Матвеевича в том, что так плохо воспитали сына.

флотом и Морским министерством на правах министра. Для деда начались годы тяжелого, полного разочарований и огорчений труда, а для флота — светлая заря возрождения. Из парусного он стал паровым, а затем — броненосным. Оба эти перехода были сопряжены с немалыми трудностями. Но, благодаря энергии и настойчивости деда, его умению подбирать себе сотрудников, эти препятствия были преодолены.

Как известно, дед принимал участие в уничтожении в России крепостного права. Еще задолго до объявления манифеста он освободил своих личных крестьян. Вот такую оценку его деятельности дал один из его сотрудников, сенатор, впоследствии член Государственного Совета, П. Семенов-Тянь-Шанский. В год смерти моего деда, в 1892 г., он сказал: «Не доживем мы до той поры, когда суд истории и потомство оценят спокойно и беспристрастно всю эту живую и знаменательную эпоху русской истории, но, как свидетели деятельности великого князя Константина Николаевича, скажем мы единогласно, что в осуществлении великого дела обновления России он вносил всю энергию своего высокого ума, всю силу своих выдающихся дарований, всю любовь свою к родной земле». И далее: «Не забудет Россия, как это всенародно было выражено Царем-Освободителем, и того участия, которое принимал в великом деле освобождения народа великий князь Константин Николаевич: и навсегда свяжут наши потомки его имя с вечной памятью о великом дне 19 февраля 1861 г.».

В 1862 г. дед был назначен Наместником Царства Польского. Император Александр II первоначально хотел назначить своего младшего брата, великого князя Михаила Николаевича, но последний уклонялся, мой же пылкий и увлекающийся дед, наоборот, хотел этого. Оба брата поговорили с Государем, и Государь согласился назначить в Польшу моего деда.

О последовавшей затем работе деда в Государственном Совете М. И. Семевский замечает: «Есть много свидетелей того непрерывного большого и упорного труда, каковой нес на себе в Государственном Совете великий князь Константин Николаевич. Каждое сколько-нибудь важное дело изучаемо было им лично нередко без посредства докладчика. Занимая председательское место, великий князь всегда приступал к заседанию лишь после тщательного

ознакомления со всем тем, что подлежало обсуждению и решению. В начале его служения на посту председателя Государственного Совета пылкость и страстность характера великого князя несколько порывисто проявлялись, но с течением времени он овладел собой и был вполне на высоте своего положения, быстро усваивая суть обсуждавшихся докладов, личными разъяснениями рассеивая возникавшие вопросы и недоумения, сглаживая оттенки разномыслия и превосходно приводя собрания к единогласным решениям».

Дед был разносторонний человек и рядом с государственными делами интересовался и русской литературой, и наукой, и музыкой. В своем дневнике от 19 апреля 1862 г. он пишет: «Вечером у меня в кабинете для жинки — Шуберт, Венявский и Кюндигер играли два трио Бетховена. Прелесть, и весь вечерок очень хорошо удался».

В Петербурге у него играли по пятницам в Белой зале Мраморного дворца несколько музыкантов, бывал и известный виолончелист Вержбилович. Дед играл на виолончели, сидя рядом с ним.

Однажды в Мраморном дворце был большой концерт. Играл оркестр Консерватории (дед был президентом Русского Музыкального Общества). Дед играл на виолончели, отец играл на рояле вместе с оркестром, а герцогиня Елена Георгиевна Мекленбург-Стрелицкая пела.

В 1883 г. дед пишет из Парижа:

«За завтраком была у нас знаменитая пианистка Есипова, которая здесь гостит и приводит игрой французов в совершенный восторг. В 2 часа собрались у меня прошлогодние артисты, постоянно со мной по пятницам игравшие, и мы музицировали до половины пятого, и с Есиповой. Сыграли мы три вещи: квартет Моцарта, секстет Мендельсона и квинтет Бетховена. Все это, к нашему удивлению, было Есиповой совершенно неизвестно и ей приходилось играть, что называется, с листа, дешифрировать, что она делала, разумеется, мастерски».

С особенной ясностью облик деда вырисовывается в обширной, до сих пор не опубликованной переписке 1882—1883 гг. с статс-секретарем А. В. Головинным. Их связывали долготетнее сотрудничество и установившиеся за время этого сотрудничества дружеские отношения.

Когда вчитываешься в эти многочисленные, обширные письма деда из Орианды, Штутгарта, Вены, Венеции, Флоренции, Рима, Ниццы, Парижа, Афин — наглядно, живо ощущаешь его душу, такую благожелательную и простую, ясно видишь его духовный облик, такой многогранный, широкий, отзывчивый на все. Тут, в этих письмах, и землеустройство, и вопрос о целесообразности парламентского строя, резкое осуждение революционных настроений и действий, и одновременно признание и отрицательных явлений в самодержавной России, неустанные заботы и мысли о родном флоте, и любовь к искусству и литературе, дружба с И. С. Тургеневым, и астрономия, и география, и археология, и даже эпиграфика.

При всем этом перед нами из этих писем встает не просто любитель, интересующийся разнообразными вопросами, — это разносторонне образованный человек, имеющий на все свой собственный, в рамках знаний и разумности, самостоятельный взгляд и, что главное, имевший смелость подчеркнуть эту самостоятельность даже тогда, когда она явно расходилась с мнением влиятельных кругов, безразлично — правительственных или общественных.

Конечно, было бы трудно не согласиться с тем, что дед был одним из культурнейших людей своего времени, а по моему мнению, — и самым умным и образованным из лиц Императорской фамилии. Он верил в прогресс и всегда смотрел вперед, что многим в России тогда было непонятно и недоступно.

Я слышал от матушки, что дед хотел, чтобы мой отец и дяденька (великий князь Дмитрий Константинович) поступили в Московский университет, но, к сожалению, поступить в университет им не удалось. К этому оказалось слишком много препятствий, а главное — желание деда расходилось с придворными взглядами того времени. Если брату Олегу нелегко было поступить в 1910 г. в Александровский Лицей, то что же говорить о моем отце и дяденьке!

Но при всех положительных качествах, у деда был тяжелый и резкий характер, и потому многие его не любили. К сожалению, в их числе был и сам император Александр III, с которым, как я слышал, дед порой обращался резко, когда тот был наследником.

С воцарением императора Александра III окончилась государственная служба деда, которую он добросовестно нес в продолжение тридцати семи лет. С тех пор он почти всегда жил в своем имении Орианда, на южном берегу Крыма. Иной раз уезжал за границу, а также наезжал в Петербург и Павловск.

Так как дед был шефом лейб-гвардии Финляндского полка и Гвардейского экипажа, то знамена этих частей стояли в Мраморном дворце в специально сделанных для них гнездах. После кончины деда знамена унесли. Когда знамена уносили, бабушка пришла проститься с ними. Привели и нас с Иоанчиком. У бабушки тогда болели глаза, поэтому красные портьеры были закрыты, в комнате стоял полумрак. Вошли адъютанты Финляндского полка и Гвардейского экипажа со знаменщиками, и знамена, стоявшие в нашем доме в продолжение стольких лет, были унесены.

Русский Императорский Флот не забыл своего генерал-адмирала. На представление морского министра последовало 22 ноября 1913 года соизволение Государя Императора на сооружение памятника великому князю Константину Николаевичу в одном из военных портов — базе или столице. К сожалению, памятник поставлен не был, так как в 1914 г. началась война, а затем вспыхнула революция. Таков был отец.

Мать молодого Константина — Александра Иосифовна, дочь герцога Саксен-Альтенбургского. Та же А. Ф. Тютчева пишет о ней так: «Великая Княгиня изумительно красива и похожа на портреты Марии Стюарт. Она это знает и для усиления сходства носит туалеты, напоминающие костюмы Марии Стюарт. Великая княгиня не умна, еще менее образованна и воспитанна, но в ее манерах и в ее тоне есть веселое, молодое изящество и добродушная распушенность... составляющие ее прелесть и заставляющие снисходительно относиться к недостатку в ней более глубоких качеств. Ее муж в нее очень влюблен, а государь (Николай I. — Э. М.) к ней весьма расположен.

...Принято считать забавными выходками и милыми шалостями бестактности и неумение держать себя, в которых она часто бывает повинна».

Это — штрих к портрету молодой Александры Иосифовны. Дневники сына рисуют образ уже иной женщины:

сдержанной, глубоко чувствующей, умеющей противостоять обрушившимся на нее несчастьям, понимающей долг перед родиной — Россией, но с собственными политическими симпатиями, которые она не склонна скрывать перед нетерпящим возражений мужем.

Отношения в семье, надо полагать, в силу характера отца и особенностей его судьбы, были сложными. Детей лаской не баловали. Но, подрастая, они ощущали напряженную духовную и интеллектуальную ауру, создававшуюся личностью отца, и охранительную силу, важную для уклада дома, исходящую от матери. Быть может, именно поэтому детей Константина Николаевича и Александры Иосифовны всегда объединяли родственная любовь, симпатия, дружба и духовные интересы.

Молодого Константина связывала особенно нежная дружба с сестрой Ольгой, греческой королевой. Именно ей он посвятил одно из значительных своих произведений «Севастьян-мученик» и много лирических стихов.

Отец предназначал сына для службы на флоте. Получив домашнее образование, Константин начал плавать в учебной эскадре Морского корпуса. Плавал гардемаринном на фрегатах «Громобой» и «Светлана». В 1877 году в чине мичмана участвовал в военных действиях против турецкого флота на Дунае близ Силистрии. Был награжден за храбрость «Георгием» 4-й степени.

Морская служба была не по душе молодому князю. Однообразие «морской безбрежности», замкнутость корабельного пространства, невозможность хоть в какой-то мере принадлежать самому себе и любимым занятиям, тоска по родным местам заставили Константина Константиновича в 1884 году сменить морскую службу на командование ротой Измайловского полка. В 1891 году он назначается командиром лейб-гвардии Преображенского полка, а в 1900 — генерал-инспектором военно-учебных заведений России.

Государевой ротой Измайловского полка Великий Князь командовал всего семь лет. Не торопился продвигаться по службе, делать карьеру. Эти семь лет — самые значительные в становлении его личности. Армейская должность свела его лицом к лицу с реальной жизнью. Предста-

вителями этой реальной жизни были солдаты, присланные служить в Петербург со всех концов Империи. Константин Константинович искал органичной связи между собой и солдатом, построенной не только на дисциплине, но и на общении умственном и душевном. Именно эти семь лет поселили в нем спасительный страх перед легкомыслием, ничегонеделаньем, пустотой светских удовольствий, когда погибают нравственные убеждения, добрый порыв, всякое идеальное стремление. В эти годы он, возможно, впервые осознал глубокий разрыв между нуждами народа с его нищетой и невежеством и далекой от этих нужд, деморализованной роскошью, потерей национальных и религиозных чувств верхушкой общества, к которой принадлежал сам. *Осознание* не могло изменить канвы великокняжеской жизни, он оставался приверженцем самодержавной власти, ее цельности, величественности, религиозности, непререкаемого воплощения божественной власти на земле. Но осознание дало толчок новому серьезному взгляду *на себя*, на свою роль в деле служения обществу.

Камнем преткновения в желании благородного пути самоусовершенствования и полезной деятельности едва не стало его назначение командиром лейб-гвардии Преображенского полка. Очень почетное и высокое назначение. Знаменитый полк, «парадное» лицо петербургского офицерства, полк, где по традиции служили русские цари. Он был в чести, всегда на виду, с особыми привилегиями.

«Дневник» Великого Князя передает его душевное смятение, восторг, гордость от оказанной ему чести командовать этим полком.

Но, вступив в новую высокую должность, он отдаляется от простого солдата и для него словно перекрывается свежая живая струя настоящей жизни. То, что он так ценил раньше. Начинается жизнь, характерная для высочайших особ императорского дома. А высочайшие особы, по интересному замечанию все той же придворной фрейлины и дочери поэта Анны Федоровны Тютчевой, «как в футляре замкнуты в собственном существовании... масса мелких интересов до такой степени заслоняет их взор, что совершенно закрывает от них широкие горизонты. С ними чувствуешь себя, как в комнате, лишенной воздуха.

Их умственный и нравственный кругозор так узок, так ограничен». Она же дает убийственную характеристику «ума» петербургского и гвардейского: «это бедный ум, крылья которого постоянно обрезались, — перед ним никогда не открывалось иных горизонтов, кроме Марсова поля и Красносельского лагеря, не вырисовывалось иных идеалов, кроме парадов и фойе оперы или французского театра!»

Интересно, что в 30-х годах, следуя классовому шаблону, советские историографы «умственный кругозор» Константина Константиновича поместили в обязательный интерьер «гвардейской казармы» и, пожалуй, не более того.

Но каким бы ни было едким и во многом справедливым замечание придворной фрейлины, — оно слишком обобщенное, ибо исключения были. В случае с Великим Князем Константином Константиновичем Романовым ярлык (умственный кругозор и казарма) не опровергнешь без конкретностей. Без этой «конкретности» не будет ясно, что помогло Великому Князю преодолеть «кукольную пружину» царедворца, не превратиться в посредственность силою огромной машины под названием «этикет, удовольствия, роскошь».

А удержаться на плаву помогли, во-первых, семейный уклад, во-вторых, прекрасное образование. Среди его преподавателей были С. М. Соловьев, К. И. Бестужев-Рюмин, известный музыковед Г. А. Ларош. Его взрастила поэтическая среда и ландшафты Павловска, Царского села, Петергофа. Он в своем воспитании и образовании — весь от высокой петербургской культуры. Впрочем, процитируем несколько личных записей из его Дневника, свидетельствующих о мировосприятии и духовной жизни Великого Князя:

«Вернувшись с вечера в Гатчинском дворце на бивак, я спал всего только часа три: уже в 5 ч. вчера утром меня подняли, а в 6 полк выступил... идти было жарко и трудно, у меня сильно разболелись ноги повыше колен. Тем не менее я бодрился, стараясь этим придать бодрости людям. На походе чувствуется, что между нами устанавливается своего рода товарищество — все мы одинаково несем тот же труд и терпим ту же усталость» (4 августа 1888 г.).

«Вчера был большой вечер у Половцевых на Большой Морской. Туда был зван весь наш свет. В нарочно устроенной зале Мазини со своей группой пел *Elisir d'amore*. Музыка эта и все наше блестящее и гнусное общество не по мне. Донельзя обнаженные грудь и плечи, вокруг ... увивающаяся золотая молодежь, пустые, часто нескромные речи, весь этот блеск, шум и чад меня раздражали. Отраднo было глядеть за ужином на свежие цветы: на одном столе розы, на другом — гиацинты, на третьем — тюльпаны, действовали освежающим и успокоительным образом на глаза и душу... Утром поспел в роту вовремя, несмотря на то, что спал 4 часа».

А вот его размышления о себе: «Вчера успел кончить ротную денежную книгу за октябрь. Хотя я пишу ее вот уже пятый год, а многое из условного служебно-хозяйственного языка остается мне непонятным, и не будь писаря, я бы не справился с отчетностью. Мой Скуратов человек недалекий, плохо грамотный и писарь неважный, а все же я значительно уступаю ему в этих познаниях. Известные понятия просто не вмещаются в моей голове. По строевой части я тоже весьма слаб, знанием устава похвастаться не могу. А по части психологии — мне недостает строгости, твердости, даже, может быть, беспристрастия. Итак, ни в одной из этих отраслей командования ротою я не могу счесть себя за хорошего начальника. Что же, наконец, есть во мне хорошего? Я талантливый поэт? Но и с этой стороны прорех немало: не хватает мне глубины мысли, воображения, силы. Иногда просто руки опускаются, как вдумаясь в свою несостоятельность...» (5 ноября 1888).

Вот такой, не только забытый, но и недооцененный мир человеческой души «умирал» на полках архивов десятки лет. Погребен он был по идеологическому признаку.

Спасибо, что сегодня сотрудники ГАРФ (ЦГАОР) всеми силами стараются наверстать не ими упущенное...

Итак, произнесено слово «поэт». К написанию стихов все направляло Великого Князя. И натура, склонная к мечтательности, грусти, восторгам. И данный от природы поэтический дар. И традиционно-семейный интерес к серьезной литературе. Отец, например, содействовал появлению и изданию журнала «Морской сборник» (1848—1917),

где печатались Гончаров, Островский, Григорович, Писемский, Станюкович. Сам же Константин Константинович, будучи в лейб-гвардии Измайловском полку, становится постоянным и активным участником Измайловских досугов — своеобразного литературно-просветительского клуба. В личном фонде Великого Князя сохранился любопытный документ — «Положение об Измайловском досуге». Какова же цель была у Досуга? — «...Доставить участникам возможность знакомить товарищей со своими трудами и произведениями различных отечественных и иностранных деятелей на поприще науки и искусства, но непременно на русском языке. Поощрить участников к развитию их дарований. Соединить приятное препровождение свободного времени с пользой. Посредством обмена мыслями и мнений способствовать слиянию воедино полковой семьи и, наконец, передать Измайловцам грядущих поколений добрый пример здорового и осмысленного препровождения досуговых часов...» На Досуге «допускалась музыка, а чтения и сообщения непристойного содержания исключались» (к слову об «умственном кругозоре» и «казарме!»). Приведем запись из Дневника о Лермонтовском Досуге. На долю Великого Князя выпало исполнять последние монологи Демона, отрывки из «Мцыри» и стихи. «Я был в ударе, — записывал в дневнике Константин Константинович, — и читал с чувством и увлечением, особенно в заключение неизданное стихотворение «Смерть». Я сказал его наизусть, весь проникшись мыслью поэта, так что дух у меня захватывало, голос дрожал и мороз пробегал по коже».

Собственные стихи Константин Романов начал писать в 1879 году. Во время поездки в Крым в Орианде он сочинил первое свое стихотворение «Задремали волны, ясен неба свод; светит месяц полный над лазурью вод. Серебрится море, трепетно горит... Так и радость горе ярко озарит». Первое опубликованное стихотворение «Псалмопевец Давид» (журнал «Вестник Европы», 1882 г.) он и подписал криптонимом К. Р. Под ним и вошел в русскую литературу. Во время заграничного плавания 1880—1882 годов он создает цикл уже заметных стихов, известных дореволюционной России.

«Жизнь моя и деятельность вполне определились, — записывает Константин Константинович в Дневнике в

день своего тридцатилетия. — Для других — я военный. Для себя же — я поэт. Вот мое истинное призвание» (10 августа 1888 г.).

Он преклонялся перед творчеством Пушкина, Жуковского, Майкова, Голенищева-Кутузова, Полонского. Он боготворил Фета.

В Дневнике есть запись: «Вчерашнего дня я ждал чуть ли не с замиранием сердца, как будто не Фету наступило 50-летие писательской деятельности, а мне самому. Я так дорожу им, так ценю его малопризнанную поэзию, он так близок моему сердцу. Я заочно вместе с ним торжествовал этот день...» (Суббота, 28 сентября 1888 г.)

Он оставляет в Дневнике интересную для литературоведов запись о посещении своего кумира — Афанасия Афанасьевича Фета в 1886 году в Москве: «Обедал и провел весь вечер у Шеншина (Фета). Смеркалось, было морозно и уши щипало, когда я выехал сквозь Троицкие ворота из Кремля и несся в санях по Воздвиженке и Арбату на Плющиху. В конце ее неподалеку от Девичья поля его дом, хорошо знакомый лишь по адресу. Я вошел. Маленькие низенькие комнаты, на окнах растения, повсюду цветут гиацинты — такая уютная обстановка для милых бездетных старичков. Я в первый раз увидел Марью Петровну Шеншину (рожд. Боткину, сестру доктора), но мне сейчас же показалось, что я давно с нею знаком. Приняли меня радушно и ласково, как родного. Сперва Марья Петровна боялась моего посещения, но всякий страх прошел, и, кажется, скоро. Мы сели обедать; кроме нас троих была тут и молоденькая девушка, которую называли Екатериной Владимировной — фамилии ее я не узнал. Она служит Фету секретарем — я хорошо знаю ее почерк, — старичок называет ее своими глазами... Разговор не умолкал ни на минуту. Я сразу заметил, что старички самые нежные супруги, он очень рассеян и без старушки ему пришлось бы плохо. Она, кажется, только и живет, что заботой и попечениями о нем. Время летело так быстро, мне было так хорошо у них, как будто я всю жизнь был знаком с ними. Он читал мне свои последние, мне еще незнакомые стихи. Пили чай, говорили, о чем только не говорили...» (19 марта 1899 г.).

До конца жизни К. Р. сохранил привязанность к поэзии Фета и сам следовал образцам его «чистого искусства».

Отсюда — приоритет чувства над мыслью, мелодичность языка, простота формы, но, конечно, на фоне иной силы дарования.

В поэтическом творчестве К. Р. особняком стоит его военная лирика. В Дневнике мы найдем массу свидетельств того, как знал, любил и понимал солдата Великий Князь. Уже в зрелом возрасте он рискнет подать Царю свою записку «О доверии к солдату», пытаясь облегчить положение солдата, замордованного целым рядом запретов. Вот несколько строк из этой Записки, они объяснят, почему поклонник возвышенной поэзии обратился в своих стихах к личности Солдата. Князь пишет:

«Солдат есть имя общее, знаменитое. Солдатом называется и первейший генерал, и последний рядовой...» Так учили 50 лет назад. Теперь учат, что «звание солдата высоко и почетно».

Из этого видно, что взгляд на важное значение и благородство призвания солдата как был, так и донныне остается возвышенным и полным достоинства. Такой взгляд обязывает воспитывать в новобранце возвышающие и облагораживающие душу чувства и возвращать его из армии народу просвещенным и проникнутым твердыми и сильными убеждениями...

Высокому взгляду на значение солдата должны, казалось бы, отвечать доверие, уважение и почет...

То ли мы видим?

В действительности солдат не только не окружен уважением и почетом, но и не пользуется хотя бы самым ограниченным доверием даже ближайших своих начальников...

Такое понимание заслуг солдата, собственная долголетняя служба в армии, знание ее повседневности помогли появиться на свет самой народной части поэзии К. Р. — «Очеркам полковой жизни» и «Солдатским сонетам». Идущий от Петрарки и Ронсара классический сонет К. Р. посвятил всего-навсего... солдатской жизни. Он знал ее хорошо, ибо ему знакомы не только сады Петербурга, Лицея, Петергофа, красоты Палестины, Италии, Греции, Египта, Германии, но и российская глубинка. Он объехал немалую часть провинции России, составлял отчеты о состоянии дел в учебных военных учреждениях. Военная

лирика — самая демократичная часть литературного наследия К. Р. В ней критики отмечали влияние Некрасова, но без его остроты гражданского чувства, смягченного рассуждениями о христианском смирении и долготерпении, а Горький в письме к Груздеву говорил о нем как об ученике и продолжателе Дениса Давыдова. Думается, что Великий Князь был учеником и самого мудрого учителя — жизни. Из Дневника:

«Темно, только фонари мелькают здесь и там. Я слышу шагах в десяти от себя солдатскую песню, ее запеваet Яковлев, который у нас не присяжный запеваала, а так, поет московские купеческие и фабричные песни, когда настоящий запеваала Денисов исчерпает весь свой запас. Мы только в 5 ч. пришли на бивак, люди до сих пор еще ждут обеда. Я пишу под открытым небом, при свете двух свечек. Офицерство пошло ужинать. (Бивак на Софийском плацу 7 августа, четверг, 11 вечера.)

После второй мировой войны калеки и нищие в электричках, на базарах пели песню «Бедняга» на слова... августейшего поэта-академика как свою родную. Откуда человек элитарной культуры из императорской семьи нашел для своего «Бедняги» такие слова, что стали они народными, бытовали по всей стране? А когда зародился «великий немой», то «Бедняга» стал сюжетом нескольких кинолент, и шли они по родимой русской провинции, да еще в Москве, Питере, Киеве... Евгений Осетров припоминает, что, по утверждению Л. Леонова, «Беднягу» по популярности можно сравнить лишь с «Гибелью «Варяга». Да и сегодня в загрустившей компании нет-нет, да и услышишь: «Умер, Бедняга! В больнице военной долго родимый лежал, эту солдатскую жизнь постепенно тяжкий недуг доконал». Вот после этого и верь всем приклеенным к его творчеству этикеткам типа «монархическое направление», «шаблонность и банальность средств», «мелкие, себялюбивые мотивы» и т. д.

Вообще в творчестве, как мы знаем, и рукописи не горят, и запреты или ограничения не действуют...

Сам К. Р. своим стихам о русском солдате придавал особое значение: «Иногда меня берет сомнение... не впадаю ли я в сентиментальность, не выйдет ли у меня игрушечный, пасторальный солдатик? Страшно! Я придаю этим стихам немалое значение», — читаем в его Дневнике.

Книги стихов К. Р. издавались и переиздавались в роскошных и дешевых переплетах, имели успех. Отзывы литературных светил были прямо противоположны, иногда осторожно-нейтральны (тайна К. Р. уже не была в России тайной). Вот отрывки из двух отзывов критика В. Буренина и поэта А. Апухтина.

В. Буренина удивляет факт существования в среде высшей аристократии товарищеских кружков, в которых интерес к литературе серьезен. «Тем замечательней, — замечает критик, — случай с изданной в государственной типографии и не предназначенной для продажи книги «Стихотворения К. Р.», которая имеет публичный интерес». И дальше: «Автор пишет уже семь лет и можно определить, обладает поэт поэтическим талантом или его стихотворство случайное «пленной мысли раздраженье». Это особенно важно, ибо Августейший поэт, одним своим рождением, богатством саном рожденный для величия, предпочитает этому величию торную дорогу певца. Критик делает вывод, что у К. Р. есть влечение к поэзии, что он исполнен демократической любви к родной поэзии и народу, ее прямому и первому источнику. И дальше хвалит форму стиха, находит тяжеловесными строфы «Возрожденного Манфреда», а стихотворению «Умер бедняга» дает точную оценку: «сколько теплой, простой и чистой здесь поэзии».

Приведем, как документ эпохи, впервые публикующееся письмо-рецензию поэта Алексея Апухтина (ГАРФ, ф. 660, оп. 2, ед. хр. 277). В нем все интересно: стиль отношений, взгляд на поэзию, образ самого Апухтина (что мы о нем знаем?!), чутко подмеченное достоинство стихов К. Р.

Ваше Императорское Высочество,

С прежним отрадным чувством прочитал я новые стихотворения К. Р. От этих стихов веет тою же задушевностью, как и от прежних, но только они окрепли, возмужали, обросли усам. Такие стихотворения, как «Садик мой запущенный, садик заглохший», указывают на горизонты еще более широкие в будущем развитии этого таланта. Я несколько затрудняюсь в выражении своих похвал, так как К. Р. лицо Вам близкое, и я боюсь, что Вы ему перескажете мои слова, а потому ограничусь одним общим замечанием. Всех

поэтов, независимо от их направления и степени таланта, я делю на два разряда: на поэтов искренних и неискренних. Нет никакого сомнения в том, что К. Р. принадлежит к первому разряду. Искренний поэт пишет, когда какая-то неведомая сила толкает его писать. Описывает ли он свои собственные чувства, изображает ли чувства других людей, вдохновляется ли какой-нибудь идеей или историческим событием, — это все равно, но он пишет именно это и в данную минуту ни о чем другом писать не может. Высшим проявлением такой искренности был Пушкин, а в настоящее время типичным ее представителем можно назвать Фета. Каждое стихотворение Фета вызвано каким-нибудь жизненным впечатлением. Часто он этого впечатления даже не обрабатывает, иногда он не умеет обработать и преподносит его *сырым*; от этого в его стихах много недосказанного и даже непонятного, от этого люди, не понимающие поэзии, так охотно и легко глумятся над ним. Но для меня дорог каждый стих Фета, в самом слабом из его стихотворений видишь что-то перечувствованное, что-то действительно пережитое, к типу поэтов неискренних я причисляю, например, Майкова. Этого никакая сила не толкает, он запирается в своем кабинете и думает: «Не написать ли мне *какое-нибудь* стихотворение для январской книжки «Русского вестника?» Почти все время уходит на отыскание сюжета, а потом дело идет гладко: привычка к стиху большая, рифмы нанизываются легко, и в январской книжке появляется *прекрасное* стихотворение, не производящее ни малейшего впечатления! На эту тему я мог бы написать очень много, а потому спешу умолкнуть, боясь отплатить скукой за истинную радость, доставленную мне стихотворениями К. Р.

Я бы явился лично благодарить Ваше Высочество за эту книжку и за дорогую для меня память, но вот уже более двух недель несносная болезнь приковала меня к дому. От сильного бронхита у меня лопнули какие-то сосуды и я харкаю кровью не хуже Травиаты. В виде утешения написал на себя эпиграмму:

Насмешка доли злополучной:
Всю жизнь одышкою страдав,
Пугать детей фигурой тучной
И... от чахотки умирать!

С чувством глубочайшего уважения или преданности
имею честь быть

Вашего Императорского Величества
покорнейшим слугою.

А. Апухтин.

С. Петербург
12 ноября 1889
Кирочная, 23.

Одним из самых строгих рецензентов К. Р., но самым дорогим для души поэта был Иван Александрович Гончаров. Их переписка началась, когда писателю было за семьдесят лет, а К. Р. — двадцать шесть. «Гончаров с добросовестностью профессионала-наставника разбирал присылаемые ему сборники и отдельные вещи, предостерегал от неумеренного подражания великим, вспоминал о своих давнишних начатках и навыках (в основном по части сжигания ранних экзерсисов), делился мнениями о поэтах современных»¹. Иван Александрович писал молодому поэту: «Только пережитые самим писателем горькие опыты помогают глубоко видеть, наблюдать и писать чужую жизнь в ее психологических и драматических процессах». Из новейших поэтов И. А. Гончаров ценил графа А. А. Голенищева-Кутузова. И придет время, когда Гончарова не будет в живых, а Великий Князь в 1910 году обратится за творческими советами к Голенищеву-Кутузову (публикуется впервые):

«Милый Граф Арсений Аркадьевич... я не могу не обратиться к вашей доброй помощи. Если и в былые годы я прибегал к ней, еще при жизни наших старших братьев — Гончарова, Майкова, Фета, Полонского, Страхова, — то теперь, когда их уже нет, а из младших братьев я почти никого не знаю², да и по правде не очень стремлюсь знать, как не выслушать вашего совета»...

¹ Лоциц Ю. М., Гончаров., М. 1977 г.

² Для информации: В кабинете В. К. К. К. в Стрельне в «шкафу поэтов» стояли книги: И. Аксакова, А. Апухтина, Е. Баратынского, Е. Бекетова, графа Бутурлина, А. Голенищева-Кутузова, А. Грибоедова, П. Жадовского, В. Жуковского, П. Капниста, И. Козлова, А. Кольцова, М. Лермонтова, А. Коринфского, И. Крылова, М. Лохвицкой-Жибер, А. Львовой, А. Майкова, Д. Мережковского, Н. Михайловского, Н. Некрасова, В. Одоевского, А. Плещеева, А. Пушкина, Д. Ратгауза, Ф. Тютчева, А. К. Толстого, А. Фета и др.

В 1911 году, в канун Ломоносовского юбилея, он просит Голенищева-Кутузова (публикуется впервые):

«Милый Граф Арсений Аркадьевич, к приближающемуся 200-летию со дня рождения Ломоносова организаторы академических юбилейных торжеств просили меня написать слова для кантаты, сочинение которой предполагается поручить Глазунову или Танееву.

Очень прошу вас высказать мне откровенно, возможно ли выступить с прилагаемым текстом, не краснея за Разряд изящной словесности, к которому мы оба принадлежим. Ведь лучше углубиться в молчание, чем дать слабое, не поэтическое произведение. Самому автору судить трудно, и поэтому я буду вам очень благодарен, если вы посоветуете просто поставить крест над кантатой или укажете ее слабые места...»

Высокое положение августейшего поэта определило его особую литературную судьбу: кто-то считал, что он занял в поэзии не соответствующее масштабам его скромного дарования место, кто-то видел в нем одного из талантливейших современных поэтов, кто-то считал эпигоном А. К. Толстого, Майкова, Голенищева-Кутузова. Обвиняли в шаблонности тематики, банальности образных средств. А вот Анатолий Федорович Кони считал, что К. Р. — прямой преемник Фета, Майкова, Тютчева и сладость и чистота слога, целомудренность пера сливаются у него с задушевностью и глубиной содержания. Да и композиторы отличали его поэзию: 70 стихотворений К. Р. положено на музыку. Среди композиторов — Чайковский¹, Рахманинов, Р. Глиэр, Глазунов, А. Гречанинов. Но сам Константин Константинович, надо полагать, знал цену своему небольшому дарованию и был честен перед собой. «Невольно задаю я себе вопрос, — записывал он в Дневнике, — что же выражают мои стихи, какую мысль? И я принужден сам себе ответить, что в них гораздо больше чувства, чем мысли. Ничего нового я в них не высказал, глубоких мыслей в них не найти и вряд ли скажу я когда-нибудь что-либо более

¹ Для информации: Петр Ильич Чайковский написал шесть романсов на стихи К. Р.: «Я сначала тебя не любила», «Растворил я окно», «Я вам не нравлюсь», «Первое свидание», «Уж гасли в комнате огни», «Середа».

значительное. Сам я себя считаю даровитым и многого жду от себя, но кажется, это только самолюбие и я сойду в могилу заурядным стихотворцем. Ради своего рождения и положения я пользуюсь известностью, вниманием, даже расположением к моей Музе...» (10 августа 1888 г.).

Константин Константинович мечтает о серьезном литературном труде. 26 сентября 1888 года в Дневнике появляется запись: «Что же делать, когда я не могу создать драму. Неужели же я никогда не смогу этого? Может быть, я рожден лириком, а во что бы то ни стало хочу попасть в драматурги». В драматурги он «попал». Хотя путь этот, если вспомнить некрепкое здоровье Великого Князя, стоил ему жизни.

В 1887 году в Павловске К. Р. закончил поэму «Севастьян-Мученик». Это действительно драматический рассказ о раннехристианском мученике, принявшем страдальческий конец. Пришел этот образ в поэзию К. Р. с полотен Эрмитажа. В высокой живописи почти всегда заложен драматический сюжет. «Севастьяна-Мученика» вполне можно поставить сегодня на малой сцене любого театра. Поэма несет в себе драматургическую сердцевину. И главное, как заметил Евгений Осетров, образ не стал отзвуком латинской лиры, перед нами не парнасские цветы, а язык родных осин. Родные осины вдохновляли Великого князя на поиски («видели «Псковитянку» Мея. Драма мне очень понравилась. Смертельно хотелось бы и мне написать драму в стихах, из русской истории и видеть на сцене») сюжета для драмы из русской истории. Интересовало его царствование Иоанна III. В дневнике Князя встречаем такие записи: «Кончил об Иоанне III у Соловьева. Теперь надо прочесть Карамзина и Костомарова, чтобы познакомиться с необходимым для моей трагедии... Как расположить сцены? Как выставить характеры и найти наиболее сценичные сопоставления? Надо проникнуться и духом языка того времени. Все это представляет мне немало трудностей. Но работа меня увлекает... Хочется избежать однообразия и недостатка действия, что так утомительно и скучно в театральных пьесах. Я еще очень неопытен даже в подготовительной работе» (14 ноября 1888). Несмотря на ссылки на неопытность, в этом же

1888 г. была отмечена критикой пьеса князя «На страстной неделе», полная религиозного пафоса.

И все-таки к своей крупнейшей драматургической удаче князь пришел необычным путем. Он увлекся переводами драматических шедевров. Можно смело сказать: с его именем связано становление русской переводческой школы. Недаром эта школа в нашем веке «породила» переводы, конгениальные оригиналам. Начало было не очень удачным: под впечатлением чтения в офицерском собрании Байрона был написан драматический отрывок «Возрожденный Манфред», который, по словам К. Р., «начинается там, где окончена поэма Байрона». Герой после раскаяния приходит к христианскому смирению (опубл. в «Русском обозрении», 1894). Гончаров, не глядя на титулы, написал автору: «Вам приходилось копировать Ваш этюд с колоссальных образцов — «Манфреда» Байрона и «Фауста» Гете. Не мудрено, что внушенный Вам «сколок» вышел относительно бледен». И вообще, Гончаров склонен был считать этот опус «плодом более ума, нежели сердца и фантазии». Переводит Константин Константинович «Мессинскую невесту» Шиллера, «Ифигению в Тавриде» Гете. В переводе Гете он показал себя искусно. Кроме того, знаменитую трагедию Великий Князь сопровождал пространными комментариями, исследованием условий создания гетевского шедевра. Все это делало его труд самостоятельным и глубоко продуманным.

Медленно и осторожно шел он к Шекспиру. В октябре 1888 года с обычной беспощадностью к себе записывает в Дневнике: «Должен еще сознаться в чем-то, что заставляет меня стыдиться и краснеть и чего я ни за что бы не высказал на словах: я не дорос до Шекспира. Мне просто скучно читать его. Вот два дня подряд читаю «Отелло», и хоть от некоторых мест волосы дыбом становятся, а в общем — скучно. Местами мне просто не нравятся иные выражения. И мне совестно, ибо в этом доказательство моей недоразвитости. Положим, я не все совершенно понимаю, а читать со словарем — лень». Это запись 1888 года. А в 1892 году появляется его перевод отрывков из хроники Шекспира «Король Генрих IV». Близость к подлиннику была соблюдена, но там, где «буквальная точность шла бы в ущерб поэтической красоте и свойствам нашего языка, — писал Великий Князь в предисловии к

переводу драмы, — мы не считали себя вправе переводить слово в слово. Вообще мы стремились передать не столько слова, сколько смысл, дух и настроение подлинника».

Вся эта переводческая работа была как бы подготовительной школой к основному труду драматурга. Но предстояло сделать еще одно открытие в русском Шекспире — перевести «Гамлета». В Дневнике в 1899 году, 28 марта, появляется запись: «Мне представили Князя Сумбатова. Он из любви к искусству, несмотря на хорошие средства, пошел в актеры, играет под именем Южина и написал пьесы «Листья шелестят», «Муж знаменитости» и «Арказаны». Говорил с ним о Московском Малом Театре, стоящем много выше нашего Александринского по выбору пьес и по направлению. Говорили о «Гамлете». Сумбатов знает 9 русских его переводов: и ни один не удовлетворяет актера. Я сказал, что и сам собираюсь переводить. Он обрадовался, но раньше, как лет через 6, я не кончу». Переводил «Гамлета» К. Р. в 1889—1900 годах, 1, 2, 3 части печатались соответственно в 1889, 1900, 1901 гг. Выходил «Гамлет» в его переводе и в советское время — в 1923, 1930 годах. Есть интересное объяснение у Анатолия Федоровича Кони, почему Великий князь обратился именно к «Гамлету». Кони предполагает, что, как и всякий человек, Великий Князь переживал неизбежный период религиозных сомнений. Константин Константинович, конечно, как поэт, как человек с таинственной тягой к драматическим коллизиям, к жанру драмы, не мог не остановиться на Шекспире, не мог не спроецировать на свое состояние усомнившегося в вере, потянувшегося к пантеизму человека, великие сомнения Гамлета.

Этому переводу К. Р. посвятил много лет. То была кропотливая работа величайшего труженика, боявшегося исказить хоть одно слово подлинника и в то же время стремившегося насытить духом, показать сокровища родного языка. Вот он отстаивает старинное возвышенное славянское выражение из пасхального канона Иоанна Дамаскина «гробные пелены». И славянское речение находит достойное место в шекспировском шедевре. Вот он пытается разобраться в словах Гамлета из последнего акта, имеющих юридический характер, и обращается за помощью к специалистам. Он неоднократно по мере работы над текстом прибегает к помощи знающих лю-

дей — то к академику И. Веселовскому, то к большому знатоку Шекспира К. Бестужеву-Рюмину, то к зоологам за названиями животных, то к инженерам за техническими знаниями. Перевод К. Р. сопровождается обширными примечаниями. Это и история создания трагедии, перечисление и исследование всех переводов и изданий, примечания филологические, исторические, из области ботаники, психиатрии, статьи, высказывания писавших о «Гамлете» критиков, литераторов, актеров, игравших в спектаклях... Как интересно было бы сегодня подержать в руках переизданную в переводе К. Р. книгу о Датском принце, чтобы самолично увериться: «везде ли в ней чувствуется веяние шекспировского духа», как пишет Кони, и так ли «благозвучны, ясны и отличаются изысканной простотой» стихи, рожденные даром переводчика, как это утверждал известный театровед А. Р. Кугель...

Итак, работа над Шекспиром придала Великому князю смелости, чтобы обратиться к созданию собственной драмы. И все же, хоть и был он глубоко верующим, должен был явиться повод или человек, который подсказал бы Константину Константиновичу, натолкнул его на идею написать драматическое произведение на евангельский сюжет... И этим человеком стал Петр Ильич Чайковский. В одном из писем 1889 года Петр Ильич посоветовал: «с евангельской простотой и почти буквально придерживаясь текста» изложить стихами историю Страстей Господних. Совет упал на благодатную почву. Во-первых, Великий князь давно мечтал создать драму собственного сочинения. Во-вторых, религиозная тема близка его душе. И ещё один человек был соучредителем драмы — И. А. Гончаров, великий русский классик; за 26 лет до написания мистерии он вдохновлял Великого князя на создание такого драматического произведения, которое стало бы зрелищем, возвышающим душу. Константин Константинович, действительно, был верующим человеком. Трогательны и серьезны его душевные состояния при посещении церкви, во время молитвы: «Вчера, молясь Богу в церкви, особенно глубоко чувствовал обаяние теперешней жизни; с умилением вслушивался в богослужение; каждое его слово проникало глубоко в сердце. Давно забыл я так горячо молиться, и вот снова вспоминаю...» (28 августа 1888 г.). Или еще запись: «Я

говею и каждый день по два раза бываю в церкви. Стоять на правом фланге роты, молиться вместе с солдатами, заодно с ними класть поклоны и благоговейно и безмолвно следить за церковною службою мне даже приятнее, чем слушать богослужение в нашей домашней церкви. И как хорошо умеют держать себя в церкви эти простые люди! Куда лучше офицеров, из которых большая часть вовсе в церковь не ходит, а когда придут, то обыкновенно смотрят по сторонам и разговаривают. Один соблазн (22 февраля 1888 г.)». И еще одно интересное размышление: «Только в совершенно спокойном настроении могу я хорошо молиться; писание стихов приводит меня в волнение, так что, когда найдет вдохновение, я не способен молиться. *Самое вдохновение не есть ли возвышение души, равносильное молитве?* (10 сентября 1888 г.)».

Когда Константин Константинович создавал своего знаменитого «Царя Иудейского», он испытал это возвышение души, равносильное молитве. Именно Великого Князя считают зачинателем религиозного Ренессанса в России. В дальнейшем к мотивам евангельского сказания обратится и Мережковский, и Вячеслав Иванов, и Бердяев, и Булгаков, и поэты Серебряного века.

К работе над мистерией Константин Романов приступил в начале 1910 года. Летом 1913 года драма была закончена, и Великий князь работал над комментариями. Источниками для них, как всегда, служило огромное количество старых и новых авторов, прежде всего, Библия, «Иудейские древности», «Иудейская война» Флавия. Только о Пилате князь обнаружил литературу в 100 названий.

В основу сюжета положена им история последних дней земной жизни Христа. Автору хотелось, вопреки театральному репертуару тех лет, который потворствовал всему низменному, как он считал, создать зрелище, очищающее человеческую душу. Интересно, что поставленной он видел мистерию прежде всего в народных театрах, и меньше всего ожидал августейший автор из царственного дома Романовых всей той истории, которая случилась с драмой в дальнейшем.

Это сегодня мы слушаем мелодии англичанина Уэббера, видим на сценах оперных театров и мюзик-холлов поющего Христа в его рок-опере «Христос—суперзвезда».

Но во времена, о которых мы ведем речь, — вывести Христа на театральные подмостки было невозможно... Это понимал Великий князь, да и сам он не воспринял бы такой сюжет. Когда-то в средние века актер, изображающий Христа, выступал на подмостках, но в сугубо религиозных действиях, приуроченных к великим праздникам. Константин Константинович решил оставить Христа, так сказать, «за кадром» и не выводить на сцену. На ней — отголоски его учения, его участия к людям, добро, исцеление в болезнях и горе. На сцене — борьба за него и против него. На сцене — Пилат, «умывший руки». И те, потрясенные его земными страданиями, кто принял его учение. Драма написана белым стихом, намеренно величавым языком, она явилась значительной лептой в то своеобразное культурно-художественное направление, которое несла в себе эпоха русского александрийства, богоискательства, эрудиции русских религиозных философов.

Когда драма была закончена, Великий князь отправил ее в цензуру — театральную и духовную. Театральная вроде не против: автор-то кто! А вот духовная выносит вопрос о допущении драмы на театральную сцену в Священный Синод. И судьбу драмы решает Архиепископ Финляндский Сергей. Великий князь Романов, как и современный скромный писатель, пишет Сергию письмо и объясняет почтительно «идею сочиненной им драмы». Синод, хотя и признавал все «благоприятное действие сочинения», запретил постановку мистерии на сцене. Константин Константинович пишет племяннику, Николаю II, и просит разрешить поставить «Царя Иудейского» хотя бы силами любителей в Эрмитажном или Китайском театрах. Ему это важно: он хотел во время репетиций увидеть недочеты и сделать исправления в написанном. Николай II не желает идти против Синода, который считал, что сочинение может оскорбить религиозную совесть зрителя; «драма, отданная на современные театральные подмостки и в руки современных актеров, сама утратит свой возвышенный духовный характер, превратившись в обычное лицедейство». Поэтому евангельская история «не должна быть низводима на степень предмета для суетного развлечения».

Для начала любители-актеры — офицеры Измайловского полка (к слову о казарменном, опять же, мышлении)

стали готовить постановку в Китайском театре: шли считки, писались декорации, композитор Глазунов сочинял музыку. На спектакле ожидался сам царь, чтобы вынести (свойственное ему) половинчатое решение — позволить постановку силами любителей в Эрмитажном театре при большом стечении народа. Пока шли репетиции, Великий Князь совершенствовал пьесу — показывал ее известной актрисе Малого театра Ольге Гзовской, академику Коршу и принял к сведению их замечания. В результате пьеса превратилась из пятиактной в четырехактную. Это избавило ее от излишних подробностей, повторений, задержек. О спектакле много говорилось в высших кругах Петербурга, Москвы, появились рецензии в прессе, достаточно подробные, чтобы удовлетворить любопытство публики и в столицах, и в провинции.

Многие публикации были направлены и против запрещения Синода, доказывали необходимость постановки, хвалили пьесу. «Новое время» отмечало в 1914 году, что драма написана с благоговением, и в этом объяснение ее «исключительной красоты, непобедимого очарования». Так как запрещение касалось только постановки на сцене, пьеса была издана и дорогими изданиями, и удешевленными. Доподлинное знакомство с ней дало возможность появиться более объективным рецензиям и даже критическим, хотя речь шла об августейшем авторе. Рецензенты указывали на то, что действия в драме нет, что узел и развитие — в отсутствующем лице, а присутствующим героям остаются не слишком выразительные диалоги. Не хотели отступать и сторонники запрещения драмы: «Имеются такие святыни, — утверждали они, — в христианстве, представление которых на сцене театральных зрелищ равносильно срыву с них священного религиозного покрова и сдаче их на рынок мирской суеты, где их легко подделать, а всякая подделка под Христа звучит злоеще... наивысшую подделку под Христа произведет Антихрист». И все-таки, несмотря на поход против «Царя Иудейского», а может быть, благодаря ему, 1-е издание в 10 тысяч экземпляров разошлось в две недели без остатка. Готовилось второе издание, которое тоже разошлось мгновенно. А из-за границы приходили предложения поставить драму на сцене. Переводилась она на девять языков.

В провинции драма жила своей странной жизнью. Ее то разрешали, то запрещали читать со сцены в моноспектаклях. Категорически не разрешалось ходить на эти спектакли учащимся гимназий. А вот на кинодрамы типа «На дне полусвета» те же гимназистки ходили. Вот такие странные понятия о дозволенном и недозволенном... У этой пьесы К. Р. и после смерти автора была своя жизнь.

В 1918 году в Киеве режиссер дворцового спектакля Арбатов осуществил постановку драмы в тех же декорациях в театре Корша. В том же году «Царь Иудейский» идет в Англии. А вскоре пытается завоевать и киноэкран — ленту выпустил кинотеатр «Палас». Фильм был запрещен на другой же день. В наше время, спустя почти 80 лет, к пьесе обратился Малый театр и многие воскресные школы.

Великий Князь позволял себе забывать о своем высоком титуле и часто выходил на сцену как актер-любитель. В то время участие в любительских спектаклях было одним из любимейших светских времяпрепровождений. Есть интересная запись в Дневнике князя о спектакле «Евгений Онегин» с участием Николая II и сестры будущей русской императрицы — Эллы (Елизаветы Федоровны, в 18-м году ее сбросили под Алапаевском в шахту): «Я уже раньше знал от Эллы, что она потихоньку от мужа выучила заключительный монолог Татьяны, а Цесаревич взял роль Онегина. Поднялся занавес. На сцене был садик со скамейкой, выбежала Элла, за ней Ники. Оба были в костюмах начала нынешнего столетия и очень хорошо одеты. Цесаревич очень мило и четко произнес свой монолог: «Вы мне писали, не отпирайтесь». Только в голосе его слышно было, что он очень робел. Затем сцена превратилась в комнату Татьяны. Элла с большим чувством говорила свой монолог. Нет еще 6 лет, что она в России, — и уже появилась на сцене. В старину этого не было».

Сам Великий Князь играл в Китайском театре в Царском Селе и Эрмитажном в Санкт-Петербурге, где ставились пьесы в его переводах и драма «Царь Иудейский». В «Генрихе IV» он сыграл главную роль, в «Мессинской невесте» — Дона Цезаря, в «Гамлете» — Гамлета. В «Царе Иудейском» исполнил роль Иосифа Аримафейского. Чтобы полнее составилось у читателей представление об этом удивительном человеке из рода Романовых, приве-

дем еще запись из его Дневника 1899 года — раскрывающую нам и его высокое отношение к искусству актера, и его собственную напряженную духовную жизнь в искусстве: «Чем ближе к спектаклю, тем все сильнее и сильнее разбирал меня страх, даже гораздо больше, чем перед первым представлением, и вместе с тем мучительно и страстно хотелось играть... Стоя за кулисами и ожидая своей очереди выйти на сцену, я умирал от волнения, крестился и молился Богу. — Грешно ли это? — Не думаю: в драматическом, как и во всяком искусстве, есть Божья искра. А играть хочется не из пустого тщеславия, а любя искусство»... Я играл «вовсю», впрочем, как и всегда, даже на первых репетициях, потому что очень строго отношусь к Шекспиру и не хочу, да и не могу шутить, играя Гамлета. Для меня это род священнодействия».

Великий Князь готовил роль в шекспировской драме в тот период, когда в его жизни происходили не менее драматические события: благодаря дворцовым интригам он должен был сдать командование лейб-гвардии Преображенским полком и принять новое назначение. Все это требовало времени, сил, определенного душевного состояния, мешавшего работе над ролью. И этот мягкий, тактичный человек неожиданно проявил твердость: он отложил решение своих служебных дел. Первостепенной для него стала постановка «Гамлета».

После всего сказанного становится понятным, почему, когда встал в 1889 году вопрос о кандидатуре нового Президента Императорской Академии Наук, было названо имя Великого Князя. «Мое тщеславное самолюбие было в высшей степени польщено, — записывал Великий Князь в Дневнике, — но вместе с тем, я немало смутился при мысли о таком высоком положении». Двадцать шесть лет он был Президентом Императорской Академии Наук. Как отмечают современники, именно в это время «последовал ряд благодетельных реформ, в особенности в отношении русского языка и словесности». В Академии появился отдел изящной словесности, в который вошли Л. Толстой, А. Чехов, В. Короленко, П. Боборыкин, И. Бунин.

Современниками отмечался удивительный такт, который проявлял князь по отношению к литературной среде:

венчал таланты, не обращая внимания на направление их обладателей, сам подсказал возможность избрания А. Куприна. Предлагаемая читателю публикация подтвердит, что «венчанию талантов» не мешало субъективное отношение августейшей особы к некоторым произведениям Бальмонта, Бунина, Андреева, даже Толстого. В 1915 году вышел целый том критических статей-отзывов К. Р. на труды литераторов, выдвигавшихся на Пушкинскую премию. (Учреждена она была в 1881 году. Среди ее получивших были Чехов, Майков, Полонский, Куприн, Вересаев и т. д.)

В 1899 году Константин Константинович Романов избирается председателем Комиссии по празднованию столетия со дня рождения А. С. Пушкина. Заботится об обогащении коллекций Пушкинского дома. Сохранилось в фонде К. Р. (ф. 660, оп. 2, № 1094) письмо Великого Князя, адресованное правнуку Е. Баратынского (публикуется впервые): «Евгений Юрьевич. Получив от вас в дар для состоящего при Императорской Академии Наук Пушкинского Дома подлинный, исполненный в двадцатых годах прошлого столетия портрет Вашего прадеда — поэта Е. Л. Баратынского, Я приношу Вам выражение Моей искренней признательности за обогащение собрания Дома этим ценным изображением одного из друзей Пушкина. Вместе с тем препровождаю Вам при сем, в воспоминание об этом пожертвовании, бронзовую медаль, выбитую в память столетнего юбилея со дня рождения Пушкина.

Пребываю к Вам благосклонный

Константин».

30 апреля 1915 г.

Мы уже говорили, что Великим Князем была создана постоянная комиссия помощи нуждающимся литераторам, ученым, музыкантам. В Архиве лежит интереснейшее письмо Модеста Чайковского, брата Петра Ильича Чайковского к Константину Константиновичу. Многие проясняет это письмо: и картину жизни гениального русского композитора, и личность Модеста Чайковского, о котором мы незаслуженно мало знаем, и личность Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Констан-

тиновича Романова, к которому, несмотря на его высокое положение, можно было столь свободно и эмоционально обратиться. Вот выдержки из этого и сегодня очень актуального письма:

«Ваше Императорское Высочество!

...Я долго колебался, прежде чем приступить к этому письму, и решился написать его только потому, что глубоко убежден в полном согласии моих слов с волей Петра Ильича. Со времени его кончины я с умилением слышу отовсюду о желании почтить его память. Везде говорят о памятниках, о домах благотворения во имя его. И все это прекрасно, но если бы прежде воздвижения статуй и умножения стипендий кто-нибудь в знак почитания памяти брата догадался смягчить несправедливость, от которой он сам столько претерпел и о которой так часто и много говорил, тот поистине совершил бы дело, в котором была бы «душа» покойного. Несправедливость эта есть материальное положение композитора-симфониста. Из всех художников это единственные произведения, которые не вознаграждаются ничем. Это единственные деятели, которые, чтобы кормиться, должны прибегать к способам зарабатывания, чуждым их специальности. Написать симфонию, сюиту, квартет — труд не меньший, чем создать роман или драму, а между тем в лучшем случае, в самом выдающемся положении единственною наградою является их «даровое» исполнение в двух-трех концертах» и в очень редком «даровое» печатание партитуры. Лучшее время дня, иногда всей жизни художника-симфониста должно быть отдано заботам о хлебе, а стало быть — занятиям совершенно чуждым его специальности.

Если бы в 1877 году, когда оперы его не давали еще денег, у брата Петра не явились неожиданные средства, позволявшие ему оставить каторгу преподавания, если бы Государь Император, тогда еще Цесаревич, не являлся изредка ему на помощь, то нервная болезнь, начавшая развиваться у брата, не дала бы создать половины того, что он сделал с тех пор; скажу больше, вряд ли он дожил бы и до 53-х лет при таких условиях, потому что во время своего профессорства, чтобы сочинять, надо было урывать часы в такое время, когда занятия губительно действуют на здоровье нервных людей, т. е. вечером и ночью. «Евгений Онегин» никогда бы не был написан, если

бы как раз в это время существование брата не было обеспечено помимо заработка в консерватории. Он не мог, не смел бы написать такой вещи, потому что и во время создания ее и долго после считал эту оперу «фантазией обеспеченного человека», делом, которое ничего не принесет ему в материальном положении. Только при таких условиях творчества ему удалось написать вещь свободно, как хотелось, без боязни, что она не даст денег, и именно она то и обогатила его впоследствии. Высочайше пожалованная пенсия затем еще более увеличила его благосостояние и дала возможность сознавать себя вполне обеспеченным до конца жизни, независимо от успеха той или иной оперы. Это было великое благодеяние, которое он очень ценил и еще несколько дней до кончины говорил мне, что отсутствие на репертуаре его опер далеко не так уже заботит его вследствие постоянной, верной помощи, дарованной ему Государем Императором.

Я долго остановился на примере брата, потому что как бы от его имени только считаю себя вправе обратиться к Вашему Императорскому Высочеству, но я бы мог привести много грустных примеров того, как даровитые люди вроде Римского-Корсакова, Аренского, Лядова и др. тратят много времени и труда на преподавание, где их с успехом могли бы заменить менее талантливые музыканты, а они могли бы трудиться над настоящим делом своего призвания.

Цель этого письма не одни рассуждения на эту печальную тему, а главное, обратив милостивое внимание Вашего Императорского Высочества вообще на материальное положение композиторов, просить хотя бы об одном из них... (2 декабря 1893 года.)

Константин Константинович, имея широкое музыкальное образование, проявлял особую заботу о развитии национальной русской музыки. В Дневнике о многом говорящая запись: «Были в Дворянском собрании на 2-м русском симфоническом концерте под управлением Римского-Корсакова. Зала наполовину, если не более, оставалась пуста. Мне хотелось там быть из внимания к русской музыке. И я не раскаялся: 1-я симфония Бородина Es-dur просто меня восхитила».

Великий Князь был членом и почетным членом различных обществ: императорского общества, поощрения

художеств, любителей естествознания, антропологии и этнографии; действительный член императорского русского музыкального общества, почетный попечитель педагогических курсов при С-Пб женских гимназиях, Московского общества испытателей природы, любителей русской словесности при Московском университете и др. Работал Константин Константинович в различных комиссиях по вопросам русской филологии, правописания, организовывал научные экспедиции, был председателем Комиссии при Академии наук по градусному измерению на островах Шпицберген.

В силу всей этой разнообразной деятельности Великий Князь Константин Константинович поддерживал отношения с множеством замечательных людей России. Среди них был выдающийся юрист, известный писатель и общественный деятель Анатолий Федорович Кони. Он оставил нам воспоминания о Толстом, Чехове, Тургеневе, Некрасове, Достоевском. Теперь мы читаем его слово о К. Р. А если вспомнить масштаб личностей, окружавших Великого Князя, а среди них: Майков, Полонский, Фет, Бестужев-Рюмин, Рубинштейн, Апухтин, Ковалевский, Струве, Веселовский, Чайковский, Глазунов, Васнецов, Репин, Достоевский, то можно сделать вывод, что Константин Романов был доброй, талантливой, сочувственной, притягательной силой для талантов. Недаром и он мог себе позволить давать советы великому Чайковскому (написать оперу «Капитанская дочь»). Не как Августейший Романов, а как поэт, драматург, композитор, актер, музыкант. Как собрат по искусству.

Последняя служба Великого Князя предполагала разъезды по России. Теперь он видел не павловские, петергофские, царскосельские дворцы, ландшафты, парки, павильоны, шале, фонтаны. Перед ним предстала российская провинция с подземными толчками надвигающихся революционных бурь. Встречаясь с молодежью военных училищ, он призывал ее к верноподданническим чувствам и службе. Радовался, когда его слова находили отклик. Он хотел для России стабильности не только потому, что стабильность обеспечивала жизнь и процветание императорской семье, к которой он по крови принадлежал. Его волновала судьба собственных детей. Взрослели шесть сыновей и две дочери.

Сделаем отступление — приведем здесь отрывки из воспоминаний Великого Князя Гавриила, сына К. Р., написанные им об отце.

«Светлый образ отца стоит перед моими глазами: большого роста, с русой бородкой и очень красивыми руками, с длинными пальцами, покрытыми кольцами.

Здороваясь с нами, детьми, он нас целовал, беря за лицо, но руки не подавал. Когда же здоровался с нами в день причастия, перед тем, как идти в церковь, он нас не целовал: до причастия целоваться не положено. И тогда подавал руку.

По утрам, в восемь часов, когда отец выходил в столовую пить кофе, он посылал за нами своего камердинера. Наши няни, Вава и Атя, приводили нас. Отец обычно бывал одет в серую тужурку и сидел в углу, на диване, за небольшим, на возвышении, столом.

В столовой висела громадная картина, изображавшая убитого шведского короля Карла XII, несомого на носилках своей гвардией, кисти Седерстрема. Отец любил живопись. В его приемном кабинете в Мраморном дворце среди других висела картина Куинджи «Ночь на Днепре», отец купил ее, будучи молодым морским офицером. Картина ему понравилась, и он решил ее приобрести. Куинджи ответил, что «она не для вас, молодой человек»: он не узнал отца. Картину отец все-таки приобрел и, уходя в плавание, решил взять с собою. Узнав об этом, Куинджи собирался возбудить процесс, считая, что его знаменитая картина в плавании испортится. Но отец картину все-таки взял и никакого процесса не было.

По вечерам, когда мы, дети, ложились спать, отец с матушкой приходили к нам, чтобы присутствовать при нашей молитве. Сперва мой старший брат, Иоанчик, а за ним и я становились на колени перед киотом с образами в нашей спальне и читали положенные молитвы, между прочим, и молитву Ангелу-Хранителю, которую, по семейному преданию, читал ребенком Император Александр II. Отец требовал, чтобы мы знали наизусть тропари двенадцатых праздников и читали их в положенные дни. Часто и дяденька (младший брат отца, великий князь Дмитрий Константинович) присутствовал при нашей вечерней молитве; когда мы ошибались, родители и дяденька нас поправляли.

Отец был с нами очень строг, и мы его боялись. «Не могу» или «не хочу» не должны были для нас существовать. Но отец развивал в нас и самостоятельность: мы должны были делать все сами, игрушки держать в порядке, сами их класть на место. Отец терпеть не мог, когда в русскую речь вставляли иностранные слова, он желал, чтобы первым нашим языком был русский. Поэтому и няни у нас были русские, и все у нас было по-русски.

В молельной у отца, в Мраморном дворце, между кабинетом и коридором висело много образов и всегда теплилась лампадка. Каждый день приносили в молельню из нашей домово́й церкви икону того Святого, чей был день. Эти иконы, все в одном и том же стиле, дарили отцу мои дяди Сергей Александрович и Павел Александрович.

Позднее, когда мы подросли и уже самостоятельно приходили к отцу здороваться, дежурный камердинер нам говорил, что нельзя войти, потому что «папа молится». Помолившись, отец здоровался с нами и шел в столовую. Напившись кофе, он тут же, за столом, просматривал газету, которая клалась подле его прибора.

В Петербурге, Павловске или Стрельне, если отец бывал свободен, мы ходили с ним гулять пешком. Прогулки с отцом, в которых часто принимала участие и матушка, мы очень любили.

Дома отец иногда садился за рояль, — он отлично играл и был прекрасно музыкально образован. Учил его Рудольф Васильевич Кюндингер, отец называл его «Руди». Он приходил раз в неделю, и отец под его руководством играл в «готической» комнате, после чего Руди всегда оставался завтракать. У отца было дивное туше, и он особенно хорошо играл прелюды Шопена, и я очень любил его слушать и смотреть на его красивые пальцы, бегавшие по клавишам.

Отец много читал и писал. Он внимательно следил как за русской, так и за иностранной литературой и прочитывал по возможности все новые книги. Всю свою жизнь он вел дневник, который писал в тетрадях в желтых кожаных переплетах и завещал напечатать его через девяносто лет после своей смерти.

По вечерам, после обеда, отец с сигарой во рту вновь садился за письменный стол. В его маленьком, уютном кабинете всегда так хорошо пахло сигарами... В семейном

кругу он не любил говорить о своих делах, а тем более — тревогах. Когда у него бывали неприятности, он переживал их молча, «носил их в своем сердце», — потому оно и не выдержало долго.

Такой я видел жизнь отца в течение длинного ряда лет, но надо сказать прямо — жизнь его выходила далеко за пределы семьи, основное в его жизни было вне ее. Он принадлежал России».

К.Р. дал детям прекрасное образование, привил не только понятие о чести, долге, но и об их избранности, царственности.

Недаром сын Олег, умирая, искренне верит, что на солдат произведет впечатление не столько его храбрость, сколько факт пролития им «династической» крови за Отечество. Что ж, дети восприняли суть мировосприятия отца: «Высшая власть в России есть исторический факт, служение ей нужно считать для себя честью». Страницы Дневника Константина Романова, — а он пережил почти три царствования — полны благоговейного восторга перед русскими Государями, идеализации их личности. И все же истинное отношение к Самодержцу, можно предположить, складывалось из нескольких компонентов: безусловного семейного, религиозного почитания; раз и навсегда заведенной пружины придворного этикета и искренней надежды, что носители верховной власти будут соответствовать своей национальной миссии. В этом отношении показательны «Воспоминания» и «Записки» Великого Князя о Николае II.

Трудно поверить, что Великий Князь, как человек близко стоящий к трону, верящий в божественное происхождение самодержавия, в неограниченность и неприкосновенность царской власти, ждал от Николая II демократических маневров и уступок (хотя сам в своем «ведомстве» был достаточно демократичен).

Но повторяем, вряд ли бы он взялся за перо, если бы не возлагал на нового императора особые надежды. Потому, например, «Воспоминания» сделаны в особой тетради, не по следам службы Цесаревича — в 1893—94 гг., а в 1896 году, когда Николай стал «ныне благополучно царствующим Государем Императором». Воспоминания интересны, конечно, тем, что оспаривают некоторые известные суждения о восемнадцатом царе из династии Романовых.

Николаю II безоговорочно приписывалась «жестокость и равнодушие к чужому страданию, столь свойственные роду Романовых», воспоминания заставляют в этом усомниться. Опровергают записи и утверждение М. Касвинова, автора известной книги «23 ступени вниз», о поразительном невежестве царя, который якобы с именем Толстого, Тургенева, Лескова познакомился только в Тобольской ссылке. Кстати, в воспоминаниях есть свидетельства о хорошем знании Цесаревичем отечественной истории. Оценке Великого Князя, знатока Карамзина, Соловьева, Костомарова, автора исторических драм, можно довериться.

А вот с мнением о Николае II Чехова-врача — «Про него неверно говорят, что он больной, глупый, злой. Он просто обыкновенный гвардейский офицер. Я его видел в Крыму, у него здоровый вид, он только немного бледен», — свидетельства мемуариста полностью совпадают. Действительно, под Красным селом Цесаревич ходил под полной солдатской выкладкой по 10—15 верст пешком...

В остальном комментировать эти воспоминания, навязывая читателю то или иное мнение о их герое, нет смысла. Он его составит сам. Напрасно лишь станет искать в них намек на своеобразие мысли или поступка будущего самодержца. Хотя пером автора воспоминаний и водила глубокая симпатия к Цесаревичу, а потом Государю, и он очень старался отфильтровать лучшее из увиденного, но и в этом лучшем никак не угадывается личность большого масштаба, способная ответственность за судьбу огромной державы. Все так мило в Николае Александровиче. И так... незначительно.

Как человек, склонный к нравственному анализу, Константин Константинович не может заглушить в себе понимание этой незначительности. Великий Князь не приемлет Думу, террор, забастовки, он в ужасе, что царям в собственной стране приходится ездить с усиленной охраной. Он все такой же сторонник самодержавной власти, но сколько оговорок, критики, возмущения, несогласия и даже боли выплескивается на страницы толстых дневниковых тетрадей, каждая из которых имеет замок и все они хранятся под ключом!

После смерти сына Великий Князь как бы отгораживается от чреватой необратимыми процессами действи-

тельности. Но вопреки привычному для него порядку вещей, мысль его на склоне жизни обращается к деятельности личностей, которые еще в царствование Александра II стремились к переустройству государства. В последних записях Дневника он вспоминает отца. В письмах к А. Ф. Кони — Великую Княгиню Елену Павловну.

Увы, приходится констатировать, что Великий Князь умер вовремя; он успел похоронить сына Олега, достойно погибшего за Отечество на фронтах первой мировой войны, и не узнал об ужасной смерти сыновей, заживо брошенных в шахту под Алапаевском в 1918 году.

В Царском Манифесте 1915 года о смерти В. К. К. К. было сказано, что Россия вспомнит Константина Романова за его труды во благо Отечества. Это время, кажется, наступило. Идет в Малом театре мистерия «Царь Иудейский», открыто называется имя Романова в концертных залах при исполнении его романсов, даже книжечки стихов выходят. Но этого мало, очень мало, ибо в архивы Константина Романова мало кто заглядывал по всем понятным причинам.

* * *

Настоящий сборник подготовлен в основном по архивным материалам.

Это первая и неполная, к сожалению, попытка вызвать из небытия и представить читателям принадлежащую интеллектуальному фонду России личность. Имя, жизнь, деятельность Великого Князя Константина Константиновича Романова, как и многое из той эпохи, которую он представлял, «унесено ветром» российских катастроф.

Но как только в наши поля и сады является на крыльях ветра вечная весна, полузабытый поэт К. Р. опять и опять напоминает о себе: «Растворил я окно, стало грустно невмочь, — опустился пред ним на колени, и в лицо мне пахнула весенняя ночь благовонным дыханьем сирени».

Он всегда будет напоминать о себе иначе, чем все остальные Романовы.

Элла Матонина

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В Государственном архиве Российской Федерации хранится в личном фонде Великого Князя Константина Константиновича 1393 дела. Наряду с материалами его общественной и служебной деятельности сохранились стихи, письма, критические заметки, переводы, фотоматериалы и 64 тетради в коричневом кожаном переплете — Дневники Великого Князя. Велись они с мая 1870 года по 2 июня 1915 года.

Все это забытые, редко публиковавшиеся и совсем не публиковавшиеся материалы. Пометки на «рабочих» листах, приложенных, например, к Дневникам, свидетельствуют, что за 80 лет к некоторым тетрадям К. Р. прикасалось 5—6 человек, а к иным — ни одного. Для исследователей отечественной истории и культуры канула в бездну масса интереснейших сообщений, информации, свидетельств.

Для данной книги собраны: воспоминания Анатолия Федоровича Кони о К.Р. (ф. 564, оп. 1, ед. хр. 86); письма Великого Князя к А.Ф.Кони (ф. 564, оп. 1, ед. хр. 2180). Дневники К.Р. (ф. 660, оп. 1) даны в извлечениях, подбор текста определяется принципом раскрытия личности через важнейшие этапы жизни К. Р. Отобраны дневниковые записи следующих лет: 1877, 1879, 1880, 1886, 1889, 1890, 1892, 1893, 1896, 1899—1900, 1906, 1910, 1914—1915 гг. Дневники содержат впервые публикующиеся стихи и письма Фета, Апухтина. В книгу входят воспоминания и Записки о Николае II (ф. 660, оп. 2, ед. хр. 6, ед. хр. 5), стихи (ф. 660, оп. 3, ед. хр. 214; ф. 660, оп. 2, ед. хр. 42), редкие и неизвестные фотографии К. Р. и его семьи. К публикациям составлены краткие примечания.

Дневники, письма, воспоминания воспроизводятся в извлечениях в основном без правок, по правилам совре-

менной орфографии, но с сохранением стилистических особенностей текста (напр.: «построить сапоги», «приблизить выражения» и т. д.). Оставлены без изменения написания некоторых фамилий, имен (Пратасов-Протасов), обозначение времени ($1/2$ 1-го ночи, $2 \frac{1}{2}$ дня), географических названий. Сохранено авторское написание заглавных букв (Мама, Императрица, Барон). Наименования спектаклей, музыкальных произведений, книг переводом не снабжены.

Дневники

ВОЗВЫШЕНИЕ
ДУШИ

8/IV — 30/VI — 1877 г.¹

День, отмеченный в Дневнике. Великая княгиня Александра Иосифовна знает свой долг перед Отечеством. Братья собираются в военный поход на Дунай. Молитва, мысли о себе. Вечер на Мадере. Молодой Великий князь жевал просвирку и не умел благодарить Бога. Прощение с Павловском.

Фрегат «Светлана»

Пятница. 22/4.

^{1/2} 1-го ночи. Я люблю по окончании дня раскрывать свой дневник и записывать свои впечатления: приятно думать, что прошел день и больше никогда не повторится все дурное этого дня, если оно было. Так и теперь я радуюсь, что прошел день, даже он не был особенно дурной...

Павловск. 1877 г.

Пятница. 24/6.

Мама вернулась из Стрельны. Я застал ее на ее балконе, сидящую с Папá. Она уже знала о моем отъезде и радовалась ему. Она так знает свой долг, что даже не поморщилась, когда Папа объявил ей о моем отъезде, она говорит, что для отечества все отдаст до последней капли крови. Она и заказала это: когда Папа ушел, она написала ему, прося послать на Дунай и Митю, который, в свою очередь, написал Папа. Мама написала письмо с такими основа-

¹ Здесь и далее краткое содержание глав дневника принадлежит Э. Матониной.

тельными доводами о Мите, с такою убедительною просьбой, что говорит, Папа ему не откажет.

Мне была неприятна мысль, что Митя отправится, может быть; очень неприятна! Я хотел быть один со своими, и чтобы люди *не моей Светлановской жизни* мне не мешали. С Митей, конечно, поедет И.А., которого я ужасно люблю, но который мне очень будет мешать на Дунае, сам этого не зная. Его присутствие, когда я меж своими, меня крайне стесняет, мне неловко, я боюсь каждого своего не только слова, но и движения, чтоб не увидеть на его лице неудовольствия. ...Это скверно; я старался заставить себя заглушить это ощущение, молился даже о его (Митином. — Э. М.) отправлении со мною...

Павловск. 1877 г.

Июнь. Суббота. 25/7.

Пили чай на моем балконе. В 10 ч. Мама проснулась, мы пошли к ней. Сегодня я почти помирился с мыслью, что и Митя с нами на Дунай отправится. Вот мы сидим у Мама; она недолго спала и чувствовала себя дурно. Вошел Папа. С первых же слов он поблагодарил Митю за благородные чувства и порывы, высказанные в его вчерашнем письме, но не согласился на его просьбу, говоря, что ему, Мите, ещё надо учиться и не думать о войне. Я почти был уверен в таком ответе...

Вчера Мама выразила мне желание, чтобы я говел перед походом. Сегодня, после обеда, я сказал об этом Папа. Он отвечал, что имел ту же мысль, но она не удобоисполнима из-за моих дел, занимающих меня в настоящее время. Мама, видимо, это было неприятно, тем более, что я поддался словам Папа и отказался от взятого вчера святого намерения...

Павловск. 1877 г.

Воскресенье. 26/8. Июнь.

Мама получила массу телеграмм, одна, между прочим, была от Государя, он говорит, что радуется увидеть меня на берегах Дуная... Мне очень хотелось идти помолиться в церковь, и так, чтобы меня не видели. Я простился с Мама, оставил у нее Митю и пошел по полутемным залам на

хоры нашей церкви. Там я встал на колени, облокотился на перила, закрыл глаза и молился, или вернее думал, размышлял... Завтра приедет батюшка, О. Арсений.

Понедельник. 27/9. Июнь.

Встал довольно поздно. В 10 ч. Баранов стриг мне волосы. В 11 ч. пошел в церковь. Мы всегда стоим на хорах, а внизу — народ. Сегодня никого внизу не было, и я был рад этому, как-то лучше молиться, когда один. Мама пришла к концу обедни. Она почти совсем не спала, чувствовала себя дурно, но была бодра и весела.

Я хорошо молился и много думал о себе. Я уже очень далек от того времени, когда так легко молиться и когда мне казалось, что Бог и Ангелы меня слушают и не гнушаются моей молитвой. А теперь мне трудно сосредоточить свои мысли и религиозно настроить ум. Когда же я, наконец, углубляюсь в себя и начну молиться, я вижу свои грехи с самой черной стороны и прошедшее мне кажется невозможным. Тогда я думаю, что Бог отвратился от меня и ему не нужны мои молитвы. И вспоминается мне вечер на Мадере. Мы говорили с**, он был на вахте, мы стояли, прислонившись к правому шкапичному орудью. Я утешал его, он находил в себе какие-то...

1 ч. 40 м. ночи — Итак, я утешал его, он находил в себе много дурного, и до того дурного, что не видел себе прощения; я говорил ему, что Господь более радуется раскаянию одного грешника, чем святой жизни 99 праведников. А теперь я сам припоминаю эти слова и они так же не производят на меня успокаивающего впечатления, как тогда на него...

Вторник. 28/9 ³/₄ 12-го ночи.

...Пришла телеграмма от Папа, который уезжал в Кронштадт. Он приказывал быть на другой день в Исаакиевском соборе на благодарственном молебне по случаю взятия Тырнова. Я запорол горячку: написал Мама, прося ее иметь обедню раньше, примерил большие сапоги, так как следовало быть в парадной форме. Мне было очень неприятно, что сейчас после Причастия следовало лететь в

город; было бы гораздо лучше не торопясь выслушать обедню и оставаться весь день в покое...

Вторник. 28/10.

Настал день Причащения... Я сразу оделся в походную форму, т. е. в шитый мундир с палашами и большие сапоги. Одевшись, пошел с О. Арсением в церковь. Там, перед царскими вратами, поставили аналой с Крестом и Евангелием. Батюшка прочел молитвы, и я стал исповедоваться. Моя исповедь никогда прежде так долго не продолжалась, и батюшка так много и хорошо говорил. Но не было у меня моей прежней детской радости и покоя, которые обнимали все мое существо в прежние чистые годы после исповеди. А особенно эта проклятая предстоящая поездка в город нарушала нужный покой. Мама хорошо спала и сама проснулась. Мы стояли обедню внизу, народу совсем не было. Молиться я никак не мог, положительно, мой галстук, который все вылезал из-под воротника мундира, меня гораздо более озабочивал, чем предстоящее таинство. Вот до какого я дошел бездушия. Единственное, что было хорошего, это сознание своей недостойности. Когда мы с Мама подходили к чаше, мне сделалось очень хорошо и я, как всегда в эти минуты, потерял всякое понимание. А причастившись, я опять попал в омут глупых житейских забот и опять мне мешал галстук, который все ерзал по накрахмаленному воротнику новой шелковой рубахи. Я жевал просвиру и не умел благодарить Бога.

Потом мы скоростижно удрали в город... Молебен служил Митрополит с множеством духовенства, все это было очень торжественно, но я был ужасно бесчувствен...

Павловск. 1877 г.

Четверг. 30/12.

...Мой денщик Фокин приедется, его Степанов зачем-то прислал. Я сказал ему, что он может ехать в город, говеть с остальной командой, отправляющейся на Дунай. Обедали на Гонзаговой галерее. Потом катался с Мама. Я иногда думаю, что, может быть, в последний раз вижу милый Павловск! 12 ч. 40 м. ночи. Прощай, дорогой, верный, заслуженный дневник.

25/IV — 17/X — 1879

Кофе «у лебедя». Прощание с Александром II и его семьей. Севастопольское военное кладбище. Последние поцелуи сестры Ольги. «Поповка». Обязанность быть моряком. У подошвы горы — Батум. Древний храм византийской постройки. Покушение на Александра II. Казнь Соловьева. Блуждание по адмиралтейству следом за Папа. Лорис-Меликов в Харькове. Москва, Иверская часовня, профессор Сергей Соловьев. Александр II — пленник в своей стране. Любовь к Елене Шереметевой. Роман царя с Е. Долгорукой. Вокруг света с гвардейским экипажем. Избавимся ли мы от нигилизма? Балтийское море. Слезы над Достоевским. У короля и королевы в Копенгагене. Наследник цесаревич Александр счастлив со своей женой цесаревной. История с монахом. Гатчина, постель Павла I. Письмо А.С.Пушкина.

Крым. 1879 г.

Май. 25.

...В последний раз пили мы кофе «у лебедя» — на берегу пруда в тиши густых деревьев, под скалой и храмом. Начались прощания: все обитатели Орианды высыпали на под'езд пожелать всем счастливого пути...

Севастополь.

Около 4-х ч. пришли в Севастополь... Провели тяжелых 2 часа перед отъездом Царя, Царицы, Мама, Сергея и Мити.

Полились слезы, настали минуты расставания. Оля, Мама плакали: я чувствовал, что слезы подступают к горлу, и также заплакал. От души благодарили Государя, Императрицу за их ласку и внимание.

Мы остались втроем: Папа, Оля и я. Подъехали на северную сторону, на знаменитое военное севавтопольское кладбище. Мне вспоминался 73 год, когда я был здесь с Ильей Александровичем; я тогда очень любил Лушкова

и отыскал могилу его отца и имя его, вырезанное золотом на мраморе в церкви.

Мы с благоговением входили в пирамиду церкви. Над входом мозаичный образ Христа. Я смотрел на эти величественные и тихие, кроткие черты — и казалось, что хорошо должно быть лежать покойником под землей и отдыхать от трудов, забот и ран, когда их сторожит такой Сторож.

Каждая икона в Церкви напоминает о времени, когда мертвые оставят свои могилы.

Мы пошли по кладбищу, читая направо и налево на могильных камнях имена убитых, умерших от ран и страшные слова «братская могила».

Солнце заходило, кладбищенский сад смотрел уютно и привольно, в теплом воздухе хорошо пахло цветами. Вспоминаются слова: «Подожди немного — отдохнешь и ты...»

Мы обедали на «Поповке». С ужасом я ждал минуты последних поцелуев Оли — новые слезы. Хотелось бы сразу оборвать и разойтись в разные стороны. Привезли мы Олю на пар. «Константин»... Отъезжая на катере, я кричал Оле: «До свидания, Христос с тобою». Я слышал ее последние слова «Благодарствуй».

Я водворился на «Поповке». На нем мы будем плавать с Папа по Черному морю... «Поповка» внутри делает впечатление страшной адской машины. Посреди, между двух дымовых труб и толстых вентиляторов, открывается широкая бездна башни. По желанию, оттуда поднимаются подобно кровожадным крокодилам два 12 дюймовых (40 тонн) орудия и получают какой угодно угол возвышения. Вдруг вся эта пропасть начинает быстро вращаться, и это движение не мешает пушкам точно так же подниматься. И вдруг, среди темноты, засветится электрический фонарь Яблочкова — и сразу все предметы вокруг ярко и блестя освещаются.

Черное море.

«Вице-адмирал Попов»

26. Май.

«Поповкой» командует Балк. Общество, собирающееся у Папа, мне не особенно симпатично, за некоторыми

исключениями. Нет никого, с кем бы я мог поговорить, не только отвести душу...

Стараюсь обращать внимание на морские предметы. Не могу не сознаться, что вопросы государственные гораздо более меня занимают, чем частные морские предметы. Будь моя воля, я бы служил в гражданской службе. Но теперь моя обязанность быть моряком... Завтра утром может быть Батум...

Батум.

Май. 29.

Перед нами открывался гористый берег, у подошвы горы расположен небольшой, невзрачный городок с несколькими мечетями. На краю косы, закрывающей батумскую бухту, лежит турецкое укрепление, посреди которого шест, чтоб подымать маячный огонь. Вход в бухту открытый и широкий, сама она не велика и не может вместить большой флот. Но частных судов приходит много, пароходы турецкие, английские, французские, австрийские держат сообщение с Трапезундом, а русские с Поти.

Город населен турками, греками, армянами. В горах и отчасти в городе живут кабулетцы, аджары, лады и гурийцы.

Папа здесь встретили: Князь Святополк Мирский, заступающий временно должность Наместника, военный губернатор, генерал-майор Комаров и корпусный командир генерал Своев. Все они завтракали у нас на «Поповке» и еще турок — Мустафа-паша. В 3 часа мы все съехали с Папа на берег.

У пристани был выстроен почетный караул Владикавказского полка с множеством георгиевских кавалеров. Нас посадили в коляски, кто сел верхом. Осмотрели турецкое прибрежное укрепление. Папа посетил лагерные стоянки военных частей и госпиталь. Потом повезли в горы. У крутого моста Папа, я и Мирский тоже сели на лошадей и поехали в горы.

С высоты открывался прекрасный вид на море и на окрестные горы. Сам город лежит в низменной, прибрежной и болотистой равнине, горы начинаются немного отступив от берега. Горы здесь не очень высоки, но чрез-

вычайно живописны и покрыты свежей зеленью. Небо было покрыто облаками, и они закрывали снежные вершины внутреннего хребта.

Около 7 ч. мы вернулись на «Поповку».

*Симоново-Канонитский
монастырь.*

Май. 31.

Снялись с якоря в 1 ч. пополудни. В 4 ч. были в Псерети, съехали на берег. Возвышалась недалеко от берега каменная церковь, окруженная древними развалившимися стенами генуэзской крепости. Доносился благовест, на пристани встретили нас монахи в облачениях, с крестом и святой водою. Повели нас в церковь, отслужили краткий молебен. Все мы потом пошли за гору смотреть древний храм. По дороге настоятель говорил нам, каким образом очутился здесь монастырь. В древности пришли в Абхазию проповедовать христианство Андрей Первозванный и Симон-Зилот, называемый также Канонитом, ибо Христос был на его свадьбе в Кане Галилейской. По преданию Апостол Симон основал здесь церковь на берегу реки... и тут умер и был погребен. В нынешнем столетии с Афонского монастыря пришло сюда, в Псерети, несколько монахов. Они основали церковь и школу для маленьких абхазцев. В последнюю войну все это было разрушено. Но, по заключении мира, монахи вернулись, в 3 месяца сами выстроили каменную церковь, где мы и были, и снова заведут школу.

Слышен был шум реки, нам ее не было видно за густою растительностью; кругом возвышались горы, сплошь покрытые лесом. Вот увидели мы огромный, развесистый орешник, за ним открылся сложенный из тесаного камня, полуразвалившийся и покрытый плющом и вьющимися растениями древний храм византийской постройки; тут по преданию и погребен Апостол Симон.

Над куполом входной части церкви растет огромная смоковница — ствол ее внутри, между стен здания. Мы вошли в церковь. Купол обвалился, пол зарос репейником, и красиво по стенам вьется плющ... К моему восторгу, удивлению, по стенам видны остатки древних

красок; на западной стене, против алтаря и над дверью видны остатки стеной живописи образа Успения Божией Матери...

Новороссийск.

Июнь. 1.

Утром стали на якорь в Новороссийской бухте. Кругом зеленые горы однообразного наводящего уныние вида. Пристань страдает от жестокого «бора», особенно зимой. В 48 году на этом рейде во время шторма от «бора» погибла шхуна «Струя», пошедшая ко дну под напором (?) ледяной коры. Очень неважное место для якорной стоянки.

Погода чудная, очень тепло. Мне так хорошо было на душе при мысли завтра быть в Орианде. Я так люблю вид Ялты и Ялтинского рейда, запах лавров, крутые скалы Ай-Петри. Когда грустно, мне приятно вспоминать все это, особенно склон горы к морю за Ялтой, так становится хорошо на сердце.

Новороссийск делает впечатление скучнейшего, пустейшего города. Грязная церковь, несчастный общественный сад, невзрачные улицы, гадкие мостовые, казармы, госпиталь, греки и кое-какие русские. Я с Обезьяниновым поехал в гору, с сопровождавшим полковником Никифараки. Он, кажется, очень дельный, умелый и хороший человек. Ему, наверно, сильно достанется от инженеров; Папа заметил, что собор в очень непристойном виде, и спросил, в чем он ведении; полковник отвечал, что в инженерном. Папа сильно распушил инженерное ведомство при инженерном офицере, поручив ему передать начальству. Обезьянинов обещал мне предупредить в Тифлисе, что инженеры действительно виноваты — и что Никифараки их не выдавал, а Папа сам заметил грязную обстановку церкви.

Орианда.

Июнь. 3.

После завтрака говорили про «тяжелые переживаемые времена». Я утешал, говоря, что не клином свет сошелся,

что жили люди и живут, и долго еще будут жить. Говорили про процесс Соловьева, покушавшегося на жизнь Государя, и про его казнь 27 мая.

Июнь. 4.

Читал дело государственного преступника Соловьева и описание его казни. Это произвело на меня тяжелое впечатление, даже голова разболелась...

Орианда.

Июнь. 5.

Последний день здесь. Когда-то я милый Крым снова увижу. Дай Господи, мне быть тогда по крайней мере не хуже, чем я теперь.

Николаев.

7. Июнь.

В 11 утра были в Буге у Спасской пристани. Большая встреча, адмиралы в мундирах, цветы, ворота, надпись «добро пожаловать» и т. д. — все как следует... Отправился с Корнаковским странствовать по городу. Были в ремесленном училище; в приюте для стариков, старух и детей, устроенном обществом; в девичьем пансионе и Константиновской школе грамотности.

Потом я поехал на кладбище; мне хотелось побыть на могилах моей первой учительницы Елизаветы Ивановны Ильиной и моего милого Гавришева, умершего от слома раненой ноги в лазарете Мама. Я помолился на его могиле, просил его умолить Бога послать Мама здоровья и счастья. И мне казалось, что душа Владимира ближе ко мне. — Дома узнал, что отъезд наш отсюда отложен до завтра. Не могу выразить, как это меня расстроило; я так надеялся покончить с утомительными и скучными осмотрами всяких заведений и мастерских. Я взял на себя, помолился Богу, чтобы спокойно перенести неприятность. Я молился и Гавришеву. И молитва мне замечательно помогла и подкрепила меня. Я скоро стал видеть и находить некоторое удовольствие в блуждании по адмиралтейству за Папа, посреди огромной свиты. Папа

несколько раз очень посердился над дурными и небрежными отделками некоторых предметов николаевского порта.

На берегу Буга.

9. Июнь.

Погода все время стоит чудная, очень знойная. Ездил с Н. И. Казнаковым на ракетный завод, где при мне спустили спасательную ракету, и в болгарский пансион.

Искупался в Буге. Были с Папа в женском пансионе Памферовой, в Александровской гимназии и осмотрели прекрасный, еще не оконченный морской госпиталь.

В 4 ч. 45 м. уехали из Николаева. Мама по телефону просила насадить жасмин и резеду на могилу Гавришева. Я поручил это Казнакову, он обещал исполнить. Мама просила посадить именно эти цветы, потому что старушка воспитательница покойного видела во сне, будто он упрекал ее за то, что она не носит ему на могилу резеду и жасмин, его любимые цветы.

10. Июнь.

В Харькове Папа был встречен временным генерал-губернатором Лорис-Меликовым. Мы с ним были втроем, он говорил Папа про нынешнее настроение харьковского общества и про революционно-социалистические общества. Мне понравились убеждения Меликова, хотя я мало читал и мало знаю, чтобы судить взгляды людей на управление. Все же внутреннее мое чувство радовалось, видя, что в Харькове генерал-губернатор не принимает ни к чему не ведущих крутых неосторожных мер.

Москва.

11. Июнь.

В 6¹/₂ были в Москве. По обычаю, по приезде поехали поклониться иконе Иверской Божией Матери. Вокруг широкого крыльца ожидала нас и приветствовала радушным «ура» толпа народа. Войдя в часовню, положив два земных поклона, приложившись к образу и снова поклонившись в землю, я услышал церковное пение, а по

выходе над головами мой слух снова обдало «ура» народа. Приятно было чувствовать связь, кажется несуществующую, между другими народами и их князьями.

Я испытывал замирание сердца и радость, видя Красную Площадь, лобное место, Василия Блаженного, и тогда, когда под Спасскими воротами мы сняли фуражки, а человек на козлах, сняв шляпу, снял шапку и с кучера.

Поселились мы в Малом Кремлевском дворце. У Папа здесь на каждом шагу детские воспоминания. После обеда он повез меня в Александрию, где тоже каждая комната напоминала ему детство и покойную сестру Александру Николаевну (тетю Анхен), с которой он был особенно дружен. Александрия принадлежала графу Орлову-Чесменскому и была куплена покойным Государем для Императрицы. Мы пошли и в сад. Папа хотел показать мне павильон, куда он в детстве бегал между уроками. Там теперь живет профессор Сергей Михайлович Соловьев, он очень болен, доктора говорят, что у него рак в печени.

Мы зашли к нему и нашли его над рукописью истории Екатерины. Мы живем под одной кровлей с Чудовским монастырем, где лежат мощи Святителя Алексия.

12. Июнь.

Князь Долгоруков прислал ко мне состоящего при нем Т. В. Мерлина — графа Уварова здесь нет, — и я по утрам ходил и ездил по Москве с Мерлиным. Сегодня я пошел в соборы: Успенский, Архангельский и Благовещенский; прикладывался к мощам и смотрел святыни и достопримечательности. Был во дворце, в Грановитой и Золотой палатах, в теремах, видел внутренние церкви...

Мы подъехали с Папа на Антропологическую выставку, где комитет нас угостил завтраком. Потом мы осматривали выставку. Археологический отдел очень полон и интересен.

Обедали у Долгорукова; я сидел подле Марьи Николаевны Мансуровой, племянницы Князя...

Вечером были в Малом театре, на данном консервато-

рией представления «Евгения Онегина» Чайковского, под управлением Н. Г. Рубинштейна. Роль Татьяны прекрасно исполнена ученицей Климентовой.

13. Июнь.

Ходил поутру с Мерлиным в патриаршую ризницу и оружейную палату. После завтрака были с Папа на Антропологической выставке. Оттуда, опять с Мерлиным отправился в архив министерства иностранных дел, где мне чрезвычайно действовал на нервы своим подобострастием директор архива барон Бюлер.

Перед отъездом мы прогулялись по всем Кремлевским стенам; погода хорошая, вид на Москву был восхитителен. — Обедали опять у Долгоруких.

Москва.

14. Июнь.

Утром видел Спаса на Бору, Василия Блаженного... Был в женском Страстном монастыре. Там икона Страстной Богородицы и голова Св. Анастасии. Я зашел к игуменье. Хочу послать лампаду к иконе в этот монастырь. Был у Мерлина, и как я ни отказывался и не конфузился, должен был принять от него в подарок несколько древних вещей из его бесподобной коллекции... Были в строящемся соборе Спаса; видели подъем колокола. Вид собора, особенно внутри, поразителен размерами и красотой.

Были в доме С. М. Третьякова, головы, видели его галерею. Были еще в музее прикладных знаний, потом в галереях Солдатенкова и другого Третьякова.

1879.

Павловск.

Июнь. 15.

Поехал с Папа в Царское. Государь дал мне знак со своим вензелем, сказав: «вот тебе в память дней, когда ты был при мне под Плевной». Папа рассказал Государю о всем нашем путешествии, передал ему хорошее впечатление из плавания на «Поповке». Были у Императрицы; она тоже интересовалась «Поповкой» и вообще всем путешествием.

...Здесь я слышал, что не уйду вокруг света в этом году. Я теряюсь в предположениях, и отдаю свою судьбу в руки Божие.

Павловск.

19. Июнь.

Совсем осиротел; теперь и Павел Егорович уехал, я остался один, впрочем, я не жалею, мне и одному хорошо.

Поутру пошел наверх в кладовые, осмотрел старые, сложенные в кучу вещи; отыскал кресла ясов, такое же великолепное бюро. Между всяким хламом нашел портреты Петра Великого и короля Англии Карла I. Все это взял в свою комнату. Мама помогает мне устроить ее, и выходит очень мило.

22. Июнь.

Встал очень поздно, и поэтому не доволен собой, немного голова болела. Опоздал на прогулку с Татьяной Михайловной.

После завтрака поехал в Царское. Встретил Государя и Императрицу в коляске; на козлах козак, спереди, с боков и сзади козаки верхом, в некотором расстоянии... в дрожках. Признаюсь, больно смотреть, как Царь пленником должен ездить, — и где же? В самой России.

22. Июнь.

Был у Елены Шереметевой; она живет в Царском на даче Крейлица. Мы были очень, очень рады видеться. На пути к ней я размышлял о своей любви и не мог дать себе отчета: прав ли во мне покорный и привыкающий ко всяким горестям человек, или любовь была не настоящая? Я помню, мне было больно, пребольно, но ревности я никогда не ощущал и Володю даже полюбил. А теперь, хоть я бы очень желал быть мужем Елены, когда бы оно было возможно, я не испытываю большого отчаяния...

О моем плавании мне ничего не говорят, я ничего не знаю. Признаюсь, довольно неприятное состояние...

23. Июнь.

Утром читал жизнеописание Великой княгини Александры Павловны «В Древней и новой России».

Мне часто приходит в голову, что и мой дневник, лет через шестьдесят, семьдесят, появится где-нибудь в печати; что меня даже часто, признаюсь, заставляет обращать внимание на слог и правдивость моих заметок...

Ко мне приехал Ларош, профессор теории музыки Петербургской консерватории. Он мой приятель, я с удовольствием показывал ему наш дворец: меня никогда не утомляет и не может наскучить рассказывать то же самое в сотый раз о разных комнатах, о фарфоре, о бронзах, о шпалерах и о старинной мебели, показывая все эти прелести гостям...

Павловск.

24. Июнь.

Наша семья обедала у Царя; Императрица чрезвычайно слаба, вид у нее болезненный и утомленный, она сильно кашляет. От слабости она почти не принимала участия в разговоре между Государем и Папа, она, не двигаясь, сидела в креслах, часто закрывая глаза, и имела самый жалкий вид. А разговор шел прескучный для нашего поколения: о прежних командирах гвардейских полков, о начальниках частей при маневрах этих полков. Надо признаться, эти обеды не славятся между нами весельем или чем-либо любопытным.

Поздно вечером в Павловске я был у Татьяны Михайловны и просидел у нее до часа ночи. Рассказывал ей свою жизнь на «Светлане» и потом на берегу Дуная, свою детскую привязанность к Алексею Валентиновичу и как это чувство перешло в искреннюю и крепкую дружбу.

Рассказал ей по ее просьбе силистрийское дело и как я получил георгиевский крест.

Возвращаясь домой двором; любовался видом дворца в светлую и ясную июньскую ночь, освещенным полной луной.

*Петербург.**25. Июнь.*

Если бы Николай I был жив, ему минуло бы сегодня 83 года. Семья собралась на панихиду в Петербург, в крепость.

*Павловск.**28. Июнь.*

Мама вернулась из Стрельны чрезвычайно взволнованная. Въезжая в Царскосельский сад, на большой дороге, недалеко от арсенала, с ней повстречался казак верхом. За ним, запряженный парой английских лошадей, которыми правил Государь, ехал basket, в нем кроме Государя была княжна Долгорукая и дети. Павел Егорович, графиня Келлер, сопровождавшие Мама, заметили, что Государь имел очень сконфуженный вид.

Понятно, что Мама сильно расстроилась после такой встречи. Я благодарил Бога, что не ехал с Мама. Сердце обливается кровью при виде, что делает наш Царь, Самодержец всероссийский, и еще после чудесного избавления от покушения на его жизнь.

29. Июнь.

Моя судьба опять, кажется, меняется. Папа был вчера в Кронштадте, он делал смотр корвету «Баян», вернувшемуся из дальнего плавания. Ему пришла мысль осенью снова отправить «Баян» вокруг света с гвардейским экипажем. Он хочет и меня послать на нем. Вот опять все изменилось. Я рад, впрочем, меня пугает петербургская зима, с разводами, празднествами и так далее...

*Павловск.**Июнь. 17.*

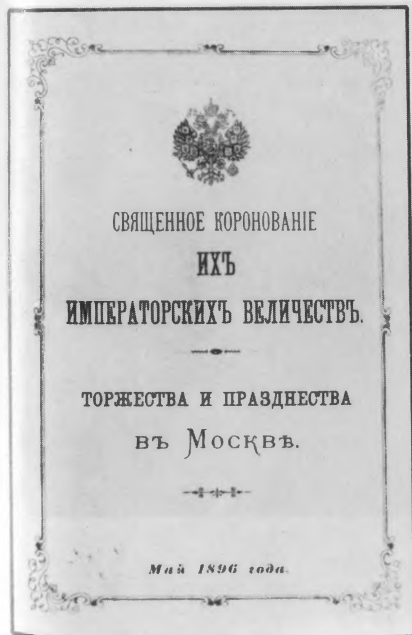
Мы празднуем 25-летнюю годовщину спасения Папа от утопления. Это день Св. Марины. Папа просил разрешения Государя взять частицу от мощей святой, находящихся в церкви Зимнего Дворца в нашу церковь в Мраморном. На сегодня мощи были привезены в Павловск. Служили молебен, собрались офицеры, бывшие 25 лет назад на «Лефорте». Завтракали торжественно в греческой зале...

*Великий Князь Константин
Константинович Романов. 1894 г.*

*Коронационное шествие в Кремле.
1896 г.*

*Торжественный въезд на территорию
Кремля. 1896 г.*

1870. The Grand Military Review
at the Palace of the Nation

1870. The Grand Military Review
at the Palace of the Nation

*Великий Князь Константин Романов.
1909 г.*

*Великий Князь Константин Романов.
1903 г. Село Осташево (?)*

*Сын К. Р. Великий Князь Гавриил
Константинович*

*Великий Князь Константин
Константинович за рабочим столом.
900-е гг.*

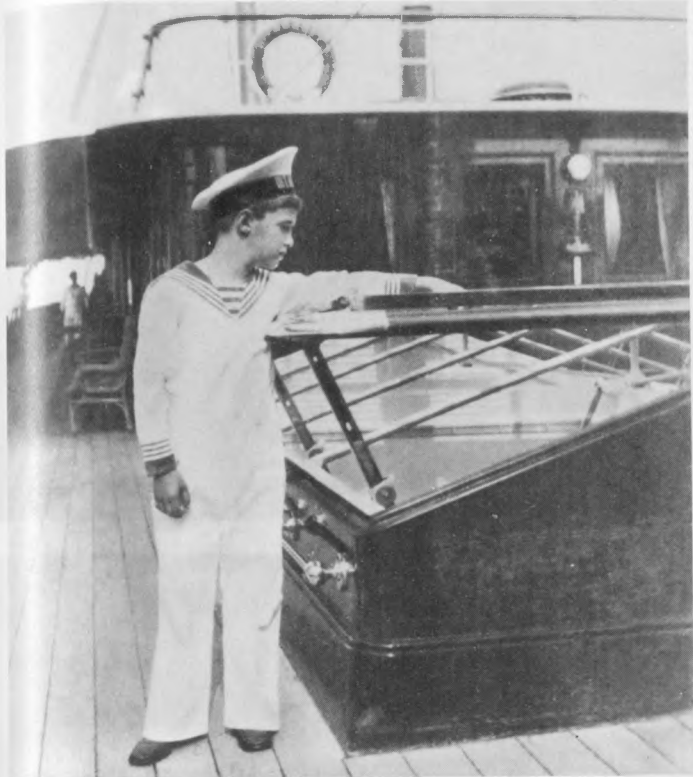

Великий Князь Константин Романов
с женой Великой Княгиней
Елизаветой Маврикиевной и детьми.
1900 г.

Мабулена 1900г.

Николай II. Крым. Апрель 1912 г.

Николай II, Великие Княжны Ольга, Мария; внизу сидит Анастасия; справа — императрица Александра Федоровна, за ней Великая Княжна Татьяна

Наследник престола Алексей Николаевич на «Штандарте». 1912 г.

Наследник престола Алексей Николаевич

*Бородино. Столетие со дня битвы.
Август 1912 г.*

*В Балтийском море.
Встреча кораблей. 1912 г.*

На «Штандарте». Великие Княжны Мария, Ольга, наследник престола Алексей, Анна Вырубова; на переднем плане — Великая Княжна Анастасия, за ней — Татьяна. Прибалтика. Июнь 1912 г.

Князь Ф. Ф. Юсупов со своей женой Ириной Александровной, урожденной Романовой, племянницей Николая II

Великая Княгиня Евгения Ольденбургская

Григорий Ефимович Распутин-Новых

Император Николай II в форме л.-гв.
Конного Его Величества полка
(отпечатано в заведении графических
искусств Э.И. Маркуса)

*Кронштадт.**18. Июль.*

Государь произвел смотр Крейсерам «Европе», «Азии» и «Африке»; Глиперам «Разбойнику» и «Наезднику», «Всаднику», «Гайдамаку» и корвету «Баян» на восточном кронштадтском рейде. — Я был в свите. Из семейства Государя сопровождали Цесаревич, Папа и Алексей. Мы в 12 вышли на яхте «Александрия» из Петербурга.

Погода стояла благоприятная, на небе были облака, по временам скрывавшие солнце; находили, что очень тепло. — Государь посетил сперва «Гайдамак», затем «Всадник», «Баян», американский корвет «Enterprise» и «Европу». На «Гайдамаке» и на «Всаднике» пробили тревогу, артиллерийское учение было исполнено с необыкновенной быстротой. На «Баяне» поставили паруса. На «Enterprise» проходили церемониальным маршем. Кукольная комедия.

*Павловск.**20. Июль. Ильин день.*

Делали большую прогулку пешком с Татьяной Михайловной и Павлом Егорычем. Мы теперь хорошие друзья. После завтрака все трое собрались у Татьяны Михайловны. Генерал Киреев читал нам записку озаглавленную: «Избавимся ли мы от Нигилизма», которую он желает подать Государю.

В записке разбираются причины, породившие у нас нигилизм, и способы, к которым надо бы прибегнуть, чтобы застраховать от него юношество.

Мне кажется, Киреев пропускает выгодный случай промолчать, желая подать свою записку Государю. Я убежден, что его советы не только ни на что не повлияют, но даже будут пропущены мимо ушей, это еще лучшее из зол: он может и заплатить за свои слова. Но я Киреева уважаю именно за то, что он всегда поступает по совести, а не как ему выгодно.

*Павловск.**22. Июль.*

Сочиняю стихи «Ива».

*Гатчина.**23. Июль.*

Мы — т. е. Мама, Таня Лазарева и я — проводили Великую Княгиню Марию Павловну и Владимира до Гатчины. Когда их поезд тронулся, нас встретил на гатчинской станции П. С. Кеппен. Уселись вчетвером в коляску и нас повезли во дворец через сад.

На Гатчине, на ее парке, на дворце лежит печать одиночества, исторической старины и таинственности; когда туда ни приедешь, тебя охватывает дух древности, не принадлежащий никаким загородным петербургским дворцам. В Гатчине невольно из каждого угла старых дворцовых покоев как будто слышатся затаенные вздохи, глухие слезы, и смех, и смех, и веселье старых добрых годов.

Мы долго оставались в китайской галерее, рассматривая старые портреты и вычурную китайщину. Солнце, просвечивая сквозь желтые стекла, волшебным золотым цветом озаряло бронзы и китайские фарфоры; не хотелось уходить оттуда. — Нам не удалось видеть комнаты Павла I и его постель, на которой он умер, — не оставалось времени до отхода поезда...

*Кронштадт.**Июль. 29.*

В 9 ч. утра снялись с якоря под парами. Под руководством Скрыдлова и пользуясь советами других офицеров, я занимался уборкой якоря. Первая моя вахта на ходу была с 12-ти дня.

*«Светлана».**Финский залив.**Август. 1.*

Я еще недовольно понимаю парусную работу. Мне часто страшно становится, когда придет в голову парусная самостоятельная вахта. Я много молюсь Богу, вникаю во все окружающее. Спрашиваю охотно совета Павла Павловича (командир «Светланы». — Э. М.), не особенно доверяя Скрыдлову.

В сегодняшний день нахлынули черные минуты, одолевала тоска, казалось мне, что ничего-то я не знаю

и никогда не научусь быть порядочным моряком. Вспомнилось про дом, про Павловские комнаты, про балкон с вьющимися растениями, про спокойные дни. А здесь каждую минуту готовишься к чему-нибудь неожиданному...

«Светлана».

3. Август.

Опять голова разболелась и уныние нашло. Когда голова болит, всегда делается со мной тоска. Вспоминаются стихи, думается, как бы было хорошо вовсе не служить и заниматься по собственной воле, а главное, оставаться дома.

Мне все слышались чудные слова «Демона»...

Балтийское море.

4. Август.

Утром читал о новейших судах германского флота. Он должен иметь значительную будущность.

Вахта с 1—6 ч.

По артиллерийской тревоге командовал батареей. Около 6 ч. рвали учебную мину. — С 12 идем под парами, паруса закреплены, мертвейший штиль.

5. Август.

Читал я небольшую повесть Достоевского «Бедные люди», третий день уже читаю и сегодня кончил. Мне так страшно было грустно, следя за лицами, выведенными в этой повести, мне хотелось узнать, где во всем свете такие люди есть, и помочь им. Я еле удержался в кают-компании, прибежал в свою каюту, стал на колени у постели и расплакался. Долго не мог успокоиться, приходили в голову все грустные происшествия моей жизни и все больше плакал. Все, что я перечувствовал последние дни, все душевные невзгоды вытекли с этими слезами.

Теперь я себя чувствую отлично, и на вахту не лень идти, и не боишься ничего в будущем, и молится хорошо.

*Киль.**8. Августа.*

Опять меня стало разбирать уныние, меня пугает Копенгаген с разными празднествами. Стараюсь отгонять от себя мысль, что я не хочу служить во флоте. — Это мой дом — надо покориться судьбе.

9. Августа.

Молился усердно, прося Бога помочь мне в моем двадцать втором году быть честным человеком. В кают-компаниии меня радушно поздравляли...

*Копенгаген.**13. Августа.*

Меня встретили так мило, так радушно, как будто я домой к своим приехал. И Король и Королева так ласково приветствовали и расспрашивали. Я очень обрадовался увидеть нашу «душку Цесаревну», она месяца два как гостит в своей прежней родине. Она повела меня к своим детям, которые хотели меня видеть, они лежали в постелях и дожидали меня... Потом Цесаревна повела меня в другую комнату, где была кронпринцесса Луиза и принцесса Alix, хороша как день, на нее заглядываешься, так она изумительно красива и мила. — Потом все мы сошли вниз, в круглую комнату на вечер. В этой комнате я в первый раз увидел нашу Цесаревну, она была в трауре по женихе Цесаревиче и еще не была помолвлена за Сашу. Это было 14 лет назад в 65 году.

*Копенгаген.**15. Август.*

Ездил делать визиты принцессе Каролине, Кронпринцу и Вдовствующей Королеве. Стоял на вахте с 6 — полночи. Подобная жизнь очень утомительна.

17. Август.

Моя вахта с 8 утра. Ветер (sw) очень свежий, так и ревет. Старший офицер поехал на берег в музей Торвальдсена, я остался за него, а вместо меня на вахту вступил Толстой. Итак, я на несколько часов старший офицер, — халиф на час; бегая по палубам, смотрю, все ли в порядке.

Отдали второй якорь. Очень свежо. Съехал на берег... Застал Королеву, Минни и Аликс за чаем, немедленно уселся на пол — *ma position*. Потом Минни повела меня в комнату Алих, улеглась там на кушетку, и я снова сел на пол. Так мы провели время до обеда.

...Видно, что там всегда было и есть семейное счастье, между всеми существуют ясные и простые отношения, не то что у нас. Я понимаю, что и Саша и Минни приезжают сюда, чтобы отдохнуть от утомительного нравственного, неловкого положения в Петербурге.

Даже дети тут как-то веселее, свободнее и непринужденнее.

Вернулся около 9 ч.

18. Август.

С часа на час ожидают яхту «Царевна», на которой должен прийти Цесаревич из Штокгольма.

В 9 ч. утра на срочной шлюпке съехал на берег с офицерами. Пошли с Толстым, Денисовым и старшим доктором сперва менять деньги, а потом в музей Торвальдсена. Меня охватило благовейное чувство при виде простой могилы знаменитого ваятеля, покрытой плющом, посреди всех его произведений. Его Гермес понравился мне больше всего.

19. Август.

Цесаревич, наконец, пришел в 6 утра на частном пароходе из Мальмё. После завтрака я отправился являться к нему и остался там весь день. Славно было смотреть на Сашу и на Минни вместе, они оба глядят такими счастливыми.

Обед на этот раз был торжественным с музыкой, было много приглашенных, которые обедали в другой комнате,

а семья отдельно в столовой. — Король встал и пил за здоровье Саши, который очень сконфузился и покраснел, несмотря на свои значительные размеры и грузные формы. Саша скромн и застенчив до крайности.

Вечером все поехали к вдовствующей Королеве; она замечательно сохраняется, не скажешь, что ей пошел девятый десяток; мне она очень нравится, такая славная, важная старушка, сейчас видно, что королева; и у нее царствует мир и спокойствие, все так просто и мило и вместе с тем на большую ногу.

20. Август.

С полдня была моя вахта, я ... телеграфировал Цесаревичу, что не буду.

Я еще ничего не говорил о нашем фрегатском монахе; сегодня из-за него на фрегате произошли некоторые неприятности, чем я и воспользуюсь, чтобы описать личность священника. Отец Илья-второй поступил на фрегат на время этого плавания из Новгородского Сковородского монастыря; наружность его очень мало привлекательна; он пожилой человек с редкими с проседью волосами, лоб у него морщинистый и совершенно покатым кверху — признак неразвитости. Действительно, отец Илья чрезвычайно, до тупости неразвит и совершенно необразован; говорит он плохо, заикаясь и запинаясь даже при богослужении, и произнося букву «в» по мало-российски на «у». Как человек темный, он, конечно, не против крепких напитков. — У нас в кают-компани общество разделено на две половины; на одном конце стола золотые — флотские, на другом — серебряные, т. е. механики и штурмана. Сегодня за ужином один из штурманов подпоил Отца, так что тот совершенно вышел из границ приличия, особенно как духовная особа. — Тут пошли одни смеяться над священником, подбивать его говорить проповедь, другие, отчасти и я, возмущались этим. Впрочем, признаюсь, я не устоял и слушал «слово» отца Ильи «о душе». Разумеется, «слово» это было посмешище, и, наконец, общими силами уговорили попа лечь спать у себя в каюте.

Затем старший офицер стал протестовать, находя, что крайне неприлично напаивать священника, что это оказы-

вать неуважение кают-компания и непочтительность к духовному сану; провинившемуся молодому штурману крепко досталось, его осадили и он замолчал.

21. Август.

После завтрака отправился на берег. Зашел к антиквариам, купил себе старых резных шкапов, купил бронзового Меркурия Торвальдсена.

Копенгаген.

25. Август.

Я стоял на вахте с 8—12 и на этой вахте посетили фрегат Цесаревич и Цесаревна. По осмотре фрегата Цесаревич пожелал посмотреть парусное ученье. Поставили паруса и потом закрепили их. Потом пробили тревогу для батареи; артиллерийское ученье прошло гораздо лучше — самые лучшие старые матросы на барже для Саши и в карауле, так что хозяев главных снастей не было — не удивительно, что парусное учение не могло быть блистательно. Тем не менее и Цесаревич и Цесаревна остались совершенно довольны.

«Светлана».

26. Август.

Я ужасно устал — завтра мы уходим. Я со всеми прощался и благодарил за ласковый прием...

27. Август.

Мы снялись с якоря в 7 ч. 30 м. утра. Еще дней десять, а может быть и меньше — и я буду дома. Я считаю дни, числа, вахты, когда какие я буду стоять. Нетерпение растет все более и более.

Балтийский порт.

2. Сентября.

Ушли из Балтийского порта под парусами, не разводя паров, утром в 11 ч. на моей вахте.

Во время аврала я нахожусь на баке, за старшего. Иногда я втягиваюсь в общую работу, но часто отношусь так хладнокровно к окружающей меня возне, и находит такая апатия, что я впадаю как бы в сон, о чем-нибудь задумаюсь и ничего не слышу и не вижу. Мои товарищи давно и легко могли заметить, что я служу во флоте по необходимости, а не по собственному влечению. Я не хвастаюсь своими морскими знаниями, и только стараюсь узнать и научиться побольше.

Все мы очень любим Павла Павловича. П. П. Новосильский, капитан II ранга, командир «Светланы». Хотя он часто и очень на нас гневается за неумение или нерадение. Но он так ревностно и с такой любовью относится к морскому делу, которое знает до основания, и так всегда хорошо научит и поможет, что всех нас обезоруживает, когда сердится на нас...

3. Сентябрь.

С какой радостью я отстоял последнюю вахту на ходу и не спустился вниз!

4. Сентябрь.

На моей вахте начали тянуться. В Купеческих воротах спустили флаг: я перекрестился. Грустно. В последний раз спускать флаг, эта торжественность очень действует на душу. Втянулись в военную гавань замечательно быстро, менее чем в два часа.

Жаль, что прошли первые чудные минуты ожидания снова быть дома. Вчера, когда я подходил ко дворцу в Стрельне и не знал наверно, там ли Мама и Митя, и успокоился, когда увидел свет в окнах — как билось сердце. Одно из лучших чувств в жизни — ожидание и радость, когдаходишь в родную дверь.

Приближаясь к дому, мне всякий камушек, каждый самый незначительный предмет напоминал что-нибудь из прошедшего. С каким наслаждением я вбежал по лестнице и увидел первое знакомое лицо.

*Стрельна.**24. Сентябрь.*

Сегодня устроилась большая прогулка в Гатчину. Приехав в Гатчину, мы прямо отправились смотреть дворец. Ходили, ходили, блуждая по всем комнатам, с любопытством рассматривая портреты и всякие ценные вещи. Более всего заняли нас комнаты Павла I, и, в особенности, его постель, перевезенная из Петербурга, на которой он умер. На белье подушек видны пятна, похожие на кровавые следы, вид этот сделал мне тяжелое впечатление. Мы долго оставались с Николаем Федоровичем и Переславцевым в комнатах Павла Петровича, роясь в его книгах и бумагах. Нашли мы библию в красном бархатном переплете с золотыми крестами, в которую вложены какие-то масонские адреса с греческими и латинскими изречениями. Кроме того, тут было несколько книг мистического содержания и другие сочинения: memoir de Sully, гербарий, рисунки каких-то невиданных флагов, проповеди, какие-то книги конца прошлого столетия и т. д.

Нас повезли на место царской охоты, были мы в загонях, где вокруг нас бегали на свободе волки и лисицы, показывали нам борзых и гончих...

*Стрельна.**26. Сентябрь.*

Вечером после винта Николай Федорович читал нам разговор двух братьев Карамазовых Достоевского. Мы слушали напряженно развитие мысли и коллизии человеческих противоречий, о истязании детей, о финале бытия и невозможности гармонии. Спор поднялся ожесточенный, ум за разум стал заходить, кричали на всю комнату и ничего, конечно, не разобрали. Что за громадная сила мышления у Достоевского! Он на такие мысли наводит, что жутко становится и волосы дыбом поднимаются. Да, ни одна страна не произвела еще такого писателя, перед ним все остальное бледнеет.

*Петербург.**30. Сентябрь.*

Пока сегодня мы пили чай у Тети и все вокруг меня бойко говорили, на меня напало блаженное мгновение: я чувствовал себя как в царствии небесном, смотрел, улыбаясь на окружающих; жизнь казалась веселою и приятною и ничто, казалось, не могло смутить моего нравственного покоя. Но вскоре такое состояние омрачилось мыслию, что подобная минута нашла от нового знакомства с Христи, т. е. от любви к новому другу. Мне стыдно было признаться, что я могу еще любить друзей, верить в дружбу, восторженно, как ребенок.

Сегодня как-то вдруг захватила меня любовь к Елене, нахлынула тоска по ней, и моя жизнь показалась мне разбитой и несчастной без нее.

*Стрельна.**Октябрь. 8.*

Читал в Полном собрании письма А. С. Пушкина. Понравилось мне одно письмо, писанное в 22-м году к брату на французском языке. Брат Пушкина выходил из училища и готовился вступать в свет; в письме мне понравились советы относительно встреч с новыми людьми. Пушкин предостерегает младшего брата от увлечений и очарований, советует иметь возможно худое мнение о новых знакомых: оно само собою уничтожится при более тесном сближении; таким образом, не будешь встречать печальных разочарований, так больно действующих на молодую, доверчивую душу и уничтожающих прелесть и привлекательность жизни. Место это я переписал в свою книгу.

*Стрельна.**Октябрь. 6.*

Христи не приехал, и я остался недоволен вечером. А так бы мы славно могли провести его с Христи вдвоем на турецком диване, расшевеливая душу заоблачными разговорами. — В этом отношении увлекающая дружба к Христи — истинное благо для моего маленького нравствен-

ного мира, и я благодарю Бога за друга, присутствие которого имеет столь хорошее на меня влияние. Я всеми силами души ухватываюсь за всякую новую, возвышенную мысль, удерживающую меня от жизненной грязи, от вседневной, обыденной и пустой суеты...

Мраморный Дворец.

Октябрь. 8.

Я, кажется, еще не заметил в этой тетради, что с нового года хочу получить роту, а до тех пор буду присматриваться.

14/III — 31/X—1880

Фрегат «Герцог Эдинбургский» готовится в плавание. И. С. Тургенев хвалит картину Куинджи «Ночь на Днепре». К. Р. покупает картину. Музыкальное утро у Ю. Ф. Абаза. Поэт Апухтин и Петр Ильич Чайковский. В яхт-клубе катание на буерах. Конногвардейский парад. К. Р. зовет Чайковского в кругосветное плавание.

Вечер с Ф. М. Достоевским. Смерть Императрицы Марии Александровны. Государь Александр II осматривает корабли. Мечты о семейной жизни и о доме в русском духе. Отношения с отцом. Мастерская художника Маковского. Прогулки в Павловске. Царская Славянка. Слухи о новой женитьбе Царя Александра II. Ссора между царем и Великим князем Николаем Николаевичем. Русская святыня в иностранном Петербурге.

«Герцог Эдинбургский» в гавани перед уходом в море.

Петербург.

Март. Пятница. 14.

Во вчерашнем приказе по гвардейскому экипажу офицеры были расписаны по судам. На фрегат «Герцог Эдинбургский», на котором мой отец предполагает послать

меня старшим лейтенантом в кругосветное плавание, назначены мичмана: оба Стелиманы, Князь Щербатов, Нилов, Кн. Барятинский, Арсеньев, граф Толстой и князь Дондуков-Корсаков. Говорят, что А. В. Меньшиков будет на «Герцог» вторым лейтенантом.

Меня радует, что в продолжение трехлетнего плавания я буду жить в среде хороших, знакомых мне и дружных между собою людей. Все мои мечты сбываются; остается благодарить Бога, что я не выйду из общества товарищей, с которыми сжился почти за десять лет. — Жалко только, что Порецкий и Джангар не попали на «Герцог».

В прошлый вторник, на вечере у графини Annette Комаровской, Тургенев рассказывал про последнюю и еще не совсем оконченную картину Куинджи; он так художественно ее описывал, что мне захотелось непременно самому сличить рассказ с оригиналом. Вчера мы с Ильей Александровичем поехали отыскивать мастерскую Куинджи, он живет на Васильевском острове, на Малом проспекте, д. 16, кв. 4. Еле-еле нашли мастерскую, пролазив с четверть часа по разным закоулкам. Она находится под самой крышей и, вероятно, обращена из фотографии. Сам Куинджи небольшого роста, толстый, с большой белокурой головой и живыми голубыми глазами. Он не знал меня и смотрел с некоторым удивлением, тем более, что верно не ожидал найти любителя искусства под морским мундиром. Впрочем, он очень учтиво пригласил нас в мастерскую и поставил перед своей картиной.

Я как бы замер на месте. Я видел перед собой изображение широкой реки; полный месяц освещает ее на далекое расстояние, верст на тридцать. Я испытывал такое ощущение, выходя на возвышенный холм, откуда вдали видна величественная река, освещенная луной. Захватывает дух, не можешь оторваться от ослепляющей, волшебной картины, душа тоскует. На картине Куинджи все это выражено, при виде ее чувствуешь тоже, что перед настоящей рекой, блещущей ярким светом посреди ночной темноты.

Я сказал Куинджи, что покупаю его дивное произведение; я глубоко полюбил эту картину и мог бы многим для нее пожертвовать.

Весь день потом, когда я закрывал глаза, мне виделась эта картина.

2-я нед. поста.

Суббота. 15.

Я боялся за Олю весь этот день. Пятнадцатое число я считаю роковым. Пятнадцатого умер Eugène, пятнадцатого — Гавришев, Вячеслав тоже пятнадцатого. Все нет вестей об разрешении Оли от бремени.

Юлия Федоровна Абаза пригласила меня на музыкальное утро. Играли отрывок из оперы «Демон» А. Рубинштейна. Сам автор аккомпанировал на фортепиано. Партию Тамары пела А. В. Панаева, Демона — Прянишников. Елена Мекленбургская пела Ангела. Играли первую сцену первого действия и все последнее действие. Я нашел, что в комнате музыка «Демона» выигрывает сравнительно с театром. «Демона» очень трудно безусловно хорошо поставить на сцене. Начиная с фигуры самого Демона и всей обстановкой. Эта опера теряет на сцене. — Прянишников был очень хорош; его голос замечательно приятен и манера петь тоже...

Воскресенье. 16.

Здоровье Императрицы все хуже и хуже, у Боткина немного надежды. Развод отказали.

Князь Орлов, наш посол во Франции, приехал в Петербург. Он слушал у нас обедню. Пели прекрасно...

Понедельник. 17.

День Святого Алексея человека божия, именины А. В. Меньшикова. Дарю ему черную серебряную свинью с красными глазками, это теперь в большом ходу и называется porte-bonheur...

В пятницу я задумал вечер, опять от имени Мама и в ее комнатах. На этот раз приманкой будет служить И. С. Тургенев. Приедет Eugénie с мужем, Варвара Ильинична, Татьяна Михайловна, Г-жа Нарышкина, г-жа Мухартова и т. д.

Среда. 19.

Люди из моей роты, назначенные на «Державу», сегодня были отправлены в Кронштадт.

Картины Верещагина были выставлены в концертном зале Зимнего дворца, где их смотрел Государь. Я слышал, что Он остался недоволен направлением Верещагина и не пожелал его видеть. В Большом театре был инвалидный концерт.

Я провел прелестный вечер у Веры Васильевны Бутаковой: она обещала мне познакомить меня с Чайковским — лучшим нашим композитором, и пригласила и его. Был еще брат его Анатолий, Апухтин и Щербатов.

Петр Ильич Чайковский на вид лет 35, хотя лицо его и седеющие волосы дают ему более пожилую наружность. Он небольшого роста, довольно худой, с короткой бородой и кроткими умными глазами. Его движения, манера говорить и вся внешность изобличают крайне благовоспитанного, образованного и милого человека. Он воспитывался в училище правоведения, был очень несчастлив в семейной жизни и теперь исключительно занимается музыкой.

Апухтин известен непомерной толщиной и прекрасными поэтическими произведениями, которые он ни за что не соглашается печатать: он помнит и говорит их наизусть.

Вера Васильевна упростила его прочесть нам что-нибудь; он сказал «Венецию», мало известное свое стихотворение. Оно так хорошо, что по мере того, как он его говорит, боишься, что оно скоро кончится, хотелось бы еще и еще слушать.

Меня заставили играть; мне хотелось сыграть романс Чайковского, но я боялся. Брат его поет; я аккомпанировал ему «Слеза дрожит», потом играл «Нет, только тот, кто знал» и потом романс *B-molle*.

П. Чайковского попросили сыграть что-нибудь из его новой, еще не напечатанной оперы «Иоанна д'Арк», он сел за фортепиано и сыграл хор-молитву. Мы все были в упоении от чудной музыки, это тот момент, когда народ признал в Иоанне пророческий дар, и она обращается к толпе, призывая ее вознести молитву к Господу Богу. Форма сочинения напоминает молитву 1-го действия Лоэнгринга: голоса постепенно возвышаются, все усиливаясь, и, нако-

нец, вместе с оркестром достигают fortissimo и высшей ноты. Этот morceau d'ensemble должен быть чрезвычайно хорош и эффектен на сцене.

После ужина Апухтин прочел еще несколько стихов своего сочинения. Мы разошлись в 2 часа. — Чайковский сделал мне самое приятное впечатление.

Март. 22.

Сегодня утром репетицию парада в манеже конного полка делал Цесаревич. Мы с Митей довольно изрядно проделали свои обязанности ассистентов.

После лекции Верховского съездил в роту. Был у Варвары Ильиничны, пришел ее сын, прелестный маленький белокурый мальчуган, сел на пол и очень свободно разговаривал. Непременно хочет, когда будет большой, писать русскую историю.

Вчерашний вечер с Тургеневым расстроился, он несколько раз подвергался подозрениям в революционном направлении, и хотя эти предположения вовсе не основательны — нельзя напрасно делать Мама целью вздорных слухов. — В утешение я сегодня затеял вечер с Достоевским, пригласил Евгению, Варвару Ильиничну, Татьяну Михайловну. Вечер был в маленьком кабинете Мама, и приглашения я рассылал ее именем, хотя она сама не могла показаться по болезни. Евгения была очень довольна Достоевским, проговорила с ним весь вечер...

1880.

Март. 23.

Утром были репетиции в конногвардейском манеже. За обедней я очень хорошо молился. Потом меня потащили в Яхт-клуб, кататься на буере. Я не охотник до всяких упражнений, которые англичане называют sport, и когда sport вдобавок сопряжен с морозом, я совсем падаю духом. Но отказаться было неловко; кататься под парусами, хотя и по льду, дело морское. Я прозяб сильно, чуть не опоздал к обеду у Государя.

Благовещение. 25.

Настал страшный день. К 11 ч. мы с Митей явились в манеж конного полка, он был роскошно убран флагами, красами, пиками и касками.

Хотя мне было немного неприятно участвовать в конногвардейском параде будучи ротным командиром в гвардейском экипаже, все же хорошо изредка пощеголять в красивом белом мундире, я знаю, что он более мне к лицу, чем все другие, некоторые мне говорят, что с каской на голове я похож на Николая I.

В манеже множество дам, нетерпеливо ожидавших зрелища, наполняли ложи. Наконец, все в полном уборе, мы встали по местам. Начали подъезжать генералы по порядку чинов. Напряженное ожидание приезда Царя возрастало с каждым мгновением. Наконец, он явился — раздалось «Боже, Царя храни», и громовое «ура» пронеслось по всему манежу.

Парад прошел очень благополучно. Государь остался весьма доволен.

Я усердно писал ноты своего нового романа, он почти готов. В Зимнем дворце в концертном зале в 6 ч. у Государя был большой обед для офицеров Конного полка; я опять был в конногвардейской форме. Сидел между Новосильцевым и Сережей Бибиковым, братом Варвары Ильичны.

Поехал в благотворительный концерт, составленный исключительно из сочинений Чайковского. Был в красном мундире и страшно конфузился, пока не приехала Цесаревна и не села возле меня. Мне нужно было спешить домой, но она меня не пускала, боясь остаться одной. Наконец, мы вместе уехали...

4-я нед. поста.

Март. 29.

...Я снова хочу приняться к составлению записок о 10 днях под Силистрией; не знаю, с чего начать и в какой форме описывать...

Читал «Записки из войны 77—78 гг.» полкового священника в «Русском вестнике».

Март. 30.

Пишу поздно ночью, под впечатлением прелестно проведенного вечера; у меня был П. И. Чайковский, Щербатов и Нилов; разговор, главным образом, шел о музыке, об опере. Мы вздумали предложить Чайковскому уйти с нами на «Герцоге» вокруг света; он очень сдается на наше предложение. Но является крупное препятствие, согласится ли начальство. Было бы хорошо, если бы судьба устроила это дело.

Товарищи нашли у меня на фортепиано когда-то написанный мной романс на слова Толстого: «Когда кругом безмолвен лес дремучий»; заставили меня играть его; он написан начерно, без слов, я еле-еле разбирал его, а Петр Ильич и подавно. Последняя высокая фраза «и хочется сжать твою родную руку», с которой я носился, как с писаной торбой, им понравилась, и они долго еще ее напевали.

Мы, т. е. я, простился с Чайковским с видным обоюдным радушием, как будто мы давно знакомы и даже дружны. Его близорукие глаза светились добрым, ласковым светом, в них проглядывает ум. — Хотя нас было всего четверо, мы незаметно просидели до 2-х часов, разговор не прекращался.

Март. 31.

На днях меня выбрали почетным членом общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, — это москвичи, вероятно, почувствовали, что я питаю нежные чувства к Москве.

Апрель. 9.

Мы собрались с Сергеем поехать к литургии преждеосвященных даров в Сергиевскую пустынь, а потом позавтракать в Петергофе у Христи. Все это я тщательно скрыл от Папа и Мама, а то бы меня не пустили, испугавшись за мое здоровье. Сергей заказал четверку. В 7 1/2 меня разбудили, через час я был уже у Сергея. Утро стояло восхитительное! Нева искрилась голубым блеском, воздух был теплый и ясный. Нам с Сергеем было так отрадно и весело. Дорога к Сергию совершенно высохла, снег давно стоял и грязи не оставалось нисколько. Ивы уже получают

зеленоватый отлив: «То было раннею весной, трава едва всходила...»

В монастыре мы стояли обедню в Чернышевской церкви. В алтаре отпевали какого-то Плещеева, служил сам настоятель.

После обедни поехали в Петергоф. Проезжали мимо Стрельны; столько рождалось светлых воспоминаний о проведенной там осени. Мне было так приятно, что мы проезжаем через мою родину (я родился в Стрельне) и прохожие меня узнавали и кланялись...

10.

Завтракали у Владимира — праздновали его рождение.

Погода все такая же чудная. Во вчерашнем приказе мне, как выздоровевшему, предписывалось вступить в исполнение обязанностей. Сегодня я поехал в первый раз в роту. С таким удовольствием снова вошел туда; мне казалось, что и матросы обрадовались, увидя меня. Одно из сильнейших моих желаний — приобрести любовь товарищей и подчиненных.

Апрель. 15.

...В 4 ч. с Митей у Сергея. Он повел нас к Императрице. Она сидела на постели в спальне и поразила меня страшной худобой, поседевшими волосами и постаревшим, измученным лицом. Она приняла нас крайне ласково, вспоминала, что в прошлом году она приехала в этот день в Крым, что я был с нею, что завтра приехала Оля... Больно слышать, как она тяжело дышит и стонет...

Петербург.

Преблагословенная суббота. 19.

У Государя был обед депутации прусских офицеров: они скоро уезжают и потому пришлось угощать их на Страстной. Вечером я отправился на извозчике в роту. По дороге расспрашивал его, как он будет встречать Праздник. Извозчик отвечал, что должен ездить всю ночь,

чтобы расплатиться с хозяйкой и что не может попасть в церковь. Я дал ему 5 рублей, чтобы он мог пойти к заутрене и расплатиться. Он был очень, очень счастлив, а я и того больше.

Петербург.

Св. Воскресенье.

20. Пасха.

Ровно в полночь начался выход в большую церковь; Государь шел под руку с Цесаревной. Начали торжественное богослужение, Христос Воскресе! Как светло и легко становится на душе при звуках этого пения, пасхальная служба так хороша, невольно забываются все мирские горести, хочется радоваться и ликовать. Какой у нас славный обычай христосование, он отлично выражает общую радость и примирение в воскресшем Господе.

Мама бедная оставалась одна, в нашей домашней церкви. По окончании обедни и разговенья в Зимнем мы вернулись поздравить ее и христосоваться.

Потом я поехал в свою милую роту, люди уже вернулись из церкви. Ждали меня, разговенье было готово. Я всех поздравил, велел разойтись по взводам и начал христосоваться с каждым поочередно. Я был очень счастлив, хотелось, чтоб всем было весело...

Пасха. Апрель.

Апрель. 22.

Петербург ликует: министр народного просвещения, обер-прокурор Синода Граф Толстой смнен после четырнадцати лет управления министерством. Его должность разделена на два самостоятельные места: министром назначен Сабуров, а обер-прокурором Синода — Победоносцев. Все поголовно в восторге от отставки Гр. Толстого. Многие довольны назначением Сабурова, другие опасаются для него немецкого влияния. Некоторые радуются, что Лорис-Меликову легко будет заставить плясать под свою дудку нового неопытного министра, чего невозможно было достигнуть с Гр. Толстым.

Май. 8.

Оля приезжает к нам в этом месяце с тремя сыновьями. Я не знаю, как выразить свою радость.

Устроил у себя вечер с Федором Михайловичем Достоевским. Цесаревна слышала его чтение на каком-то благотворительном концерте, осталась в восторге и пожелала познакомиться с Ф.М. Я предложил ей вечер. Пригласил Елену Шереметеву, Евгению, Марусю, Федора Михайловича попросил привезти книги и прочесть что-нибудь из своих произведений.

Все из званых были, кроме Сергея, не знаю, что его задержало. — Ф.М. читал из Карамазовых. Цесаревна всем разлила чай, слушала крайне внимательно и осталась в восхищении. Я упросил Ф.М. прочесть исповедь старца Зосимы, одно из величайших произведений (по-моему). Потом он прочел «мальчика у Христа на елке». Елена плакала, крупные слезы катились по ее щекам. У Цесаревны глаза тоже подернулись влагой.

А я был в полном умилении.

Днем видел Елену на Морской: она ехала одна в коляске и была так хороша! Я ощутил прилив любви к ней. «Не верь мне, друг, когда я говорю, что разлюбил тебя; в отливе волн не верь измене моря, оно к земле воротится любя!»

Я думаю посвятить ей свой романс на эти слова.

Мое чувство к ней остается в глубине моей души непонятным и неразгаданным мной самим. — Я не могу выразить словами разлада разных ощущений при мысли об Елене. То кажется, что я люблю ее всей силой, а то совершенно равнодушен... «Оно воротится любя» — эти слова часто мне припоминаются в приливе любви.

Я все время в очень возвышенном духовном расположении. —

Май. 10.

Дни проходят скоро, а я ничего не знаю. Духовное расположение продолжается, а вместе с тем я ничем дельным не занимаюсь, разве сочиняю романсы. Боюсь так привыкнуть к пустому убиванию времени, что потом ничего путного из меня не выйдет. Не могу найти себе свободного

времени. По вечерам не хватает силы воли остаться дома и взяться за книгу, а часы бегут...

Новый романс кончил. Написал Оле в Вену. Два раза был в роте. У Сергея собрались гости слушать лекцию В. Безобразова о его путешествии по России...

Май. 11.

Скоро наступит совершеннолетие Мити. Теперь уже идут хлопоты. — Я дарю ему запонки (очень дорогие) с «ХХ», и золотой портсигар с надписью из синей эмали *fac simile*: «1-го июня 1880-го г.», изречение «Делу — время, потехе — час» и моим славянским шифром.

Купил себе пару серых лошадей четырех лет, покупкой занялся Митя.

Папа хочет переехать в Павловск, а Мама боится сырости и остается здесь...

Государь переехал сегодня в Царское село к великому соблазну многих верноподданных: Императрица лежит здесь, нет и речи о ее недуге. Находят неудобным, что, когда ей немного остается жить, Царь переезжает. Мы стараемся приискивать этому благовидные причины. К сожалению, неблаговидных более, чем благовидных...

Май. 15.

...Папа приехал в город из Павловска на спуск клипера «Вестник».

В $\frac{1}{2}$ 1-го мы отправились с ним на «Голубке» вверх по Неве на Невский завод. Клипер сходил по стапелю чрезвычайно медленно, мы боялись, что он остановится, но он спустился совершенно благополучно.

Опасаются войны с Китаем, готовится сильная эскадра: все наличные суда отправляются в Китайские воды, вице-адмирал Шестаков получил назначение командовать всей эскадрой. «Герцог Эдинбургский», строящийся на Балтийском заводе у Г. Кази (на котором отправится гвардейский экипаж и я в том числе), тоже хотят послать туда. — Я очень беспокоюсь, что «Герцог» не успеет к осени, и опять придется целую зиму киснуть в Петербурге.

Май. 20.

Вечером Оля пригласила В.В. Бутакову; пили чай у меня; приехал Сергей, Папа пришел. Читали стихи Толстого и Хомякова. Отлично провели время. Я не привык проводить время с Папа, особенно вечером за чаем и при дамах. — Он был очень ласков, я совсем не рассчитывал на его любезность. Даже Сергей нисколько его не боялся и не конфузился.

Играл Вере Васильевне свой последний романс.

Май. 21.

Мои именины: у нас тройной праздник: — именинники в трех поколениях: отец, сын, внук...

Май. Четверг. 22.

Съездил в роту. Вернулся домой около полдня, заметил суету и испуг на всех лицах. Мой человек сказал мне, что сегодня утром скончалась Императрица. Это известие поразило меня, как громом. Бросился обшивать крепом погоны, аксельбанты. Я полетел во дворец, на лестнице встретил Папа: он от Государя из Царского через посланного казака узнал о кончине Тети. Государь получил известие рано утром и в 10 ч. уже приехал в Петербург.

Вчера вечером еще Императрице нисколько не было хуже. В 3 ч. утра она еще звала Макушину и кашляла. Затем Макушина, долго не слыша обычного звонка, вошла в спальню. Императрица спала спокойно, положив руки под голову. Макушина пощупала пульс, он не бился, руки похолодели, а тело теплое. Она послала за д-ром Альшевским. Он решил, что все кончено. От всех скрывали смерть, дали знать Царю в Царское Село.

Около 9 Гаврилов, камердинер Императрицы, пошел разбудить Сергея. Ничего не подозревая, он просыпается, видит Гаврилова, который говорит «Императрица»... и крестится. Сергей опрометью побежал к матери. Мари, собираясь идти к кофе Императрицы, узнала о ее смерти случайно от обер-гофмаршала Грота. — Императрицу оставили в том положении, как она была до приезда Государя. Тогда ее обмыли, одели, сложили руки на груди и

положили на той же постели. В 1 ч. по п.д. была назначена панихида. Ошеломленная семья вся собралась тут.

Я видел Сергея раньше панихиды, пока никого не было. Мне больно на него смотреть. Я много плакал. А у ней такое тихое, кроткое выражение, несмотря на то, что лицо немного скривилось. Мне казалось, что можно было прочесть едва заметную укоризну в выражении ее лица. Мною овладело одно чувство: желание быть полезным Сергею...

Уже давно боялись минуты, когда Императрицы не станет: не говоря уже о том, что кончина ее величайшее горе для семьи, но и для всей России это незаменимая потеря. Незаметным образом Императрица была как бы последним пунктом нравственного порядка и приличия; с ее кончиной преграда рушится, и легко может статься, что мы будем переживать тяжелые минуты, придется не раз краснеть за свое время.

Остается надеяться на Бога: все к лучшему, Он не попустит полного разрушения.

23.

В 1 ч. п.п.д. панихида в спальне Императрицы. После вскрытия лицо ее приняло еще более спокойное, задумчивое выражение, чем вчера. Вся постель была покрыта легким тюлем, по которому лежали разбросанные белые розы: это напоминало нарядное бальное платье.

По вскрытии оказалось, что Боткин был совершенно прав: одного легкого не существовало, в другом нашли две значительные каверны, в сердце не оказалось органического недостатка, желудок в окончательно расстроенном состоянии.

Я оставался у Сергея после панихиды, он почти не бывает у себя, все остается при теле покойной матери...

По духовному завещанию ее выставят не в залах, а в большой дворцовой церкви, похоронят не в серебряном парчовом платье, а в белом атласном саване и без короны на голове...

Она завещала Ильинское (подмосковное имение) Сергею. Государь назначил его исполнителем духовного завещания, ему придется ехать в Ильинское, мне бы хотелось его сопутствовать.

24.

Тяжелый день для бедного Сергея, Императрицу переложили в гроб. Она лежала на кровати, усыпанной ландышами, Государь и сыновья подняли ее с постели и положили в гроб, покрыв императорской порфирой.

Тут начался выход через Белую залу, 1-ю запасную половину и Александровскую залу в большую церковь. Там панихида.

В Петербурге с утра большое движение. В 12 ч. началось перенесение тела покойной Императрицы из большого Собора Зимнего дворца в Петропавловскую крепость.

После короткой литии Государь и его дети приложились к телу, затем они и мы, прочие Великие Князья и иностранные принцы, подняли гроб и понесли по большим залам и главной лестнице на посольский подъезд. Внизу, в большом дворе, ожидали лица, участвующие в погребальном шествии. Дождь, ливший все утро, прошел, только что печальная колесница показалась из ворот, облака очистились и засияло солнце. На площади и на всей дворцовой набережной стояли шпалерами гвардейские полки. Шествие было особенно длинно и торжественно. Царь, Наследный принц Германский, австрийский великий герцог Вильгельм и прочие принцы ехали верхами, мы все шли пешком за гробом.

Мне было больно и тяжело за Сергея, он никогда или очень трудно плачет, перенося свое горе молча, не высказываясь. Сегодняшний день должен раздирать его душу.

Дул очень сильный SW. Наши яхты были вызваны из Петергофа и стояли вдоль Невы от Зимнего дворца до Троицкого моста с приспущенными флагами, гюйсами и штандартами Императрицы. Все это должно было напоминать Сергею веселые дни, когда мы с ним любовались на эти яхты в первые теплые дни и веселились в кругу моих товарищей.

Через минуту воздух оглашался выстрелом с Петропавловской крепости. Вода в Неве сильно поднялась от свежего западного ветра, разводные части Троицкого моста, по которому проходило погребальное шествие, встали горбом; было трудно спускать огромную колесницу по крутому скату. Все обошлось благополучно.

Петропавловский собор приветствовал заунывным колокольным звоном приближающееся печальное шествие. Я нахожу что-то трогательное в мысли, что мы все найдем тихое, постоянное пристанище в этой церкви.

Царь и мы все внесли гроб в собор и поставили его на огромном катафалке, обтянутом красным сукном с золотом. С потолка Собора висел высокий серебряный подбитый горностаем покров в виде купола, прихваченный у средних четырех столбов.

Мне нравится величественная, торжественная, даже несколько праздничная обстановка, окружающая грустные человеческие останки. Как хорошо действует на душу песнь «Христос воскрес из мертвых» на погребальных службах между Пасхой и Вознесением.

За вечерней панихидой мне почему-то стало очень грустно и я прослезился, подходя к телу бедной Императрицы. — Она очень изменилась лицом; оно совершенно закрыто тюлем, его почти не видно.

27.

Сегодня приехал Сандро Болгарский. Я надеюсь, что он привез с собой Ползикова.

Утром и вечером были на панихидах в крепости. Приехали Waldemar Датский и Hertmann Саксен-Веймарский.

Был у Нилова на «Нике».

28.

Сегодня отпевали и хоронили императрицу Марию Александровну. В этот же самый день, пятнадцать лет тому назад хоронили Цесаревича Николая Александровича.

Я приехал в крепость к началу обедни. Служил митрополит Исидор. Завтра Вознесение, сегодня последняя пасхальная служба, в последний раз пели «Христос воскрес». — Бедный Сергей был бледнее своего белого кирасирского мундира, у меня сердце болит, глядя на него. —

Во время обедни Государь находился не внутри церкви, а в комнате у входа. Он вошел в собор под конец литургии.

Из огромного дежурства многим делалось дурно от

долгого стояния. Фрейлине Тютчевой пришлось оставить свое место у гроба, одному офицеру сделалось дурно, нескольких человек Николаевского Кавалерийского училища увели.

Началось отпевание. Ужасные минуты, чувствуешь, что вот-вот настанет конец и ничего больше не останется на этой земле от жизни хорошего человека.

Наступили минуты прощания. Дети окружили гроб, с тоской в последний раз вглядываясь в любимые черты, уже близко держат крышку гроба, снимают покров, цветы. Такое невыразимое мучение. Многие из нас положили образки и крестики в гроб. Вот его закрыли, понесли к могиле, опускают. Раздалась пушечная и ружейная пальба. Посыпался песок в могилу, цветы и последние слезы. У Сергея их не было, он стоял бледный, с истерзанным лицом.

И все кончено.

Май. 30.

Ездил провожать «Царя» Болгарского (как мы называем Сандро, подражая народу в Болгарии) на Варшавскую дорогу... Мне бы очень хотелось побывать у Сандро в Софии. Нынешнее лето он собирается провести в горах, в монастыре св. Иоанна Рыльского. Это древний болгарский монастырь, уцелевший в прежнем виде. С каким наслаждением я побывал бы там. Обедали с Олей у Мари. Потом были у Сергея. Оля была очень грустна. Она плакала, видя его печальное настроение. Он читал нам письмо покойной Тети (Императрицы, матери Сергея. — Э.М.), где она дает советы Сергею и Павлу и просит их за себя молиться, особенно после своей смерти, и во время свершения таинства на литургии. Вот отчего Сергей молился на коленях, когда пели «Тебе поем»...

31.

Ездил с Папа в Кронштадт. Погода хорошая, не жарко, не холодно. Были на «Светлане», она на днях уходит в Средиземное море, ею командует Гр. Литке... — Были на «Генерал-Адмирале», на катерах «Пластун» и «Стрелок».

Были на «Забияке», на «Африке» и на «Варяге», на котором идет морское училище.

Вернулись в 8 $\frac{1}{2}$.

Июнь. 1.

Папа пожелал просить назначения попечителя мне и Мите. Он хочет министра финансов Грейга. Мама возмущена этим выбором, я тоже не совсем доволен. Грейг пользуется дурною славой не только в нашей семье (кроме Папа, который его считает своим другом), но и в общественном мнении. — Вечер провели с Олей у Цесаревича на Елагином. Цесаревна так мила.

4.

Поехали с Мама, Олей, детьми и свитой в Павловск — погулять. Папа нас встретил в коляске и повез кататься. Никогда не видел я Павловский сад в таком блеске: сирень в полном цвету, дубы и липы уже совсем покрылись свежей зеленью. Птицы поют, пахнет так чудно. Были в Розовом павильоне, и на Английской, и на Константиновской дорожках, и в Старой, и в Новой Сильвии, и на ферме, объездили почти весь парк.

Дома я забегал в свои милые комнаты. Пошел погулять рука об руку с Олей; были у «Памятника родителям», и на дорожках вокруг пруда, где стоят нависшие над водой мои любимые березы.

Июнь. 7.

...У меня написан еще романс, род баркаролы на слова Майкова «Далеко на самом море». Теперь всего пять романсов, я отдал их напечатать.

Духов день. 9.

Оля уехала в Царское. Мне не хотелось ехать с ней. Я думал тайком вечером погулять в Павловском наедине и поехал к 7-часовому поезду. Погода стояла хорошая, я пошел по Красной долине, часто останавливался и слушал птиц.

Вдруг меня встречает придворная коляска — я прыгнул в канаву, чтобы спрятаться. Но меня увидели и окликнули: в коляске были Оля, Цесаревна, Мари и Сергей. Повезли меня в Царское. Пили чай в комнатах Мари, был Государь. Как только можно было, я удрал в Павловск к Кеппенам, которые на днях переехали.

Вернулся я последним поездом.

Июнь. 13.

Я полон звуков своего последнего сочинения, играл и пел его своим скверным голосом Оле и Павлу Егоровичу — им обоим понравилось. Были с Олей в Академии художеств. Более всего мне там нравится «Дуэль» Жерома в Кушелевской галерее.

16.

Утром из роты заехал в магазин старинных вещей М-м Якобсон и купил бронзовую фигурку Александра I в сюртуке с эполетами и треугольной шляпе; я думаю, очень редкая вещь...

23.

Ходил в Свите Государя Кронштадский восточный рейд. Государь посетил крейсер «Европу» и клипера «Стрелок» и «Пластун», отправляющиеся в Китай. Затем Государь был на недавно пришедшем итальянском корвете «Cristoforo Colombo» и на шведской канонерке «Rota». — Погода прелестная. — На решение берлинской конференции об утверждении границ — Турция отвечала отказом...

25.

С первым поездом поехал в город. Был в роте, потом собрался посмотреть фр. «Герцог Эдинбургский». Он стоит в Неве у Балтийского завода, где директором бывший моряк Кази. Меня встретил старший офицер фрегата К.П. Кузмич, мой бывший ротный командир. Он показал мне все работы по фрегату; явился и сам Кази. Мы лазили по всем закоулкам около часа.

30.

Сегодня сороковой день по кончине Императрицы; мы все поехали в город к заупокойной литургии в крепости. На пути Государь пожаловал мне знак минного офицера за то, что я прослушал весь курс минных лекций Владимира Павловича Верховского. Не считаю себя несколько достойным звания минного офицера: прослушать курс лекций далеко еще не значит усвоить их. — Знак этот доставил гораздо больше удовольствия Папа, чем мне самому.

7.

С раннего утра, облекшись в конногвардейский мундир, полетел с Грейгом на Празднование пятидесятилетнего юбилея зачисления Государя в Кавалергардский полк. — Церковный парад, большой завтрак, жара, пыль и мало впечатлений. Прощеголяв в своем белом облачении, вернулся с Папа в Павловск.

Яхта «Держава».

Июль. 13.

...Я желал бы принять мученическую смерть. Но далеко мне до этого, не такую я жизнь веду, во мне не довольно «целомудренны мечты», как сказал Языков. — Большею частью у меня есть стремление или к самому крайнему благочестию или к необузданному разврату: редко я остаюсь в состоянии среднем между этими крайностями. Я думаю, это признак бесхарактерности, тем более, что я никогда или почти никогда не привожу в действие свои влечения, а перевариваю их в мыслях. Я слишком много думаю и обыкновенно совершенно произвольно. — Впечатления долго у меня не остаются, а беспрестанно сменяют друг друга. То я сочиняю стихи, то пишу музыку, то собираюсь приняться за коллекцию старинных вещей, то готовлюсь в государственные люди. Я думаю, в конце концов, из меня выйдет Райский в «Обрыве» Гончарова. Я всего более этого боюсь. — Как мне досадно, что на вид я всем нравлюсь, что меня находят приятным молодым человеком, с дарованием, и многообещающим, — а я как

грибы крашеные, внутри которых гниль и всякая нечистота.

Впрочем, я верую в милость Божию, я не теряю надежды сделаться порядочным человеком. Слава Богу, я никогда еще не впадал в полное уныние и никогда не падал духом.

Павловск.

Июль. 17.

Целый день шел дождик, сыро и холодно. Надо было поехать в город, в роту и сделать разные заказы. Потом на Балтийском заводе был спуск клипера «Опричник», где мне также надо было быть. Туда приехал и Папа и Алексей и все морское начальство. Клипер сошел совершенно благополучно. Папа поехал на «Герцог Эдинбургский», пробовали машину на якорях. Работы идут там успешно, мы не теряем надежды выбраться осенью из Петербурга. Папа еще заходил на завод, смотрел машину на «Опричнике».

Вернулись в Павловск в шестом часу...

Павловск.

18.

Пошел гулять на кладбище — для меня настоящее удовольствие читать надгробные надписи. Погода теплая, хорошая. Возвращаясь, неподалеку от дома встретил Татьяну Михайловну и прошелся еще с нею. Я говорил ей про свои мечты о тихой семейной жизни, о том, какой у меня будет дом в чисто русском вкусе, вроде теремов. Мне потому так и хочется не засидеться в Петербурге зимою, а уйти в море, чтобы раньше вернуться, жениться и зажить себе счастливою семейною жизнью...

...Потом у меня очень болела голова, так всегда у меня бывает в дождливое время...

Стрельна.

Июль. 19.

После завтрака у Сергея уехали с Мама в Стрельну; здесь мы рассчитываем остаться несколько дней. В

Стрельне дышится свободнее — вдали от большого двора, среди полной тишины и спокойствия. Как я ни люблю Павловск, как ни привязан к отцу — все же там чувствую стеснение и как-то неловко. Я с Папа почти никогда не бываю совершенно покоен: он так поработан своими привычками и требует подражания им, что чувствуешь себя как в деспотическом государстве. Может быть, я и преувеличиваю сравнение, но совершенно от него не отказываюсь. В Стрельне я сам себе барин, здесь живетя как на даче.

Август 4.

К. Маковский будет писать с меня портрет; это мой подарок Мама перед плаванием. Он пишет меня сидящим на стуле, просто в сюртуке, облокотившись на руку. —

Ездил в город, надо было принять деньги для второй роты...

5.

Со вторым поездом поехал в город, в мастерскую Маковского. Он держал меня два часа; у него много прекрасных вещей, картин, портретов и древностей. — Не пришлось соскучиться. — Я много читаю последнее время, и с увлечением. Павел Егорович дал мне в русском переводе Гетевского «Вертера». Потом я непременно прочту его в подлиннике. Читаю 2-й том Сборника государственных знаний.

Всем обществом ездили пить чай в Елизаветинском павильоне.

Папа эти дни весел и ласков как с Мама, так и с нами, обеды проходят очень мирно, без сцен и тому подобных неприятностей. — Когда он в хорошем расположении, я чувствую к нему прилив нежности и его присутствие меня не стесняет, что случается каждый раз, если он мрачно и раздражительно настроен.

И Мама тоже становится к нему доверчивее в его хорошие дни.

Вертится в голове музыка на слова Хомякова: «Я видел, как посланник раз...», но трудный аккомпанемент, звучащий в голове, никак не клеится.

Преображение господне. 6.

По-настоящему, мне, яко флигель-адъютанту, следовало бы находиться в свите Государя в лагере на празднике Преображенского полка. Но придираясь к букве закона и пользуясь положением ротного командира, занятого своей службой, я воздержался от излишнего и неприятного рвения к придворно-гвардейской суете.

8.

Утром гуляли с Татьяной Михайловной и Павлом Егорычем. Были на нашем прелестном кладбище. Теперь всюду цветет пахучий, душистый горошек — я так люблю эти цветы, хотел бы, чтобы моя могила была ими убрана.

*Павловск.**Август. 11.*

День прекрасный, быть может, последний настоящий летний день. Мы с Татьяной Михайловной утром пошли в поле, погулять по живописному берегу Славянки. Я с детства люблю это поле, засеянное рожью и овсом, где тут и там синеют васильки, люблю быструю речку с небольшими порогами и крутыми берегами. С самых ранних лет в моей памяти врезался обширный вид на Царскую Славянку, на извилины речки и на большую кирху под соломенной крышей вдаль. В этом поле дышится свободнее, невольно забываешь и свист локомотива и городскую жизнь. ...

Тут мне так показалось хорошо, что после завтрака я отыскал Володю Кеппена и повел его показать свое милое поле. Но мы пошли другой дорогой, не городом, а через кладбище, которым я тоже люблю похвастать перед приезжими.

День был теплый, мне очень захотелось выкупаться в Славянке, неподалеку от первого порога. Но тут уже были купальщики. Мы с Володей в ожидании, что все уйдут и место останется свободным, походили взад и вперед вдоль берега, перебрались по камушкам через порог и сидели на траве. Когда все купальщики ушли, я разделся на траве и бросился в свежую воду. Страх как люблю купаться на открытом воздухе.

Мне все чаще приходит в голову, что не скоро придется наслаждаться жизнью дома, и грустно становится при мысли долгого отсутствия.

Я и теперь наслаждаюсь прелестями северного лета — воображаю, как стоскуюсь по ним вдали от родины.

12.

Вышел единственный номер за нынешний год «Дневника писателя» Достоевского.

14.

На днях последовал Высочайший указ, произведший на всех Русских самое приятное впечатление. III-е отделение собственной Е.И.В. канцелярии упразднено в своем прежнем значении и отдано министерству внутренних дел. Министром назначен Гр. Лорис-Меликов, а верховная распорядительная комиссия отменена. По этому случаю вышла прекрасная статья в сегодняшнем «Голосе».

Вместе с этими хорошими известиями все общество, а в особенности наша семья озабочена слухами, касающимися Государя. Многие утверждают, что Он женится, другие же, что скоро женится. Главное беспокойство в сомнениях о том, какое положение займет бывшая княжна Д., будет ли она признана законной Супругой и станет членом семьи или же ее отношение к Государю не изменится относительно прежнего.

Кроме того, много говорят о ссоре между Государем и Великим Князем Главнокомандующим из-за появившихся во французской «Nouvelle revue» записок о нашей последней войне, где действия и влияния Государя выставлены в самом безобразном виде. Дело в том, что подробные сведения могли быть представлены в французский журнал только лицом, совершенно посвященным в дела Главной квартиры и никак не помимо Николая Николаевича. Разумеется, он не виновен, но с его стороны была крайняя оплошность и непредусмотрительность. Как бы то ни было, но ссора произошла, и ужасная, перед самыми маневрами, на которых Главнокомандующий, кроме первого дня, не показывался — говорят, он передает начальство над войсками Цесаревичу и останется во главе одной конницы. Говорили об его отъезде за границу, он же остается.

Успение Богоматери.

Август. 15.

Обедня. Холод, как осенью. Успел очень много прочесть. Обедали у Государя. Все последнее время он очень мрачен и раздражителен, все имеющие с ним дело говорят, что трудно с ним заговаривать. Он избегает всяких положительных разговоров и крайне молчалив. За обедом говорил он мало, только о пустых предметах. Ко мне лично Он очень милостив. С Николаем Николаевичем (который тоже обедал) Он помирился и был любезен.

16.

После полдня к нам приезжал Государь прощаться перед отъездом в Крым. Разговор шел очень худо, несколько раз даже совсем прекращался и наступало томительное молчание. Мама, Оля, Вилли и я не знали, как поддержать беседу с Государем, если он сам молчит, разговаривать очень трудно.

Август. 30.

Царь-именинник. В городе был выход в Александроневскую лавру. Мы отправились туда с Цесаревичем на яхте «Александрия». Представителей царской семьи было немного: Саша, Минни, их сын Георгий, Тетя Кати с детьми, Николаша, Алекс, Юрий и мы с Митей. На улицах Сашу приветствовало криками «ура» множество народа, он с Минни ехали четверкой цугом с форейтором и пышно разряженным казаком Цесаревны на козлах.

У ворот монастыря нас ожидал митрополит, окруженный духовенством с крестом, святою водою, хоругвями и образами. За ними мы прошли в собор... Служил литургию сам митрополит Исидор, его архидиакон Валериан отличался замечательным голосом. Пел хор придворных и хор митрополичьих певчих. Служба шла удивительно стройно, чинно и торжественно, я был в полном упоении. Мы стояли возле раки Св. Александра Невского, я люблю его по воспоминаниям, мы всегда ходим поклоняться мощам его после причастия. Это одна из редких святынь, освящающая и привязывающая православное сердце к нашей почти иностранной столице.

Сентябрь 16.

Скоро я сдам свою минную роту: меня назначат на «Герцога», где я приму командование первую вахтой. Мне жаль расставаться со своей ротой, я питаю к ней родственные чувства. На днях я писал адм. Головачеву, прося быть назначенным на фрегат.

*«Герцог Эдинбургский».
В гавани у стоянки.*

Октябрь 17.

На фрегате окончательные работы в полном разгаре, стук, шум, беспорядок... В Стрельне меня все поджидают назад, но я не хочу ехать; во-первых, мы скоро уходим, во-вторых, у нас начались вахты и я должен стоять, в-третьих, мне лень тащиться по холоду такую даль.

Стрельна.

Октябрь 31.

...В 3 ч. поехал... в город... в Общество поощрения художников, где выставлена моя картина Куинджи «Ночь на Днепре», хочу взять ее с собою в море... Папа будет в Петербурге 8 ноября — тогда скоро я уйду в море...

22/V — 5/X — 1886

Сапоги, «построенные» ротным сапожником.

Первая ночевка в роте. Лица солдат.

Первенец. Указ о Сидоровых козах. «Три первых таинства в жизни человека». Первые строки «Бедняги». Дневник Пирогова.

Оттенки супружеской жизни. Старые русские выражения.

Самоедство или мысли о себе. Бессознательная жизнь ребенка.

Политические любезности. «Горе от ума» в Павловском театре.

Письмо Апухтина в стихах (первые публикации). Взгляд на дисциплину. Приветливые Смерды. Чайковский посвящает Царице Марии Федоровне 12 романсов. Тишина и покой в детской.

Письмо от Гончарова. Божественный Фет. Поэтические муки.

Вознесение Господне.

Май. Четверг. 22.

Фельдфебель дал мне сапоги, сшитые у нас ефрейтором (неразб.) Я дал ему свои старые голенища и заказал к ним головки. Он шьет хорошо; а главное, мне хотелось иметь обувь, построенную ротным сапожником. Я сейчас же примерил новые сапоги, и они оказались мне совершенно впору.

Пятница. 23.

Со вторым поездом поехал в город; был в парадной форме и прямо со станции отправился в покойницкую часовню Семеновского госпиталя, на похороны рядового Константинова. — Покойник лежал открытый; лицо его несколько не изменилось с тех пор, что я видел его в последний раз живым. ... Священник начал отпевание. Перед концом я подошел проститься с покойником, а за мною прикладывались и Дрентельн, и солдаты. К кресту Константинова прибили заказанный мною от имени жены венок из роз и ландышей... Отправился спать в роту. Мне привезли туда кровать и поставили в канцелярии. Я разделся и лег. Голега спал тут же за перегородкой, на своем месте. Лежа в кровати, я разговаривал с ним через перегородку. Говорили мы и о загробной жизни. В госпитале, когда у него был тиф, он думал, что умирает и ему становилось страшно. Я спрашивал его, боится ли он смерти? Он подумал и отвечал, что в сущности и смерть ему не страшна, но его пугала мысль умереть вдали от матери. — Мне было так хорошо; я в первый раз ночевал в роте, в своей военной семье, и это казалось мне и необыкновенно, и весело, и уютно.

Воскр. 25.

Вот и день 3-го обретения честной главы святого пророка Предтечи и Крестителя Господня, Иоанна! Мне так хотелось, чтобы наш ребеночек родился сегодня; но этого не случилось. У меня нет предрассудков, кроме одного: я люблю совпадение важных событий с днями

и числами, имеющими для меня значение, как, например, 15 число и дни, когда совершается память чтимых мною святых.

Среда. 28.

Вечер был очень холодный. Я ехал в ватном зимнем пальто, а ногам все-таки было холодно. С радостью увидал я эти ровные поля, этот широкий простор по пути в Красное село. Солнце уже село, малиновые лучи заката румянили равнину, ни облачка не было на небе. Около 10^{1/2} я был в лагере и сейчас же пошел в роту на линейку.

Павловск.

Июнь.

Государь сообщил про полученную им от Баварского герцога Луитпольда телеграмму: Король Баварский утонул или утопился. Его труп нашли вместе с трупом его доктора, с которым он шел по берегу озера. Странности короля достигли чрезвычайных размеров, и последние дни попытались отстранить его от правления и принц Луитпольд стал во главе регентства. Король сопротивлялся, и эта борьба кончилась его неожиданною смертью. Теперь провозглашен королем брат покойного Оттон, уже давно совершенно помешанный. Мама, жена и теща были очень взволнованны этими известиями.

Пятница. 6.

В 6 ч. меня подняли. Наш батальон шел в дер. Салози на участок № 2; это там, где:

Луг за рощею тенистой,
Где на участке ротный жалонер
Нарвал мне ландышей букет душистый,
Пока мы брали приступом забор.

В этой местности были мы в прошлом году; жалонером был у меня Голега, тогда еще ефрейтор, после этого я писал:

Вчера мы ландышей нарвали...

Шли мы туда целый час. Там каждая рота отдельно зани-

малась тактическими ученьями. Мне по моей программе предстояло наступление и атака против неприятеля, занимающего высоту. — Дело, собственно, заключалось не в высоте, а в наступлении и атаке, усилении цепи и отражении нападений конницы... Нынче жалонером у меня Добровольский, родственник Голеги, сестра которого была замужем за братом Добровольского. Этот рядовой — красивый мужчина и исправный солдат. Он служит на правах 3-го разряда; отец у него был головою в Звенигороде, Киевской губернии. Добровольский — человек толковый и смысленный, но для меня он загадка: я никогда не видал его ни очень веселым, ни скучным; как с ним ни говорить, на лице у него напишется не удовольствие, не удивление. Он постоянно и неизменно сохраняет одно и то же спокойное, равнодушное и бесстрастное выражение. Это не то что у любого солдата, которого всегда легко верно оценить и узнать. Это — сфинкс. Но я не теряю надежды разгадать его... Я люблю, чтобы мое обыкновенное безграничное доверие находило себе отголосок в других. Вместе с жалонером со мною ходил на участке горнист Савченко, переведенный к нам зимой из 13-й роты. Этот вовсе не похож на Дубровского. Он простой русский человек, Воронежской губернии. Родители его умерли, когда он еще был ребенком, и с тех пор он жил бобылем: скитаясь по белу свету и зарабатывая себе хлеб работником то у одних, то у других хозяев. С этим легко разговориться. — ... Мы опять кончили ученье после других. Вернулись в лагерь около полдня.

Понедельник. 23.

Июнь.

Я побежал к себе в уборную, надел свежую сорочку и китель, споров с него траур по короле Баварском: мне не хотелось встретить счастливейший день моей жизни с черным крепом на рукаве. Умыв руки и надушившись, чтобы быть совершенно готовым, вернулся в спальню. Скоро пришла Мама, вся в белом, с черным кружевом на голове, тихая, спокойная, как всегда в торжественные мгновения, и села неподалеку от кровати жены; мне видно было ее лицо, и я узнавал на нем знакомое выражение, вызываемое каждый раз каким-либо необыкновенным случаем...

Но вдруг как-то неожиданно для меня послышался тоненький, звучный голосок, жена глубоко вздохнула, судя по ее лицу, казалось, что она перестала страдать, я услышал, как Красовский воскликнул: «Мальчик, да еще какой плотный, здоровый». Тут мне не суметь выразить словами, что я почувствовал, не вспомнить всех оттенков впечатлений, пережитых в это мгновение. Я еще никогда такого блаженства, такого священного восторга не испытывал. Мне казалось, что я не вынесу этого неземного счастья; я спрятал лицо в складках рубашки у жены на плече, и горячие, обильные слезы полились у меня из глаз. Хотелось остановить, удержать свою жизнь, чтобы сердце не билось и ничто не нарушало бы святости этого мгновения.

Часы показывали 6 часов 22 минуты. Мне ничего не было видно — я не решался отойти от жены, чтобы взглянуть на ребенка, мне только слышалось, как он кричал. Его завернули в мою сорочку, снятую мною вчера вечером, перед тем как ложиться спать: таков русский обычай.

Июль. Петергоф.

Суббота. 5.

Сегодня появился в газетах Указ об учреждении Императорской фамилии с последовавшими изменениями, по которым мой сын носит титул Князя и Высочества. По старому положению он бы был Великим Князем и Императорским Высочеством. — Все семейство очень недовольно этими нововведениями, не исключая и братьев Государя. Кто-то из них в шутку назвал их Указом о Сидоровых козах, так как эти будущие потомки не имеют определенного имени.

Пятница. 11.

Министр Двора граф Воронцов-Дашков доложил Государю, что все к шествию готово. Все семейство было в сборе в библиотеке. Я подошел поздороваться с Императрицей. — Государь открыл шествие с Ольгой. — Я внутренне волновался, моего ребенка ожидало три первых таинства: крещение, миропомазание и причащение, и я за него переживал торжественность этих минут. Он, малень-

кий, тихо и спокойно спал на парчовой подушке, не подозревая, что ради него устроено все это празднество. Как я был доволен, что его несут мимо моих солдат и что они увидят Государя и весь выход... У Мама и Оли были расстроганные, заплаканные лица: Мама только что поднесла младенца к причастию, к сожалению, я к этому опоздал. Пропели «Тебе Бога, хвалим», прочитали многолетие, маленького христианина¹ осенили крестом и все мы вышли из церкви.

Июль. Красное.

Понедельник. 14.

Внутри... палатка (для дежурных офицеров. — Э.М.) выложена досками, дежурные обыкновенно пишут карандашом и чернилами что взбредет в голову. Года два назад Кавелин тут написал начало стихотворения, в котором две удачные рифмы: деревья и кочевья. Дрентельн нынче написал несколько комических строк гекзаметром. В прошлом году я написал тут первые строки моего длинного стихотворения: «Умер бедняга»².

Среда. 15.

Рамбах подарил мне новую книгу: «Вопросы жизни» — дневник Пирогова, и я читал ее дорогой. С первых же страниц она мне понравилась. Я помню Пирогова на войне, 9 лет тому назад; тогда он мне не понравился и казался мне страшным, сухим и строгим. Положим, я был еще мальчишкой и мое тогдашнее мнение не имеет никакого значения. — Теперь строки этого дневника звучали мне как-то особенно просто, искренне и умно, пишущий их должен был хорошо уметь вдумываться в свой внутренний мир и обладать удивительной сосредоточенностью мысли. Я знаю по себе, как трудно заставить себя размышлять правильно, внимательно, не перескакивая с одной мысли на другую и не обрывать постоянной нити своего размыш-

¹ Сын К.Р. — Князь Иоанн будет сброшен живым в шахту под Алапаевском в 1918 г.

² Самое популярное стихотворение, ставшее народной песней, которую пели в Великую Отечественную войну; и сейчас его можно услышать.

ления. Мне понравилось выражение «самоедство», которым Пирогов прозвал способность разбираться в своих чувствах и мыслях. До сих пор я знал только французское слово *disséquer*.

В своем дневнике ко многим вопросам, и именно к тем, что более мучают и преследуют меня, я не решаюсь приступить. Хотя тетради моего дневника все под замком и ключи от них у меня в кармане, хотя никто, конечно, в эти тетради не заглядывает, я боюсь касаться подробно оттенков моей супружеской жизни. Эти, постоянно гнетущие меня размышления, перерабатываются у меня в голове и не попадают на бумагу. Мне бы и хотелось высказаться письменно, да страшно. Все, что касается жены, что мне в ней не нравится, что в настоящее время составляет мое главное и постоянное мучение — все это гложет в моей душе, и если кто со временем прочитает этот дневник, не узнает этой стороны моей жизни. Не начать ли вести подробный отчет о моих отношениях к жене, о моих взглядах на нее?

Я, как и Пирогов, вовсе не намерен уничтожить этот дневник. Так же как бы не хотелось давать его читать при своей жизни, так же точно я желаю, чтобы его читали и перечитывали после моей смерти те, которым будет любопытно заглянуть в мою внутреннюю жизнь. Скажу чисто-сердечно, что пишу правдиво и искренно, не имея в виду будущих чтецов.

Июль. Красное село.

Четверг. 17.

Мы, офицеры, собрались в кружок и разговаривали. ... Зашла беседа о том, что хорошо бы было заменить в наших войсках иностранные слова русскими, и мы принялись прибирать старые русские выражения. Корпус назвали бы тьмою, а командира корпуса — темником; дивизию — положим, — ратью; бригаду — четою; батальон — дружиной; роту — сотней. Капитана заменили бы сотником, фельдфебеля — напр. хоть старшиной и т.д. Будь я царем — немедленно выбросил бы все иностранные наименования.

*Лагерь.**Суббота. 19.*

У меня опять убывают из роты два человека по болезни: Евдокимов вовсе от службы, а Прокопович на один год. Я простился с ними и в 6 ч. поехал на тройке в Павловск.

Дорогой думал — думал без конца, о чем — определить трудно. Мысли быстро сменяли одна другую. Разбирал по косточкам самого себя, свои недостатки и качества, печали и радости. Меня мучает сознание того, что я команду ротой далеко не так, как бы мне того хотелось. Я вполне отдаю себе отчет в том, что не вникаю достаточно во все подробности хозяйничанья, что, наверное, меня водят за нос, артельщик Белинский, например, что он может быть злоупотребляет и что я не могу этого заметить. И не только в роте, но и в жизни вообще я не могу изучить ничего во всей полноте, вникнуть в каждый вопрос, в каждое дело до его глубины, изучить его во всех подробностях. Я сознаю, что я человек недаровитый, и боюсь, что таким останусь, несмотря на лучшие и искреннейшие стремления.

Понедельник. 21.

...Я разговорился с о. Янышевым. По его мнению, бессознательная жизнь ребенка имеет огромное влияние на всю его последующую жизнь, и что счастлив ребенок, окруженный нежною и тихою обстановкой любви, попечений и ласки в эту бессознательную пору: эти нежные любовные заботы должны влиять благотворно на всю его остальную, сознательную жизнь. Верно ли это, я не знаю, но такое учение приходится мне по сердцу.

Среда. 23.

Мы с Олей сошлись в одном и том же впечатлении, нам обоим трудно было сознаться в нем вслух, и это произошло как-то случайно. Мы надеялись, что Тино ко дню совершеннолетия или в именины Императрицы получит Андреевский орден. Наш Цесаревич получил орден Спасителя из рук Оли в день своей присяги. Следовало бы и

нам отплатить тем же; это произвело бы хорошее впечатление в Греции. Мы с Олей так дрожим над хорошими отношениями между Россией и Грецией. — Но всего этого не случилось, и нам это тем более грустно, что мы так горячо любим Государя и нам досадно, что он забывает о таких политических любезностях.

Суббота. 26.

Из Государственной типографии прислали два первых экземпляра моих стихотворений, всю тысячу пришлют на днях.

Вечером я смотрел в здешнем (Павловск. — Э.М.) театре «Горе от ума». Давыдов превосходно играл Фамусова, Стрельский походил на Чацкого менее чем на лакея, но стихи говорил местами не дурно. Софья Павловна — какая-то Инсарова, не знала роли, сбивалась и никуда не годилась; Лиза очень хорошо хохотала в 1-м действии, играла порядочно и бойко, несмотря на визгливый голос. Киселевский (?) изобразил из Скалозуба армейского хлыща, но был забавен, а остальные играли весьма плохо. Обстановка вовсе не удалась, и все-таки я слушал с наслаждением это неподражаемое и бессмертное произведение.

Красное село.

12 августа, вторник.

В 8-м часу полк выступил по вчерашнему направлению. Миновав Янисьямки, мы спустились в равнину, составили ружья в кустах и улеглись... — Спускалась ночь. Надели шинели в рукава, а офицеры облеклись в пальто. Я закутался в бурку и лег на землю посредине роты. Лежать с солдатами я так люблю; оно приходится сравнительно редко, и в этих случаях я обыкновенно отстаю от кучки офицеров. Как хорошо, когда можешь быть запросто с солдатами, жить их жизнью, дышать их воздухом, вслушиваться в их говор, шутить с ними, отвечать на их вопросы. Тогда те невидимые и почти непроницаемые перегородки, отделяющие наше сословие от солдат, как бы падают, и становишься их товарищем. И странно: простой народ вовсе мне не так дорог; он становится мне мил, только

облеченный в солдатский мундир. При всем своем отвращении к неопрятности, я совершенно перестаю быть брезгливым, когда попадаю в общество своих солдат и не боюсь ни насекомых, ни дурного запаха. Этот особенный, свойственный только солдату запах мне даже очень мил. Оля так верно подметила, что от солдата пахнет русским сукном, сапогами, махоркой и черным хлебом. Только я стал засыпать, как то один, то другой из товарищей офицеров приходили нарушать мое блаженное полусонное состояние, предлагая лечь в лазаретную фуру, говоря, что на земле сыро и можно простудиться, и, наконец, притащили какой-то тюфяк с подушками. Все это было очень мило с их стороны, но мне не хотелось пользоваться удобствами, которых нет у солдат. Впрочем, я убежден, что солдаты никогда не осудят барина за то, что он окружает себя барской обстановкой. — Спать, кажется мне, не было суждено. Как и в предыдущую ночь, зажглись электрические фонари: один у неприятеля в Никулине, другой у нас, вероятно, в Лотту...

Лагерь. 23 августа, утром.

Мыза Смерди.

Мой письменный столик стоит на том же месте, как в прошлом году; на нем в порядке расставлены вещи, которые я всюду вожу с собою; некоторые другие я нынче тоже взял с собою. Налево четыре книжки: стихотворения Лермонтова, Пушкина, «Жемчужины русской поэзии» и «Новый завет». Серебряная чернильница кубиком, две свечи в медных подсвечниках, маленький барометр-анероид, печать с ручкой из пурпурина, часики, два портрета жены в складной рамке, катушка для пропускной бумаги с нефритовой ручкой. Тетради для записывания стихов и писем, вот эта книга для дневника и маленькая записная книжка в красном кожаном переплете — подарок Кренделя тоже для записывания стихов.

Списываю письмо поэта Апухтина, которое получил в Воскресенье и показывал Головину; он только что возвратил мне его по почте.

«Ваше Высочество! Ваш благосклонный
Дар получил я вчера.¹
Он одиночество ночи бессонной
Мне услаждал до утра...
 Верьте: не блеск и величие сана
 Душу пленяют мою,
 Чужды мне льстивые речи обмана,
 Громких я од не пою.
В книге, как в зеркале, оком привычным
 Вижу я отблески лиц:
Чем-то сердечным, простым, симпатичным
 Веет от этих страниц.
 Кажется, будто на миг забывая
 Света бездушного шум,
 В них приютилась жизнь молодая,
 Полная чувства и дум.
Жизнь эта всюду: в Венеции милой,
 В грезах любви золотой,
В теплых слезах над солдатской могилой,
 В сходках семьи полковой...
Пусть вдохновенная песнь раздастся
 Чаще, как добрый пример!
В памяти чутких сердец не сотрется
 Милая подпись К.Р.
Трудно мне кончить: слова этикета
Плохо вставляются в стих, —
Но как поэт, Вы простите поэта,
Если он кончит без них.

А. Апухтин

*Петербург,
16 августа, 1886»*

Эти стихи подействовали на меня отраднo, на меня повеяло от них теплом и лаской, я долго оставался под их обаянием. Особенно слова 5-й строфы глубоко проникли мне в душу.

¹ К.Р. послал А. Апухтину книгу своих стихов. Это стихотворение публикуется впервые.

Понедельник. 25.

В 8-м часу прошел один поезд, а за ним через час и другой. Мы думали, что Государь находился в этом последнем, и перекрестились, когда ярко освещенные, большие нарядные вагоны промчались мимо нас. Наша задача была выполнена: Государь проследовал благополучно. Нам было велено оставаться в третьем положении, пока не придет приказание снять посты. Время шло да шло, а приказание не приходило. Становилось холодно, луна села. Мы прохаживались по полотну, заходили в сторожевую будку, я разговаривал с фельдфебелем и вахмистром. Говорили и о службе в пехоте и коннице, и о всевозможных случаях из полковых историй, и о покойном Государе и его кончине, дошли и до рассказов из жизни некоторых святых. Я вслушивался в забавное воронежское наречие вахмистра...

...Все мы одинаково злились на начальство, у которого не хватает храбрости взять на себя решение снять посты, раз поезда чрезвычайной важности прошли благополучно. Людей заставляют стоять бессменно и бесцельно на постах только из боязни ответственности и тем, по-моему, подрывают и взгляд на дисциплину и на добросовестное исполнение часовыми их обязанностей.

Павловск. 28 августа, утром.

Вторник. 26.

Вернувшись сюда вчера вечером, принимаюсь излагать свои впечатления за два последние дня...

Я с грустью думал о необходимости покинуть «приветливые Смерди» и сочинил эти четыре стиха:

Садик запущенный, садик заглохший
 Старенький серенький дом!
 Дворик заросший, прудок пересохший,
 Ветхие службы кругом.

Хотелось бы написать в честь Смердей и продолжение к этому начатому стихотворению.

Ночь была тихая, звездная, казалось тепло. Меня несказанно радует и трогает, что Мите — этому знатоку службы и солдат, нравится наша Государева рота. Он как-то озвался о ней: «Чудная у вас рота». Он, я думаю, и не

знал, сколько доставил наслаждения этими словами. — Я невольно в глубине души еще неясно и как-то боязливо сознаю, что моя привязанность к солдатам, любовь и благодушные отношения начинают отражаться на роте. Неужели я доживу когда-нибудь до полного убеждения, что она — мое создание, что она держится мною и что я, действительно, имею на нее влияние и держу ее в руках, несмотря на недостаток строгости и редкость карательных мер. Я как-то предчувствую, что это сбудется.

Павловск.

30 августа.

Прилагаю вырезку из «Гражданина» с разбором моих стихотворений, написанным кн. Мещерским. Отзыв благосклонный, но совершенно для меня неожиданный: я до сих пор воображал себя лириком; по крайней мере стихи в эпическом роде удавались мне редко и с большим трудом. Моего «Манфреда» обругали, может быть, отчасти и справедливо. Но неужели же мой стих тяжел в этом драматическом отрывке? А я было собрался писать целую поэму, в таком же драматическом роде, да и не бросаю это намерение. Надо будет еще более обратить внимание на стих, вкладывая его в уста совершенно противоположных личностей. — Я доволен и тем, что моей книге отведено несколько страниц такого распространенного журнала. Но описание природы, цветов и нашего севера осталось незамеченным.

Павловск. 1 сентября 1886.

Воскресенье. 31.

...Я одолел строфу, пришедшую мне в голову до обеда, и никак не дававшуюся:

И ни одной не проронишь ты жалобы
На злополучье свое,
Перед которым давно задрожало бы
Слабое сердце мое.

Эти слова ни к кому в особенности не относятся, все стихотворение — вымысел. Но мне просто полюбилась основная мысль.

4 сентября, днем.

Среда. 3.

Вчера новое стихотворение было готово и начисто переписано. Я очень этому рад; стихи порядочные; за все лето мне почти ничего не удавалось, а теперь и сам не понимаю, откуда взялось вдохновение. Сегодня я окончил еще два стихотворения: «Благословляй меня» и «Научи меня, Боже, любить», уже давно начатые, с которыми я никак не мог сладить. Я чувствую себя в надлежащем настроении, чтобы писать стихи, и это меня удивляет: обыкновенно я в эту пору, т. е. осенью, переставал писать, а теперь только начинаю.

5 сентября, утром.

Четверг. 4.

Записал оба сегодня оконченных стихотворения. Около 5-ти отправился гулять пешком. Стоял ясный, солнечный, но холодный день. Я вышел в поле, на берег Славянки, по направлению к Царской Славянке; Зайчик бежал со мной. Мне пришло в голову из своей задуманной поэмы сделать историческую повесть. Я боюсь, что большое драматическое произведение, сочинение мне не под силу и что оно легче удастся в прозе. Но мне жалко расставаться с мыслью о поэме. Мне тут же стали мерещиться диалоги между Никодимом и кем-нибудь другим, сцены в доме Пилата и т. д. Я даже начал сочинять стихи, первые стихи. Потом, когда я уже прошел мимо Царской Славянки, повернул налево, спустился в овраг и перебрался на правый берег Славянки, напросились в голову другие стихи, о Смердях, о старом доме, о шатких ступенях крылечка, о низеньких темных сенях, о светлой, уютной комнатке. — Я вернулся домой к 7-ми часам.

13-го утром.

Написал Чайковскому. Он обратился ко мне с просьбой исходатайствовать ему разрешение посвятить Государыне 12 недавно сочиненных им романсов. Он кончил свою новую, и, как он говорит, свою лучшую и последнюю оперу «Чародейку», и зимой будет оркестрировать ее. Ему

бы хотелось посвятить эту оперу Государю и он просит меня помочь ему в этом. Это поручение мне очень приятно. Я послал Чайковскому свой сборник. Может быть, он что-нибудь из него положит на музыку.

14 сентября, утром.

Палтолику очень понравилось стихотворение «Жизнь пережить — не поле перейти». Он именно оценил мысль, что женщина, слабая, усталая, легко утомляется от одной прогулки по полю; а потом, испытанная горестями и невзгодами жизни, становится сильнее и бодрее всякого мужчины.

Вечером в тот же день.

Мнение Палтолика мне очень дорого: он умеет ценить стихи и относится к ним весьма строго. Все современные стихотворцы, даже Апухтин и Граф Голенищев-Кутузов, не заслуживают его одобрения. Поэтому мне было особенно лестно, что мое стихотворение привлекло его внимание.

Воскресенье. 14.

Ребеночка я сегодня видел только сонного. Вава рассказывала, что утром он был очень весел, и сама была очень в духе. Маленький начинает обращать внимание на разные предметы. Калинушкин приходил печку топить; мальчик смотрел в его сторону и прислушивался к шуму; Калинушкин сказал ему: «Ваше Высочество! приходите, помогайте мне печку топить!» — Этот Калинушкин прелестный человек — в нем я не ошибся, мое чутье меня не обмануло. Он понятлив, ловок, услужлив и всегда весел. Все его любят. Не я один замечал, что в лице у него есть что-то детски-добродушное. Я люблю его как родного, а он очень привязался к моему первенцу. — Счастлив мой маленький, все-то его любят, он окружен самыми нежными, ласковыми заботами. На детской так хорошо! Вава — ну уж лучше ее няньки не найти. Помощница ее — Анна Александровна Беляева — милая, тихая, кроткая. Кормилица тоже хорошая женщина, трудолюбивая, всякое поручение исполнит охотно.

Вторник. 16.

Получил письма от жены и Гончарова (автора «Обломова»). Он благодарит за книгу моих стихов и разбирает их. Ему они кажутся искренними, и он в этом видит главный признак таланта; выше всего он ставит «Письмо из-за границы», «Из лагерных заметок» и «Умер». Это письмо очень меня обрадовало и доставило мне большое удовольствие; он исписал целых два с половиною больших листа. Я согласен с ним, что стихи, которые ему понравились, одни из удачнейших моих произведений. Но он ничего не говорит о коротеньких лирических произведениях, в которых я старался выразить свою любовь к нашему северу, к нашей скудной, но милой природе. — Что-то напишет Майков?

18 сентября.

Теперь сейчас 11 ч. утра. Говорят, Государь проедет в ночь на завтра. Вчера утром пришло приказание встать в третье положение: полковник проезжал по линии и проверял правильность расположения постов.

*Смерди, 6 ч. 45 мин. утра,
19 сентября.*

Я только что с линии. В 6 ч. второй поезд «чрезвычайной важности» прошел мимо Барановского полустанка, где я в то время находился.

Вчера утром я проснулся уже без головной боли. После чаю принялся за дневник. Перед завтраком пошли втроем на Барановскую и побывали в сторожке у людей 9-й роты. Меня поражает особенный дух этой роты: все ее люди один к одному, молодцеватые, лихие, веселые. Несмотря на все пристрастие к своим людям, я не могу не признаться, что в 9-й роте солдаты еще более ловки, вежливы, сметливы. Отчего это происходит — никак не придумаю. Мне говорят: такой уже дух. — Но как бы завести этот дух у себя?... — К полночи было велено встать в третье положение. Оделись по форме — в пальто с башлыком и караульной амуницией — и пошли за линию.

Павловск. Митины именины,
21 сентября.

Кончена охрана...

Все это мне кажется радужным сном,

Волшебной, несбыточной сказкой!...

В пятницу я проснулся около 1 часа дня, встал и, одеваясь, стал сочинять стихи. Царь проехал — наше дело было исполнено; оставалось провести только несколько свободных часов среди этой приветливой глуши в ожидании приказа вернуться в город. Прощай, милый, тихий край! Пора на зимовку, и сочинил я стихотворение «Пронеслись мимолетною грёзой».

Павловск. 23 сентября.

С 7-ми часовым поездом поехал в Павловск. Встретился на станции с Василием Львовичем Величкой, приятелем Кренделя. Он занимается литературой, пописывает стихи и критические статьи, в прошлом году он напечатал в «Еженедельном Обзрении» разбор моего перевода, и теперь написал там же о сборнике моих стихов. Статья появится завтра. Он говорил мне про нее. Ему мои стихи часто напоминают А. Толстого и Ф. Глинку, некоторые стихотворения показались ему не только подражаниями, но просто точными снимками. Например, «Мне жаль тебя», по его мнению, очень похоже на «Ты клонишь лик, о нем упоминая», а религиозные стихотворения сходны с библейскими переложениями Глинки. Но странно, что я, хорошо зная А. Толстого, почти совсем не помню «Ты клонишь лик», а Глинку вовсе не знаю.

Сентябрь. 24.

Читал «Смерть Ивана Ильича», один из последних рассказов гр. Л. Толстого. Начало мне нравится более конца; удивительная правдивость, даже в последних мелочах. В конце все как-то смутно. Я, наверное, не буду так умирать.

Павловск. 28 сентября,
перед обедней.

Божерянов¹ принес две последние книжки стихов Фета, под заглавием «Вечерние огни»; просматривали эти книжки. Я люблю стихи Фета, даже когда его поэтические вольности лишены всякого смысла. Напр.

Уноси мое сердце в звенящую даль,
Где, как месяц за рощей, печаль.
В этих звуках на жаркие слезы мои
Кротко светит улыбка любви.

О дитя! Как легко среди нежных зыбей
Отдаваться мне песне твоей!
Выше, выше лечу серебристым путем
Я, как шаткая тень, за крылом.

В этом положительно нет ни малейшего смысла; и все же как звучно, певуче, изящно и хорошо. Эти слова как-то ласкают слух, и я понимаю, что Чайковский положил их на музыку; у Мерказиных я наигрывал этот старый романс, а Анна Карловна подпевала.

30 сентября.

Понедельник. 29.

Играл на фортепиано. Каждый раз, что мне случится с успехом поиграть в обществе, я с удвоенным рвением принимаюсь за музыку.

Разучиваю 12-й этюд Шопена, последний из тетради, посвященной Листу (соч. 10), написанный в Штутгарте по получении известия о взятии Варшавы 8 сентября 1831. Я не думал, что когда-нибудь буду в состоянии играть эту вещь — пассажи в левой руке слишком трудны — но вот начинаю их осиливать. — 11-й этюд (A-moll) из другой тетради, посвященной графине d'Agout (соч. 25), идет у меня бойко. Я учил его все лето в лагере и в пятницу вечером с блеском сыграл его А. К. Лешетницкой у Мерказина. — Я чувствую, что делаю успехи в фортепьянной игре.

¹ Сослуживец К. Р.

Октябрь.

Среда. 1.

Вчера утром, пользуясь праздничным днем, приехал Митя. Меня поздравляли с годовщиной боя под Силистрией, за который я получил 9 лет тому назад Георгия.

Четверг. 2.

Вчера читал в своем дневнике за десять лет тому назад и мне стыдно становилось за себя. Каким я был мальчишкой! Кажется, вспоминая себя в это время, не верится, что написанное — правда... — Вчера обедала у нас гр. Толстая. Разговор преимущественно шел о ее родственнике, гр. Льве Николаевиче Толстом. Графиня любит нашу словесность и, кажется, хорошо с нею знакома. Она и сама пописывает, но по-французски. Это она составила изящно изданную недавно книгу «Дума за думой».

3.

Архипов сказал мне, что сегодня видел в фельетоне «Нового времени» разбор моих стихотворений, написанный Бурениным, известным современным критиком. Божеряничик сейчас уже купил мне этот номер газеты. Я сунул его в карман и поехал в Мраморный¹. Детские комнаты готовы. Войдя в них, остается только руками развести, рот растянуть и ахнуть. Прихожая с необыкновенной лестницей поражает ярко-красным цветом стен с каймою по карнизу и по пяте свода в древнерусском вкусе; налево внизу — зеленая изразцовая печь. По стенам висят портреты царя Михаила Федоровича и нескольких цариц. Направо ход в переднюю (приемную). Стены малиновые, расписной шкаф, деревянные, резные скамьи, столы и столы, одна скамья разноцветная. Отсюда налево дверь в большую гулеву. Стены бледно-алые (розовые), портрет патриарха Филарета и картина, изображающая боярина Стрешнева, молящегося на коленях рядом с дочерью, царицей Евдокией Лукьяновной. Эта картина в нашем детстве висела у Николы. В красном углу гулевой — боль-

¹ Мраморный — дворец, где жил в Петербурге К. Р.

шая икона Владимирской Божией Матери и перед ней медная лампада. Промеж окон, в простенке — камелек, прикрытый шкафиком. Столы, скамьи, все дубовые. Отсюда направо — опочивальня — голубые стены. В подоконнике врезано сиденье. Пеленальный стол, выдвижное кресло будет служить Ваве кроватью. Есть еще горенка, запасная. Стены серые, изразцовая печь, комната кормилицы рядом со спальней; до полстены выложена белыми изразцами. Далее — мыленка (ванная). По всем комнатам дубовые панели, а по карнизам и по пятам сводов пестрые каймы.

4 октября, утром.

Был в роте на занятиях; занимался с учителями будущих молодых солдат... Я говорил учителям о том, как, по моему мнению, надо относиться к новобранцам: не запугивая, кротко, ласково, не требовать долбления наизусть, а только понимания изучаемого, приучать к порядку и чистоте, заботиться о молодцеватом виде. Советовал припомнить, каково было им самим с новобранства, и стараться не впадать в те крайности, в которых осуждали своих учителей.

В Павловск я поехал с 4-х часовым поездом. В вагоне читал фельетон Буренина и письмо академика Грота о моих стихотворениях. Буренин меня не обругал и отнесся к моей книжке, пожалуй, сочувственнее, чем к стихам Апухтина. Стихотворение «Отцветает сирень» называет он виртуозным по форме. — Письмо Я. К. Грота доставило мне огромное удовольствие. Он с тщательным вниманием просмотрел всю мою книгу и отметил понравившиеся ему места и все замеченные им погрешности... Такого рода дельный разбор — не то что не имеющие для меня важного значения взгляды всяких писак и фельетонистов, и дает мне новый толчок вперед. Я с удвоенным рвением, можно даже сказать ожесточением, начинаю работать над отделкой своих последних произведений, стараясь достигнуть большего совершенства. Я совершенно чистосердечно и искренно говорю о своих последних стихах, что гордости нет в моей душе, что для меня ничтожны отзывы толпы, когда самый этот дар для меня лучшая награда и я смотрю на него, как на талант, с помощью которого я обязан приобрести другие таланты.

4/VIII 1888 — 2/V 1889

Большие маневры. Рябинин. Гатчинский дворец. «Идиот» Достоевского на французском языке. Александр III на маневрах. Подарки на прощание. Поэт и воин. 55 поздравительных телеграмм. Украдено у Фета? Письмо П. И. Чайковскому. С первенцем в роте. Лесков умиляет душу и с жизнью мирит. Старик слепец. Беседа с Рябининым о звездах. Школа Стасова и Академия художеств. Живется счастливо и безмятежно. К. Н. Бестужев-Рюмин. У жены именины. Новые стихи. Концерт Моцарта и каденца Рейнеке. Поэт-мужик Никитин и Мережковский. С компанией. Лето ушло. Недовольство И. А. Гончарова. Читать Шекспира скучно. Крушение царского поезда. Ротная денежная книга. Обед с П. И. Чайковским. Лермонтовский досуг. Тяжкая пора балов, вечеров, праздников. Солдатские письма. «Мани, факел, фарес». Змеиное шипение Костомарова. «К. Р.» — больше не тайна. Цесаревич Николай Александрович чувствует и верит по-русски. Подарки от Фаберже и Гризара. Странная опера Рубинштейна. Пожалование А. Фету камергера. Неизданные письма Гоголя. Блестящее и гнусное общество. Неизвестные стихи А. Фета. Бал в Аничковом дворце. Гоголь и «Домострой» Сильвестра. «Артист не может стать Великим князем». Последняя встреча с А. Фетом. Альтенбург. Президент Академии наук.

1888 г.

Среда. 3.

Большие маневры. Село Рождествено на Варшавском шоссе. 4 августа 1888. Пишу в палатке, после перехода верст без малого в тридцать. Дождь шелестит по парусине, ноги побаливают с ходьбы и все-таки я наслаждаюсь походной жизнью. Вчера, вымывшись в бане (Красносельской), писал дневник у себя в бараке, отбирал немногие вещи, взятые с собой на маневры, и читал «Воспоминания» Фета в «Русск. Вестнике». Жена приехала ко мне завтракать. Простился я с нею перед самым выступлением на

большие маневры. В 1 ч. дня мы приняли знамя и пошли в Гатчину. Был теплый день, и мы шли в белом. Первый небольшой привал был на окраине военного поля там, где Балтийская железн. дорога пересекает Гатчинское шоссе (новое). За все лагерное время мне не удалось завести с моим любимцем Рябининым длинный разговор, и в первый раз вот тут, вчера на походе, я вступил с ним в долгую беседу. Заставил его рассказать про поступление на службу, про то, как его забрили, привезли в Петербург, определили к нам и ушли. Он рассказывал все подробно и откровенно. Мне не совсем приятно было снова увидеть в нем значительное равнодушие ко всем и ко всему. Он даже не помнит, где и когда впервые увидел меня, и новоселье в казарме не осталось у него в памяти. С другой стороны, постоянная тоска по дому и родным в нем мне так понятна. Поступив на службу, он сперва очень сильно и долго скучал по своим, а когда в первый раз поехал в отпуск — стосковался по роте. Но служба не представляется ему хорошею школой жизни, как многим другим солдатам. Я спросил его, обиделся ли он на меня, когда я за наказание перевел его в 5 роту, и он совершенно просто ответил отрицательно...

Четверг. 4.

Вернувшись с вечера в Гатчинском дворце на бивак, я спал всего только часа три: уже в 5 ч. вчера утром меня подняли, а в 6 полк выступил... День стоял не холодный, но серый и сырой, поминутно накрапывал дождь, а солнце лишь изредка, и то только из-за туч показывалось на короткое время и поддразнивало надеждой на хорошую погоду... Кроме моей роты в полку оказалось много отсталых, идти было жарко и трудно, у меня сильно разболелись ноги повыше колен. Тем не менее я бодрился, стараясь этим придать бодрости людям. На походе чувствуется, что между нами устанавливается своего рода товарищество — все мы одинаково несем тот же труд и терпим ту же усталость. Последние три версты, от Большой Выры до бивака, показались мне очень тяжелыми.

*Бивак у Гатчины. 7 августа.**Суббота. 6.*

Вчера, когда я проснулся, в палатке было светло, солнце просвечивало сквозь парусинную пирамиду. Моя палатка издали совершенно похожа на огромную пасху... После обеда несколько человек наших офицеров пошли со мною, и я показывал им Гатчинский дворец... Вечером после ужина жгли впереди солдатских палаток большой костер, к которому моя рота натаскала в течение дня много хворосту. День прошел хоть и бессодержательно, но жизнь на биваке имеет свою особую прелесть, даже без всякого дела. Мой фельдфебель Шапошников захворал желудком, я было испугался, но доктор нас успокоил. Получил по полевой почте письмо от Фета, он хвалит последние мои стихи.

*Красное Село. 9 августа.**Воскресенье. 7.*

...В ночь на воскресенье я несколько раз просыпался от наводящего унынье шума дождевых капель о натянутую парусину палатки. Утро встало холодное и пасмурное. Мы с Божерянчиком собрали в роте людей, желающих идти к обедне, и повели в Гатчинский собор. Стоя в церкви с солдатами, я всегда молюсь усерднее. Много прочитал из «Идиота» Достоевского во французском переводе. Как ни тяжело это чтение, как ни мрачны картины, как ни растянуты описания каких-то страшных, болезненных людей с их безумными, удручающими разговорами — Достоевский имеет надо мною чарующую власть: читаю, не могу оторваться и верю, что все это так, несмотря на всю необыкновенность, что это глубоко правдиво.

Под вечер пошли с Цицковичем и Робертом играть с солдатами в пятнашки, кошку и мышку. Бегали, как сумасшедшие, смеялись много, разгорячились, и я бы не мог провести время приятнее.

Понедельник. 8.

Вчера мы оставили бивак под Гатчиной в 8-м часу утра. Настал второй день маневров, не считая дневок... Наш

батальон шел в атаку на финляндцев. Тут был Государь. Он подъехал ко мне, подал мне руку и поговорил со мною. В первый раз за мою службу была мне такая удача. Пробыли отбой, и всех офицеров Государь пригласил завтракать в Высоцкое. Царский стол был накрыт в саду, подле училища, а всем остальным предложили завтрак на траве, покрытой скатертью и заставленной множеством блюд. Тут увидал я и Государыню, и жену, и Михен, и Эллу. Когда Государь сел за стол, все мы обступили многочисленные яства и, расположившись на траве, принялись утолять голод. Дяде Ники стало дурно, и он вышел из-за царского стола за кусты, где мы — маленькие люди — пили кофе и курили...

Павловск. 13 августа 1888.

Окончены летние скитания: я водворился дома, а батальон в Федоровском посаде. Три дня не записал ни единой строчки, не было ни охоты, ни времени.

Вторник. 9.

В последний день маневров я встал в 4 ч. утра; ногам показалось не так больно, и я вышел на линейку с целью идти на маневр, приказав тройке ехать позади батальона. Мне жаль было людей: усталых после долгих передвижений, наконец, посланных домой и рассчитывавших на отдых, их подняли в 3 ч. утра, чтобы опять тащиться в неизвестную даль. Я старался подбодрить их. Пройдя несколько шагов, я заметил, что больные ноги отказываются служить, и сел в тройку. Но ехать за батальоном мне было совестно, а идти невозможно; поэтому я счел за лучшее отпроситься, вернулся в барак и лег спать. Пусто и уныло казалось в лагере без полка. Надо было кое-что приготовить для людей 84-го года, которых увольняли в запас тотчас по окончании лагерного сбора... Я простился со всеми людьми 84 года. Сердце больно сжималось при расставании с ними: эти люди были только еще новобранцами, когда я поступил в полк без малого пять лет назад. Ни с кем из других солдат я не прослужил так долго. Некоторые из них прослезились, другие говорили, что никогда меня не забудут. Особенно грустно было прощаться с унт.

офиц. Васильевым, с Ермаковым, с портным Прокофием Степановым, которого я неудачно учил грамоте, с татаринном Калимулиным и барабанщиком Макаровым. Подарив каждому свой портрет в рамке и золотой, каждого перекрестив и трижды поцеловав, я покатил на тройке в Павловск...

10.

В среду минуло мне 30 лет. Я уже не юноша, а должен бы считать себя мужчиной. Жизнь моя и деятельность вполне определились. Для других — я военный, ротный командир, в близком будущем полковник, а так лет через 5—6 — командир полка и, как мне хотелось бы, Тифлисского, моего, на Кавказе. Для себя же — я поэт. Вот мое истинное призвание. Невольно задаю я себе вопрос: что же выражают мои стихи, какую мысль? И я принужден сам себе ответить, что в них гораздо больше чувства, чем мысли. Ничего нового я в них не высказал, глубоких мыслей в них не найти и вряд ли скажу я когда-нибудь что-либо более значительное. Сам я себя считаю даровитым и многого жду от себя, но кажется, это только самолюбие и я сойду в могилу заурядным стихотворцем. Ради своего рождения и положения я пользуюсь известностью, вниманием, даже расположением к моей Музе. Но великие поэты редко бывают ценимы современниками. Я не великий поэт и никогда великим не буду, как мне этого ни хочется.

В день моего рождения никакого приема не было... Ходил с женой к обедне. День прошел незаметно. Отвечал на 55 поздравительных телеграмм, читал и окончил «Воспоминания» Фета в «Русск. вестнике»...

Нога все еще болела, да и теперь болит.

*Павловск. Успение Пресв.
Богородицы.*

Воскресенье. 14.

Как трудно приучиться к точности и порядку! Вот уже мне 30 лет, а я все не могу привыкнуть вставать по утрам в один и тот же час. Сегодня разбудили меня около 8, а встал я через час. Вчера я еще до обедни успел и журнал

записать и почитать немного с сигарой во рту. Какой я лакомка! Весь Успенский пост я хоть и пил чай по утрам, а все мечтал о мясоеде. Когда снова можно будет пить кофе, закусывая сдобными булками. Это угощение для меня самое лакомое, и в посту я часто не мог устоять перед искушением, и на маневре, да и здесь ел булки. — За обедней я молился усердно...

Понедельник. 15.

Хоть я и сказал, что вдохновение меня покидает, однако в тот же вечер, взявшись докончить начатое стихотворение, переделал его и окончил. Четырехстопный анапест и одни женские рифмы — это напоминает Фета. Не выпадаю ли я в невольное подражание? Впрочем, от других я никогда не слышал, чтобы мои стихи походили на стихотворения Фета; один Буренин в критике моей книги сказал это, да и то в такое время, когда я не помышлял об этом. А теперь, зачитываясь Фетом и увлекаясь им, легко нехотя впасть в подражание. Вот мои вчерашние стихи:

Утомленный дневной суетою безумной,
К вам, о светочи неба, подъямлю я очи.
Здесь внизу на земле и тревожно и шумно —
Безмятежно и тихо в безмолвии ночи.

Как вы кротко царите в торжественном блеске,
Бестелесною вечно сияя красою!
Наша ложь, наша злоба в неистовом плеске
Никогда не коснутся вас мутной волною.

И чем выше вы, звезды, и чем недоступней,
Тем отрадней следить нам плененным вас взором.
Чем мрачней, чем ничтожней мы и преступней —
Тем светлей вы и чище нетленным убором.

Узор звезд, бестелесный, нетленный — все это выражения, украденные из Фета; но мне кажется, это выражает мою мысль и здесь у места...

18 августа.

Среда. 17.

Вчера было у меня много отрадных впечатлений. Вздумал вдвоем с Иоанчиком съездить в Федоровское. Эта мысль пришла мне раньше, я лелеял ее как заветную мечту

и сообщил жене. Показать роте своего первенца одного, без няни, казалось мне чем-то таким радостным. В 10 ч. ...мы сели в тройку и покатали. Иоанчику не хотелось оставаться на сиденье подле меня, он просился ко мне, и я должен был взять его к себе на колени. Он пока еще говорит только: «Папа, Мама, Вава» и изредка «дядя», когда видит Митю. На все же остальное у него всего одно слово, что-то среднее между Гага и Кеке; этим обозначается все, что угодно. Удовольствие он выражает как-то цокая языком -ц- и при этом так прелестно лукаво улыбается, что нельзя его не расцеловать. Итак, мы едем. Вот и Федоровское. Я здороваюсь направо и налево со встречными людьми, а маленький вместо поклона приподнимает ручку к шляпе... Идем на правый фланг, в конец деревни. Там перед своей избой стоит Рябинин; я заговариваю с ним о вольных работах и забываю Иоанчика. Вдруг маленький протягивает ручку и что-то старается сказать Рябинину. Это значило: «Подойди сюда и поцелуй мне ручку». Тот подошел к коляске, скинул фуражку, взял маленького за руку и поцеловал ее. Я глубоко умилялся. Надо же было ему потянуться именно к любимому моему солдату. Пока я заходил в некоторые избы, чтобы взглянуть, как расположились люди, маленький оставался на руках то у Цыца, то Рихтера, то у фельдфебеля, и все удивлялись тому, что он такой смирный, приветливый и не плачет.

Другое хорошее впечатление нашел я в «Соборях» Лескова, а третье в его «Запечатленном Ангеле», которого читал Оле вслух...

19 августа.

Четверг. 18.

Стоят чудные жаркие дни — август вознаградил нас за неприветливое лето. Мне все жалко, что времени так мало и 24-х часов не довольно для суток, чтобы успеть исполнить все, что хотелось бы.

В Федоровском я побывал вчерашним утром. Как я туда приеду, сейчас соберутся и окружают меня живущие там офицеры; это весьма приятно: им скучно и кто бы ни появился, они всякому рады. Но мне было бы гораздо приятнее, если бы меня оставили в покое и дали бы говорить с солдатами. Один Божеряничик понимает это; с ним мы

одни можем беседовать с людьми, и они не стесняются нас, как других офицеров. Но Божеряничик теперь в отпуску и еще несколько дней проживет у своих в деревне. — Написал длинные письма Чайковскому и Фету. Упражнений не успел играть вчера, а следовало бы этим заниматься ежедневно, так как в феврале или марте мы с Еленой предполагаем устроить новый концерт и исполнить «Реквием» Моцарта; а кроме того, я хотел играть с оркестром концерт Моцарта и играть наизусть. Для этого надо много поработать...

Павловск. 22 августа.

Воскресенье. 21.

...И вчера не читал ничего, кроме «Соборян». Это чтение мне как нельзя более по душе. На других языках я не знаю ни одной книги, в которой бы, как во многих русских, было заключено столько непринужденного, веселого смеха сквозь такие горькие и искренние слезы. Рассказ об этих простых, грубых, неученых, невоспитанных, а часто даже слабоумных людях возвышает и умиляет душу, трогает и «с жизнью мирит».

Понедельник. 22.

...Приходил старик слепец и пел мне с Митей про Алексея Божия Человека. Я никогда не видал калик переходящих и слушал с восторгом. ...Замечаю, что за последнее время пишу дневник очень бестолково.

Павловск. 24 августа.

Вторник. 23.

...В 5-м часу распростился со своими и на весь вечер и всю ночь уехал в Федоровское. — Конечно, мне не удалось остаться без посторонних со своею ротою: прибежали офицеры — Рихтер и Фуфаевский. Пошел с ними гулять на кладбище; потом сели обедать во «дворце». Пришли мои песенники. Мы слушали их до 9 ч. На песни собрались крестьяне и бабы, была и пляска. Сыграли зорю, прочитали молитву. К этому времени уже совсем стемнело и небо загорелось звездами. Я простился с офицерами под

предлогом, что надо лечь спать пораньше, и побрел вдоль темной улицы ко дворцу. У крайней хаты стоял подворот Рябинин, и я с ним заговорил. Может быть, в последний раз беседовали мы с ним так свободно, я (?) ротным командиром, а он моим взводным. Говорили мы про звезды; я объяснил ему многое, чего он не знал. Потом разговаривал и с Шапошниковым...

27 августа.

Пятница. 26.

В 11 поехал в город. Взял с собою «Русскую старину» в дорогу и читал воспоминания художника Репина о Крамском. Насколько мне известно, Репин принадлежит к художникам отрицательного направления, школы Стасова. У меня мысли путаются, когда я читаю их доводы: они бранят академию и не признают классиков, а стремятся к реализму. Но по-моему, и академия права с древними идеалами; правы и реалисты; лишь бы в произведениях искусства была красота с художественной правдой...

Усекновение гл. Иоанна Пр.

Воскресение. 28.

Живется так счастливо и безмятежно, и сознавая это, я ценю такое довольство. Ложась спать, радуешься при мысли о завтрашнем дне, а встав поутру, начинаешь новый день опять же с радостью. Комната моя имеет для меня большую прелесть своим убранством, удобством и уютностью. Вчера, молясь Богу в церкви, особенно глубоко чувствовал обаяние теперешней жизни; с умилением вслушивался в богослужение; каждое его слово проникало глубоко в сердце. Давно забыл я так горячо молиться и вот снова вспоминаю. Откуда такое безоблачное настроение? Причин не подыщу. Наступит зима с тревогой и суетой, и оно исчезает, как и солнце, и тепло, и зелень, и цветы. Теперь еще, когда выглянешь в окно, вид зеленых лип с их свежою, пронизанной солнечным светом листвою так приветливо радуется...

Вторник. 30.

...Я так счастлив: в полковники меня не произвели и я остался по-старому ротным командиром.

Был у меня К. Н. Бестужев-Рюмин. Что за наслаждение с ним говорить!

*Павловск. 2 сентября**Четверг. 1.*

Начал новое стихотворение в ренде к «Умер бедняк». Мысль пришла вчера утром... По дороге в Павловск и начал сочинять стихи «Уволен». Весь вечер просидел над 20 первыми строчками.

*Павловск. 3 сентября.**Пятница. 2.*

Живу теперь новой работой — стихотворением «Уволен» и им поглощено все мое внимание. Вчера прибавил только восемь, нет, двенадцать строчек, так что всего теперь 32. Еще два раза столько же, то будет не короче «Умер». Мне так трудно придумать, что описывать стихами, но зато, когда найду что, то пишу с увлечением. Но и тут не обходится без настойчивого труда... Я хочу рассказать, как солдат, уволенный в запас армии, возвращается домой. Там, должно быть, ждут его мать, жена и сынишка. Вот уже недалеко, он видит знакомые предметы; и вспоминается ему, как 5 лет назад на этом же месте он прощался со своими, когда его забрали в солдаты. Вся служба в столице проносится в его памяти. Как было трудно сначала, как все казалось незнакомо и непривычно; но мало-помалу он освоился с новым положением и даже привязался к роте, к товарищам, к начальству. Ему везло по службе, попал он и во взводные, его отличали. Но несмотря ни на какие удачи, мысль о возвращении домой никогда его не покидала и поддерживала в нем бодрость духа. Казалось, конца не будет этим пяти годам; а когда настал желанный день увольнения, эти пять лет ему показались одним днем. И вот он подходит к родному селению, вот и их хата. Но как она изменилась, крыша сгнила, дом так перекошило, что одним боком он врос в землю, ворота поломаны, а внутри — никого. Он думает, что, может быть,

родные ушли куда-нибудь в поле, на работу, и идет на погост поклониться могиле отца. И вот он скоро находит ее в углу под черемухой и узнает ее под снегом. Но рядом еще две могилы, одна такая же, как и отцовская, а другая поменьше. И вдруг он догадывается о горькой правде. — Вот тут-то я не знаю, как кончить. Надо, чтобы, не взирая на такое грустное содержание, этот рассказ оставлял кроткое, а не безотрадное впечатление.

Вчера вечером я слушал 4-ю симфонию Чайковского в вокзале, она мне понравилась, хоть мы и сидели около медных труб, мешавших цельности впечатления.

Дома до ночи сочинял.

Павловск. 4 сентября, утром.

Суббота. 3.

...Рябинин просился в отпуск: у него дома брат поссорился с отцом и предстоит дележ. Велел написать рапорт об исходатайствовании отпуска. Только жаль мне, что не буду я видеть Рябинина в деревне...

Утром в женины именины.

Скоро жена войдет... Я уже расставил там подарки на маленьком столике: ...тут и маленькая брошка в виде черепахи с большим рубином, испещренным золотом в спине, портреты детей в складной рамке on lisegot d'or с камнями, стойка для пера, тоже en lisegot d'or, флакон из сердолика от Фаберже, другие портретики детей, одни головки в маленькой кожаной рамочке, наконец, сапфиры Фаины Гримменштейн, полученные ею от императора Николая. — Стихи подвинулись вчера только на четыре строки, вечером просидел более часа, придумывая, как бы рассказать про жизнь солдата в казарме, поярче выставить ее хорошие качества, и ничего не мог сочинить...

9 сентября, 5 ч. вечера.

Четверг. 8.

Я все еще как бы в чаду со вчерашнего вечера. Ночь навеяла новое стихотворение — «Месяц» в pendant к «Звездам». Оно уже кончено, но я так рассеян и до того не в состоянии сосредоточиться, что даже за самого себя совестно. Но пусть и голова болит, пусть не спится —

лишь бы осеняло меня вдохновение. Оно утомляет нравственно; но разве не стоит испытать этой маленькой неприятности за такое счастье...

Днем 10 сентября. Павловск.

Пятница. 9.

...Я очень рассеян и должен сделать над собою усилие, чтобы участливее относиться к жизненным мелочам и заботам. Теперь дошел я до самого трудного места всего рассказа («Уволен», стихи. — Э. М.), до развязки. Боюсь печальным концом произвести слишком безотрадное впечатление, закончить его какой-нибудь примиряющею и утешительною подробностью. Думаю сказать, что раздается благовест, солнце садится, вечереет; в этом есть что-то тихое, успокаивающее.

...Я сочинил еще 24 строки рассказа об уволенном солдате. Иногда меня берет сомнение, и это стихотворение кажется никуда не годным; не впадаю ли я в сентиментальность, не выйдет ли у меня игрушечный, пасторальный солдатик? Страшно! Я придаю этим стихам немалое значение — и вдруг трудился напрасно. Положим, главный труд — отделка предстоит еще впереди, когда все будет окончено вчерне. Теперь примусь за окончание. Дай, Бог, помощи. До сих пор, кажется, почти ведь гладко, стих плавный, певучий.

*Павловск. 11 сентября,
утром.*

Суббота. 10.

...Теперь предстоит прочесть это стихотворение «Уволен» Палтолику, который о нем не знает. Я боюсь его, боюсь и Гончарова, и Страхова, но стихи обязательно должны пройти их обсуждение. Вчера утром внимательно, но недолго помолился Богу; накануне строфы удались хорошо и ум был спокоен... Только в совершенно спокойном настроении могу я хорошо молиться. Писание стихов приводит меня в волнение, так что, когда найдет вдохновение, я не способен молиться. Самое вдохновение не есть ли возвышение души, равносильное молитве?

Воскресенье. 11.

...Были в Петербурге в «Жизни за царя»... Жена не могла еще ехать: простуда не прошла. Музыка Глинки всегда приятно слушать; даже сквозь дурное исполнение можно прослушать ее прелесть.

*Павловск. 19 сентября.**Воскресенье. 18.*

...Продолжал списывать стихи 86-го года. Как просматриваю свои произведения, меня берет сомнение: ничего дельного не написано, хотя стихов немало. Надо снова взяться за крупную работу; но что писать? Хотелось бы выбрать что-нибудь из русской истории, да не подберу ничего.

*20 сентября.**Понедельник. 19.*

Вчера много успел сделать. Очень усердно упражнялся на фортепиано. Почти всю первую часть Д-мольного концерта Моцарта и каденцу Рейнеке знаю наизусть и с замиранием сердца вижу себя в большой зале перед множеством гостей и слышу оркестр; вот приходит мое время вступать, оркестр умолкает, и я начинаю. Ух, как страшно!

Вторник. 20.

...Снова играл на фортепиано. Музыка Моцарта легко запоминается наизусть; каденцу Рейнеке, как произведение новейшее, заучить труднее.

Среда. 21.

Вчера погода стояла чудесная. Ходил к людям в поле и в ожидании фельдфебеля копал с ними картошку... Вечер просидел дома. Переписывал, читал биографию и стихотворения Никитина. Никакого сравнения нет с современными стихотворениями Надсона, Мережковского, Фофанова и компании: в них ни мысли, ни чувства, ни красоты, тогда как все это есть у Никитина, хоть и был он простой мужик.

27 сентября.

Понедельник. 26.

...Я очень почитаю Иоанна Богослова — 30 лет назад меня в этот день крестили...

Вторник. 27.

...Я позавтракал второпях один и поехал в Федоровское, где рота уже устроилась у ротного двора в ожидании меня в мундирах и скатках. Я благодарил людей за летнее время, протекшее так благополучно, безо всяких неприятностей. Мы пошли к церкви, где я заказал молебен... Вошли в церковь, и началось торопливое, довольно нескладное богослужение, крестьянские певчие долго и неверно пели какие-то незнакомые молитвы, молодой суетливый священник читал скоро и невнятно, захлебываясь и путаясь. Все это мешало мне молиться как бы следовало, к тому водосвятие, на которое я не рассчитывал, заставляло бояться, что мы опоздаем на поезд. Молебен кончился, батюшка сказал солдатам краткое, но милое слово, благодаря их за благополучный постой, за помощь, в которой они не отказывали крестьянам, и увещевая с усердием приступить к зимней службе в городе. Вышли из церкви... были на вокзале за полчаса до отхода трехчасового поезда. Я шел рядом с Романовым, который теперь взводный 1-й взвода. — На Петербургском вокзале встретил нас Цицович. В казармах грязь и беспорядок...

Мраморный. 6 октября.

Ответ Гончарова приводит меня в уныние: 10 дней, потраченных на стихотворение «Уволен», пропали даром. Я не умел стать в положение описанных лиц, психологический анализ отсутствует, потрясающие движения души не уловлены. Что же делать, когда не могу создать драму. Неужели же я никогда не смогу этого. Может быть, я рожден лириком, а во что бы ни стало хочу попасть в драматурги. Гончаров очень похвалил замеченные им в той же тетради неоконченные черновые наброски «Пигмалиона»...

Должен еще сознаться в чем-то, что заставляет меня стыдиться и краснеть и чего я ни за что бы не высказал на

словах: я не дорос до Шекспира; мне просто скучно читать его. Вот два дня подряд читаю «Отелло», и хоть от некоторых мест волосы дыбом становятся, а в общем — скучно. Местами мне даже просто не нравятся иные выражения. И мне совестно, ибо в этом доказательство моей недоразвитости. Положим, я не все совершенно понимаю, а читать со словарем — лень.

Воскресенье, перед обедней.

Суббота. 8.

...Должен был вернуться из отпуска мой взводный Рябинин, я с нетерпением ждал его и радовался встрече. Из собрания заехал в роту, но он еще не приехал. Как состоящий на 4-летних правах, он подлежит увольнению в запас, и я беру его в число своей прислуги, заранее радуясь этому; но к этой радости примешивается и беспокойство: будут ли им довольны, окажется ли он хорошим человеком. Мне так часто не везет на любимцев, и они не оправдывают моего доверия...

10 октября, утром.

Воскресенье. 9.

...Вчера утром, приехав в роту, к большой своей радости увидел в покое 1-го взвода Рябинина. Подписав бумаги, вызвал в коридор и довольно долго разговаривал. Ему удалось если не примирить семью окончательно, то поуспокоить родных и уговорить не разделяться и не покидать пьяницу отца...

11 октября, перед завтраком.

Понедельник. 10.

...Послал Гончарову тетрадь стихов, готовых для печати.

15 октября.

Пятница. 14.

...Моему авторскому самолюбию опять был нанесен удар И. А. Гончаровым. Но как не быть благодарным ему за строгое отношение к моему поэтическому росту. Он

нашел, что в моих стихах, заготовленных для нового сборника, есть несколько стихотворений, где выражено одно чувство, но нет мысли... Нельзя же всюду вкладывать глубокую мысль, можно же выражать и одно ощущение или впечатление. Но я опять начинаю сомневаться в своих силах...

*Петербург, воскресенье,
16 октября.*

После письма Гончарова, мне кажется, что для меня наступила новая эпоха: он находит, что советников мне более не надо, что я уже твердо стою на ногах и пора самому взвешивать, что надо и чего не надо писать.

Суббота. 15.

Вчера я в роте простился с Рябининым, простился, как с солдатом и взял его к себе, в число своей прислуги. Он пришел в Мраморный, я свел его на детскую. На него будут шить придворное платье.

19 октября.

Бог спас Государя от страшной опасности: на Курско-Харьковско-Азовской ж. д. второй паровоз и четыре вагона сошли с рельсов. Столовый вагон, в котором в это время завтракал Государь со своей семьей, разбит совершенно, но все остались каким-то чудом невредимы. Военный министр Черевин и Шереметев слегка ранены, из остальных сопровождавших 21 человек убит и 37 ранено. Все произошло, говорят, из-за лопнувшего рельса. Вчера утром в прибавлениях к «Правит. Вестн.» появилась телеграмма с этим известием, но про убитых и раненых ничего не было сказано... Страшно становится, когда подумаешь, что Государь, Государыня и все их дети могли погибнуть, и престол перешел бы к маленькому Кириллу, так как Владимир, женатый на лютеранке, не может царствовать.

20 октября

Среда. 19.

Видели «Псковитянку» Мея. Драма мне очень понравилась. Смертельно хотелось бы и мне написать драму в стихах, из русской истории, и видеть на сцене.

21 октября, 8-й час утра.

Четверг. 20.

...Был у меня Павловского полка капитан Бутовский и принес свою книгу: «Способы обучения и воспитания солдата». Ч. 2. Первую часть я уже читал, а с автором говорить не случилось, и я рад был с ним познакомиться.

Петербург. 22 октября, утром.

Пятница. 21.

Вчера много нас ездило в Гатчину встречать Государя... Да, это было чудо из чудес. Мы слышали бесчисленные рассказы об этом крушении и от самого Государя и от всех бывших с ним. Они в один голос говорят, что как бы воскресли из мертвых, и вступили в новую жизнь. Словно с войны возвращались они с перевязанными руками, головами... Государь до сих пор кажется чрезвычайно взволнован, удручен и грустен. И Он, и все его спутники ни о чем другом, как о крушении, не говорили.

5 ноября, утром.

Можно ли относиться к дневнику небрежнее, чем это делаю я? Ведь вчера писал не хуже семилетнего ребенка. Вместо того, чтобы быть теперь в роте на занятиях, я по лености поручил Цицовичу меня заменить, а сам преспокойно сижу дома и строчу. Не запомню такого случая за все 5 лет, что команду ротой. Или я начинаю охладевать к ней? Или наскучил однообразием казарменных занятий? Кажется, до сих пор меня привлекала в роту не столько служба, военное дело, как привязанность то к одному, то к другому солдату. Моего любимца после Калинушкина сме-

нил Добровольский, а его место занял Рябинин. Теперь все они выбыли и в настоящее время нет у меня в роте ни к кому особенно сильной привязанности. Но неужели только они, эти глупые привязанности привязывают меня к роте?

Вчера успел кончить ротную денежную книгу за октябрь. Хотя я пишу ее вот уже пятый год, многое из условного служебно-хозяйственного языка остается мне непонятным, и не будь писаря, я бы не справился с отчетностью. Мой Скуратов, человек недалекий, плохо грамотный и писарь не важный, а все же я значительно уступаю ему в этих познаниях. Известные понятия просто не вмещаются в моей голове. По строевой части я тоже весьма слаб, знанием устава похвастаться не могу. А по части психологии мне недостает строгости, твердости, даже, может быть, беспристрастия. Итак, ни в одной из этих отраслей командования ротой я не могу счесть себя за хорошего начальника. Что же, наконец, есть во мне хорошего? Я талантливый поэт? Но и с этой стороны прорех немало: не хватает мне глубины мысли, воображения силы. Иногда просто руки опускаются, как вдумаясь в свою несостоятельность. А между тем я мечтаю быть великим, люблю, где только можно, оставлять следы своего творчества, воображая, что ими будут дорожить впоследствии... Куда мне до величия!

У нас обедал П. И. Чайковский. Встретиться с ним после нашей переписки было мне очень приятно. Мы много говорили вообще об искусстве, о различных на него взглядах.

Вечером был Лермонтовский Досуг в полку... Читались главнейшие произведения Лермонтова, целиком и отрывками... На мою долю выпало читать последние монологи Демона, отрывки из «Мцыри» и мелкие стихотворения.

Я был в ударе и читал с чувством и увлечением, особенно в заключение неизданное стихотворение «Смерть». Я сказал его наизусть, весь проникшись мыслью поэта, так что дух у меня захватывало, голос дрожал и мороз пробежал по коже.

Раздались дружные рукоплескания.

Мраморный, 6-е, утром.

...Были в концерте Чайковского, где он сам управлял оркестром. 5-я его симфония E-molle, исполненная в 1-й раз, мне понравилась с начала до конца.

14 ноября.

Воскресенье. 13.

Кончил об Иоанне III у Соловьева. Теперь надо прочесть Карамзина и Костомарова, чтобы познакомиться с необходимым для моей трагедии, надо терять столько времени, читая о ненужном мне. Как расположить сцены? Как выставить характеры и найти наиболее сценичные сопоставления? Надо проникнуться и духом языка того времени. Все это представляет мне немало трудностей. Но работа меня увлекает... Хочется избежать однообразия и недостатка действия, что так утомительно и скучно в театральные пьесах. Я еще очень любопытен даже в подготовительной, черновой работе.

Понедельник. 14.

Вечер просидел дома. Играл трио Вебера и читал Карамзина. Несмотря на устарелый слог, он мне нравится более Соловьева; как-то более тепло, живо и потому любопытнее и легче читается.

18 ноября.

Суббота. 19.

Когда, сменившись с дежурства, я вернулся домой, пришел ко мне Майков с тетрадью моих стихов. Да и после завтрака он читал мне свои замечания, записанные карандашом на моей рукописи. В общем, он отнесся ко мне гораздо снисходительнее Гончарова, и все, почти исключенное им, признал годным к печати...

Были в Дворянском собрании на 2-м русском симфоническом концерте под управлением Римского-Корсакова. Зала наполовину, если не более, оставалась пуста. Мне хотелось там быть из внимания к русской музыке. И я не раскаялся: 1-я симфония Бородина Es-dur просто меня восхитила.

30 ноября.

Вторник. 29.

Вот и последний месяц года скоро наступает. Только прошла бы благополучно тяжкая пора балов, вечеров и праздников. А когда придет желанный Великий пост, можно будет вздохнуть свободнее.

Я отправил тетрадь новых стихов к Я. П. Полонскому. Академик Грот уже ответил мне очень лестным отзывом, отметив все, что, по его мнению, подлежит объяснению или исправлению. Со многими его замечаниями я принужден был согласиться и кое-что исправил, но на многое недостает у меня ни умения, ни терпения. «Сирень» и «Вчера соловьи» признал он слабыми. Теперь еще остается мне подвергнуться суду Полонского и Страхова.

2 декабря.

Среда. 30 ноября.

...Занятия (в роте. — Э. М.) шли своим чередом. Получил денежные письма в канцелярии и после завтрака выдавал их. Одному — Верхоглядову, неграмотному, я сам прочитал письмо. Боялся, что будут в нем дурные вести, но кроме хорошего, ничего не оказалось: прикупили новых лошадей и земли под подсолнечники. Зато у другого солдата, Подольского, в руках было грустное письмо. Я увидел его с распечатанным письмом в ротной школе, за грифельной доской. Он рассказал мне на мои вопросы, что ему пишут про смерть сына и про болезнь брата. Говорил он об этом спокойно: по видимому, больной брат заботил его поболее, чем покойник-мальчик. Я думал освободить Подольского от занятий и хотел с другим, Ваньковским, заняться арифметикой, но за ним подошел к черной доске и Подольский. В нем было заметно желание учиться, несмотря на только что полученные печальные вести. Я учил их сложению и вычитанию.

3 декабря.

Понедельник. 2.

Состоялся Майковский досуг. Аполлон Николаевич говорил нам, что ему редко случалось слышать свои произведения прочитанными вслух. ...Мне на долю достались, по

выражению Майкова, самые тонкие стихотворения. Но лучше всего, я сам это сознавал, прочитал я «Последних язычников»... В заключение, очень довольный и растроганный, прочитал он нам новинку, свое последнее, написанное на днях и еще неизданное произведение: «Мани, факел, фарес...»

11 декабря.

Суббота. 10.

Прочитал государствование Иоанна III по Костомарову. Этот историк производит на меня такое же неприятное раздражающее впечатление, как отрицательные статьи «Вестника Европы», иногда статьи Стасова, поэзия Надсона, Мережковского и комп. и т. д. Костомаров, где только может, подольет яду, разбранил, уколет. Это какое-то змеиное шипение.

19 декабря.

Воскресенье. 18.

...Я был в консерватории на ученическом представлении «Опричника» Чайковского и сидел между Рубинштейном и Петром Ильичем.

20 декабря.

Понедельник. 19.

...Я написал Папа письмо в 12 страниц. Между прочим, спрашивал его мнения насчет продажи моих стихотворений с благотворительной целью. До сих пор я не продавался, но теперь, когда мои заглавные две буквы ни для кого не тайна, мне бы хотелось отделаться от вечных просьб получения книг и хлопот по доставке их...

Гатчина. 21 декабря, вечером.

21. Среда.

...Из беседы с милым Цесаревичем¹ после обеда я опять как и всегда вынес самое отрадное впечатление. Он одарен

¹ Николай Александрович, Николай II.

чисто русской, православною душой, думает, чувствует и верит по-русски. Мы говорили про отечественную историю и про восточный вопрос. Говорили про Иоанна III, про царевича Дмитрия и Самозванца, про кончину Павла I и про последнюю Турецкую войну...

*Мраморный. День Рождества
Христово.*

24. Пятница.

Вот, дожили и до праздника, а давно ли, кажется, переехали сюда из Павловска! Вчера весь день была суета... — Днем был я с Митей на рынке, в Апраксином дворе у бакалейщика Свистунова, закупал всякую всячину на ротную елку. Был и в роте, где клеили разные украшения из цветной бумаги...

Мраморный. 26 декабря.

Воскресенье. 25.

Надо описать хотя бы некоторые подарки, полученные мною на елку... От недавно вошедшего в моду ювелира Фаберже она (жена. — Э. М.) достала для меня спичечницу из песчаника и нефритовую пепельницу, то и другое оправленное серебряными змеями. Несколько стеклянных французских вещей от Гризара с Садовой улицы. Подарили мне множество исторических книг, нужных мне для трагедии...

Потом я поспешил в роту на елку. Раздавать подарки мне всегда совестно — выходишь каким-то благодетелем. Жгли фейерверк и бенгальские огни, нашло к солдатам много гостей.

3 января 1889.

Понедельник. 2.

...Чтобы испытывать полное душевное спокойствие, мне надо быть в ладу с совестью... всюду поспевать вовремя, исполнять все то, что я от себя требую, и не пропускать занятий, кажущихся мне обязательными.

8 января.

Суббота. 7.

Странное, необыкновенное впечатление вынес я вчера из Мариинского театра, после дневного представления оперы Рубинштейна «Купец Калашников». Эту оперу я видел давно, кажется, в 79 году, в тот единственный раз, что она была дана. С тех пор ее запретили. Несколько лет назад она снова была разучена и опять запретили ее давать. И вот теперь она вновь была разучена, но перед самым представлением явились сомнения: можно ли дать? Решено было, что Государь посмотрит ее и сам скажет, запрещать ли ее впредь или нет. Любопытно было видеть оперу в почти пустом театре. Зрителями были допущены только артисты императорских театров и некоторые лица из знати, так что несколько лож было занято. Сам Государь и вся наша семья сидели в креслах. — Первое действие очень хорошо: Грозный царь и опричники поют церковные стихиры. Музыка прекрасна. Но впечатление производится несколько тревожное, беспокойное, даже тяжелое. Эти злодеи — такими они выставлены в опере — сперва молятся, а потом пляшут и пьянствуют. Второе действие растянуто и скучновато. Зато третье с начала до конца сильно действует на душу. — Мое мнение: лучше оперу не разрешать. Не следовало бы правительству тешить зрителей такого рода зрелищами в наше время, когда существует стремление свергать в грязь все, что веками вынесено на подножие. Больно и за наше прошлое, когда видишь царя злодея на сцене. Тем более, что, по-моему, зверство Иоанна Васильевича IV у нас преувеличивают. Но опера разрешена и во вторник пойдет публично. — Когда разъезжались из театра, Мама сказала Государю, что мои стихотворения будут продаваться в пользу ее приютов...

10 января.

Воскресенье. 8.

...Мне хотелось съездить к министру Двора, чтобы хлопотать о пожаловании Фета Камергером, но гр. Воронцова, как мне передавали по телефону, не было дома до 6 ч., и я не мог побывать у него.

28 января.

Среда. 25.

Гр. Комаровская прислала мне целую тетрадь неизданных писем Гоголя. Не помню, откуда они у нее. Это письма к семейству Вельгорских, особенно к Анне Михайловне. Очень хороши, где он определяет значение истинно русского человека.

*На другой день после бала в
Аничковом.*

Четверг. 26.

Встал я еще рано, как только успели меня разбудить, все еще под впечатлением нового стихотворения. Вот оно:

Есть помыслы, желанья и стремленья
И есть мечты в душевной глубине.
Не выразить словами их значенья —
Неведомы таятся в нас оне.
Ты понял их: ты вылил в пенопенье
Те звуки, что в безгласной тишине
Плениют нас; те смутные виденья,
Что грезятся лишь в лучезарном сне.
Могучей силой творческого духа
Постигнув все неслышное для уха,
Ты угадал незримое для глаз.
И сами мы тех сердца струн не знали,
Что в сладостном восторге трепетали,
Когда, чаруя, песнь твоя лилась.

В окончательном виде слово «лучезарный» изменено на «мимолетный», — Академик Грот... посоветовал изменить «неслышное для уха» и поставить «невнятное для слуха». Я и сам думал, что «слух» лучше «уха», но оставил все по-прежнему, потому что, говоря в следующем стихе про глаза, нахожу, что «ухо» более однородное им слово...

Бал в Аничковом был очень своеобразным, с дамами во всем черном, на них бриллианты блестели еще ярче. Мне было не то весело, не то скучно...

29 января.

Суббота. 28.

Вчерашнего дня я ждал чуть не с замиранием сердца, как будто не Фету наступило 50-летие писательской деятельности, а мне самому. Я так дорожу им, так ценю его малопризнанную поэзию, он так близок моему сердцу. Я заочно вместе с ним торжествовал этот день...

Мы устроили обед в честь Фета: пригласили гр. С. А. Толстую, Я. П. Полонского и гр. Кутузова с женой. А. Н. Майков простудился и не мог быть. Пили шампанское за здоровье юбиляра и его музы.

1 февраля.

Вторник. 31.

...Вчера был большой вечер у Половцевых на Больш. Морской; туда был зван весь наш свет. В нарочно устроенной зале Мазини со своей труппой пел *Elisir d'amore*. Музыка эта и все наше блестящее и гнусное общество — не по мне. Донельзя обнаженные грудь и плечи, вокруг увивающаяся золотая молодежь, пустые, часто нескромные речи, весь этот блеск, шум и чад меня раздражали. Отраднo было глядеть за ужином на свежие цветы: на одном розы, на другом гиацинты, на третьем тюльпаны действовали освежающим и успокоительным образом на глаза и душу... — Утром поспел в роту вовремя, несмотря на то, что спал 4 часа...

1 февраля.

Вторник. 31.

...Пришло письмо от Фета с прелестными стихами на имя жены и мое; вот они¹:

Давно познав, как ранят больно
Иные тернии венков,
Нередко с грустию невольной
Гляжу на юношей-певцов.
Но пред Высокою четою
В душе моей всегда светло,

¹ Публикуется впервые.

За вдохновенной головою
 Белеет ангела крыло.
 Оно поэту в миг сомнений,
 В минуту затаенных слез
 Навеет райских сновидений
 И чистоты нагорных рос.

*Мраморный. Сретение
 Господне, утром.*

Впереди еще столько балов, патриотический концерт, зимний парад, наша генеральная репетиция и самое представление. Кажется, никогда не хватит сил на все это и однако их хватает всегда. Все же ждешь тихой великопостной поры с возрастающим нетерпением...

3 февраля, днем.

Четверг. 2.

...В 10-м часу поехали с женой на бал в Аничков. На ней было голубое платье с лиловою сиренью — подарок покойной бабушки. Я поехал с намерением вовсе не танцевать, а как попал в толпу пляшущих — расхотелся и стал тоже плясать. На 1-ю кадрили меня пригласила сама Михен, мазурку я плясал с молоденькой графиней Граббе, а во время котильона читал «Русский вестн.» в комнатах Цесаревича.

7 февраля.

Понедельник. 7.

...Отдаю в «Русск. вестник» следующие мои стихотворения: «Озеро», «Гром затих», «Колокола», «Прошла зима!», «В дождь», «Летом», «О, не гляди», «Говорят мне» и «В ночи». Они выйдут 1 марта.

Среда. 15.

Начал читать Домострой Сильвестра. Как это хорошо и как поздно я знакомлюсь с этой нужной книгой. Как прав Гоголь, советуя читать ее желающим быть истинно

русскими в тех еще неизданных письмах, что были у меня в руках.

Четверг. 16.

Был у старика Гончарова; он лежал в кровати. Здоровье его значительно ослабело и ухудшилось, он заговаривается.

23 февраля, утром.

Среда. 22.

Я говею и каждый день по два раза бываю в церкви. Стоять на правом фланге роты, молиться вместе с солдатами, заодно с ними класть поклоны и благоговейно и безмолвно следить за церковною службою мне даже приятнее, чем слушать богослужение в нашей домашней церкви. И как хорошо умеют держать себя в церкви эти простые люди! Куда лучше офицеров, из которых большая часть вовсе в церковь не ходит, а когда придут, то обыкновенно смотрят по сторонам и разговаривают. Один соблазн.

1 марта.

Вторник. 28.

Рота сменилась с должности, я был свободнее. Ездил в полк к денежному ящику и роздал письма. Потом надо было провожать все Гессенское семейство, которое уезжало с Варшавского вокзала. Аликс в публике прочили в невесты Цесаревичу, но из этого ничего не вышло. Мне бы хотелось для него кого-нибудь еще получше.

6 марта.

Воскрес. 5.

И наконец наступил вчерашний знаменательный день. Я болезненно волновался с утра. Усиленно упражнялся на фортепиано... Но вот приехала Государыня с Ники. Все разместились. Уже я сижу на своем возвышении за роялью, уже оркестр играет, и я терпеливо жду своей очереди. Но вот он замолк, и я беру первые ноты, невольно робея, когда среди мертвой тишины раздаются звуки

моего инструмента. Страх еще не проходит, в глазах темно, одну терцию левой руки я уже взял неверно, но чем дальше, тем становится менее страшно, является даже увлечение... Но вот все кончено, и раздаются похвалы на все лады... Рубинштейн говорил, что великие князья могут сделаться артистами, а последним никогда не попасть в великие князья. Самое приятное мнение о моей игре было, что я играл, благоговей перед Моцартом.

*Петербург. Мраморный дворец.
19 марта.*

Среда. 8.

Опять я в Петербурге, полный самых приятных и освежающих воспоминаний о трехдневном пребывании в Москве... Так, мне припомнился чудный майский вечер два года назад, когда я уезжал оттуда (из Москвы. — Э. М.) в Оптину пустынь... Папа уехал в Крым. Я остался в Москве с Павлом Егорычем. Мы разъезжали по Москве.

Обедал и провел весь вечер у Шеншина (Фета). Смеркалось, было морозно и уши щипало, когда я выехал сквозь Троицкие ворота из Кремля и несся в санях по Воздвиженке и с Арбата на Плющиху. В конце ее, неподалеку от Девичья поля, его дом, хорошо знакомый лишь по адресу. Я вошел. Маленькие низенькие комнаты, на окнах растения, повсюду цветут гиацинты — такая уютная обстановка для милых бездетных старичков. Я в первый раз увидел Марью Петровну Шеншину (рожд. Боткину, сестру доктора), но мне сейчас же показалось, что я давно с нею знаком. Приняли меня радушно и ласково, как родного. Сперва Марья Петровна боялась моего посещения, но всякий страх прошел и, кажется, довольно скоро. Мы сели обедать; кроме нас троих была тут и молоденькая девушка, которую называли Екатериной Владимировной — фамилии ее я не узнал. Она служит Фету секретарем — я хорошо знаю ее почерк, — старичок называет ее своими глазами. А она сперва очень боялась меня, но тоже скоро успокоилась. Разговор не умолкал ни на минуту. Я сразу заметил, что старички самые нежные супруги, он очень рассеян и без старушки ему пришлось бы плохо. Она, кажется, только и живет, что заботой и попечениями о нем. Время летело так быстро, мне было так хорошо у

них, как будто я всю жизнь был знаком с ними. Он читал мне свои последние, мне еще незнакомые стихи. Пили чай, говорили, о чем только не говорили!

15 апреля.

14.

Со дня нашей свадьбы минуло пять лет. Сегодня мы отправляемся за границу, и уже менее чем через неделю я надеюсь вернуться назад.

*Альтенбург. 18 апреля,
вторник.*

Опять тот же вид из высокого окна, опять те же комнаты, тот же письменный стол, за которым я написал многие из стихов, заслуживших мне известность: «Распустилась черемуха», «Письмо из-за границы», «Растворил я окно», «Гром затих». Но теперь хоть и весна, и тепло, и солнце светит так ярко, я ничего написать не могу...

*Альтенбург. 19 апреля,
среда.*

Вторник. 18.

Дожил и до дня отъезда в обратный путь и от души радуюсь ехать домой в Россию. Правда, мне жаль расставаться с женой, но несмотря на любезность и радушие здешних родственников, меня тянет в Россию.

В пятницу пили кофе в Острове. Север дал себя знать: день был пасмурный, и хотя не холодный, но дождливый. Я с утра находился под радостным впечатлением возвращения на родину и в ожидании свидания с детьми, с Мама, с ротой, с товарищами. — Когда мы подъезжали к Петербургу, дождь перестал, показалось солнце.

*Гатчина. 2 мая, вторник.
В 1-м часу ночи.*

Вторник. 2.

...Государь принимал доклады Ванновского и графа Делянова. Последний после доклада пришел ко мне в комнаты Павла, где я писал уже и стал мне рассказывать, что

он прислушивался к мнениям различных людей о том, кого бы после смерти гр. Д. А. Толстого избрать Президентом Академии Наук, и ему называли меня. Он сообщил об этом Государю и явился просить меня, чтобы я принял это звание. Мое тщеславное самолюбие было в высшей степени польщено, но вместе с тем я немало смутился при мысли о таком высоком положении. Отказываться я не имею причин. Вечером, после обеда, я улучил минуту поговорить с Государем с глазу на глаз. Я спросил Его, как он смотрит на сделанное мне предложение? Государь ответил мне, что Он ему рад, сказал, что Президент — великий князь может стать выше всяких интриг, выразил желание, чтобы я принял это предложение, и пожал мне руку.

Величие, истинное духовное величие, сопряженное с внешним почетом, всегда имело для меня обаяние и само осеняет меня.

С Богом, в добрый час. С Богом.

I/I — 31/X 1890

Восьмой съезд естествоиспытателей и врачей. Утерянные записки Ф. М. Достоевского. Я. Полонский на Досуге. Рождение дочери Татианы Константиновны. Борьба немцев и русских в Пулковской обсерватории. Русская или только Императорская Академия наук? Борьба за А. Ковалевского и Д. Менделеева. Передвижная выставка. Александру III — 45 лет. Великая княгиня и наследник (Николай II) играют «Евгения Онегина». Князь Сумбатов из Малого театра. Слезы отца. Аполлон Майков. Иван Александрович Гончаров говорит о смерти.

Петербург. Мраморный дворец.

Новый год.

2 января. 1890.

Не помню, чтобы когда-нибудь случалось мне проводить утомительный и бестолковый первый день года так тихо, спокойно и приятно... Но меня тревожит, что мое

нездоровье не даст мне возможности посещать заседания VIII съезда естествоиспытателей и врачей и хоть этим выразить, что я не считаю шуткой избрание меня в его почетные председатели. Мне предстоит устроить у себя большой обед для представителей съезда, надо будет говорить речь, и при мысли об этом душа в пятки уходит. — Что за наслаждение не таскаться по подъездам, не расписываться и не надоедать швейцарам. Много читал. Начал писать очерк сказаний о древе крестном.

Воскресенье. 7 января.

Моя обеденная речь попала в Дневник съезда, а оттуда перепечатана в газеты. Ее хвалят. — Разбирал годами накопившиеся бумаги и письма, нашел в них две утерянные записки Ф. М. Достоевского; я уже отчаивался отыскать их и очень обрадовался находке... Вечером собралась у меня Комиссия Досуга... Говорили о предполагаемой библиотеке Досуга, об обещанных еще в прошлом году чтениях по истории русской словесности, о поднесении А. Н. Майкову жетона Досуга и о приглашении на один из будущих Досугов Я. П. Полонского, и вообще кого-нибудь из известных писателей.

Петербург. 11 января.

Благодарение Господу! Сегодня жена благополучно разрешилась от бремени дочерью, при святой молитве нареченною Татианою...

Внутренно я все время мучился, что, если родится мальчик, я не найду в своем сердце столько радости, сколько надо, чтобы приветствовать появление на свет Божий маленького родного, беспомощного существа. Мне было гораздо больше за жену, чем во время прежних родов...

Петербург. 20 января.

Пятница. 19.

Я послал за непременно секретарем, чтобы с ним посоветоваться. Несмотря на отказ Бредихина, я не теряю надежды уговорить его баллотироваться в директоры Пулковской Обсерватории.

Суббота. 20.

Сегодня я уже слышал другие мнения: отказу Бредихина как будто радуются и прочат в Пулковое шведа Баклунда...

Воскресенье. 21.

В заседании Отделения Русского языка и словесности по обсуждению текущих дел я обратился к членам с вопросом о Пулкове, их в сущности не касающимся. Мне хотелось знать мнение этих русских людей, и вместе с тем людей науки, хоть не астрономов и не математиков. Они согласились со мною, что нельзя допускать иностранца Баклунда со всеми его качествами до Пулкова.

Вторник. 23.

Мысль трагедии опять зашевелилась в голове, у меня родились некоторые новые, кажется, удачные сопоставления. Но витки всех обстоятельств последних двух годов XV и первых двух XVI столетий, служащие для моей драмы, далеко не выяснены и не связаны...

Четверг. 25.

...Бредихин разрушил все наши надежды видеть его директором Пулковской Обсерватории. После самоубийства сына Бредихин стал более прежнего склонен к меланхолии и боится, что от одинокой пулковской жизни у него разовьется умопомешательство. Против такого довода трудно поставить какое-нибудь опровержение.

Ночью мне долго не спалось. Читая Карамзина, вникал в историю Иоанна III...

29 (января).

У меня был барон Вревский, новый Туркестанский генерал-губернатор. Говорили с Николаем о ташкентских обсерваториях, астрономической и физической. Заходил и Бредихин откланяться перед отъездом в Москву. Он держится мнения, что Баклунд единственный, кто мог бы заменить Струве...

9 февраля. Масленица.

Четверг. 8.

Сейчас иду дежурить при Государе. В ночь на вчерашний день, после вечера у вице-президента, я не сразу заснул, целый час проворочался. Мне мешали спать мысли о Пулкове и о моей трагедии... Читал статьи Бутлерова в «Руси» за 82 год под заглавием «Русская или только Императорская Академия Наук». Встав из гроба, Бутлеров и теперь мог бы написать почти то же самое. Только теперь та разница, что мне как президенту самому приходится вести борьбу с немцами и потому надежды на успех побольше прежнего.

Среда первой недели поста.

14 февраля.

Вторник. 13.

В Академию приезжал Государь на передвижную выставку, мы с Гротом вышли его встретить на лестницу и вернулись в заседание. Моя заявка об отказе Баклунда от баллотировки прошла без всяких осложнений. — Штраух внес представление об избрании ученого хранителя зоологического музея Плеске в адъютанты Академии по кафедре систематической зоологии, намереваясь приготовить себе в нем заместителя. Фаминцын возразил, что у нас уже есть два специалиста систематика и что ранее избрания третьего надо бы привлечь в Академию знаменитого Ковалевского как представителя другой отрасли, а именно морфологии. Возникли прения. Мне пришла на ум статья покойного академика Бутлерова в «Руси» 1888 г. Что было при нем, то есть и теперь... Мне стало грустно, я понял, в чем дело, что опять идет спор немцев с русскими... Тогда я решился сказать, что к избранию Плеске можно будет приступить впоследствии, когда Ковалевский войдет в число академиков, а Фаминцыну предложили заготовить представление к ближайшему заседанию. — Штраух, видимо, остался недоволен и спрятал записку о Плеске в карман.

20 февраля.

Понедельник. 19.

...Заходил и на передвижную выставку. Картина Н. Ге «Что есть истина?», изображающая Христа перед Пилатом, производит отвратительное впечатление. Мне понравилось «Вдали от мира» Мясоедова, некоторые вещи Волкова, особенно «Осень», портрет В. Н. Иксуль, писанный Репиным, а больше не помню. Читаю жене «Мертвый дом» Достоевского и наслаждаюсь. Она слушает с удовольствием и, видимо, понимает...

*Суббота. 24.
(февраль)*

Вчера надо было явиться в полк до 9-ти утра, наш батальон собрали в 4-й роте для чтения приговора суда над рядовым этой роты, укравшим полушубок у товарища. За последнее время я как-то стал еще благодуще к своим ротным солдатам. Мне теперь кажется, что и они относятся ко мне доверчиво. Даже молодые меня, кажется, не боятся. Шапошников совершенно поправился, повеселел и все у нас идет по-старому. Вольноопределяющийся Семенов-юноша очень старательный и усердный; ему уже иногда поручают обучать молодых...

27 февраля. 3-я неделя поста.

Понедельник. 26.

Государю (Александр III. — Э. М.) вчера минуло 45 лет. Он принимал поздравления в мундире л-гв. Финского стрелкового батальона. Семейство собралось к обедне в Аничков. Я до конца богослужения беспокоился, что вот-вот жене сделается дурно и она выйдет из церкви.

28 февраля. Петербург.

Вторник. 27.

...В заседании Физико-математического Отделения академии Овсянников прочел записку об ученых трудах профессора Алекс. Онуфриевича Ковалевского, подписанную самим Овсянниковым, Шренком, Штраухом и Фамин-

цыным. Затем Штраух с моего разрешения снова внес уже зачитанное две недели назад представление Плеске в адъюнкты Академии. В ближайшем заседании того же Отделения приступим к баллотировке обоих. Удалось-таки провести Ковалевского, это победа. Одним русским будет больше, а там при счастии проведу и Менделеева.

...Я уже раньше знал от Эллы, что она потихоньку от мужа выучила заключительный монолог Татьяны, а Цесаревич взял роль Онегина. У них в помещении фрейлины Эллы Козляниновой была устроена маленькая сцена, и там собирались без ведома Сергея и репетировали. Когда все было готово, разыграли перед Сергеем две сцены из Евгения Онегина.

...Поднялся занавес. На сцене был садик со скамейкой; выбежала Элла, за ней вошел Ники. Оба были в костюмах начала нынешнего столетия и очень хорошо одеты. Цесаревич очень мило и четко произнес свой монолог: «Вы мне писали, не отпирайтесь!» Только в голосе его слышно было, что он очень робел. — Затем сцена превратилась в комнату Татьяны. Элла с большим чувством говорила свой монолог. Нет еще 6 лет, что она в России, и уже появилась на сцене. В старину этого не было. Конечно, произношение ее выдавало, но выкупалось глубиной чувства в игре.

*Петербург. 2 марта.
3-я неделя поста.*

Среда. 28.

...Мне представили князя Сумбатова. Он из любви к искусству, несмотря на хорошие средства, пошел в актеры, играет под именем Южина и написал пьесы «Листья шелестят», «Муж знаменитости» и «Арказановы». Говорил с ним о Московском Малом театре, стоящем намного выше нашего Александринского по выбору пьес и по направлению. Говорили о «Гамлете». Сумбатов знает 9 русских его переводов и ни один не удовлетворяет актера. Я сказал, что и сам собираюсь переводить. Он обрадовался, но раньше, как лет через 6, я не кончу.

Утро провел в Павловске, отстоял там обедню и завтракал. Узнал, что 1 марта, после того как простился с Папа, он много плакал. Когда я сказал ему, что мне время

ехать, он огорчился. По-видимому, ему хотелось, чтобы я остался с ним играть в домино; но я тем не менее уехал в 6 ч. 25 м. Мне стало больно и досадно на себя, когда мне сказали, что я доставил ему огорчение и обманул его ожидания. Меня теперь совесть за это мучит.

Навестил в Семеновском госпитале больного своего солдатика, бывшего ротного артельщика Архипа Тихонова. У него какая-то опухоль на шее и в верхней части груди; его уже который месяц держат в госпитале, лечение не помогает, а на выписку не пускают. Он очень скучает, как и все солдаты, когда попадут в больницу, и мне стало его жаль.

Мраморный. 6 марта.

Я переоделся у фельдфебеля Шапошникова и поехал в Малый театр посмотреть Эрнесто Росси в «Гамлете». ...В театре был А. Н. Майков. Он приходил к нам в антрактах. Росси стар, наружность не подходит к облику Гамлета, и все же видится в нем великий артист.

Суббота. 10.

(11 марта) Вчера утром раздавал в роте жалованье. Домой вернулся в начале 12-го часа. Ко мне заходил товарищ по флоту Игнациус. Он вполне посвятил себя живописи, провел год в ученье у Боголюбова в Париже, а теперь поступил в здешнюю академию. Только вряд ли что-нибудь из него выйдет: он бросается от одного дела к другому. — У нас обедал Аполлон Николаевич Майков. Не родись он поэтом, то, наверное, был бы историком. Я люблю его взгляды на прошлое нашего отечества. — Заезжал к Ивану Александровичу Гончарову. Очень он состарился и поговаривает о близости смерти. В голове его довольно света, правда, он часто повторяется, а иногда и заговаривается.

1/XI 1890 — 1/I 1892

Болезнь сына. Стихи, написанные в вагоне. Алек Ольденбургский создает Институт экспериментальной медицины. Цесаревич едет на восток. Мамонт из Сибири. Три неприятных разговора. Экспедиция Черского. Церковный парад. Принц Адольф Нассауский женат на дочери Пушкина. Александр III говорит о «Пиковой даме» Чайковского, А. Апухтине и графе Голенщеве-Кутузове. Борьба с алкоголизмом. Чара вороненого серебра. Счастье свободного вечера. Солдатские сонеты. Экспедиции в Тибет, Кашарию, на Памир. Сын поэта В. Жуковского. Патриотический концерт. 10 лет со дня убийства Александра II. Идея постройки Сибирской железной дороги. Бал на 500 человек удался. Сирень, ландыши, фиалки, мазурка и котильон. Имение Осоргина. Боткин — лучший врач. Великий князь Сергей Александрович — генерал-губернатор Москвы. Экспедиция в Каракорум за счет собственных денег К. Р. Высокое назначение. Бог, Природа, Человек. Покупка картины Богданова-Бельского. К. Р. играет Пимена в «Борисе Годунове». История Преображенского полка. Графиня Меренберг (внучка Пушкина) и Великий князь Михаил Михайлович. Актриса Дузе. Покушение в Японии на наследника престола. Муки совести. Пушкинские архивы князя Вяземского. Голод в России «на руку» Германии. Парад не из обыкновенных. Поднесение Государю иконы. И тают и млеют перед французами. Солдатская сказка. Неизвестные стихи А. Фета. Суд над солдатами. Неизвестные стихи А. Фета. Достоевский предсказал К. Р. великую будущность. Знакомство с А. Ф. Кони. Смерть И. А. Гончарова.

Петербург. 3 ноября.

У нас бедный Гаврилушка очень болен. В ночь температура доходит до 40,2, а теперь 39,8, и, хотя доктор Рамбах отрицает опасность, как-то боязно.

Пятница. 2.

Ездил в Павловск. Эти поездки дают мне два часа одиночества и свободного времени в вагоне и, благодаря им, возвращаясь в Петербург, я почти всегда привожу несколько новых стихов продолжения поэмы.

4 ноября.

Суббота. 3.

Болезнь Гаврилушки продолжается, в ней не заметно изменений, и она камнем лежит у меня на сердце... Во второй день инспекторского смотра, 2 числа, я разговаривал с дежурным по роте унт. оф. Стекольщиковым, одним из моих любимцев в роте. Я узнал, что у него есть сынишка — Глеб, и тут Стекольщиков сказал мне, что этот Глеб с месяца назад умер. Он говорил это, грустно улыбаясь. Помню, как мне стало больно... Потом я его спрашивал, плакал ли он, получив известие о смерти, он отвечал, что не плакал, что слезами не поможешь, мертвого не воротишь. Тогда мы еще не тревожились за Гаврилушку. А что если моим опасениям суждено осуществиться. Страшно подумать!

Воскресенье. 4.

Ездил днем к Алеку во вновь устроенный им на Аптекарском острове институт или станцию экспериментальной медицины. Это в высшей степени полезное учреждение, и я был очень рад сообщить Алеку на днях, что и некоторые академики сочувствуют его предприятию и выражали мнение, что институт, еще не открытый, было бы желательно поставить в зависимость от Академии Наук. Мне тем более было приятно передать это Алеку, что многие смеются над его начинаниями, и такие презрительные отзывы я слышал и в нашем семействе. Но министр внутр. дел И. Н. Дурново уже предложил Алеку принять его институт в свое министерство...

Понедельник. 5.

Мечты о покупке имения Осоргина в Калужском уезде на Оке продолжают. Сведения, сообщенные Дворянским

банком, где с. Сергиевское заложено за 95.000 р., благоприятны. Ожидаем присылки плана.

9 ноября. Петербург.

Михайлов день.

Четверг.

Гаврилушке все так же, температура несколько ниже, ночью 40, утром 39,5, но он слабеет.

10 ноября.

Пятница. 9.

Десятый день болезни Гаврилушки. Перемен никаких не заметно...

12 ноября. Петербург.

Воскресенье. 11.

Д-р Рамбах получил назначение сопровождать Цесаревича в его путешествии на восток. В среду мы должны расстаться. Все это решилось очень неожиданно. Врач, находившийся на «Памяти Азова», заболел и списался, кн. Барятинский писал Государю, прося прислать другого доктора. Государю хорошо известен один Рамбах. Митя, вернувшись из Гатчины, передал мне от имени Государя, что он надеется на добровольную с нашей стороны уступку Рамбаха и что мы не будем пенять за это.

13 ноября.

Никаких существенных изменений в положении Гаврилушки.

Понедельник. 12.

Ко мне приезжал академик Плеске. Он рассказал мне, что еще при графе Толстом (моем предшественнике) был поднят вопрос об устройстве при содействии м-ва госудрств. имуществ сети орнитологических станций по всей России для наблюдений за перелетными птицами. Представление по этому делу не имело ходу и осталось в канце-

лярии неперменного секретаря. Я поручил Плеске справиться предварительно у Аничкова, можно ли снова завести речь об этом деле. Плеске сообщил мне кроме того, что в новой Комиссии, избранной в последнем заседании I отделения для пересмотра постановлений прежней комиссии о целях академической экспедиции для отыскания трупа мамонта в Сибири, пришли к заключению, что наиболее выгодным казалось бы снарядить известного своими путешествиями Черского.

Вторник. 14.

Вечером, или вернее ночью, когда измерили 12-часовую температуру и она оказалась 40, на меня опять напало уныние. На сон грядущий молился в своей крестовой и плакал горькими слезами. Старался приучить себя к мысли о худшем исходе болезни Гаврилушки. Молился, чтобы Господь помог мне безропотно покориться Его воле и признать в ней благо.

23 ноября.

Выздоровление Гаврилушки идет правильно. Он еще очень слаб и худ, но этим тревожиться не следует, как неизбежными последствиями тяжелого тифа.

24 ноября.

Мое сердце смущается: сегодня было у меня уже три неприятных разговора: с нянькой, офицером и солдатом.

3 декабря.

Понедельник. 3.

Вчера я уже в 8 утра был в роте, меня встретил новый субалтерн Воронов. Я поручил ему заведовать новобранцами. Первый урок так называемой «словесности» давал им сам. Спросил их, зачем они сюда прибыли, чтобы заставить самих выразить понятие о службе. Этот прием удался...

7 декабря.

Четверг. 6.

В роту по случаю ротного праздника отслужили молебн. Потом я там же оделся в парадную форму гвардейского экипажа и поехал в Аничков к обедне. Здесь теперь принц Адольф Нассауский, женатый на дочери Пушкина, посланный возвестить о восшествии своего брата на Люксембургский престол.

Я дежурил у Государя. Церковный парад удался. Гвардейский экипаж выставил по 62 ряда в ротах, тогда как императорские стрелки только по 24. — После завтрака разошлись лишь в 4-м часу. Государь с Государыней уехали в Гатчину в 4 1/2. В вагоне пили чай. Царь много говорил о «Пиковой даме» Чайковского. Говорил и о литературе; осуждал Апухтина, что он мало пишет. Из молодых поэтов признает он только графа Голенищева-Кутузова...

Суббота. 8.

Вчера был на открытии устроенного Алеко Ольденбургским и принесенного в дар правительству Института экспериментальной медицины. Преосвященный Антоний, ректор здешней Духовной академии, произнес речь, в которой высказал церковный взгляд на врачебное искусство. Был читан высочайший рескрипт, которым Алек назначен попечителем нового учреждения.

Среда. 12.

Есть у меня рядовой Дмитриевский, батальонный писарь. Он хотя из дворян, но ничему не учился и служит на общих правах. Первый год он прослужил исправно. Я даже получил письмо от его родной сестры, акушерки. Она выражала мне благодарность за исправление брата, который дома ничего не делал, а только пьянствовал. Но вот к концу первого года, когда мы уже хотели назначить его в учебную команду, он снова стал выпивать. Шло все хуже и хуже, прошлую зиму он пропил вещи, данные ему на время товарищем солдатом... Пока трезвый, он человек хороший и толковый, но несчастная и непреодолимая страсть к вину его губит. Я вздумал подвергнуть его лечению посредством

подкожного впрыскивания стрихнина. Ничего не помогло. Тогда меня надоумили попытаться вылечить его гипнотизмом с помощью внушения. А неделю назад полковой врач прислал к нам в приемный покой известного д-ра Данило... Нас было несколько человек офицеров и докторов. Пришел и командир полка. Дмитриевский положительно спал. Но ему пока ничего не внушили, доктор хотел убедиться, последует ли усыпление, а в следующий раз приступит ко внушению.

Пятница. 14.

Поэма опять подвинулась на 4 стиха после двухнедельного перерыва. Целый день был в движении. Утром занятия, после завтрака под вечер надо было заехать в Курсы на репетицию по Русской истории и в роту встретить молодых. Последние четверо — чудесные люди.

Суббота. 15.

Полковник приходил посмотреть на последних четверых новобранцев. Он расспрашивал одного из них, Семена Давыдова, про его домашних, про жену и детей, и тот расплакался. Как мне стало жаль его. Ведь ничем не утетишь; разве мои участливые слова облегчат его горе?

Рождество Христово.

Подарки разосланы. Я получил от Сергея красивую чару из вороненого серебра с вделанным в дно крестовиком Петра I, также акварель Крамского — вид в Павловске. От жены — английскую стеклянную чернильницу с серебр. крышкой: она уже украшает мой письменный стол. Елка будет у нас, когда жена встанет (после рождения сына Константина. — Э. М.).

Суббота. 29.

Что за наслаждение иметь в своем распоряжении целый свободный вечер, читать книгу с сигарой во рту и стаканом чая на маленьком столике и знать, что никто не помешает и не нарушит одиночества.

31 декабря.

Остается полтора часа до наступления Нового 1891 года. Прошли времена, когда я суеверно боялся этой минуты, я теперь незаметно и почти равнодушно перехожу из старого года в новый, а все-таки по старой привычке хочу и сегодня лечь спать пораньше, чтобы не слышать, как пробьет двенадцать часов.

Воскресенье. 6.

Совершенно здоровый поехал рано утром в Зимний дворец на Крещенский парад. Весело стоять в строю обер-офицером. В штаб-офицерском чине эта прелесть утратится, будешь дальше от солдат. Сочиняю сонет «Поступление» в рендант к сонету «Пред увольнением», но сомневаюсь в удаче. — Государь кивнул мне, проходя мимо полуроты. Нас вывели на набережную в мундирах. Успел поддеть куртку на меху. Было градусов 5 мороза, без ветра, сыпал снег. Торжество водосвятия так прекрасно, что забываешь о холоде...

Четверг. 10.

Подвинул солдатский сонет; начало и конец готовы, остается доделать середину. Теперь уже нечего бояться, что сонет не будет кончен, главное сделано. Это второй солдатский сонет. Мне бы хотелось написать их несколько. Хочется сочинить один под заглавием «Знамя»; это богатая, но весьма трудная тема. Другой — «Смотр» — не удался мне, как я ни ломал над ним голову...

Видел в макете памятник гр. Муравьеву-Амурскому, его бронзовую статую, которую поставят в Хабаровске. Она прекрасно вылеплена Опекушиным и отлита у Лаврентьева или Ларионова, первого русского литейщика, исполняющего такую крупную работу.

Вечер был в экстренном заседании Географического общества в зале Кредитного общества, где капитан Громбчевский сообщил о своей экспедиции на Памиры, в Тибет и в Кашарию. Было очень любопытно его слушать.

Пятница. 11.

По дороге в Павловск и обратно сочинил и, наконец, кончил сонет. Вот он:

ПОСТУПЛЕНИЕ

Прости семья! Прости родная хата!
Теперь с великой воинской семьей
Сольешься ты родством меньшого брата,
И светлый путь лежит перед тобой.

Отвагу, честь, все доблести солдата

Тебе внушить отныне долг святой.

Усердием душа твоя богата,

Хоть утопает ум во тьме густой.

Но мрак уступит истины сиянью:

Все доброе, досель в груди твоей

Дремавшее, пробудится к сознанию.

И вновь придешь к своим, в простор
полей...

Пребудь же верен воина призванью

И семена любви и правды сей!

Аничков дворец. 15 января.

Понедельник. 14.

В полдень был в Аничкове. В 1 ч. меня позвали завтракать. Там, кроме детей, был один только П. В. Жуковский, сын поэта, близкий здесь человек, милый, искренний, живописец-любитель... — Имел случай говорить Государю об экспедиции, которую Академия предполагает отправить в Каракорум, для отыскания камней с надписями на неизвестном языке.

2 марта, утром.

Пятница. 1.

Вчера перед обедней успел пописать и почитать. В Крепости был Государь, все наше семейство собралось к заупокойной литургии. Уже 10 лет прошло с ужасного дня 1 марта 1881 г. Государь казался растроганным, по окончании богослужения слезы были у него в глазах.

5 февраля.
В Аничковом дворце перед
сменой с дежурства.

Воскресенье. 3.

В свободные минуты третьего дня читал «Горквато Тассо» Гете. Превосходный язык, удивительно сильные и картинные выражения; но есть, кажется мне, какая-то неестественность, натянутость. Несносно было бы встретиться с таким человеком, каким Гете изобразил Тасса. Может быть, я еще недостаточно созрел, чтобы по достоинству оценить это произведение Гете.

Были в Патриотическом концерте. Чайковский сам дирижировал свою сюиту g-dur.

6 февраля. Мраморный.

4.

В понедельник вступил на дежурство в Аничковом дворце. Жену пригласили туда завтракать. Потом я оставался внизу до 5-ти часов и писал письма. В 5 меня позвали наверх к чаю. Кроме меня никого не было. Государь говорил о формировании новых флотских экипажей с тем, чтобы каждый имел одно крупное судно и несколько мелких, как было до крымской кампании.

Вторник. 5.

У меня был строитель закаспийской жел. дороги ген. лейт. Анненков (сын Веры Ивановны). Он изложил мне свои взгляды и предположения на постройку сибирской железной дороги от Челябинска до Владивостока, одной непрерывной линией. Вечером я читал его записки по этому животрепещущему вопросу.

Воскресенье. 10.

Павел и Аликс в первый раз давали у себя большой бал, более чем на 500 человек, и он удался как нельзя лучше. Я был в конногвардейском виц-мундире и много плясал. Белая и лиловая сирень, ландыши, фиалки, анемоны сыпались дождем во время мазурки и котильона, и было очень оживленно. Я привез с собою 13 бантиков.

Среда. 13.

По возвращении из Павловска решили обсудить, покупать имение Осоргина или нет? Решили, что дорого и на покупку не решаться, а попросить владельца уступить нам усадьбу в наймы на лето.

Вторник. 19.

Императрица жаловалась на нездоровье, ей неизвестен ни один врач, к кому она могла бы обратиться с полным доверием, после того, как не стало Боткина. Она предупредила меня, что в субботу с Государем приедет на педагогические курсы, но не желает, чтобы это было там известно заблаговременно. Разумеется, я скрою там, что знаю об этом посещении и заранее радуюсь радости начальствующих, учащих и учащихся.

Вторник. 26.

Сегодня в Правит. вест. помещен Высочайший указ Сенату о назначении Сергея Московским генерал-губернатором и рескрипт Князю Вл. Андр. Долгорукову. Он назначен в Государственный Совет. Назначение Сергея всеми встречается с радостью. Он будет продолжать командовать Преображенцами, пока не найдут им нового командира. Называют Гессе, графа Шувалова. Сергей, хотя и мечтал когда-то о своем новом звании как о чем-то несбыточном и недостижимом, еще не может отдаться чувству радости: мысль о разлуке с полком его сильно огорчает. Недаром, еще в четверг, на Аничковом балу он умолял меня не отказываться от Преображенского полка. Но я мечтаю об Измайловском и не могу принести такой жертвы. Да и странно было бы мне, пока еще только ротному командиру, вдруг принимать полк и, наверно, этого не будет.

Понедельник. 4 марта.

2. Великий пост первой недели.

В субботу утро провел дома. Писал дневник, читал книгу Тьерри, играл. Разучиваю 2-й из 3-х сонетов Листа. — На молебне в Исаакиевском соборе по случаю 10 годовщины вступления Государя на престол меня непри-

ятно поразил беспорядок: еще не кончилась обедня, вместо причастного стиха говорилось слово. Тут как будто все позабыли, что стоят в церкви, ходили, говорили, стояли спиной к алтарю.

Среда. 6.

Был в академическом заседании: отпустил 12000 р. своих денег на Каракорумскую экспедицию, в надежде, что министр финансов вернет их мне в будущем году.

Пятница. 8.

Я не ошибся: Владимир передал мне предложение Государя принять от Сергея Преображенский полк и представил мне откровенно высказаться. Я положительно ответил, что отказываюсь, и привел доводы: трудность принять на себя такую ответственность, трудность, усиливаемую моей деятельностью по Академии, желание командовать Измайловским полком, а перед тем одним из стрелковых батальонов, опасения быть командиром именно Преображенского полка, крепкого своей сплоченностью, своими преданиями, а потому и не слишком податливого для человека, незнакомого с его внутренней жизнью. Владимир горячо опровергал меня, но я стоял на своем, и он обещал передать мои сомнения Государю на другой день и сообщить мне ответ как можно скорее.

Забежал поделиться впечатлениями с женой и вышел погулять по набережной. Меня осенила счастливая мысль пойти к Спасителю. Народу там не было, никто не мешал мне молиться. Честолюбивые мысли снова поднимались в голове; я старался их заглушать, но замечал, что невольно сожалею об отказе, высказанном Владимиру. После вечерни Митя пришел к нам обедать. Я передал ему свой разговор с Владимиром и спросил совета. Он заметил мне, что «от службы не отказываются и на службу не напрашиваются», всячески убеждал не отказываться и посоветовал переговорить с Ильей Александровичем, а потом поехать в Павловск и там переговорить с Мама и Палтоликом. Я поехал в Павловск, но по дороге был у Владимира, прося подождать до возвращения из Павловска и не сообщать Государю моего ответа до этого. Внутренно я уже решил

на этот шаг. В прошлом году я отказался, когда Государыня предложила мне ведомство учреждений Императрицы Марии: но эта деятельность ничего не имела общего со всем моим прошлым, и отказ был основателен. Теперь же мне предлагают то, что я считал конечною целью моего служебного поприща. К тому же удобно ли отказываться от такой Высочайшей милости, в которой сказывается столько доверия? Владимир не скрыл от меня, что и он, и сам Государь с особенной теплотой и привязанностью относятся к Преображенцам.

В вагоне целый водоворот мыслей кружился в моей голове. Я вызвал в Павловске Палтолика, его очень поразила эта новость, он сказал, что хоть и очень трудная задача выпадает на мою долю, но отказываться неловко. Он предупредил Мама о моем прибытии, чтобы она не перепугалась. Я попросил ее благословения. Она была очень растрогана, обнимала, крестила меня, говорила то же, что и я сам постоянно себе твержу: не зазнавайся, побольше смирения — и в слезах отпустила меня. — В полночь я опять был у Владимира и сказал ему, что готов.

Скажем с Цезарем: *Alea jacta est.*

Помоги бог!

А Измайловская рота?..

11 марта. Мраморный дворец.

Суббота. 9.

Ездили с женой в Павловск. Папа и Мама приобщались, обедня только что отошла, когда мы поднялись по лестнице. Папа плакал от радости, узнав о моем назначении.

Мое назначение всеми принимается с радостью. — Я до Пасхи буду командовать ротой и приму Преображенский полк не ранее Святой.

Воскресенье. 10.

Вчерашний день был испорчен головной болью. — На фамильном обеде в Аничковом все семейство приветствовало меня с почетным и необыкновенным назначением. Когда встали из-за стола, подойдя благодарить Государя за обед, я

поблагодарил и за милость. — «Я рад, что это решено. Но ты согласился не без борьбы? Хорошо, что ты воспользовался этим случаем, а то Бог знает когда еще ты дослужился бы до командования полком». — И это говорил самодержавный царь!

Вечером, невзирая на сильную мигрень, играл роль Пимена. То была еще только репетиция. Скалон играл плохо, а меня хвалили. Горюю о моем уходе из полка.

12 марта.

Сейчас вышел от меня преосвященный Амвросий, архиепископ Харьковский. Я не ждал встретить в престарелом монахе столь образованного человека, в нем незаметно ничего семинарского, он говорит о высоких ученых вопросах, как человек сведущий. Был он у меня, желая передать свой взгляд на необходимость преобразования наших университетов. По его мнению, в них обучение обременяет множеством подробностей, специальностей и не дает конечных познаний о высших и главнейших понятиях: О Боге, о природе, о человеке. Он дал мне свою брошюру «О причинах отчуждения нашего образованного общества от церкви». — Прав он или нет, не знаю, но его беседа запала мне в ум и душу.

13 марта.

19-я передвижная выставка картин на мой взгляд лучше прошлогодней. Я купил на ней за 500 р. картину Богданова-Бельского «Тайная молитва»: крестьянский мальчик затеплил восковую свечу на еловом суку и молится, стоя на коленях — будущий подвижник. Пейзаж опять преобладает. Тенденциозных картин почти не заметно.

Видел академическую выставку картин: она много хуже передвижной. Ничего особенно не запомнилось

17 марта. Воскресенье.

Сегодня память преподобного Алексея, Человека Божия; осенью, когда я начал новую поэму, я думал окончить ее к сегодняшнему дню: но даже и первая глава не готова.

Пятница. 15.

Вечером на Досуге в полку собралось 63 участника. Я со Скалоном под конец сыграли сцену Пимена из Бориса Годунова. В библиотеке большой круглый стол был сдвинут в угол, чтобы не мешать зрителям, всю комнату заставили рядами стульев и потушили лампу. Сценою служила узенькая проходная комнатка между дежурной комнатой и библиотекой. Вместо занавеса мы просто растворили двери и ея рамки, т. е. 2 арш. в ширину и около 4-х в высоту были кулисами. Декорацию, изображающую сцену кельи с остатками живописи и окном с цветными стеклами, поставили наискось; к ней, в глубине справа, приставили декорацию изразцовой печи. Кресло и стол я взял с нашей детской. Скалона загримировали Гришкой Отрепьевым со старинной гравюры, и он был замечательно на него похож, но тем не менее своей роли не знал, путал слова, выпуская иные, а иные вставляя. Я тоже был загримирован, и говорят, казался очень дряхлым и старым; только глаза и голос выдавали меня. Я помнил свою роль очень хорошо и произносил монологи с любовью и увлечением. Все остались очень довольны. Наконец-то удалось мне играть драматическую роль.

19 марта.

Суббота. 16.

Елизавета Григорьевна покидает детскую.

Воскресенье. 17.

Третьего дня утром пришлось иметь с ней объяснение. Я большой трус на такие разговоры. Нельзя же ей прямо сказать, что она не довольно умна и упрекнуть за бестактность. А она очень огорчена, плачет и спрашивает, за что ее гонят. Так жалко ее! Она прекрасная, добрая, благочестивая женщина, но при детях оставить ее нельзя, у нее понятия о воспитании довольно смутные.

За семейным обедом у Сергея Государь взглянул на меня (я сидел подле Аликс, бывшей его соседкой), поднял стакан вина и проговорил: «Измайловский полк!» За семь лет службы в полку я ни разу не слышал этого от Государя.

Он, должно быть, чувствует, каково мне расставаться с Измайловцами.

Понедельник. 18.

Вчера два раза был в роте. Стараюсь исправить все, что не совсем в порядке, желая сдать роту в полном блеске. Завожу мраморную доску с именами всех командиров роты Его Величества, бывшей с основания полка, т. е. 1730 г. и до 1797 гренадерской, а потом до 1825 ротой Его Высочества. Я счетом 27-й командир роты.

Вторник. 19.

Заказываю икону Св. Троицы в батальонную столовую в память моего трехмесячного заведования продовольствием первых четырех рот. Запасся книгами и руководствами к командованию отдельной частью. Начал с книги Карцева. Читаю и историю Преображенского полка.

22.

Видел итальянскую актрису Дузе. Она замечательна, не играет, а живет на сцене, ничего деланного, условного.

Был на музыкальном вечере у М-те Абаза.

25.

Я узнал, что Миша без ведома и согласия родителей и Государя тайно и неизвестно где обвенчался с дочерью Софьей Принца Николая Нассауского от морганатического брака с дочерью Пушкина графиней Меренберг. Миша написал о своем браке Государю и родителям. Здесь все поражены и возмущены. Если б он женился таким же образом на графине Игнатъевой, такой поступок был бы неосторожен, но по крайней мере понятен. Но теперь помимо преступления, неповиновения государевой воле, он действует совсем глупо и непоследовательно. Необъяснимо, как может он так быстро переходить от одной

любви к другой. Он теперь уже (сегодня 27 число) исключен из службы¹.

18 апреля. Мраморный.

Среда. 17.

Близится время сдачи роты, и сердце мое смущается. До сих пор я как в чаду от новизны впечатлений, не отдавая себе отчета в значении для меня этой разлуки; но теперь когда надо все приготовить к сдаче согласно положению, закончить отчетность и все дела, казавшееся несбыточным скоро станет действительностью. И мне страшно, и больно, и горько. Получение Преображенского полка меня не радует; напротив того, я подмечаю в себе недоброе чувство к нему.

Вчера утром со всею ротой снимался группой на дворе нашей казармы. Не хватало только двух человек против полного списочного состояния, молодых солдат последнего призыва, больных Белоусова и Дешги, а то все были налицо — принесли заказанную мною в столовую 1-го батальона большую стенную икону Пресв. Троицы. Она прекрасно написана на целиковой доске по правилам древней русской иконописи. Дубовая рама сделана по рисунку окна в Соборе св. Марка в Венеции...

Вечером исповедовался у о. Арсения. На душе было как-то беспокойно, тревожно.

Четверг. 18. Страстная пятница.

...Ездил помолиться к мощам св. Князя Александра Невского, зашел к наместнику Лавры, архимандриту Исаи, был в Казанском соборе и в роте.

Страстная пятница. 19.

Петербург. Пасха. — Я более не ротный командир...

¹ Марта 26-го дня, в С.-Петербурге.

Флигель-Адъютант Штабс-Капитан Лейб-Гвардии Егерского полка Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Михайлович исключается из службы.

49-му Пехотному Брестскому Его Императорского Высочества Князя Михаила Михайловича полку именоваться впредь 49-м Пехотным Брестским Полком.

Суббота. 20.

Незадолго до полночи военный министр прислал мне приказ, которым я произведен в полковники за отличие. Явился на выход во дворец в густых эполетах, при шпорах. Государь меня поздравил и, ласково шутя, сказал: «Ты теперь почти генерал и заважничаете».

Пасха. 21.

На душе у меня грустно. Пришло это в светлый праздник. Я упрекал себя, что недостаточно благодарен Богу за те счастливейшие 7 лет, что командовал Измайловской ротой... Надо было уходить... Люди выстроились в коридоре. Минкельде сказал, что хотя словами и нельзя выразить, что чувствуешь перед разлукой, но на прощанье хочется им благословить меня. Он вызвал Шапошникова. Вышел перед фронт Василий Александрович и заговорил; в руках у него была складная икона св. царя Константина и Николая-Угодника, обитая красным бархатом. Что он говорил — слово в слово не припомню, знаю только, что говорил он хорошо, задушевно, со слезами в голосе. У меня тоже слезы выступили. Я велел людям зайти справа и слева и сам стал говорить... Потом с каждым поцеловался троекратно. Мне казалось, что я словно покойник, и лежу в гробу, и что они один за другим подходят ко мне с последним целованием. Уходя, я сказал им: «Христос с вами», — да только голос оборвался и я окончательно заплакал.

Среда. Мая 1-го.

Когда я встал вчера, камердинер Степанов показал мне «Правительственный вестник», в котором была телеграмма об избавлении Цесаревича от грозившей ему опасности. Это было в Японии, в окрестностях города Киото. На наследника напал японец-полицейский и нанес ему удар саблею по голове. Бывший тут мой племянник Георгие, грек, повалил на землю злоумышленника, ударив его палкой. Рана Цесаревича, к счастью, не опасна, он не слег и чувствует себя хорошо. В Гатчине был назначен благодарственный молебен. Я и так собирался ехать туда

являться по случаю вступления в командование полком, а тут и вся семья туда поехала. Я был позван к Государю в его приемный кабинет, хотя прием и был отказан. Я вошел к Государю, как только кончился доклад статс-секретаря по делам Финляндии Дена. Царь меня поцеловал и, выслушав мои поздравления со спасением Цесаревича, сказал, что телеграммы приходят успокоительные, что у Ники нет лихорадки и он продолжает путешествие. Я сказал Государю, что мне страшно в положении полкового командира; он ответил, что понимает это, так как и недели не прошло, как я командовал ротой.

5 мая.

Мне кажется, я никогда не научусь быть строгим начальником; на это меня не хватает. Могу быть внимательным, исполнительным, но взыскательным — это не по мне.

Суббота. 4.

Вчера утром был в Измайловском полку; Васмундт делал смотр молодым солдатам 1-го батальона и в том числе бывшей моей роты. Из словесности они отвечали положительно лучше прочих трех рот, а в строевом отношении были хороши, хотя особенно от других не отличались. Но не в смотре дело: я знаю, что из них выйдут отличные солдаты.

Вт. 7.

Был на фуражном дворе, осмотрел склады неприкосновенного запаса, заходил в нестроевую роту, в артель нижних чинов, и в библиотеку, и арсенал при дежурной комнате.

11 мая.

В четверг я слышал от митрополита Исаи слова, запавшие мне в душу; они заставили меня задуматься. 92-летний старец сказал, что нет особенной добродетели в посещении знакомых. Вот посетить больного бедняка, незна-

кого и не имеющего около себя никого близкого, — это другое дело. Я ответил, что мы, офицеры, навещаем же наших больных солдат. А владыка возразил, что и в этом нет ничего выдающегося. Не будь солдат, не нужны были бы и офицеры, делать добро своим солдатам все равно, что делать его себе: «и язычницы также творят». Это очень верно.

14 (марта) мая.

Прослужив год под начальством Васмундта, я научился у него многому хорошему и намерен применить приобретенные сведения к новой своей деятельности. Рядом с разумными и добрыми поступками Васмундта мне случилось видеть и его недостатки, которые также послужат мне уроком, чтобы избегать всего того, что мне не нравилось в его деятельности.

Понед. 13.

Принимал Бредихина. Он постепенно изгнал из Пулкова неспособных шведов и дерптцев, заменив их дельными русскими. Остался один Герман Струве, обещающий сделаться хорошим астрономом и подчиняющийся новым порядкам. — Устроил у себя очную ставку академика А. Н. Майкова с владельцем Астафьева князем Вяземским (адъютантом дяди Миши). В архивах Князя имеется многое касающееся Пушкина и нужное для академического его издания.

Воскресенье. 26.

Папа было вчера лучше. Днями бывает хорошо, днями плохо: замечают вялость, сонливость, слабость, равнодушие, онемение пальцев здоровой руки, нарушение управления движениями. Я поймал себя в гадком чувстве: как бы с нетерпением, с жадностью ловишь каждое известие о новом угрожающем признаке. Два года назад мы не сомневались в близости конца, но время шло, мало-помалу мы привыкли к новому порядку вещей. В зиму с 89 на 90 год появились некоторые тревожные признаки. Я опять ждал конца, как освобождения. Затем здоровье Папа, по-види-

тому, улучшилось, последняя зима прошла очень хорошо. И вот опять являются опасения, и я не могу отделаться от гадкого, нетерпеливого чувства: когда же это кончится?

Красное Село. 3 июня.

В свое рождение Митя получил поздно вечером такую телеграмму от Государя: «Спешу загладить мою забывчивость и поздравляю. Передай Мама, что я поздравляю ее с таким примерным и хорошим сыном». — Государь любит Митю, да и есть за что: нелегко найти такого образцового человека. Вот истинный слуга Царю и Отечеству. Эти добрые слова в особенности много значили в устах Государя. Он не скоро и трудно привязывается к людям, а родственные связи имеют для него очень мало значения.

Воскресенье. 2.

После разговора с Павлом Егоровичем я и вчера утром был, как в воду опущенный. Вдумавшись в его предостережения, я понял, что он глубоко прав. Вот уже второй месяц команду я полком, но сказать по совести, скорее полк мною командовал. Конечно, надо придерживаться полковых преданий и обычаев, быть безгранично вежливым с офицерами, но все-таки оставаться в их глазах начальником, и начальником строгим, требовательным и взыскательным. А я? Мне совестно самому себе признаться, а Палтолику я бы никогда не открыл, что иной раз мой полковой адъютант, юный 22-летний подпоручик Миркович, читал мне уроки, а я так несмел, застенчив и боязлив на строгость, что повиновался. Вижу, что надо внимательно за собой следить, обдумывать не только всякий свой поступок, но и каждое слово. А уже сколько раз случилось мне подмечать кое-какие, положим, мелкие неисправности, например, неправильное отдавание чести, неверно написанный рапорт, и проходить молчаливым из опасения показаться придирчивым. Повторяю, что эти соображения очень меня расстроили и я вчера был немало смущен и всю обедню томился сознанием своего бессилия.

Лагерь. 7 июня.

Через час я буду в Измайловском полку, где мне дают прощальный обед, и я очень расстроен этим. Такой обед стоит отпевания. Как я ни отказывался, ничто не помогло... Вероятно, будет и подарок. И чего все это им стоит, а люди они все несостоятельные.

Пятница. 7.

...Много было говорено, даже были и стихи, их прочитал Косач, говорили про меня и как про товарища, и как про учредителя Измайловского Досуга, и как про Президента Академии, и как про поэта...

Воскресенье. 16.

Всю прошлую неделю стояла чудесная погода, жаркая и тихая. Земля высохла и просит дождя. Барометр постепенно падает со среды 12-го, а дождя все не было. Вчера с утра уже было очень жарко; в течение дня надвигались тучи, казалось, разразится гроза, но пронесло мимо. Во многих местностях России жалуются на засуху и опасаются голода... Днем читал в «Русской старине» воспоминания об Александре II-м и дневник академика Никитенки. Очень любопытно. Он описывает борьбу немцев с русскими и мне знакомую отчасти. Но теперь в академии перевес остается за последними. Не могу приписать этого себе — само время берет свое и немцы уступают.

Красное село. 27 июня.

Среда. 26.

Вдохновение мое дремлет. Муза, так охотно и часто прилетавшая ко мне сюда в лагерь, меня еще не навещала...

Павловск. 30 июня.

Пятница. 28.

Я здесь третий день. В пятницу войскам был дан отдых и никаких занятий не производили. Все утро я провел в лагере и уехал в Павловск в 12, чтобы поспеть туда к зав-

траку. Дорогой обогнал солдата: издали вижу красный воротник и думаю: наш или Московского полка? Оказался преображенец, отпущенный в Павловск. Я велел ему сесть на козлы и подвез. Он оказался молодой солдат 12-й роты Афанасий Степанов и собирался в Павловск к брату на похороны матери.

Суббота. 29.

У меня в кабинете чудесно пахнет живыми розами, особенно вечером. Это навело меня на мысль стихотворения, которое, верно, не удастся, так как я не в ударе сочинять.

Лагерь. 4 июня.

Главное, владеющее мною чувство — сознание моей неудовлетворительности как командира отдельной части. Главные мои недостатки: ограниченность силы воли и настойчивости, неумение быть твердым, строгим и последовательным, неуверенность, шаткость и нерешительность. Все эти слабые стороны не могли так выступить наружу, пока я только командовал ротой. Но с расширением власти эти недостатки могут породить дурные плоды, и я опасаюсь, что через некоторое время моя несостоятельность будет замечена. Как я ни дорожу доброй славой, как ни приятно мне слушать о себе лестные отзывы, я не себя пожалею, когда обнаружатся мои недостатки, а полк, который я, весьма вероятно, испорчу и распушу.

Среда. 3.

Штабы суетятся. Только и разговору, что про переход полка в Петергоф и про парад, предстоящий 8 июля по случаю имеющего исполниться 25-летия со дня вступления в командование полком Государя.

Четверг. 4.

Гаврилушке исполнилось 4 года. Я успел побывать днем в Павловске, а вечером вернулся в лагерь.

Лагерь. 5 июля.

В окно доносятся ко мне звуки церемониального марша, отрывочные команды, чириканье птиц и шум листьев, встревоженных ветром. Только что отпил кофе на балконе за книгой «Вечерних огней» Фета. Что это за волшебник! Откуда у него эти удивительные мысли, эти восхитительные сравнения? Душа словно чище, лучше становится, словно у ней крылья вырастают, когда его читаешь. И жаль за собственное свое бессилие!

*Петергоф. 8 июля.**Воскресенье. 7.*

Сегодняшнее торжество кончилось. Теперь восьмой час вечера, я поуспокоился после пережитых впечатлений и, кажется, могу приняться за описание. — Вчера у меня разболелась голова от целого утра, проведенного в передвижениях. В спальней моей было душно, ее окна выходят на восток, и первые утренние лучи, несмотря на всю ночь растворенное окно, нагревают ее в значительной степени. Я дурно провел ночь, с рассветом часто просыпался, курил и подчитывал уставы, касающиеся парадов.

Понедельник. 8.

Утром я поехал от имени полка к Государыне с огромным букетом из красных роз. К нему привязали красные бархатные ленты; на них было вышито золотом XXV и года 1866 и 1891... Я сказал Государыне, что 25 лет назад Преображенцы полюбили в ней невесту своего командира, а теперь любят Супругу Державного Шефа и Мать дорогих для всей России детей. Пришел и Государь. Мы все стали его поздравлять. Он меня поцеловал. — Ровно в 11 ч. я вышел перед полк на площадку около дворца. 1-й, 2-й и 3-й батальоны построились вдоль кавалерского дома и тылом к нему, а 4-й под правым углом, перед дворцовой церковью. В окнах, на балконах и на краю площадки, позади шатра Императрицы было множество народу. Солнце заливало весь парад жгучими лучами с синего безоблачного, словно итальянского неба. Я обошел полк, поздоровался, поздравил с праздником и принял знамена.

В руке у меня была новая шашка: мне вручили ее накануне полковники от имени офицеров перед репетицией парада. На этой шашке изображено преображенское шитье и слова полкового марша. Такую шашку имеет каждый преображенец.

Я впервые переживал минуты ожидания, предшествующие параду, которым сам должен был командовать. И парад этот не был из обыкновенных, а особенно знаменательный. Не могу сказать, чтобы я очень робел или волновался, разумеется, я не был и совершенно спокоен. Я испытывал довольно приятное волнение. Весело быть начальником, появиться перед полком в блестящем мундире, громко и лихо командовать, молодцом проходить церемониальным маршем мимо Государя. Я более всего опасался не за себя, а за благополучное окончание. Могла бы встретиться какая-нибудь неудача, оплошность, неприятность. Но все было как по закону. Начало съезжаться начальство. Бригадный, дивизионный, корпусный и наконец Главнокомандующий. Я к каждому подходил с рапортом и вручал строевую записку. Жара была страшная. Мы, даже стоя на месте, так и обливались потом. Наконец подъехал Государь. Скомандовав: «Полк, слушай, на караул!», я пошел Царю навстречу, остановился перед ним в двух шагах и отрапортовал громко, внятно и с расстановкой. Он подал мне руку, сказав: «Я, кажется, в первый раз вижу тебя перед полком». — «Так точно, Ваше Императорское Величество», — и пошел провожать Государя по фронту. Только что он поздоровался и люди ответили, звуки нашего марша сменились гимном и разразилось оглушительное «ура». Обойдя все батальоны и приблизившись к бывшим преображенцам, служившим при Нем в полку, Государь подал знак, я махнул шашкой и воцарилась мертвая тишина. Царь велел мне командовать к церемониальному маршу поротно и сказал, что сам пройдет во главе полка. Я так и обомлел от радости. С тех пор что Он воцарился, Его еще не видали ни перед одним полком на таких парадах. Командовал я громко, не сбился, и когда 1-й батальон зашел плечом и я пошел к нему, чтобы встать впереди полкового адъютанта, Царь приблизился и обнажил оружие. Я проходил за Ним в двух шагах, преисполненный самой блаженной и гордой радости. Он взял шашку под высь и опустил ее, проходя мимо

Государыни, которая опустила зонтик в знак поклона. Государь зашел, а я за ним, остановился и, как вкопанный, стоял, пока не миновал весь полк. Второй раз проходили по отделениям, и оба раза отлично. После второго прохождения 1-я полурота отделилась и свернула влево для отнosa знамен, а весь полк пошел в верхний сад, где составил ружья и поспешил занять места у столов под тенью вековых лип с трех сторон четырехугольного пруда. После отнosa знамен Государь с Государыней, дамами и свитой подошел к столу Государевой роты. Потом, взяв чарку, он пил за наш полк, назвав его первым в русской армии и напомнив, что поэтому мы во всем должны подавать пример другим. Потом я, что хватало голосу, крикнул: «За здравие прежнего командира, Державного Шефа!» Так же пил за Государыню, и за Цесаревича и его благополучное возвращение. Государь обходил столы, жена сунула мне в руку маленькую коробочку; в ней был крохотный разрезной ножичек, служащий в то же время и закладкой в книгу, из золота с преображенской петлицей из красной эмали и надписью «8 июля 1891».

Перед завтраком у высочайшего стола все служившие при Государе Преображенские офицеры и служащие ныне собрались в одной из крайних зал большого дворца для поднесения Государю иконы. Ее превосходно изготовил Фаберже. Образа писаны в Москве: посредине Преображение Господне, а на створках Казанская Божья Матерь (празднуемая 8 июля) и св. Вел. Кн. Александр Невский. Поднося икону, я сказал: «Ваше Императорское Величество! 25 лет тому назад в этот самый день л.-гв. Преображенский полк был осчастливлен назначением Вашего Величества командующим полком. Сегодня, спустя четверть века, полк просит своего старого командира принять эту икону. Да будет она Вашему Императорскому Величеству благословением верных Преображенцев и выражением их непрестанных горячих молитв за благоденствие Державного Шефа». — Царь перекрестился, приложился к иконе и прочувствованным голосом долго говорил нам. Государь редко и мало говорит, никто не запомнит, чтобы Он произносил длинные речи, но тут мы ушам своим не верили: Царь говорил так хорошо, так просто, хотя, очевидно, не подготовившись, каждое его слово было так веско, что никто из нас никогда не забудет этой

царской речи... «Есть в нашей гвардии батальон Императорской Фамилии, но я считаю Преображенский полк еще более полком Императорской Фамилии, еще более близким нашему семейству и в особенности Государям. Начиная с Петра все царствующие государи и Императрицы были шефами полка. И потому он всегда должен быть первым в нашей армии, как я сказал уже нижним чинам. Это доказала его боевая слава еще в недавнюю кампанию...»

Среда. 10.

А вчера я готовился к своему первому полковому учению; внимательно подчитывал устав. Я выехал перед полк галопом и начал ученье.

Учились прекрасно.

Воскресенье. 14.

Вспоминая собственное детство, я невольно делаю сравнение между собою в младенческом возрасте и своими детьми. Помнится, я преимущественно оставался на детской половине с нянями, а к родителям ходил более по обязанности. У наших детей не так: они все льнут к нам, просятся с нами гулять, ласкаются, нежничают.

В Петергофе. 17 июля.

Вторник.

Убивал время, читая «Русский вестник»... Там приветствуется прибытие в Кронштадт французской эскадры. Все это прекрасно, я сам сочувствую нашим дружеским отношениям с Францией. Но у нас не могут не пересолить. Каких только глупостей не придумает Петербургская публика! И цветами путь французам усыпают, и подарки дарят, и «Марсельезу» поют, и тают и млеют!

Четверг. 18.

В 3-ем часу у меня был непременно секретарь Академии, который просил назначить ему время для доклада. В большой академической конференц-зале потолок грозит падением, и архитектор запер двери. Не знаю, как быть с

исправлением: потолок покрыт живописью во вкусе империи en grisaille и возобновление ее обойдется дорого, а средств нет.

Суббота. 20.

Вчерашнее ученье доказало мне, как все мы с непривычки теряемся, видя перед собой вчетверо больше людей, чем в частях мирного состава. Это множество нас озадачивает, мы не знаем, как с ним справляться, не находим себе места. Придет война, и мы голову потеем...

Среда. 24.

Пообедав в офицерском шатре, я с Адлербергом обходил в темноте солдатские палатки. Грелись у угасавшего костра перед фронтоном 2-го батальона. Возвращаясь вдоль тыла полка, мы услышали из-под одной палатки возле патронных одноколок громкий голос. Остановились, прислушались: какой-то солдат рассказывал сказку. Он, очевидно, нашего приближения не заметил. Поговору невидимого рассказчика можно было заключить, что он малоросс, хотя говорил по-русски. Сказка была про богатыря-дурачка, какого-то русского Ивана, совершавшего подвиг за подвигом и все-таки не достигавшего благополучия. Был тут и конь, у которого «в лобу солнце, в затылку месяц, а сквозь звезды». Сказка тянулась бесконечно. Я стоял долго и все слушал, радуясь, что удалось так хорошо слышать солдатскую речь, оставаясь незамеченным. Любопытно было, с каким участием относились к сказке слушатели, иногда прерывая рассказ замечаниями, вопросами и восклицаниями.

Воскресенье. 4.

4 августа принесло великую радость Царской семье и всем нашим войскам, расположившимся в Красном: мы встречали Цесаревича, возвращавшегося из десятидневного кругосветного путешествия, сопряженного с опасностью для его жизни. Он вернулся к нам возмужалый, пополневший, с большими усами и цветущим здоровьем.

18 августа.

Опять после долгого перерыва настали чудные теплые дни. Это последняя ласка лета. Грустно становится, когда подумаешь, что скоро, скоро пройдут они и мы опять надолго замрем, скованные зимним холодом.

Пятница. 16.

Я так люблю подолгу застриваться на нашем балконе за утренним кофе с книгою каких-нибудь стихов. В эту осень очередь за стихотворениями Гете.

С детьми — я говорю про двух старших мальчиков, — мы живем в самой нежной дружбе и много времени проводим вместе. Иоанчик особенно ласков со мною. Он умный, способный, добрый, но чрезвычайно рассеянный и нетерпеливый ребенок. Ласкою можно все из него сделать, а раздражительность и гнев только раздражают его. Ездили со старшими мальчиками и Татьяной в Царское село показать им маленького десятимесячного слона, привезенного Цесаревичем, если не ошибаюсь, из Сиама. Слон уже ученый и проделывает всякие штуки.

Суббота. 17.

Первое после вакаций общее собрание в Академии Наук. Нас было немного, со мною одиннадцать, еще не все съехались.

Надо заместить покойного Максимовича, и об этом заботится единственный оставшийся у нас ботаник Фаминцын. Он хочет предложить Бекетова, бывшего ректора университета, но боится, что немцы наши противуставят ему Шмальгауза. Этот последний хоть и более известен своими работами, чем Бекетов, но как немец мне не желателен в видах обрусения академии.

21 августа.

Вот уже ровно полгода я не в состоянии сочинить ни одной строчки стихов. И не запомню такого продолжительного перерыва в своей творческой работе. Эта неповоротливость ума и оскудение мысли меня очень смущает и тяготит.

Павловск. 22 августа.

Бывают дни, когда время как-то само собою находится и необыкновенно много успеваешь сделать. Я очень люблю, когда удастся провести день, так сказать, «по программе». Помню, как мне доставалось за эту наклонность от Алексея в 76-м году на «Светлане» и как меня тогда дразнили педантом и заведенной машиной. Но теперь я нахожу, что в этой моей привычке ничего дурного не было.

25 августа.

Ездил кататься с Мама, чтобы иметь случай поговорить с глазу на глаз. Ей хотелось отвести душу со мною наедине. Ее тревожат недоразумения, возникшие во время путешествия Цесаревича с греческим Georgie на «Памяти Азова». Georgie спас ему жизнь, ударом палки свалив с ног убийцу-японца, покусившегося на жизнь Цесаревича в Отсу. Этот подвиг не заслужил Олину сыну ничьей благодарности, об нем даже старались умалчивать, приписав спасение одному из полицейских. Государь даже слова не написал и не телеграфировал Georgie. Ему не было позволено сопровождать Цесаревича в путешествие по Сибири. Теперь разъяснилось, что свита Цесаревича, не ужившись с кают-компанией «Памяти Азова», невзлюбила и входившего в состав ее Georgie. Его оклеветали в глазах Государя, сообщали, будто Georgie имел дурное влияние на Цесаревича, и возводили на него всякую небывальщину. — Надеюсь, что все эти недоразумения будут разъяснены и устранены теперь, при свидании в Дании.

Среда. 28.

Всенощную отстоял в здешней учительской семинарии. Тамашнее богослужение не мне одному нравится: мне говорил и фельдфебель Кидалов, что священник и один из учеников так «трогательно» читают возгласы и шестопсалмие. Впервые слышу это выражение от простого солдата.

Оля телеграфировала, что Государь пожаловал ее сыну Georgie золотую медаль за спасение погибающего. По-видимому, в Дании состоялось объяснение и недоразумения устранены.

Фет на мои жалобы, что Муза вот уже полгода как ко мне не возвращается, ответил прелестными стихами¹:

Не сетуй, будто бы увяла
 Мечта, встречавшая зарю,
 И что давно не призывала
 Тебя богиня к алтарю.
 И сам ты храм любвеобильный,
 И усладительной волной
 В него влетает зов всесильный,
 Колебя свод его живой.

Пускай чредой неутомимой
 Теснятся трудовые дни,
 Но помним мы, что там незримый
 Орган безмолствует в тени.

Когда затихнут на мгновенье
 И блеск, и шум, — тогда лови
 И мир души, и вдохновенье,
 И нам запой слова любви.

Среда. 4.

Вчерашний день по большей части провел в городе. Надо было написать строгий приказ: временно командующий 4-й ротой Джунковский, проверяя караул в Новом Арсенале, застал двух часовых спящими. — Заходил на полковую гауптвахту к содержащимся там нижним чинам, изнасиловавшим женщину 9 июля в Красное. Их в субботу будут судить в Окружном суде. Я говорил им; чтобы они не изворачивались, а говорили всю правду, что только таким образом можно им будет заслужить сожаление.

8 сентября.

Суббота. 7.

Большую часть вчерашнего дня — от 11 утра до 4-х пополудни — провел в заседании Окружного суда по делу об изнасиловании мещанки Бахваловой нижними чинами полка: ефрейторами Легким, Ячником, Позиком и Молоковым и рядовыми Поляковым, Нечаевым и Захарченкой. Все семеро держали себя на скамье подсудимых замечательно хорошо, с достоинством, во всем повинились, не

¹ Публикуется впервые.

сваливали вину один на другого, не изворачивались и говорили чистую правду, как добрые солдаты. Приговорили: Полякова, Ячника, Легкого и Нечаева за изнасилование к ссылке в каторжные работы на восемь лет, Молокова и Захарченку на четыре года. Позик оправдан. По обвинению в грабеже оправданы все. Когда по окончании разбирательства им было предоставлено сказать последнее слово, все они еще раз повинились, чистосердечно покаялись, говорили, что осрамили полк, досадили начальству, и просили милости ради прежней своей беспорочной службы. Больно было их слушать... Защитник подал на кассацию. Мне остается еще для облегчения их участи прибегнуть к Высочайшему милосердию.

Понедельник.

15-го числа скончался Ив. Ал. Гончаров. Мне об этом телеграфировала ходившая за ним старушка Ал. Ив. Трейшут. Я поехал поклониться его праху. На Моховой в доме № 3, где я часто бывал у покойного, в кабинете, из которого убрали всю мебель, лежал старичок, точно спящий.

Четверг. 19.

...Мне необходимо надо было быть в городе: хоронили И. А. Гончарова и я был на отпевании в Лавре.

Павловск. 29 сентября.

Четверг. 26.

Я созвал Пулковский комитет, которого состою председателем по званию президента академии. В 1 ч. дня собрались в Николаевской обсерватории в кабинете директора Бредихина, и он прочитал нам отчет деятельности обсерватории за время с 1 ноября 89 по 1 сентября 91. Отрадно видеть, как оживилось это ученое учреждение с тех пор, как во главе его стоит умный, живой и деятельный Фед. Александр. Бредихин. Работа кипит, вычисления, лежавшие под спудом, стали быстро печататься, астрофизике дан толчок вперед, царство вялых шведов и немцев прекратилось, многие из них повыбыли, уступив

свое место молодым русским ученым, жаждущим дела, которые прежде или затирались, или вовсе не допускались. Пулково вступило в постоянные сношения с другими русскими обсерваториями.

Суббота. 28.

В заседании председательствующий Я. К. Грот представил первые окончательно отпечатанные листы академического словаря. Показал также отзывы разных лиц, коим было поручено высказаться о сочинениях на Пушкинскую премию. Полную премию можно будет выдать одному Я. П. Полонскому за «Вечерний звон». Гр. Кутозов считает достойным поощрительной премии сборник стихотворений Львовой. Остальные — рассказы Потапенки, Эсхилов «Скованный Прометей» в переводе Мережковского, трагедия Кн. Сумбатова и пр. ничего не получают.

Воскрес. 29.

Фет прислал мне прелестное стихотворение на погребение Аликс¹.

Там, где на красные ступени,
У гроба, где стоите вы,
Склонялись царские колени
И венценосные главы,
Немеет скорбь, сгорают слезы,
Когда, как жертва убрана,
Нежней и чище вешней розы
Сама безмолвствует она.
Лишь миг цвела она меж нами
С улыбкой счастья в тиши,
Чтоб восприяли мы сердцами
Весь аромат ее души.
Нам не поведал Ангел света,
Зачем, когда переносил
К нам райский цвет он, — в час рассвета
Его он в бездну уронил.

¹ Публикуется впервые.

Иль полным благодатной силы,
Цветку расцвести в руке Творца,
Чтобы скорбящих у могилы
Родные врачевать сердца.

1 октября.

И я тоже пытался написать стихи на смерть нашей незабвенной Аликс, и уже много написано, но я недоволен: все как-то натянуто, слишком наставительно, сухо. А вот у Фета — чистая поэзия. Я все более сомневаюсь в своих силах. Другие в мои годы как много уже сделали. А между тем самолюбия у меня — неисчерпаемая бездна. Все мечтаю, что и меня когда-нибудь поставят на ряду с великими деятелями искусства. Про кого бы из художников я ни читал, все примеряю на себя, вчитываюсь, присматриваюсь, чтобы заметить, нет ли в развитии моего дарования чего-либо сходного с постепенным совершенствованием великих людей художества. Вот уже более полугода ничего путного не сочинил, начатая поэма целый год лежит без продолжения. И мне временами представляется, что иссяк во мне источник вдохновения.

Понедельн. 30.

Смотрел в Тавриде новые батальонные кухни и столовые.

Читал книжку какого-то Никифорова «Задачи русского народа». Это выдержки из писаний покойного Ф. М. Достоевского. Я еще был мальчишкой, мне едва было 20 лет, когда я познакомился с творцом «Преступления и наказания». Я еще не писал стихов, а уже и тогда меня притягивал к себе этот человек. Он относился ко мне с расположением, и помню, как однажды предсказал мне великую будущность. Я верю, что он обладал даром пророчества.

Среда. 2 окт.

Начал новую книгу известного сельского учителя-любителя Рачинского «Сельская школа». Автор известен мне лишь понаслышке, по его рассказу «Школьный поход

в Нилову пустынь» да по газетной статье. Раскрыв книгу, я сразу ею увлекся и жадно читаю. Она есть взятое из действительности подтверждение заветных мечтаний Достоевского. Я вижу в Рачинском ту же привязанность к детям своей школы, какую я сам испытывал к солдатам Измайловской Государевой роты, а теперь питаю к Преображенцам.

4 октября.

Четверг. 3.

Я весь под впечатлением книги Рачинского. Прочитал уже половину. Вчера был опять на вступительном экзамене в учебную команду и советовал офицерам приобрести книгу. Она затрагивает самые заветные струны души, дает ответ на то, что смутно сознается, во что бессознательно веришь — в духовное величие и силу простого народа.

5 октября.

Пятница. 4.

Люблю возить детей гулять куда-нибудь подальше, а не по одним и тем же знакомым дорожкам. Бродим по пахоте, заходим в лес, и эта новизна мальчиков забавляет. Вчера в первый раз начал я рассказывать Иоанчику и Гаврилушке Священную историю. Рассказал о Благовещении и Рождестве. И вот, стараясь передавать им эти евангельские повествования как можно проще, естественнее и в то же время картинно, я умилился духом и должен был останавливаться, чувствуя, что слезы подступают к горлу. Особенно внимательно слушал Гаврилушка. Ему очень понравился Ангел. А когда я дошел до путешествия из Назарета в Вифлеем, он спросил: «А как ехала Богородица на осле? В амазонке?»

Павловск. 1 ноября.

Четверг. 31.

Вчера познакомился с известным юристом сенатором Анат. Фед. Кони, очень приятным человеком. Пригласил его в Мраморный, чтобы посоветоваться насчет процесса

Академии с Ахматовой. У Кони много знакомств в литературном кругу. Он был дружен с покойным Ив. Ал. Гончаровым. Я узнал от Кони, как Иван Александрович был ко мне расположен и как дорожил каждым моим письмом, каждой строчкой. Раз, в присутствии Кони, он получил от меня записку и прочел ему ее. Кони попросил его подарить ему конверт с адресом, написанным моей рукой, чтобы отдать его некому Гогелю, собирателю автографов. Ив. Алекс. не говоря ни слова спрятал конверт в ящик и запер на ключ.

В заседании 2 отделения академии, назначенном взамен несостоявшегося в субботу, избирали членов-корреспондентов на имеющиеся вакансии. Я просил... замолвить слово за автора «Сельской школы» С. А. Рачинского как за одного из полезных русских людей, деятелей на поприще народного образования... Баллотировкой избрали единогласно в гл.-корреспонденты Рачинского, Пыпина и Графа А. Голенищева-Кутузова.

Мраморный. 8 ноября.

Четверг. 7.

Дома вечером засел читать письма покойного Ив. Алекс. Гончарова. После его смерти его душеприказчики возвратили мне все мои письма к нему, кроме тех, которые покойный сам принес мне года 2 назад, боясь, что кто-нибудь ими завладеет. Он завещал мне бронзовую ширмочку с фотографиями покойных Государя и Императрицы, Саши, Минни, Владимира, Алексея, Сергея, Павла и Мари и раскрашенные портреты мой и жены в складной кожаной рамке. — Время прошло очень приятно и скоро в перечитывании его писем ко мне и моих к нему. Переписка начинается с 1884 года. Я успел прочесть только половину.

9 ноября.

Прочитал все 34 письма И. А. Гончарова, обнимающие промежуток времени с января 84 по 31 декабря 91 года. В связи с ними читал и мои письма к нему. Когда-нибудь, не скоро, в печати эта переписка представит очень приятное чтение. Но исполню волю покойного, я, пока жив, не напечатаю ее.

11 ноября.

Я по-прежнему остался председателем комитета Измайловского Досуга. Офицеры постановили на общем собрании, еще когда я служил в полку, что я буду председательствовать, пока сам не откажусь. В последнем заседании комитета было постановлено, чтобы каждый из нас, членов комитета, взял на себя любой отдел из истории нашей литературы начиная с времен Петра I и прочел бы о нем на Досуге. Была уже у нас попытка излагать историю родной словесности с древнейших времен, но это не удалось. Теперь же на мою долю выпало рассказать или написать про литературную деятельность Екатерины II, и я готовлюсь к этому.

Понедельник. 11.

Видел у Репина новые, еще не выставленные картины: хохот запорожцев, отвечающих на грамоту султану, и «Крестный ход».

В городе, в обществе, на бирже поговаривают, что Германия воспользуется нашим невыгодным положением, голодом и еще не начатым перевооружением и объявит нам войну.

Вторник. 17.

Читаю записки Императрицы Екатерины II, в переводе Искандера (Герцена), Лондонское издание 1859 г. В высшей степени любопытно.

Петербург. 1 января 1892.

Вторник. 31.

Вчера я возвращался сюда из Гатчины с Цесаревичем в его вагоне. Он рассчитывает со временем командовать у меня в полку батальоном. Для меня это будет и лестно, и почетно, и отраднo. Я нежно люблю его не только как Наследника нашего Престола, но и как человека, преисполненного сознания долга...

1/1 — 31/XII — 1893

Старые английские часы. Перевод «Короля Генриха IV» Шекспира. Надежда на службу в одном полку с Цесаревичем. Государева рота. Ники в сюртуке. Ожерелье из сапфиров и бриллиантов. Писатель и актер Горбунов забавляет великокняжескую семью. Приезд Марии Петровны Шеншиной. Майков просит дать отзыв на его стихи. Товарищеский обед для Ники (Николай II). Большой придворный бал и белое платье с лиловыми орхидеями. Государыня раздает конфеты балеринам. Надежда на исправление. Заседание русской и славянской археологии. Репин пишет портрет К. Р. Полное собрание сочинений А. А. Фета. Веймар. Дядя Карл-Александр часто бывал в России. У Императора Вильгельма не было времени уставать. Перевод «Мессинской невесты». Болезнь и смерть П. И. Чайковского. Ники пора жениться. Семейные раздоры вокруг невесты Аликс Гессенской. Возвращаются письма, написанные Чайковскому.

Петербург. Мраморный дворец.

1 января 1893 г.

Пятница.

Новый год, вечером. Я уже засыпал, но старые английские часы забили полночь и разбудили меня; потом я долго не мог заснуть. То приходили в голову стихи из «King Henry IV» Шекспира, в которых по указаниям Майкова надо сделать изменения (то есть ни в стихах Шекспира, а в моем русском переводе), то раздумывал, как мы будем вместе служить в одном полку с Цесаревичем; мне представлялось, что я со всеми офицерами встречаю его в подъезде казармы на Миллионной.

...С утра 18° мороза. Вот что я отдал сегодня в приказ по полку: «Во исполнение Высочайшего повеления, предписываю флигель-адъютанту Полковнику Его Императорскому Величеству Государю наследнику Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу вступить в командование 1-м батальоном».

Дай Бог, в добрый час!

Мраморный. 2 января.

Суббота. 2.

Знаменательный день. Наследник Цесаревич снова вступил в ряды нашего Преображенского полка. Он уже был в строю в нашем полку и командовал Государевой ротой; то было в лагерное время, в 1887 и 88 годах. Но тогда он оставался на службе недолгое время и командовал только по наружной части. Теперь же он принял батальон вместе со всеми строевыми и хозяйственными обязанностями батальонного командира, принял на довольно продолжительный срок, т. к. в нашем лагере ему строится дом и, след., он пробудет в полку более полугода. — Но расскажу по порядку. Я с утра был так радостно взволнован и счастлив, что меня не испугал 22-градусный мороз, и я, поездив верхом в манеже, пошел в казармы на Миллионной в обыкновенном своем летнем пальто поверх парадной формы. Офицеры собрались уже на казарменной парадной лестнице, кроме офицеров 1-го батальона, стоявших вместе с ротами в своих помещениях.

Наконец подъехал к подъезду Цесаревич в санях и вошел в подъезд. Я его встретил и за ним стал подниматься по лестнице. Он каждому офицеру подавал руку, направо и налево, и никого не пропустил. Я шел за ним, переживая минуты сладостного умиления. «Он, наша радость с малолетства, как сказал поэт, он надежда России и снисходил до нас, слуг Царевых, готовых каждую минуту сложить за него головы». В душе моей как бы звучала горячая молитва: «да почиет над Ним Божие Благословение, да поможет нам Господь всегда помнить, какое выпало на нашу долю счастье и быть его достойными». Но нет, это только слова, а словами я не выражу того, что переживал.

Дверь в казарму Государевой и 2-й роты была отперта; я указал Наследнику на нее, и он вошел. А я спустился и в своем кабинете переоделся в сюртук.

3 января, перед крестинами Олега.

Продолжаю про вчерашнее. Прошло полчаса, все офицеры пришли в собрание, многие переоделись в сюртуки. И вот Огарев явился с докладом о сдаче, а Цесаревич о

приеме 1-го батальона. Я принял их в своем кабинете. Оставшись с Ники с глазу на глаз, я благословил его иконой, — створцами с изображением Преображения Господня, Николая Угодника и Ангела хранителя. Ники переоделся в сюртук, пошли закусывать и сели завтракать, он справа от меня. — Я заметил, что Ники как бы опасался, чтобы с ним не обходились как с Наследником престола, желая во всем сравняться с прочими батальонными командирами. А мне нужно было усилие, чтобы держаться по отношению к Ники как подобает начальнику.

4 января.

Продолжаю. За завтраком тосты были нарочно устранены, чтобы этот завтрак не имел ничего торжественного. Но после кофе мне показалось, что будет как-то сухо, если просто встать и выйти из столовой. Я велел подать большой золоченый жбан, подарок Сергея, и наполнить его шампанским. Тогда запели застольные песни и между прочим «Николай Александрович, здравствуйте!», таким образом все выпили за здоровье нового батальонного командира, но запросто. — Когда встали из-за стола, Ники еще долго, часов до 4-х, оставался в собрании. Я нарочно не держался все время около него, чтобы не мешать ему говорить с офицерами. Принимал доклад, говорил по делам и просто так, то с теми, то с другими. Мы с Ники вышли из собрания вместе. Я еще прогулялся пешком, несмотря на -22° .

Воскресенье. 3.

Не умею описывать такие торжества. Я был как всегда во время крещения моих детей глубоко растроган и проникнут умилением. Все дети, кроме Олега, которого несли в процессии на золотой подушке, были уже в церкви, когда мы туда вошли. Приложившись к кресту, я спустился к жене и подарил ей ожерелье из сапфиров и бриллиантов. А она подарила мне столовые часики, золоченые, с синей эмалью, в стиле Louis XVI с надписью: «Олег» и числами «15 ноября 92 и 3 января 93».

Среда. 6.

К нам заезжал Цесаревич. Такую любезность я приписываю только тому, что он поступил в полк; а прежде он ездил к нам только по случаю какого-нибудь рождения или именин. Был он в преображенском сюртуке. Так радостно видеть на нем нашу форму.

У Мама обедал Август Ольденбургский¹. Он милый, умный и забавный малый. Он с Митей разговорился за обедом о седловке и рассказал, что в Германии предпочитают в коннице такие седла, чтобы всаднику было не легко с него слезть, а то перед атакой от трусости будут стараться спешиться. Потом мы с Митей с глазу на глаз возмущались: хорошо войско, если надо принимать во внимание его трусость! Неужели это современные немецкие взгляды на военное дело?

Вечером слушал у Грота сказителя былин, крестьянина Олонецкой губ. Рябинина, сына старика, бывшего в Петербурге лет 20—25 назад. Удивительное впечатление делает его пение, веет от него седой стариной, русским богатырским духом.

Пятница. 8.

Ники приезжал утром в батальон, мы виделись в собрании, где он закусывал. Видимо, он уже втягивается в новую среду. Он держит себя совсем просто, но с достоинством, со всеми учтив, ровен, в нем видна необыкновенная непринужденность и вместе с тем сдержанность. Ни тени фамильярности и много скромности и естественности. В 1/2 был товарищеский обед. Пригласили Горбунова. Под конец обеда и потом весь вечер он опять забавлял нас. Рассказывает он с неподражаемою художественностью, так и видишь типы из купечества, чиновничества и престолярства. Мимика у него необычайная.

Понедельник. 11.

Вчера утром я со всеми офицерами провожал Цесаревича на Варшавском вокзале. Ники на неделю уехал в

¹ Двоюродный брат К. Р.

Берлин, на свадьбу сестры Императора. У меня был большой прием, до завтрака перебивало человек 18; сперва совет археологического общества, которого я назначен представителем, потом академики и члены-корреспонденты Академии.

Января 13.

Вторник. 12.

Жене сегодня исполнилось 28 лет, но мы не празднуем, т. к. исполнился год со дня смерти Папа.

Понедельник. 18.

Мария Петровна Шеншина (вдова Фета) уведомила меня запиской, что прибыла в Петербург по делам издания сочинений мужа.

21 января.

В воскресенье 17-го января Майков прислал мне новое, только что им написанное стихотворение «Аскет, спасавшийся в пустыне», прося меня дать о нем чистосердечный отзыв. Мне было очень лестно желание маститого, заслуженного поэта знать мое мнение; он называл меня экспертом, что пощекотало мое самолюбие. Я и ответил ему откровенно, высказав, что мне не понравилось. В общем стихотворение чудесное. Но бывало, стихи Фета, так сказать, жгли меня восторгом; а тут я люблю спокойно. Не оттого ли, что Фет чувствовал, а Майков размышляет? А в лирике, кажется мне, надо именно более чувствовать, чем думать.

Одолол «Собак» Полонского и ничего не понял.

Вторник. 19.

Главными впечатлениями третьего дня были: встреча со вдовой Фета и большой придворный бал.

Марья Петровна Шеншина к нам приехала в 5-м часу. Я был глубоко растроган, увидевшись с ней. Много благодаря за участие, принятое в ее горе, она привезла мне золотое перо с серебряной ручкой, которым Фет писал последние три года, и тетрадь неизданных стихотворений.

М. П. мне и Страхову поручает издание полного собрания стихотворений покойного. Я сам намекнул ей о Страхове, зная как Афанасий Афанасьевич дорожил его мнением. Страхов очень любил покойника и почитал его талант. Я надеюсь, что в наших руках издание будет достойно Фета. — Мы напоили Марью Петровну чаем, водили ее по всем комнатам; жене надо было отдохнуть перед балом, и я проводил старушку к детям. Когда она в последний раз была у нас, еще с мужем, Татианы, Кости, Олега еще не было на свете.

Жена была очень хорошо одета к балу, в белом с лиловыми орхидеями и вереском, в жемчугах и алмазах. Платье ей подарила Мама; она с самой нежной заботливостью придумала ей туалет и пришла на нее посмотреть уже одетую...

Вернувшись с бала, получил от А. Н. Майкова ответ: он согласился с моими замечаниями и переделал стихи...

Среда. 20.

В полку был товарищеский обед, уже второй в январе, т. к. Ники любит эти обеды. Потом пели неаполитанские певцы. Цесаревичу у нас кажется не скучно. Он пробыл в полку долго; я ушел в 2 ч. ночи, а он еще оставался. Он со мною почтителен. Я начинаю осваиваться со своим начальственным по отношению к нему положением.

5 февраля.

Четверг. 4.

Вчера дневной спектакль в Мариинском театре. Шел балет Чайковского «Щелкунчик» и акт из балета «Пахита». В антрактах Государь и Государыня раздавали в комнате за ложей конфеты маленьким танцорам и танцовщицам. Каждая конфета была завернута в бумажку с царскими вензелями.

Пятница. 5.

Днем в балете «Спящая красавица». Он идет уже третий, если не четвертый год, и все с тем же успехом. Был вечером в заседании русской и славянской археологии.

Четверг. 11.

С сокрушенным сердцем готовился к исповеди. Опять должен был нести духовнику покаяние в том же грехе, как и четырнадцать лет назад. Невольно рождался в голове мучительный вопрос: ужели не в последний раз каюсь я в этом грехе? К этому примешивался и стыд и жалко было огорчить старого о. Двукраева своей неисправимостью. И, действительно, он был глубоко огорчен. Я жадно слушал его наставления, желая почерпнуть в них силы на борьбу. Он грозил мне тем, что грех мой перестанет когда-нибудь быть тайным, что все о нем узнают. Меня и самого пугала эта мысль, хоть перед своей совестью грех одинаково дурен, знают ли о нем или нет, но огласка была бы ужасна. Только незаслуженной ко мне милостью Божией могу я считать неизвестность моего греха.

И вот я получил отпущение и твердо надеюсь испривиться.

Понедельник. 15.

Государь посетил передвижную выставку картин, открытую в Академии наук. Я встречал Государя у входа. Репин выставил писанный им с меня для Измайловского полка портрет. Царь очень его хвалил. Вообще выставка оставляет мало впечатления. Множество картин крайне бессодержательны, про половину из них можно отозваться, как Пушкин, что они vulgar. Ну можно ли писать картину под названием «Горничная перед прогулкой».

17 февраля. Мраморный.

Более всего занимает меня теперь подготовка к печати полного собрания стихотворений Фета. Он сам незадолго перед смертью хотел издать такое собрание и сделал для него оглавление, которое Марья Петровна привезла мне. В этом оглавлении стихотворения разбиты на отделы: «Элегии и думы», «Подражание восточному», «К Офелии», «Весна», «Лето», «Осень», «Снега», «Гадания», «Молодки», «Вечера и ночи», «Баллады», «Антологические стихотворения», «Море», «Послания и Посвящения» и «Разные стихотворения». Я пересматриваю все

перечисленные пьесы, и мне кажется, что многие следовало бы перенести из отдела в отдел. Напр., «Я пришел к тебе с приветом» так и просится в «Весну». Кроме того, хотелось бы видеть отдел «Вечерние огни» как заглавие последних выпусков стихов Фета и включить туда все написанное поэтом и не подходящее ни к одному из означенных отделов.

2 марта. Петербург.

Понедельник. 1 марта.

Готовлюсь к поездке за границу, привожу в порядок бумаги. Поезд завтра.

Штутгарт. 9 марта.

Четверг. 4.

На границе я переоделся в статское... По обыкновению у меня сердце сжималось при переезде через ручей, отделяющий Россию от Германии. Я мечтал при этом уже о том, как на обратном пути буду опять переезжать через этот ручей, но с радостным чувством.

Пятница. 5.

После спокойного переезда прибыли в Веймар. Милый дядя Карл-Александр встретил меня на станции с сыном и его шурином Бернардом... Меня усадили обедать, потом сидели за чаем у тети в библиотеке. Под конец дядя провел меня в мои комнаты (там же, где и 6 лет назад), и мы еще с час проговорили.

На одном из столов моей спальни красовался серебряный туалетный прибор с вензелями матери дяди, Марии Павловны, подаренный ей Екатериной II. Эта прелестная комната, угловая, обитая зеленым штофом с золочеными рамками и лепной работой на потолке, во вкусе империи. В Веймаре я провел два дня и три ночи. Свободного времени не было у меня ни минуты; еле-еле успевал написать жене, а дневника не трогал. С утра ходил к дяде; мы вместе пили кофе и разговаривали. Он очень дорожит связями с нашим семейством и считает себя полурусским, от своей матери он знает многое из жизни Екатерины, Павла

и Александра, с 40 года не раз бывал в России и внимательно следит за всем, что у нас делается.

*Петербург. 24 марта, среда
Страстной недели.*

Наконец я дома... С какою радостью перекрестился на мосту через речку, отделяющую Россию от Пруссии! Весело было поздороваться с первым солдатом пограничной стражи и услышать его ответ... Наконец, добрались и до Петербурга. Под городом в полях еще лежит много снега, на улицах Петербурга его уже сгребли. Дул ветер, шел снег... Жена и дети ждали меня дома, на подъезде, все здоровы. Давно уже я не испытывал такой светлой радости при возвращении домой. Маленький Олег сидел у кормилицы на руках на детской, в чепчике и в платье.

Среда. 28.

Последний день апреля, утром. Наконец, весна и нашему северу улыбнулась; уже дня четыре подряд днем тепло и в тени, а на солнце жарко. Зелени еще, кроме свежей травки в Александровском саду, не видать. Тянет вон из города. Но занятий последние две недели столько, что не на самого себя, на свои удовольствия времени не остается. В полку смотры, в курсах экзамены, а академические занятия продолжают.

Четверг. 29.

Вчера делал последнюю проверку в казармах: спрашивал унтер-офицеров 1-го и 4-го батальонов. — На меня произвел вчера неприятное впечатление подпоручик Князь Оболенский (младший сын начальника дивизии); он явился, чтобы проситься на 3 недели в отпуск. Я знаю, что он в 11-й роте единственный офицер, и спрашиваю его, согласен ли на его отъезд ротный командир Комаров? Оказалось, что Оболенский его даже и не спрашивал. Я выразил ему удивление, что он оставляет своего командира без помощника, а он отвечает, что устал и хотел бы

отдохнуть. Меня это рассердило, и я сказал ему, что рано уставать в его годы. — А покойный император Вильгельм на смертном одре говорил, что у него нет времени уставать.

23 октября. 8¹/₄ утра.

Вчера мне прибавилось работы. Петр Исаевич Вейнберг прислал корректуру моего перевода «Мессинской невесты». Этого Вейнберга очень удачно назвал Я. П. Полонский вечным хлопотуном по литературным делам, профессором, инспектором, журналистом, юмористом и поэтом на все руки. Я его знал еще, когда он читал русскую литературу в Педагогических курсах. Теперь он затеял новое полное русское издание Шиллера и хочет для него воспользоваться моим переводом. Я согласился, но просил прислать корректуру. За вчерашний день прочитал ее. Признаюсь, я ждал, что этот мой первый труд, который я порядком таки позабыл, произведет на меня худшее впечатление. В нем положительно есть прекрасные места, особенно лирические. Но встречаются и значительные промахи. — Кроме того, Ник. Ник. Страхов доставил мне готовое к печати собрание сочинений Фета. Я вчера весь день читал и то, и другое. В «Мессинской невесте» кое-что исправил, но под руками нет у меня Шиллера и первого издания моего перевода, соберу все что надо и еще поработаю.

В Фете тоже исправил ошибки.

Написал Радлову отказ на представление... Андерсона в адъюнкты по угро-финским языкам. У нас нет, к счастью, вакансий, и я рад, что на этом основании имею право не впускать нового немца в Академию Наук.

Суббота. 23.

В полку мне сказали, что у П. И. Чайковского настоящая азиатская холера, начавшаяся в четверг, и что он находится в опасном положении. Племянник его Давыдов состоит вольноопределяющимся в 4-й роте. Я очень беспокоюсь за Петра Ильича.

Воскресенье. 24.

В эту минуту получил телеграмму от Модеста Чайковского: Петр Ильич в 3 часа ночи скончался. Сердце больно сжимается. Я любил его и почитал как музыканта. Мы были в хороших, сердечных отношениях, мне будет недоставать его.

В тот же день, в Гатчине.

Я долго не мог в себя придти, получив горестную весть о кончине Чайковского. Еще одним человеком, дорогим для русского искусства, меньше. Мы с ним переписывались, у меня хранится немало его писем. И все увеличивается число пакетов с письмами от людей, которые мне уже писать не будут. А те, что еще живы, стары и недолго мне оставаться с ними в сношениях: Страхов, Майков, Полонский.

*Гатчина.**Понедельник. 25.*

Вчера утром я был сам не свой. Все оплакивают безвременную кончину Чайковского, все поражены ею. ... Порывался также написать стихи на смерть Чайковского, но ничего не удавалось... Смерть Чайковского очень огорчила и Царя и Царицу.

Стрельна. 28 октября.

Вторник. 26.

Третьего дня утром в Гатчине, записав дневник, я доканчивал просмотр присланных Страховым и приготовленных им к печати стихотворений Фета. В 11-м часу за мной послала Государыня. Пошел наверх в антресоли и застал ее с детьми в государевом кабинете за чайным столом. Самого Государя с ними еще не было. Он вышел на прогулку, но скоро вернулся и сел к письменному столу. Он прочел нам вслух последние газетные телеграммы. Я рассказал, что накануне слышал от одного из министров, будто бы император Вильгельм мечтает о восстановлении польского королевства; Государь отнесся к этому недоверчиво. Императрице прислали ноты последних сочинений Чайковского, серию фортепианных пьес и несколько

романсов на слова Ратгауза. Я сыграл два из них. Мы уехали из Гатчины вместе с Ники. В вагоне завтракали. Говорили с ним о сибирской железной дороге, о его женитьбе. Он сказал мне, что ему пора жениться, а я ответил, что вся Россия только и думает об этом, загадывая, кто бы была ему невестой. Но этого, кажется, он и сам не знает. В городе он довез меня до полка. Принимал доклады. Надо было принять несколько человек, и я назначил прием в Мраморном, раздумав ехать в Стрельну. Послал за Л. Н. Майковым и предложил ему быть вице-президентом (Академии наук). Он очень доволен и я тоже. Наконец, решен этот вопрос.

Стрельна. 29 октября.

Четверг. 28.

Вчера был месяц, как я получил последнее письмо от Чайковского, и уже его похоронили. Я нарочно поехал в город, чтобы отстоять в Казанском соборе заупокойную литургию и отпевание. Государь взял на себя расходы по погребению, им распорядилась дирекция Императорских театров и обставила его большою торжественностью. В Соборе служил преосвященный Никандр, епископ Нарвский, пел хор русской Императорской оперы. Около гроба во время всего богослужения стояло по шести правоведов, как питомцев училища, из которого вышел покойный. Церковь была полна, впускали только по билетам. Давно не видал я такого торжественного богослужения. Пели «Вторую» и «Тебе поем» из литургии, сочиненной покойным. Мне хотелось плакать и думалось, что не может мертвый не слышать своих звуков, провожающих его в иной мир. Уж я не видал его лица; гроб был закрыт. И больно, и грустно, и торжественно, и хорошо было в Казанском соборе. Оттуда гроб повезли в Александро-Невскую лавру, где и похоронили на кладбище.

Сильно болела голова.

Понедельник. 1 ноября.

Я справился с «Мессинской невестой». К стихотворению памяти Чайковского прибавил еще одну строфу, но, кажется, оно далее не подвинется.

*В тот же день в Гатчине
на дежурстве.*

Четверг. 4.

Я прямо от Императрицы и под свежим впечатлением спешу записать все, что с необыкновенной и глубоко трогательной меня доверчивостью она мне говорила. Я никому не могу пересказать ее слов, но вверяю их дневнику, ключ которого всегда при мне.

В 5 ч. меня позвали наверх на антресоли Их Величество к чаю. В Императрицыной гостиной я застал Царя с Царицей, дядю Мишу, Ники и Ксению. Когда все ушли, Минни оставила меня у себя. Она спросила, видел ли я Сергея? Я ответил, что мне удалось застать его одного и что мы очень хорошо и приятно поговорили. Она продолжала, что очень сердита, и по ее лицу я видел, как глубоко она расстроена. Я спросил, на кого она гневается? Она ответила, что это длинная история, и начала рассказывать. И вот я впервые услышал от нее, что Ники любит сестру Эллы, Аликс Гессен-Дармштадтскую. Нынешней весной Минни его спрашивала о ней, и он признался ей в этом чувстве. Тогда Государь и Императрица разрешили ему на ней жениться и повести об этом переговоры, если к тому встретится случай при поездках за границу. Но случая не встретилось. Летом Ники спрашивал Эллу, согласилась ли бы ее сестра принять православие, чтобы стать его женой. В октябре Сергей и Элла были в Дармштадте. Ники получил оттуда письмо от Эллы; она писала, что Аликс колеблется переменить веру, хотя любит его; что вероятней на устройство женитьбы ради этого не много, но чтобы он немедленно туда приехал и что тогда, быть может, дело уладится. Но родители Ники не одобрили этой поездки: и действительно, если бы Ники получил отказ, то был бы поставлен в весьма неловкое положение, а путешествие за границу возбудило бы толки. Ники так и ответил. На это ему написал Сергей, обвиняя его в малодушии и недостатке воли. Затем Сергей и Элла приехали. Императрица говорила с Эллою, а Сергей с Ники. Оба разговора были неприятного свойства. Желательно, чтобы брат и сестра Эллы приехали сюда, но в Дармштадте этого не хотят. Царь и Царица желали бы, чтобы переговоры велись без содействия Сергея и Эллы, а Сергей и Элла

хотят быть посредниками. Элла говорит, что в вопросах о присоединении к православию Аликс без ее содействия обойтись не может; и происходит обоюдное неудовольствие, неловкость и натянутость. Ники не прячет писем от родителей и передает им все, а Сергей и Элла действовали без ведома Их Величества. Государь об этом ни слова ни с Сергеем, ни с его женой не говорил, но во всем одного мнения с Императрицей. На этом дело и остановилось. — Я очень сожалею, что Сергей впутался в это и писал резкие письма Ники; это ни к чему не ведет. Ники ничего не говорил мне об этом.

Я так тронут доверием ко мне Императрицы.

Стрельна. 6 ноября.

Пятница. 5.

Вчера возвращался с дежурства в Гатчине в вагоне Ники. Он ехал в город по делам. Мы приятно и дружелюбно говорили о всем на свете. Но мне неловко, что я знаю его сердечную тайну, а он об этом и не подозревает. Мне бы так хотелось, чтобы он мне в этом признался.

Гатчина. 31 декабря.

Царица, после завтрака, когда мы остались с глазу на глаз, говорила мне про Аликс Гессенскую; она написала Ники письмо, в котором пишет, что не может решиться на присоединение к православию, а поэтому вопрос о браке падает сам собою. А Ники еще три года назад сказал своим родителям, что любит ее и хотел бы на ней жениться. В это дело впутались Сергей и Элла и, думая, что Государь и Императрица не будут согласны на этот брак, старались его уладить без их ведома. Тут много недоразумений, путаницы и проистекающих из них неудовольствий. Теперь брат Аликс великий герцог Гессен-Дармштадтский, женится на дочери Мари, Виктории Кобургской. — Ники мог бы в апреле ехать на свадьбу, но не хочет, если Аликс откажет ему в своей руке.

Пятница. 31.

Мне возвратили мои письма к покойному П. И. Чайковскому; я их разобрал по порядку и вложил в конверт с письмами покойного в хронологическом порядке.

Вот, через 20 минут кончится 93 год. Что-то принесет 94? Помогите, Господи, быть лучше, чем был я до сих пор, исправиться и быть меньше недостойным незаслуженного мною счастья.

1/I—31/XII — 1896

Высочайший выход в большую церковь. Тамань в Итальянской опере. Двухвековая льгота Преображенцев. Д. В. Григорович читает «Пикник». Николай II на «Пиковой даме». В Москве на съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию. Галерея Третьякова. Эскизы Васнецова для Киевского собора св. Владимира. Выставка 80-летия Айвазовского. Первый придворный бал при Николае II. Выставка Верецагина. Бенефис актрисы Жулевой. Ходатайствование Академии об учреждении в Риме постоянной комиссии для занятий в Ватиканском архиве. Ростан в Малом театре. Смерть Ник. Ник. Страхова. Бал у Великого князя Владимира. Финансовая реформа. День рождения Николая II. Торжественный въезд в Москву Николая II. Коронация. Ходынка. Взгляд на несчастье августейших особ. Их Величества в Ильинском. «Наговоры разных свиней».

Петербург.

2 января 1896.

Понедельник.

1 января 96.

Я не слышал в ночь на Новый год, как пробило 12, спал как убитый. Первый поздравил меня мой старый камердинер Анд. Макс. Степанов, бывший дежурным; Вава, Атя и Ика пришли вместе со всеми шестерыми детьми к моему

кофе в столовую, где еще стоит елка. — Поехал развозить карточки и где следует расписываться, а в $\frac{3}{4}$ 10-го утра уже был дома. Успел немного позаняться и почитать, а без 20 мин. в 11 ч. отправились с Митей в Зимний к Высочайшему выходу в большую церковь. В первый раз по переделке увидел комнаты за Малахитовой гостиной окнами на Неву, ставшие теперь жилыми покоями молодой Императрицы. Она была в белом с золотом, а Царь в л.-гв. Егерском мундире. За обедней Императрица садилась всего один раз, во время причастия. Богослужение длилось несколько более часа. Я стоял перед решеткой, между Алексеем и Митей. Владимировичи еще несовершеннолетние и уступают нам место. В тронном (Георгиевском) зале прием дипломатического корпуса продолжался $\frac{3}{4}$ часа, потом был семейный завтрак в Царской столовой, бывшей Помпеевской, где мы так часто бывали в детстве у Сергея и Павла. Теперь она вся белая Louis XV, с четырьмя гобеленами, вделанными в стены, бледно-зеленой мебелью и хрустальной люстрой с музыкой, когда-то принадлежавшей Потемкину и взятой из Таврического дворца. Был *baise-main*: подходили государственный совет, двор, дамы и свита. — Мы с братом заезжали к Имп. Марии Федоровне, которой не было на выходе... Я ездил в Итальянскую оперу. Шел «Отелло» Верди; Таманьо бесподобен.

Среда. 3.

Был около 12-ти у Государя в Зимнем дворце.

...Доложить надо было следующее. В начале прошлого м-ца преображенец флиг.-адъютант Озеров, командир сводно-гвардейского батальона, предупредил меня, что в течение зимы генер.-адъют. Черевин (которому вверена охрана Особы Государя) будет меня просить об отведении в казарме на Миллионной помещения для части сводно-гвардейского батальона. Жизнь Государя в Зимнем требует усиления охраны, которая в прошлое царствование сосредоточивалась в Аничковом дворце. — Не обдумав хорошенько, я не отказал Озерову, а, напротив, обнадежил его. В полку известие о предположении поместить в наших казармах людей чужих полков произвело очень неприятное впечатление. Я только тут спохватился, что

наше соседство с Зимним дворцом есть двухвековая льгота 1-го батальона Преображенцев и что этой льготой мы ни с кем не должны делиться. Мне оставалось предупредить Черевина и обо всем передать Государю в надежде, что он нас отстоит. Я так и сделал.

Петербург. 5 января.

Четверг. 4.

...Был у меня церемониймейстер Барон Корф, женатый на сестре нашей Луизы Константиновны, и просил хлопотать о назначении его со временем директором Эрмитажа...

Пятница. 5.

...Eugenia позвала меня к себе на вечер; Дм. Вас. Григорович читал у нее новую повесть «Пикник». Это скорее карикатура, чем сатира, растянуто и грубовато.

Суббота. 6.

Обрадован манифестом о предстоящей в мае коронации... Уже потребованы наградные списки представленным к орденам к коронации... Позвал к чаю 3-х надзирательниц с Педагогических курсов. Пили чай в столовой, у елки, зажженной в последний раз; тут были и все дети. — Слышал, что в четверг Их Величества были в первый раз в театре, шла русская опера, давали «Пиковую даму». Публика потребовала гимн, который был повторен трижды; кричали «ура». Как досадно, что мне не удалось быть в театре...

Воскресенье. 7.

Поезд немного опоздал прибытием в Москву. Заехал помолиться к Иверской, а оттуда отправился в генерал-губернаторский дом на Тверскую, куда Сергей и Элла перебрались накануне из Нескучного. Я застал их в прелестной домово́й церкви у обедни. — К завтраку явился Николаша — новый генерал-инспектор кавалерии, он тут

делает смотры. — В 2 ч. я был в Благородном собрании на заключительном общем собрании II съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию...

Понедельник. 8.

...Я никого не велел принимать; да, впрочем, никто и не приходил. В $\frac{1}{2}$ 12-ти пошел гулять; погода теплая. Отправился по Б. Чернышевскому переулку, налево по Б. Никитской, опять налево по Моховой, потом вниз по Тверской, направо и вдоль Неглинного проезда; тут зашел в железную лавку бывшего фельдфебеля 4-й роты Измайловского полка Шумова, видел его и поговорил с ним. Далее пошел к Троицким воротам и вдоль Кремлевской стены; повернул направо, чтобы, сняв шапку, пройти в Святые ворота. Спустился к церкви Константина и Елены, зашел в нее помолиться, поднялся у Тайницких ворот к дворцу, вышел из Кремля Боровицкими воротами и вернулся домой к завтраку Воздвиженкой, Шереметьевским и Долгоруковским переулками и Тверскою. — После завтрака художник Крачковский показывал свои картины; я купил за 300 р. розы...

*Мраморный дворец.
11 января.*

Вторник. 9.

Последний день в Москве прошел так же приятно и беззаботно, как предыдущий. Никто меня не тревожил. Утром побывал я в состоящем под моим покровительством Комиссаровском техническом училище. Там меня не ждали, никого из начальства не было; сопровождал меня по училищу воспитатель и смотритель. Большинство учеников было распущено ввиду того, что училище в это утро было на похоронах профессора Вейнберга, преподававшего математику; налицо оставалось человек полтора. Я обошел все помещения, видел, как мальчишки обедали, и отведал пищу.

Днем ездил в картинную галерею Третьякова. Я в первый раз увидал картины Васнецова — эскизы живописи

си в Киевском соборе св. Владимира. Они произвели сильнейшее впечатление; сколько в них мощи, благоговения...

Среда. 10.

Вчера вернулся домой (в Петербург. — Э. М.) веселый и довольный, чувствуя, что хорошо отдохнул... Был и в полку, и в Академии, где в физико-математическом Отделении большинством — 16 избирательных против 3 неизбирательных голосов — профессор.

Анучин избран в ордин. академики по кафедре зоологии для занятий антропологией. Был и в курсах, и на выставке новых картин 80-летнего Айвазовского.

Вечером смотрел «Власть тьмы» в Александринском театре.

Четверг. 11.

Первый большой придворный бал в новое царствование. Приглашений было разослано 3500, явилось на бал 2500, толпа и давка, ужин был накрыт на 2400, осталось свободны только 60 приборов. Государь не танцевал; он был в алом конногвардейском мундире, Императрица Александра Федоровна в бледно-зеленом с рубинами, ей представляли множество дам. Все ею восхищены.

Мраморный. 14 января.

Пятница. 12.

В пятницу был с Порецким на выставке новых картин Верещагина. Он изобразил несколько эпизодов Отечественной войны: Наполеона на Воробьевых горах, французскую конюшню в Успенском Соборе, бегство французов из пылающей Москвы и пр. Встретил на выставке Дм. Вас. Григоровича; нельзя с ним не согласиться, что большинство картин Верещагина значительно ниже прежних его работ. Есть какая-то небрежность, иногда условность, нечто напоминающее лубочные издания. Бесспорно хороши изображения одной старинной церкви, чуть ли не в Ярославск. губ...

Суббота. 13.

Жене минуло вчера 31 год; она у родителей в Альтенбурге. 4 года с кончины Папа. Панихида в Крепости...

Вторник. 16.

Вечером Их Величества и вся наша семья были в Александринском театре, переполненном зрителями. Шло представление в честь старой, почтенной актрисы Жулевой, праздновавшей 50-летие своей службы на петербургской Императорской сцене. Это было очень милое и трогательное торжество, и, я думаю, многие умилялись подобно мне, видя на нем Царя с Царицей. Владимир, Алексей, Сергей, Павел, д. Миша, Алекс и я подарили Жулевой большой ящик с красивым серебряным чайным прибором из серебра. Между прочим, шли две сцены из «Дмитрия Самозванца и Василия Шуйского» Островского; одну из них я прошлую зиму играл у Измайловцев. Мою роль исполнял Дальский; по-моему, он сыграл ее далеко не в совершенстве, и все же, глядя на него, я убедился, что мне надо еще много, чтобы быть хорошим актером. — Была поставлена пьеса, нарочно сочиненная для юбилея Жулевой. Ее чествовали представители всех театров и многих обществ, какая-то неизвестная учредила стипендию ее имени, на нее сыпались цветы, венки, адреса и подарки. Милая старушка, видимо растроганная до глубины души, обратилась к зрителям с прекрасными словами благодарности. Под конец был потребован гимн, его повторили трижды, покрывая криками «ура».

Среда. 17.

...Составленная в Академии Комиссия, вызванная запиской нашего министра-резидента при Папе Извольского, поставила ходатайствовать об учреждении в Риме постоянной комиссии для занятий в Ватиканском архиве и исследовании в области классической археологии и восточной археологии. Видел в Малом театре «Принцессу Грезу», очень недурный спектакль новой французской пьесы молодого автора Postand «La princesse Lointaine». Это замечательно поэтическое сочинение, написанное

с большим одушевлением и вкусом. Я глубоко наслаждался. Играли в общем недурно, но можно бы лучше знать роли и правильнее читать стихи...

Четверг. 18.

...Был в Концертном зале. Государь в кавалергардском алом мундире. Императрица в розовом платье с серебряными и стальными блестками и изумрудами. Танцевал мазурку с Княгиней Юсуповой; Государь хотел, чтобы ему оставили место подле нее за ужином. А с другой стороны сидела Толстая (рожд. Шереметева)...

Петербург. Утром 23 января.

Понедельник. 22.

Я не заметил, как прошло время в разговорах с Императрицей М. Ф. И о чем только мы не говорили! И о нынешних временах, но больше о прошедших, в особенности о 80-м годе, о той поре, когда после кончины Императрицы Марии Александровны Государь женился на Княжне Долгорукой. Я думаю, в жизни Минни это было самое мучительное время.

Мраморный. 26 января.

Четверг. 25.

Вчера утром камердинер Андрей Макс. сказал мне, что в газетах объявлено о смерти Ник. Ник. Страхова. Вот и еще одного из моих милых старичков не стало. На дневную панихиду не попал — был у меня прием. Ездили с женой на акварельную выставку; жена купила маленькую вещь Писемского, а я «Сирень» Крыжицкого... Мы показали вице-президенту Академии художеств графу Ив. Ив. Толстому портрет Рубинштейна, нарисованный юношей-самоучкой, и просили принять в нем участие.

Конст. Як. Грот продолжает присылать мне корректуры переписки своего отца с П. А. Плетневым, которая войдет во 2-й том сочинений покойного Якова Карловича, в этих корректурах отмечены синим карандашом места особенно интересные, а красным те, где упоминаются

имена кого-нибудь из нашего семейства. — Был на вечерней панихиде у Страхова; жил он в 5-м этаже у Торгового моста, в бедной квартирке, как живой, он лежал в серебряном гробу. Из знакомых я там видел только Ап. Ник. Майкова...

Пятница. 26.

...Ездил в парадной форме к генерал-фельдмаршалу Гурко; меня приняла его жена (рож. Графиня Салиас); вскоре вышел и он сам. Его вызвали в Петербург обсудить вопрос об устройстве десанта, имея в виду Босфор и Дарданеллы. Гурко постарел и плохо владеет ногами.

Суббота. 27.

...В полк дали 18 новобранцев; из них довольно много Тобольской губ. и один Акмолинской области. Впервые благодаря Сибирской железн. дороге прибывают в гвардию люди из тех стран...

Пешком по Морской отправился домой. Неподалеку от арки перегоняют меня парные сани, а в них измайловский офицер; я удивился, кто это из измайловцев завел себе такой нарядный экипаж, а офицер повернул голову и пристально на меня смотрит. Вдруг я узнал Государя и поспешил стать во фронт, а сани уже далеко умчались. Государь по очереди носит гвардейские мундиры. — Читаю прелюбопытные письма Импер. Марии Федоровны к Екат. Ив. Нелидовой, издание княгини Lison Трубецкой.

Воскресенье. 28.

Как интересны письма Марии Федоровны к Нелидовой! Из них совершенно ясно, что между последней и Павлом I никогда ничего не было, кроме самой законной дружбы...

Понедельник. 29.

...У меня был Апол. Ник. Майков. Он по моей просьбе достал для меня мои письма и записки к покойному Страхову, он принес также новое стихотворение гекзаметром, памяти покойного Государя...

Среда. 31 января.

...В письмах Эдиты Федоровны Раден поражает трезвый и верный взгляд на текущие события; до 1 марта 1881 года она осуждает ложно-либеральные меры, принимаемые Графом Лорис-Меликовым, а в начале мая того же года приветствует решение нового Государя усилить принцип неразделенного самодержавия. Не так трудно судить правильно по прошествии некоторого времени; но видеть качества и недостатки современности дано только возвышенным умам.

Переписка Императрицы Марии Федоровны и Нелидовой издана небрежно и сбивчиво; иногда годы проставлены под письмами неверно, многое требует объяснения.

Пятница. 2.

...У Владимира и Михен был бал, на который дам просили съезжаться в обыкновенных бальных платьях, но со старомодными прическами. Мы с женой смотрели с хор. Большинство дам приехало с напудренными волосами. Лучше всех была Императрица Мария Федоровна в ярко-розовом бархатном платье с таким же беретом; она походила точь-в-точь на портрет моей бабушки Императрицы.

Суббота. 10 февраля.

...Около часа дня я был в Зимнем дворце, думал увидеть Государя до завтрака, но оказалось, что сели завтракать в $1\frac{1}{2}$ 1-го. Ники принял меня в своей библиотеке, выйдя из-за стола. Я от имени Мама просил его почтить своим присутствием Патриотический концерт. Поздравил с принятием св. Тайн, а Царь велел мне поздравить с тем же 1-й батальон. Говорили про брошюру Семенова. (Автор — сенатор Н. П. Семенов, «Освобождение крестьян в царствование Александра II. — Э. М.), об общине и неотчуждаемости крестьянских земель и о записке Витте, касающейся того же предмета. Ники разделяет эти два мнения и след. не разделяет взглядов Владимира и его единомышленников; он сказал мне, что Владимир, вероятно в силу полученного им воспитания, смотрит на эти вопросы с западной точки зрения.

Вторник. 13.

...Прием. Был между прочим старик Богданович; он заказал к коронации акварель, изображающую Государя и Императрицу в коронационном облачении под иконой Владимирской Божией Матери; она, т. е. эта акварель, будет отпечатана в сотнях тысяч экземпляров для раздачи народу. По просьбе Богдановича я послал эту акварель Ники, прося не трудиться писать, если не будет никаких замечаний. Государь возвратил мне ее без письма — значит, акварель одобрена.

Вторник. 20.

...Вечером у Сольского комитет Финансов. Мне не только не было скучно, но, напротив, я даже увлекался и сам говорил. Рассматривался вопрос об увеличении в Госуд. банке золотого фонда и о выпуске государств. 4% ренты с целью впоследствии перейти к размену кредитных билетов на золото, и притом так, чтобы монетной единицей будет уже не серебряный рубль, а рубль кредитный.

Это чрезвычайно крупная мера.

Среда. 6 марта.

...Что за благодать осенила меня в эти три дня: благодаря тому, что нельзя было выходить из дому, я успел сделать то, что не удастся и в целую неделю. Не будь этой благословенной простуды, когда бы я успел покончить с длиннейшими записками Голубова и Мансурова по вопросу о монетной реформе? Держась правила спешить покончить с наименее приятным делом, я не откладывая засел за эти записки и одолел их. Вторая меня сильно смутила; я даже ночью об ней думал, заснул под тяжелым впечатлением вызванных ею сомнений, просыпался и сегодня встал все об ней раздумывая. А ну как Мансуров прав? Что, если действительно слова манифеста Екатерины II, где она и за себя и за своих преемников ручается, что ассигнации всегда могут быть разменены на золото или серебро и теперь должны бы оставаться в силе. Что, если мы в комитете Финансов, околдованные умным и ловким

Витте, потворствуем реформе, которую Правительство обманывает народ? Жена и Илья Александрович советуют мне просить Государя об освобождении от обязанностей члена комитета Финансов.

Витте хочет меня видеть; он невольно идет еще на встречу: я сам хотел с ним переговорить и жду его завтра...

Вторник. 12.

Март.

...У нас обедал д. Миша; слышал от него, что Государь, так же как и я малознакомый с наукой о финансах, не имеет ясного понятия, полезна или вредна предполагаемая денежная реформа; последнее услышанное им суждение кажется ему правильным...

*Утром в Лазареву
субботу.*

Пятница. 15.

Нам прислали напечатанное на картонных карточках расписание коронационных торжеств; они будут продолжаться три недели, с 6 мая (приезд Их Величеств в Петровский дворец) до 26-го (парад войскам, обед московским властям и отъезд Их Величеств из Москвы)...

Утром в Вербное воскресенье. Морозу с утра 10°; вот тебе и «с гор потоки»! В ходе весны произошла остановка.

Страстной вторник.

Понедельник. 18 марта.

Читал Павлицева, играл песни Шуберта в переложении Листа и записывал воспоминания о 2-м января 93, когда Ники поначалу в полку нес службу в должности батальонного командира. Выбирал пасхальные яички, присланные на показ из магазинов Фаберже, Бутца, Гана и Фохта; это чистое разоренье.

В четверг 21 марта.

...Д. Миша официальным письмом сообщил мне, что государь Высочайше соизволил повелеть мне присутствовать в заседаниях Государственного Совета при рассмотрении представления Министра Финансов об исправлении финансового обращения. Я польщен, но и сконфужен: ведь право смешно предполагать во мне финансовые способности. Это может показаться злой иронией.

28 марта.

Среда. 27.

Вчера, наконец, кончил Павлицева. Теперь на полке подле кресла, в котором я читаю, осталось только две книги, вперед намеченные для чтения и давно ожидающие своей очереди. Потом хочу приняться за историю Карамзина.

Все забываю записать, что в первый раз читаю подряд Баратынского; что за прелестный поэт! Какая теплая и твердая вера, высота и чистота мысли!

Утром 29 марта.

Наконец попал на подходящие мне перо и чернила; до сих пор перья были все неудачные, а чернила или слишком густые, или чересчур жидки. С понедельника у меня золотое перо от Графини Анны Егоровны, а чернила (шведские) от Людм. Петр. Буксгевден.

Суббота. 30.

Виделся у Павла Егорыча с Мих. Ильич. Кази. Он находит, что Россия изменила внешней политике Александра III, который не вмешивался в дела иностранных государств. По мнению Кази, защита корейского короля на крайнем востоке и признание Фердинанда Кобургского болгарским князем легко втянут нас во всевозможные приключения, поставив себя в необходимость заниматься внешними делами.

Мы невольно отведем наши взоры от своих внутренних обстоятельств, которые для нас несомненно гораздо важнее. А ведь, пожалуй, Кази прав. Он говорил, между

прочим, что, поставив одну ногу на не слишком твердую почву Болгарии, мы можем ожидать, что нам больно наступят на эту ногу, а тогда придется, пожалуй, взяться и за оружие.

Среда. 3 апреля.

...Императорские регалии отвезли в Москву...

Утром 13 апреля.

Пятница. 12 апреля.

Вчера предполагалось две репетиции предстоящего на 15 число парада всем здешним войскам: одна моя, другая начальника дивизии. Чтобы не утомлять людей, заставляя их два раза сходить на Царицын луг, я утром сделал сперва репетицию 1-му и 4-му батальонам на разводной площадке, а потом остальным в Тавриде, на дворе казармы. Было холодно. Только что кончил, пошел дождь...

*Мраморный. 20 апреля
после прогулки верхом,
утром.*

Пятница. 19.

Еще нет настоящего тепла, еще не видно зелени, но весна заметно вступает в свои права, погода приятная, на деревьях и кустах почки готовы распуститься. — Кончил всего Баратынского (изд. 1884 г.) — и стихи, и прозу, и материалы к биографии, и письма. Какой это был тонкий, наблюдательный ум, что за чуткая, возвышенная душа, сколько благоволения, как много приветливости в этом светлом, уравновешенном характере. — Читаю и стихотворения Лохвицкой (по мужу Жибер), сестры измайловского офицера. Они безусловно талантливы, есть прекрасные вещи, хорошие мысли, добрые чувства; она только не вполне владеет языком, попадаютя неудачные, нерусские выражения...

Суббота. 27.

В пятницу лег около 1 ч. ночи, а подняли меня уже в 5 утра. Около 6-ти выехал на Николаевский вокзал; стояло прохладное солнечное утро. Людей по 35 человек рассаживали по вагонам. Идут в Москву 1-й и 2-й батальоны, к которым прикомандированы все окончившие в нынешнем году курс учебной команды, а также по несколько человек с каждой роты. Всего вагонов было, кажется, около 40, из них три 1-го класса для офицеров. У меня отдельное купе. Перед самым отходом приехал Владимир и пожелал нам счастливого пути. В 6 ³/₄ мы тронулись. Везли нас до Москвы черепашным ходом, целых 33 часа...

Воскресенье. 28.

В воскресенье мы проснулись при пасмурной и ветреной погоде, было не больше +2°R. Словом, чем ближе к Москве, тем хуже. Прибыли в Белокаменную около 4-х пополудни. Высаживались на Бычьей платформе, не доходя вокзала. Когда батальоны построились, я сел на своего Голубка, в этот день ему минуло 7 лет, по случаю чего я нежно поцеловал его в морду. (Мои лошади и экипажи были отправлены в Москву заблаговременно.) Принял знамя и повел батальоны. Мы были в мундирах, несмотря на поддетую фуфайку, я зяб порядочно, руки коченели, как зимой. И все-таки, несмотря на неприветливую, пасмурную погоду, холод и сильную боль в левом виске, я глубоко наслаждался, вступая в Москву верхом, во главе моих батальонов, под звуки марша из «Жизнь за царя»; люди пели стройно. Нас сопровождала толпа народа, впереди, как водится, бежали мальчишки. Не доходя Иверской часовни, я велел выстроиться в батальонные четырехзвонные колонны, фронтом к зданию Думы; составили ружья. Я слез с коня и пошел в часовню поклониться Московской святыне; за мной пошли полковой адъютант, жалонер, штаб-горнист, музыканты и, наконец, все роты при своих офицерах; пока они прикладывались, я оставался в часовне. Когда подошел последний солдат 8-й роты, я после него еще приложился к Иверской иконе, вышел из часовни и сел на лошадь, народ закричал «ура», взяли на плечо и прошли сквозь правый пролет Воскре-

сенских ворот на Красную площадь. Здесь было бы ближе войти в Кремль Никольскими воротами, но я непременно хотел провести людей через Спасские. Вся Красная площадь пестрела местами для зрителей к будущему вступлению Государя. С нами шла густая толпа народа, кричащая «ура», и кидала шапки в воздух. И вот Святые ворота. Музыка смолкла, мы обнажили головы и вошли в Кремль — сердце России...

Обедали вечером, оставался у Сергея. У него поместились 18 человек наших офицеров. Около полночи вернулся домой в Потешный дворец, привел в порядок вещи.

Среда. 1 мая.

...Ежедневно прибывают новые гвардейские части, на улицах встречается множество солдат, щеголевато одетых и в полном порядке; мои Преображенцы мне радуют сердце: такой у них праздничный вид. Не произвело ли на них впечатление то, что я им и сам говорил и писал в приказе, напоминая, что в Москве надо держать себя безукоризненно, как подобает носящим наш мундир...

Четверг. 2 мая.

Во всем, в приготовлениях украшений города, в каком-то необыкновенном оживлении на улицах, в этом множестве войск, постепенно прибывающих в Москву и наводняющих ее красивыми гвардейскими мундирами, в самом воздухе чувствуется ожидание наступающих великих дней. Наша семья, вся почти без исключений, съезжается сюда, со всех сторон света прибывают иностранные принцы. Навестил Юрия (на Пятницкой, в Замоскворечье) и Петюшу с Милицей (там же, в Климентовском переулке). Вечером видел прелестный японский балет.

Кремль.

Пятница. 3.

Вчера утром приехала Оля с сыновьями Георгием и Николаем на Курском вокзале. Не заметно, чтобы она была больна; тем не менее ей надо очень беречься, сидеть, даже лежать дома. Митя, бывший у себя на заводе, присое-

динился к ней по пути, и они приехали сюда вместе. Завтракали у нее в кавалерском флигеле дворца, как раз напротив Потешного дворца, дверь в дверь. Из Петербурга прибыл Владимир с семьей и поместился в Николаевском дворце. Я выхлопотал у него перевод солдата Рыбакова... ко мне в полк. — В 4-м часу встречал на Смоленском вокзале Веру с дочерьми. Они остановились рядом с нами, в Потешном за углом. Пили чай у Оли. Ходил с греческим Ники в Успенский и Благовещенский соборы и по помостам для шествия в день коронации...

Утром 5-го.

Суббота. 4.

Погода все еще держится неприятная, после нескольких холодных, дождливых и ветреных дней вчера было немного теплее. Все ждут, что к приезду Государя, а Его ждут завтра, погода будет лучше. Был в Кремлевских казармах, в Политехническом музее и в Покровских казармах. Оттуда проехал на Николаевский вокзал и встретил Мама с женой. Поклонились Иверской и все пришли к Оле, которая никуда из своих комнат не выходит: доктор Муринов, приехавший с Мама в Москву, советует Оле быть как можно осторожнее и побольше оставаться в лежачем положении. У меня разболелся правый висок, (обыкновенно болит левый), сделалась настоящая мигрень...

Кремль. 6 мая.

Воскресенье. 5 мая.

Жизнь ведем довольно беспокойную, но иначе и быть не может, чем дальше, тем будет становиться суетливее. Утром дождь, после полудня хорошая погода, несколько теплее... Ездил с женой на Смоленский вокзал встречать наследных принца и принцессу Румынских. Какая она милая. Были с визитом у Петюши, а потом у Елены Альтенбургской на Николо-Ямской; в тех краях я никогда не бывал, но, изучив местность по плану, уверенно указывал дорогу жениному кучеру Даниле, который Москвы не знает. Не нарадуюсь быть в Москве: и замысловатые названия улиц, и вид старинных стен, и ворота с горящими

перед иконами лампадами, и множество прелестных по своей необыкновенности церквей — все приводит меня в восхищение. — Обедали у Сергея, потом сидели у Оли, а перед сном я с полтора часа читал про Ивана Сусанина и его потомков-белопашцев.

Потешный дворец. 7 мая.

Понедельник. 6.

Вчера Москва праздновала день рождения Государя. Торжественное богослужение в Храме Спасителя. С утра и весь день дождь и холод, и это наводит уныние; неужели Господь не смилуется и так будет и дальше, при въезде и в день коронации? Произошло недоразумение с встречей принца Генриха Прусского; первоначально она была назначена в 3 ч. 30 м., а потом разослали отпечатанные повестки о том, что он приезжает в 4 ч. 30. Мы с Митей поехали на Смоленский вокзал в 3 ч. 55 м. встречать Августа Ольденбургского. Приезжаем, нам говорят, что Прусский принц уже приехал и отправился к Красным воротам в Дервица, где ему приготовлено помещение; ни Владимир, ни Алексей, ни Павел, ни д. Миша его не встретили, а были только Алекс. и Eugène; немцы и германский посол обиделись. — Встретив Августа, мы оставались на вокзале до 5 ч. 30 м.; в ожидании Государя пили чай в буфете; к нам присел Драгомиров, и мы с ним разговорились. Мне еще не приходилось с ним беседовать, но я читал некоторые его труды и рад был его послушать. Несмотря на подражание чудачествам Суворова и часто грубые и неприличные прибаутки, он большой знаток военного дела, любит и понимает солдата.

И вот под проливным дождем встретили мы Царя и молодую Царицу. Государь был в сюртуке 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка. В галерее, вновь выстроенного павильона, был выставлен почетный караул от лейб-улановского полка, шефом которого молодая Императрица. С вокзала Их Величества, а за ними и мы все поехали в подъездный Петровский дворец, где они проживут до торжественного въезда в Москву...

Вторник. 7 мая.

Сегодня утром Владимир приезжал посмотреть на размещение гвардейских частей в Покровских казармах, и я там его встречал. Три раза были на Смоленском вокзале: в 12 ч. 30 м. встречали Артура Коннаутского с женой; от 3 ч. 30 — 3 ч. 55 кронпринца Датского, Альбрехта Виртембергского, наследного велик. герцога Баденского и принца Японского Саданару Футими, а вечером в 10 ч. 15 м. Мари Кобургскую с мужем Альфредом, сыном и младшей дочерью. Объезд лагеря на Ходынском поле и зоря с церемонией были отменены по случаю смерти эрц-герцога Карла-Людвига Австрийского...

Потешный дворец. 9 мая.

Среда. 8 мая.

Вчера уже в 9 ч. утра мы с Митей были на Смоленском вокзале и встретили принца Сиамского; он маленький, с желтым, но милым лицом и большими красивыми черными глазами; воспитывается в Дании. Его зовут Шира. — Входящие в состав моего сводного полка семеновцы заступили в караул в Кремле; расход людей очень большой...

Принимали с женой китайского посла Ли-Хун-Чана и Хивинского хана с сыном. — В 2 ч. 30 м. опять были с Митей на Смоленском вокзале и оставались там два часа; в этот промежуток времени встретили приход поездов Анастасьи, принца Георга Саксонского, Князя Черногорского с сыновьями Данилой и Мирко и Императрицы Марии Федоровны. Ей была назначена торжественная встреча, но она ее отклонила; встречало только семейство: мы, мужчины, на вокзале, а наши жены в Петровском дворце...

В 9 ч. был в Петровском, где у Государя собралась вся семья и иностранные принцы с принцессами послушать серенаду. Ее исполняли на дворе дворца тысяча человек певцов; это были всевозможные московские хоры с оркестрами; каждый поющий держал по шести с фонариком — целое море пестрых огней; кругом дворца столпилось огромное множество народу. Их Величества и все мы слушали на балконе. Пение исполнялось прекрасно, после

первой пьесы Государь сказал: «Давайте хлопать». В ответ на наши рукоплескания раздалось громовое «ура»; стояла тихая, полусветлая ночь, на небе сиял новый месяц.

Четверг. 9 мая.

Много надо умения, чтобы хорошо описать сегодняшний день. Проснувшись поутру, все с радостью увидели, что погода, внушавшая все это время опасения, наконец, переменилась: было тепло и тихо, радостно сияло солнце, как бы заодно с москвичами желая встретить Государя, вступавшего в свою первопрестольную столицу. У нас под окнами с раннего утра гремела музыка: воинские части, одна за другой приходили к дворцу за своими знаменами. Три батальона моего сводного полка, оба Преображенские и один Семеновский (другой занимал Кремлевские караулы) должны были расположиться в Кремле от Спасских ворот до Архангельского собора. Около 12 ч. я сел верхом и поехал через Императорскую площадь и мимо большого дворца к соборам. Полурота моей 3-й роты принимала в это время знамя из дворца. Мне было весело в парадной форме, с Преображенским знаком на шее, в Андреевской ленте и орденах, на красивой лошадке, оседланной с вольтрапом...

В полдень раздался салют в 9 выстрелов с Тайницкой башни и загудел большой колокол на Иване Великом. Многие перекрестились. Владимир объехал мои батальоны и направился вдоль пути шествия навстречу Государю. Нам позволили составить ружья. Я слез с лошади и пошел на соборную площадь к моим первым двум ротам; тут на помостах, устланных алым сукном, толпились сановники в богато расшитых мундирах. Пошел на главную гауптвахту и поднялся в залы к внутреннему караулу. Из дворца спустился по Красному Крыльцу. — Заходил с нашими двумя офицерами в соборы; в Архангельском приложились к мощам и прочли все надписи на гробницах. Потом сел на лошадь и поехал через всю Красную площадь к Иверской часовне. Что за восторг! Народу тьма, трибуны кипели зрителями, вдоль Верхних рядов тянулись тысячи волостных старшин, в воздухе стоял гул колоколов. И вот ударил первый выстрел салюта, возвещающего, что Царь выехал из Петровского дворца; весе-

лее зазвенели колокола; все сняли шапки и перекрестились. Разобрали ружья, и вот в Спасских воротах показалась голова шествия — жандармы; за ними Собственный Е. В. конвой, потом лейб-казаки, за ними царская охота, придворный музыкантский хор и золотые кареты. Долго, очень долго тянулось шествие. Вот остановка: это Царь с Царицами молятся у Иверской. И опять тронулось шествие; снова потянулись придворные ливреи, золотые кареты и коляски, шитые мундиры, лошади в золоченых чепраках. Вот прошли мимо нас кавалергарды. На Красной площади войска взяли на караул, загремело ура, у нас скомандовали: «По батальонам слушай на караул». Прошел эскадрон конной гвардии; минута ожидания. Держа шапку в руке, из Спасских ворот показался на белом коне Государь. Он перекрестился на иконы и хоругви, вынесенные духовенством и монахинями из Вознесенского монастыря, и надел шапку. Он был в Семеновском мундире. И у нас раздалось «ура». Царь не здоровался с войсками; не ожидал его приветствия, они встречали его криками «ура». Перед тем, как слезть с лошади, Он поздоровался только с 3-й и 4-й ротами. Подъехала карета под золотой короной; в ней сидела Императрица-Мать. За ней в карете без короны ехала юная Царица. Между ними Царь направился к Успенскому собору. Я видел, как они втроем прикладывались к иконам и мощам Святителя Филиппа. Из Успенского Собора прошли в Архангельский и потом мимо Благовещенского на Красное Крыльцо, с его верхней площадки Царь и обе Царицы трижды поклонились народу. Чудная минута!

*Кремль. Троицын день.
Утром.*

Три страницы исписал я о торжественном въезде, а кажется, ничего не сказал. Да и как изобразить всеобщее настроение! Говорят, в толпе многие молились, многие крестили Государя вслед. Имп. Мария Фед. в своей золотой карете все время плакала: ей слишком тяжело вспоминать, как 13 л. назад она эти же торжества переживала со своим возлюбленным мужем. — При выходе из Успенского собора в Архангельский произошло небольшое замешательство: духовенство, предшествовавшее Госуда-

рю, направилось не в южные двери, а в северные. Владимир громким голосом (он не может говорить тихо) окликнул митрополита, который повернулся кругом, и затем шествие тронулось, как следовало. По церемониалу надо было зайти в Благовещенский собор, но Их Величества почему-то прошли мимо его дверей прямо к Красному Крыльцу, вследствие чего духовник Янышев, которому надо было предшествовать, очутился сзади их Величеств...

В тот же день мы с женой... ездили в балет, давали «Лебединое озеро» Чайковского. Город прекрасно иллюминирован; на улицах сплошная толпа народа; наша карета должна была двигаться шагом. Я не заметил ни одного пьяного.

Суббота. 11.

Всем сводным полком отправились в село Преображенское, чтобы отслужить молебен в колыбели Преображенцев. Семеновцы, не доходя Преображенского, свернули направо, в с. Семеновское. — Я от самого Кремля ехал перед 1-м батальоном; знамя было в строю...

Троицын день 12 мая.

Был назначен Измайловским батальонам, Уланам, Саперам, Ростовскому и Таврическим полкам в Высочайшем присутствии церковный парад на Ходынском поле. Но с утра шел проливной дождь. Я уже был готов ехать в Измайловском мундире на парад, когда пришло известие об его отмене. Бедные Измайловцы! Так мне и не удалось увидеть сегодня полк в полном составе! Правда, через час буду ужинать в Московском трактире, но там будут только офицеры, а не все Измайловцы.

В тронном зале Оружейной палаты в Высочайшем присутствии освящение Государственного знамени, Ники в Измайловском мундире. Читались прекрасные молитвы, и Янышев произнес, обращаясь к Государю, очень хорошее слово, заключив его молитвой: «С нами Бог»; певчие подхватили ее и пропели до конца.

Москва.

Духов день 13.

Вечером накануне св. Коронования. Я встал сегодня не слишком поздно после Измайловского ужина в Старом Московском трактире, откуда вернулся в 4 утра. Там было не слишком оживленно: все находились под унылым впечатлением неожиданной отмены парада: к нему долго готовились, радовались видеть Государя, мокли под дождем, все было готово, приехал и Главнокомандующий, оставалось 5 мин. до начала, как вдруг отказ...

Поехали с женой на Николаевский вокзал встретить Иоанчика и Гаврилушку. Мы выписали их из Стрельны... Мальчишки не могли не порадоваться, что попали в Москву и увидят коронацию. Заехали с ними к Иверской и въехали в Кремль Спасскими воротами...

В 7 Их Величества слушали всенощную у Спаса за Золотой решеткою, перед пением Евангелия по всей Москве раздался благовест. Когда вся семья собралась к этой всенощной, поздравляли друг друга с наградами: я получил Владимира 3-й ст., Митя — генеральский чин, д. Миша — портрет четырех Императоров, Владимир — портрет двух Императоров, Алексей — рескрипт, Сергей — генерал-лейтенанта, Павел — Владимира 2-й ст., Петя Ольденбургский — флигель-адъютанта, Эльза и Ольга Екатеринбургский орден, Ники — Андрея Первозванного. Наступает великий день. Сердце бьется, ожидается нечто необыкновенное, важное, полное глубокого значения.

Москва. Вечером.

После коронации.

Вторник. 14 мая.

Как будто снился мне волшебный сон и я теперь проснулся, не веришь, что все виденное, слышанное и почувствованное было наяву.

Я уже в 7 ч., пройдя через полные народом большие залы дворца, очутился на Красном Крыльце. Загудел колокол Ивана Великого, раздался салют, на небе не было ни облачка, солнце яркими лучами заливало соборную площадь: высоко под самыми голубыми небесами с пронзительными криками реяли ласточки. Уже было жарко.

Войска уже построились, зрители занимали места на трибунах. В 8 ч. семья и иностранные принцы стали собираться в парадной гостиной дворца. В 8 ³/₄ растворились двери и появилась Императрица Мария Федоровна; сердце сжималось у нас при виде ее, она была в короне и тяжелой порфире, точно жертва разубранная перед закланием. Ее лицо выражало страдание. Следом за нею пошли мы в Успенский собор. Ее ассистентами были Алексей и кронпринц Датский.

Шествие так растянулось, нас с иностранцами было так много, что, когда она вступала в Собор, мы еще не дошли до Красного Крыльца. Издали доносились до нас крики «ура», приветствовавшие ее появление на Красном Крыльце. В Соборе справа от трона и несколько ниже по верхней площадке стояли в. княгини и принцессы, слева (глядя на алтарь) мы, мужчины. Императрица восседала на своем троне, несколько правее престолов Царя и молодой Царицы. Мы заняли места. Мама, Иоанчик и Гаврилушка в нашем шествии не участвовали, а вошли в Собор западную дверь. Мама стала с в. княгинями, а И. и Г. на эстраде напротив нас с Ольденбургскими, Лейхтенбургскими и Мекленбургскими. — Крики на площади возвестили нам шествие Их Величеств. Духовенство вышло встречать речами и «почтить их каждением фимиама и кроплением святой воды». Скипетр нес Гр. Делянов, державу — Набоков, большую корону — Милютин. И вот вошли Их Величества и совершили поклонение местным иконам. Государь был сосредоточен, лицо Его имело набожное, молитвенное выражение, во всем облике Его сказывалось величие. Молодая Царица — воплощение кротости и доброты. Императрица-Мать казалась также молода, как и 13 л. назад, в день своего коронавания. Когда Государь с Супругой воссели на престолах, сановники, несшие регалии, и их ассистенты загородили их от меня, так что я почти ничего не видел, с трудом мог рассмотреть Государя, но слышал хорошо, как Он прочитал «Символ веры». Его ассистентами были Владимир и Миша. Они помогали ему надеть порфиру; при этом разорвалась Его большая бриллиантовая Андреевская цепь. Мне плохо было видно, как Он возложил на себя корону и взял скипетр и державу, а коленопреклоненную перед Ним Императрицу мне совсем не было видно, уда-

лось только рассмотреть, как Он приподнял и поцеловал ее. Слов митрополита Палладия почти не было слышно. Точно так же я плохо слышал молитву, прочтенную Государем, стоящим на коленях. Только когда все опустились на колени, а Государь один стоял во весь рост, я мог на него налюбоваться...

Когда кончился обряд коронования, вся семья, начиная с Императрицы-Матери, подходила приносить поздравления коронованным. Государь поцеловал меня, я чуть не заплакал и сказал ему: «Христос с тобою».

Вечером 15-го.

Величие всего происходившего в Соборе производило подавляющее, неопишное впечатление. Богослужение от начала коронования до конца литургии продолжалось 2 ч. 30 м., но время проходило незаметно. Все соединилось тут, возвышая душу и преисполняя ее восторгом: и редкостное по красоте и роскоши зрелище, и дивное пение, и трогательное до глубины сердца молитвословие. Лично я умилялся вдвое, видя Государя в нашем родном Преображенском мундире; наш красный, шитый золотом мундир был заметнее под порфирой. Глубоко потрясенный, я видел, как после причастия два архиерея взошли на площадку трона пригласить Государя шествовать к царским вратам и как совершался обряд миропомзания. После этого, когда Государь вошел в алтарь и сотворил перед престолом земной поклон, царские врата затворились и воцарилось молчание, прерываемое редким пением: «Тело Христово примите». Когда вновь растворились врата, было видно, как Государь умывал уста и руки. И вот все кончилось. Мы возвратились за Императрицей-Матерью на Красное Крыльцо и, отстав там от шествия, ожидали появления Государя на помосте между Иваном Великим и Архангельским Собором. Когда, зайдя в Благовещенский Собор, Он поднялся на Красное Крыльцо и с высоты его трижды поклонился народу, мы поспешили наружной террасой в Андреевский зал и внутренние покои, чтобы там встретить Государя. Сняв порфиру, Он ушел с Супругой к Матери, а мы — вся семья и иностранные принцы — сели завтракать. Через час Их Величества — все трое — облачились в порфиры и шествие тронулось

в Грановитую палату, к торжественной трапезе. Во Владимирском зале разделились: семья поднялась в тайник. Я видел в низкое окно, как охотно Государь кушал на троне между Императрицами. В 5-м часу все было кончено.

...Вечером повезли с женой детей полюбоваться иллюминацией. Через Боровицкие ворота, по Волхонке и Ленивке и Каменному мосту, той стороной Москвы-реки, Москворецким мостом, Красной площадью и обратно в Кремль, Никольскими воротами, ехали мы целый час. Громадная толпа народу, ни одного пьяного; нас узнавали и сопровождали оглушительным «ура», часто невозможно было двигаться в густой толпе. Иллюминация волшебная — море огня.

Среда. 13 мая.

В 11 $\frac{1}{2}$ были во дворце: Государь принимал поздравления от Высших сановников и дворянства. Подносили без счета дорогие блюда с хлебом-солью, ими заставили в Андреевском зале несколько больших столов. Что за непроизводительный расход! Сколько можно было бы сделать добра на эти деньги!

...В 7 ч. в Грановитой палате торжественный обед духовенству и особам первых двух классов.

Четверг. 16.

...Вчера Государю было поднесено 192 блюда с солонками; более других привлекает внимание блюдо от Московского купечества; оно исполнено по рисунку Виктора Васнецова и изображает Георгия Победоносца, поражающего дракона. Сегодня продолжались принесения поздравлений; от 11 $\frac{1}{2}$ до 2-го часа дипломатический корпус, чины двора и военные. Мы — семья — подходили со своими частями, я во главе 1-го сводного полка. Потом семейный завтрак в парадной гостиной. Я сидел между Тино и бельгийским Альбертом, сыном графа Фландрского и будущим Королем. Ему 21 год, он высок ростом, с очень милым и приятным лицом. С ним легко и интересно говорится. Я заметил, что он очень образован и всем интересуется. После завтрака Их Величества, предшествуемые верховным маршалом Графом Паленом и церемониймей-

стерами с жезлами, опять вышли в Андреевский зал и стали перед троном. Поздравления продолжались до 3^{1/4}. Подходили волостные старшины, войты и представители инородцев. Каких тут только не было типов и нарядов... Среди старшин Симбирской губ. Сызранского уезда я нашел и измайловца бывшей моей роты, левофлангового Тимаева, который как-то на привале во время маневров

«на арабском языке
Прочел мне надпись на старинном
Дамаскированном клинке».

Этот Тимаев ушел в запас в 87 году. Незадолго до отъезда в Москву я получил от него письмо, он писал мне, что в качестве волостного старшины его посылают в Москву на коронацию и что ему хотелось бы меня увидеть. В день въезда я разыскал его на Красной площади среди тысячи других старшин и велел ему придти ко мне на другой день.

В 10 ч. выход в Грановитую палату и польский. Пышное зрелище. Государь по ошибке надел кавалергардский алый мундир вместо белого.

Пятница. 17 мая.

...Вчера вечером парадный спектакль в Большом театре. Императрица была в серебряном парчовом платье; говорили, что Имп. Мария Александровна была в таком же платье на парадном спектакле 56 года. Кто-то вспомнил это, и вот Императрица заказала себе такой же наряд. Зрелище прелестное. — 1-е действие и эпилог «Жизни за царя» исполнялись довольно плохо, кроме хоров...

Вечером этого же дня.

Суббота. 18.

Сегодня утром я с дядей Карлом-Александром и его свитой (из русских при нем и его внуке состоят генер.-адъют. Князь Барклай де Толли Веймар. и нашего полка флиг.-адъют. Кира Нарышкин) был на месте закладки памятника Александру II. Водил нас там П.В. Жуковский.

Дома услышал от людей, что будто ранним утром, когда на Ходынском поле, где в 2 ч. должен был начаться народ-

ный праздник, раздавали народу от имени Государя кружки и посуду (кружек было заготовлено $\frac{1}{2}$ миллиона), произошла страшная давка и оказалось 300 человек задавленных до смерти. Тяжело было ехать к 2-м часам на народный праздник, зная что уже до начала было столько несчастий. Перед самым нашим выездом мне дали знать по телефону, что 2 батальона моего сводного полка вытребовано по дороге на Ходынское поле. По пути мы видели множество войска, гвардейской кавалерии и пехоты; они становились шпалерами по Тверской. Сам я не видел, но мне говорили некоторые, между прочим Митя, что по дороге попадались навстречу пожарные с большими фургонами, переполненными трупами несчастных пострадавших.

На поле перед павильоном, выстроенным для Государя, напротив Петровского дворца, собралось семьсот тысяч народу, т.е. более чем Наполеон привел с собою в Москву. Тут говорили, что погибших уже не 300, а около 1500. Когда Их Величества показали на балконе павильона, грянуло оглушительное «ура». Это была торжественная, дух захватывающая минута. Огромный хор пел «Боже Царя храни» и «Славься» при колокольном звоне и громе пушек. Потом мне посчастливилось быть свидетелем торжественных, восхитительных минут: Государь обратился с речью к волостным старшинам, собранным при дворе Петровского дворца. При этом никому из семейства не предполагалось присутствовать, но Оля напросилась, и, так как ей не с кем было бы вернуться, она и мне испросила у Государя позволение присутствовать. На дворе дворца были разбиты два шатра для угощения волостных. Государь с молодой Императрицей вошел в круг, оставшийся свободным среди густой толпы представителей от дворян и старшин. Когда смолкло «ура», Он громким голосом, отчетливо и ясно произнес следующие приблизительно слова, обращаясь к старшинам: «Императрица и я от всего сердца благодарим вас за вашу любовь и преданность. Когда вы будете дома, передайте односельчанам нашу благодарность. Многие из вас присутствовали здесь же и помнят слова, сказанные покойным моим Отцом. Я хочу, чтобы вы все помнили эти слова. Я близко принимаю к сердцу ваши нужды и желаю вам успеха; да поможет вам Господь в ваших добрых делах». — Я видел, как мно-

гие, пока Он говорил, утирали слезы; сам я плакал, да и все плакали. Кажется и у Императрицы глаза были влажны от слез. Это была великая, незабываемая минута. Много десятков лет пройдет, а слова эти все будут помнить.

Я, кажется, дурно передал Его речь. Боже, как хорошо Он говорил. Потом от имени дворян говорил московский предводитель, не очень складно, но трогательно. Государь ответил, обратившись к дворянам и сказав громким голосом, медленно выговаривая слова. Слова приблизительно следующие: «Я знаю, что вы теперь переживаете трудное время. Дворянство всегда было главною опорой государства. Я желаю, чтобы вы верили, что я всеми силами стараюсь облегчить ваше положение. Благодарю Вас за сочувствие, выраженное нам в эти великие дни». Затем Государь обходил столы, за которыми расселись обедать старшины. Входя во Дворец, он обернулся и при громких «ура» всем поклонился. — Вечером Их Величества и все мы были на балу у французского посла (угол Воздвиженки и Шереметьевского переулка, д. графа А. Д. Шереметева). Французское правительство отпустило великолепную мебель и гобелены на украшение дома. Весь вечер проходил с Кн. С.Н. Голицыной и ужинал рядом с ней. Слышал от Витте, что из Государственного казначейства отпускается 300 000 р. в помощь семьям пострадавших на народном празднике.

19 мая вечером.

Воскресенье.

Больно подумать, что светлые торжества коронавания омрачились вчерашним ужасным несчастьем: более 1000 человек погибло утром перед народным праздником. Еще больнее, что нет единодушия во взглядах на это несчастье: казалось бы, генерал-губернатор (В.К. Сергей. — Э.М.) должен явиться главным ответчиком и, пораженный скорбью, не утаивать или замалчивать происшествие, а представить его во всем ужасе. Между тем это не совсем так. Вчера вечером Государь узнал, что погибло 300 человек — истинное число пострадавших еще не было Ему известно, — вышел к обеду заплаканный и глубоко расстроенный. Я слышал это от очевидца — Сандро.

Государь не хотел было ехать на французский бал, но Его убедили показаться там хотя бы на один час, и что же: на балу Владимир, Алексей и сам Сергей упростили Государя остаться ужинать, т.е. отъезд с бала показался бы «сентиментальностью». И Государь уехал с бала после ужина, в 2 ч. Казалось бы, следовало бы Сергею отменить бал у себя, назначенный на завтра, но этого не будет. Казалось бы, узнав о несчастье, он должен бы был сейчас же поехать на место происшествия, — этого не было. Я его люблю и мне больно за него, что я не могу не примкнуть к порицаниям Михайловичей. Я разделяю их мнение вопреки взглядам дядей Государя. Сегодня Их Величество посетили в больнице раненых. — За обедней во дворцовой церкви Рождества Пр. Богородицы по приказанию Государя на эктении и литии поминали «верноподданных Царевых, нечаянно живот свой положивших». Царь отпускает по 1000 р. семьям пострадавших.

*Днем 23 мая.
Москва.*

Понедельник. 20 мая.

Блестящий бал у Сергея. Я слышал мнение, что не следует отменять празднеств ради катастрофы на Ходынском поле, ввиду того, что Коронация слишком большое торжество и должно быть празднуемо. Это я слышал от Пешкова. Число погибших все растет, теперь говорят, что их более 2000.

Мазурку сидел и ужинал со светлейшей княгиней Голицыной (Пушкиной)...

Вторник. 21.

Выходя из казарм, встретил Государева ездового; он передал мне сверток с Царским подарком: пару пуговиц с бриллиантовыми коронами по красной эмали; в футляре была вложена бумажка с надписью карандашом: «От Аликс и Ники 21 мая 1896». Я узнал почерк Государя. — Я очень, очень был обрадован и польщен...

Обед у Австрийского посла. Были Их Величества и многие из семьи. Мы с женой ездили туда в парадной карете, четверкой. Комнаты были убраны великолепными

гобеленами, из которых некоторые, как, говорят, принадлежали еще Карлу V. Вернувшись оттуда, жена наскоро переделалась в другое вырезное платье и мы отправились на бал в Благородное собрание. Там было великолепно, только жара стояла невыносимая. Ужина не было.

Среда. 22 мая.

Вчера Оля выхлопотала мне позволение ехать с Их Величествами к Троице. Царский поезд отошел в 9 утра. Ехали Импер. Мария Федоровна, дяди Государя, Мари, Анастасия, Владимировичи и греки. Жаркий день. Отстояли обедню в Троицкой церкви. После молебна два монаха вынесли из алтаря богатейшую пелену, заказанную Их Величествами для мощей Преп. Сергия. Митрополит обратился к Угоднику с молитвенным словом; он между прочим сказал: «да примет твоя нищета земная и слава твоя небесная сие приношение Государя и Государыни, склоняющих перед тобою венчаные головы свои». Он говорил так трогательно, что у меня слезы выступили. Завтракали у Митроплита Сергия, осмотрели ризницу, были в скиту, а оттуда ходили в чудесный храм Черниговской Божией Матери. — Вернулись около 6. А в 7 Оля с сыновьями уехала обратно в Грецию. У меня что-то нервы расходились; стоит мне только увидеть или услышать что-то трогательное, или почувствовать сожаление — слезы выступают. Прощанье с Олей имело на меня такое действие. Она для меня самое любимое существо; при ней я могу думать вслух. И вот она уехала.

Четверг. 23.

...В 2 ч. мы все ожидали Государя в городской думе, вокруг ее были собраны все городские училища. Тысячи детских голосов встречали нас криком «ура». В зале думы был собран большой детский хор на эстраде, запели кантату Ипполитова-Иванова. Потом городской голова Рукавишников говорил прелестную приветственную речь. Государь прекрасно ответил... Вечером большой бал в Кремлевском дворце. Я танцевал. Жара страшная.

Теперь 3-й час ночи.

Москва. 25 мая утром.

Пятница. 24.

Утром заехал с женой на Пречистенку за дядей Карлом-Александром и повезли его за Москву-реку в Лаврушинский пер. в галерею Третьякова. Там нас ожидал Павел Жуковский и обращал наше внимание на лучшие картины. Дядя удивителен: в 78 — он ровесник покойного Государя Александра II — он всем интересуется и ничем не утомляется. — В $\frac{1}{2}$ 1-го я хотел перед 1-м батальоном ехать на репетицию парада на Ходынском поле, но мой жеребец захромал. Я попросил себе лошадь из большой конюшни... Репетицию делал Владимир: жара, пыль, потом проливной дождь и снова жара и пыль. Только около 6 вернулся домой. Был у меня тайн. сов. Богданович, издавший к коронации картинки для народа с изображением Их Величеств. Он много наболтал мне неприятного и страшного по поводу катастрофы на Ходынке. — Музыкальный вечер у Германского посла: лучшие исполнители были выписаны из Германии. Невыносимая жара. Сильно устал.

Суббота. 25.

Сегодня день рождения молодой Императрицы. Большого приема не было. Обедня в Кремлевской дворцовой церкви Рождества Пресв. Богородицы. Вся семья и иностранные принцы с принцессами собрались в парадной форме и нарядных платьях. Луи Баттенберг говорил мне, что пение придворных певчих за обедней понравилось ему больше вчерашнего концерта. Были с женой у старушки Анненковой и у Коннаутских. Банкет в Георгиевском зале для дипломатического корпуса. Вокальная и инструментальная музыка. Сидел между Сергеем и Николашей. С Сергеем я не говорю о Ходынской катастрофе; вообще я избегаю с ним касаться деловых разговоров. При всей любви к нему и нашей старой дружбе, я не разделяю его взглядов на службу, на дела, на ответственность за вверенное. Граф Пален (бывший министр Юстиции) назначен председателем следственной комиссии для выявления причины катастрофы. Говорят, Сергей отстаивает здешнего полицмейстера Власовского, который не пред-

ставлен к генеральскому чину; говорят, удалось убедить Сергея, что теперь не время награждать Власовского, но будто Сергей настаивает, чтобы Власовский не был уволен от должности. — Слышал от графа Палена, будто Сергей очень взволнован и хочет просить об увольнении, что было бы понятно немедленно после катастрофы, но не спустя неделю. Ничего не понимаю. Сергей сидел рядом со мной за обедом веселый и довольный.

Теперь 11 ч. вечера

Воскресенье. 26 мая.

Государь отбыл на две недели к Сергею в с. Ильинское, и коронационные празднества кончились. Но все светлое и радостное, все трогательное и умильное, пережитое в эти три недели, омрачено и испорчено Ходынской катастрофой, и не столько катастрофой, — в ней сказалась воля Божия, — как отношением к ней ответственных лиц. Конечно, Сергей лично не виновен; но он сам причиной того, что на него сыплются обвинения. Съезди он на место происшествия, вместо того, чтобы встречать Государя на народном празднике; явись он на похороны погибших; заяви он Государю, что как Главное ответственное лицо не считает себя достойным оставаться генерал-губернатором; сам попроси он о назначении строжайшего следствия — и никто бы его не обвинил. Напротив, он завоевал бы общее сочувствие. Вместо всего этого что же он делает? 18 числа, в день катастрофы, он условился с живущими у него в доме преображенскими офицерами сняться группой у себя во дворе. Узнав о несчастье, офицеры разошлись, думая, что теперь не до фотографа. Сергей посылает за ними, и они снимаются. — Государь глубоко расстроенный, весь в слезах, не хочет ехать на французский бал, Ему вечером известно о 300 жертвах, тогда как утром адъютант Сергея Гадон знал за достоверное, что погибших никак не менее 400. И что же? Сам же Сергей, которому следовало бы сокрушаться не менее Государя, вместе с братьями уговаривает Государя остаться на балу. Наконец, когда Государь желает назначить чрезвычайное следствие, Сергей вместо того, чтобы обрадоваться, через Министра Внутр. Дел доводит до сведения Государя, что подает просьбу об увольнении, если состоится рескрипт

на имя Палена с назначением его председателем следственной комиссии. Словом, Сергей всю эту неделю действовал не так, как, по крайнему моему разумению, следовало бы, а как раз наоборот.

За эти дни у меня душа изныла за Сергея; я искренно его люблю, мы дружны с детства, и вот мне со всех сторон приходится слышать порицания ему; и я не имею возможности сказать хотя бы слово в его защиту. Говорить с ним я не могу; мы бы только рассорились, а проку из этого не вышло бы. Сегодня блестящий парад на Ходынском поле под жгучими лучами солнца. После завтрака в Петровском дворце Сергей с негодованием сказал мне о предположении назначить особое следствие с Паленом во главе; по его словам, подобное следствие под председательством Муравьева было наряжено только раз, в 1866 г. после покушения на жизнь Императора Александра II. Тогда оно было вызвано тяжелыми обстоятельствами государственной жизни. Сергей находит, что Ходынскую катастрофу, как она ни ужасна, нельзя приравнять к событию 4 апреля 66. Положим так; но следствие ничему не мешает, и весть о нем произвела на всех о том услышавших самое благоприятное впечатление. Но все братья Сергея возмутились; Владимир и Павел говорили Палену, что всех их хотят разогнать. Сергей мне сказал, что надеется на мою поддержку: я отвечал, что слишком мало знаком с этим делом и не могу еще составить о нем положительного мнения. — Я глубоко смущен и опечален.

Большой обед в Александровском зале. Потом проводы Их Величеств на Смоленский вокзал. Имп. Мария Федоровна уехала в Гатчину, а Царь с молодой Царицей в Ильинское.

*Потешный дворец.
Вечером 27 мая.*

Понедельник. 27 мая.

Прошли дни торжеств, и наступило спокойное время. Но осталось в душе горькое чувство. Меня мучило сомнение: следует ли мне высказать Сергею мой взгляд на сделанные им ошибки? Много размышлял об этом, придумывал письмо и советовался с Палтоликом. Он полагает, что ни говорить, ни писать не надо. Говорить я и сам бы не

хотел. Сергей не любит, когда с ним не согласны, раздражается, теряет способность судить хладнокровно и логично. А напиши я ему — никакого толка не вышло бы. Теперь дела не поправишь, а следствием письма могла бы возникнуть ссора.

О, если бы Государь был решительнее! Но он окружен советчиками. Владимир постоянно дает Ему советы и даже побуждает Его изменять принятые решения, как напр. в деле назначения Палена. Рескрипт был уже заготовлен. Сергей, поддерживаемый Владимиром и Павлом — хотя все трое проекта рескрипта не читали, — решил просить об увольнении, и Государь не подписал рескрипта.

Вчера был 9-й день по кончине погибших на Ходынке. По совету Палтолика я после парада позволил себе написать приблизительно следующее:

«Милый, дорогой Ники, день твоего отъезда из Москвы, после трех недель торжества и восторга, совпадает с 9-м днем по кончине погибших на Ходынском поле. Как было бы умилительно и трогательно, если б Ты приказал отслужить по ним панихиду в Своем присутствии. Какое бы это произвело умиротворяющее впечатление! Я знаю, что Твое время рассчитано по минутам. Еще лучше этого знаю, что суюсь не в свое дело. Но Твое благо и обаяние Твоего имени дороже мне других соображений. Весьма вероятно, что предлагаемое мною неисполнимо. В таком случае очень прошу Тебя предать все это забвению и ради нашей прежней совместной службы не поставить мне в вину эти непрошенные строки.

Горячо Тебя любящий Костя».

Отправив эту записку, я был почти уверен, что мое предложение останется без последствий. Так и было. Да и после большого обеда, а также и на проводах на Смоленском вокзале я сторонился от Государя и старался не попадаться Ему на глаза. Таким образом, я с Ним и не простился.

...Были с женой у Спаса на Бору. Что за прелестная церковь! Какой восторг ее маленькие приделы наверху, под крышей! Жена в восхищении от Москвы.

С. Ильинское.

Четверг. 30 мая.

Вчера я встал в 6 ч. и в 7 выехал из Москвы на своей тройке в Ильинское. Был ясный, очень жаркий день. В дороге находился час и три четверти. Здесь уже не спали. Сергей с раннего утра отправился ловить рыбу неводом и еще не возвращался. Государь и Императрица катались верхом — в первый раз вместе, с тех пор, что Она в России. Элла с братом вел. герцогом Гессенским Егпу, его женой и обоими Баттенбергскими пили кофе в тени деревьев перед домом. Поблизости четыре Преображенца, приглашенные сюда гостить... Скоро вернулись с прогулки Царь с Царицей. Их ребенка, премилую, толстую круглолицую девочку, возили по саду в колясочке; потом Императрица посадила ее к себе на колени, она мне улыбалась и играла цепочкой от моих часов. Я брал ее на руки. Ходили на скотный двор, бродили по саду. Вернулся и Сергей; я поместился в его уборной. К завтраку собралось все общество — за стол село 30 человек. Государь мне предложил с ним купаться. В $\frac{1}{2}$ 5 я ждал Его перед домом в саду. Заметив меня с балкона, Он позвал меня в комнаты, они выходят окнами на Москву-реку. Я жил в них в мае 87 года. Мы спустились к реке, сели вдвоем в лодку, взяли каждый по веслу и поплыли вверх по течению. Выбрав песчаное место на противоположном берегу, поставили лодку на мель, разделись и стали купаться. Нам вспомнились подвижные сборы 93-го года, когда мы тоже вместе купались. — Выбежали на песок, ложились в траву и снова погружались в воду. Отраднo видеть Государя здесь среди привольной тишины после трех недель, когда Он ни минуты не имел покоя. Он говорил, что Московские торжества кажутся ему каким-то сном, от которого Он только очнулся...

Чай пили под липами... Погода дивная, тепло, пахнет сиренью и тополем, свобода и тишина.

Ильинское,
утром 1 июня.

Пятница. 31 мая.

Павел Егорович был прав: не следовало Сергею писать о том, что меня смущало и огорчало: мое письмо дело не поправило бы, а только принесло Сергею неприятность.

Здесь в Ильинском отдыхают, наслаждаются жизнью, забывают заботы и тревоги, зачем же врываться в эту тихую, привольную жизнь подобно осеннему ветру и портить мирное настроение. Вот отчего я на словах боюсь коснуться всего того, что озабочивало меня после Ходынской катастрофы. Сергей, очевидно, далек от тех взглядов и мнений, которые у многих создались невольно, он себе не отдает отчета, насколько его отношение к этому несчастью несогласно с тем, что пожелали бы ему все сочувствующие ему. Главной его заботой было оградить Государя от всевозможных опасностей, все остальное, даже гибель около 2000 чел., представляется ему не столь важным после того, что Государь благополучно прожил в Москве все 3 недели коронационных торжеств. Я не стану Сергеем открывать глаза.

Я думаю, впервые по вступлении на престол Ники находится в совершенно привольной обстановке, находясь в то же время в многочисленном обществе. Здесь нет никаких стеснений, никакого этикета. Он принимает участие в прогулках, играх, забавах и шутках. Радостно видеть, как Он весел и беззаботен... Было все так же жарко. Временами принимался идти дождь, вдали гремел гром. Сад благоухал.

Суббота. 1 июля.

...Скоро после завтрака я распростился и уехал. Ники жалел о моем отъезде, чем я польщен и тронут. Мне непременно надо было ехать, чтобы к 5 часам быть на Николаевском вокзале и проводить уезжавшие в Петербург Семеновские батальоны. Я жил с ними дружно, они были со мною очень замечательны, мне казалось, что и нижние чины очень приветливо на меня глядели.

Простились дружески, господа и люди...

Павловск. 5 июня.

2. июня.

В воскресенье, в Москве — это был день отъезда в Петербург — встал пораньше и в 9-м часу пошел к обедне к Спасу на Бору. Эта маленькая, старейшая в Москве цер-

ковь, с низкими расписными сводами и таинственными закоулками, имеет для меня особую прелесть, стоял налево от входа в углу, у самой раки Святителя Стефана Пермского. Широкий столб, поддерживающий свод, скрывал от меня царские врата, так что служба была мне не видна, а только слышна. Прямо перед собою, ближе к северным дверям, я видел в иконостасе икону Божией Матери; меня занимало не столько изображение Ее самой — оно покрыто грубой серебряной ризой, сколько написанные вокруг по темно-золотому фону, в красивых узорах в виде листьев, пророки, вероятно те, которые прорицали о Божией Матери; между ними вверху образ Неопалимой купины — символ бессмертного зачатия. — Был в мастерской Виктора Васнецова. Меня пленяет его талант, его глубокая религиозность и любовь к старинной русской поэзии. В его работах заметна преемственность преданий староитальянской школы Джотто, Фра Беато, Синьорелли, вместе с идеалами древневизантийского и наконец старорусского искусства. Ко всему этому он присоединил и свои личные художественные мысли. Получается что-то новое, небывалое, великолепное и чрезвычайно привлекательное. Главная, но еще неоконченная вещь — большая картина Богатыри. Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алексей Попович, все трое верхом, выезжают на подвиги. Какая сила, и вместе с тем как красиво.

Был с Порецким и Комаровым (Преображенцами) в Новодевичьем монастыре. Там на кладбище видел могилу историка Сергея Михайловича Соловьева. Любопытно было видеть гробницы Софьи Алексеевны и Евдокии Лопухиной... Дома я нашел различные приношения от игуменьи Вознесенского монастыря (В Кремле). Пошел ее благодарить. Поклонился мощам супруги Дмитрия Донского. Невольно охватило меня чувство умиления при виде гробниц царицы Натальи Кирилловны, Анастасии и матери Св. Дмитрия Царевича Марии Нагой. Мощи ее сына во время французского нашествия были скрыты за иконостасом, наверху в той же церкви, где покоится тело его матери. — На прощанье с Москвой, перед тем как сесть на лошадь, пошел поклониться московским чудотворцам: Михаилу Черниговскому с его боярином Федором и Дмитрию-Царевичу в Архангельском соборе; трем святителям в Успенском и четвертому в Чудовом монастыре...

Павловск. 9 июня.

Суббота. 8 июня

Вчера приезжал сюда дядя Миша и пробыл у нас от 1 ч. до 5. Я много говорил с ним о несчастьи на Ходынском поле. Мы с дядей хорошо поняли друг друга и совершенно согласны во взглядах на этот предмет... Непонятно, чем руководствовались все четыре дяди Государя, единодушно подавая Ему неблагоразумные и недальновидные советы. В три дня Государь трижды изменил свое мнение. Сперва он согласился с доводами министра Юстиции Муравьева, который, как говорят, хотел устроить следствие таким образом, чтобы выгородить и московское генерал-губернаторство, и м-во Двора. Затем Воронцов предложил Государю назначение Палена для следствия. Государь с радостью согласился. Наконец Он отказался от своего намерения, когда Владимир и его братья объявили, что в случае назначения Гр. Палена все они попадут в отчисление от занимаемых ими должностей. Это что-то возмутительное позволить себе в самодержавном государстве объявлять Государю какой-то ультиматум, стращать, запугивать!! О! Если б Государь был построже и потверже!

Воскресенье. 16.

С помощью Буксгевдена, хорошо знающего по-французски, составил телеграмму французскому послу: он сообщил Илье Александровичу, что французский министр Народного Просвещения просил разрешения вписать мое имя во главе распорядительного комитета по устройству памятника Виктору Гюго на его родине в Безансоне. Я отклонил это.

Лагерь. 20-го утром.

Среда. 19 июня.

Тяжелое впечатление после мер, принятых или, вернее, не принятых по поводу Ходынской катастрофы, до сих пор не изгладилось. Где только встретятся двое или трое, не выдавшиеся со времени разъезда из Москвы, начинаются разговоры о степени ответственности Сергея

и Воронцова. У меня столько горечи накопилось в сердце! Оно болит и ноет и за Государя и за Сергея, чем больше думаешь обо всем бывшем, тем более негодуешь и сокрушаешься. Говорят, Воронцов подал в отставку и на его место прочат: одни — Графа Пушкина, другие — графа Палена, третьи — Барона Фредерикса. Все упорнее носится слух о том, что будто у Государя в Ильинском было разлитие желчи. Не знаю, правда ли это, но мне кажется, было с чего разлиться желчи, ведь не может же Он не смущаться различием в мнениях своих советчиков.

Вторник. 25 июня.

Вчера исполнилось 100 лет со дня рождения Анпапа. Гвардейские саперы объявили в газетах о панихиде, которую они служат в 3 ч. утра, час рождения Николая I.

Среда. 26 июня.

...Я вспомнил слова Ники, сказанные мне у нас в Павловске в день его возвращения из Ильинского: я тогда спрашивал Его, какое впечатление произвела на Алексея записка Сандро о необходимости сильного флота на Тихом Океане? Ники отвечал: «вышла целая история, Алексей обиделся, не подает Сандро руки и говорит, что, напиши такую записку обыкновенный офицер, он был бы исключен из списков флота». Между тем, Государь вполне одобряет содержание записки Сандро. И, действительно, она составлена очень дельно и не содержит ни единого слова порицания существующему порядку. И с чего только Алексей обиделся? Говорят, будто он хочет отказаться от управления флотом.

Вторник. 2 июля.

В ответ на мое письмо Императрица М.Ф. пригласила меня завтракать в Петергоф, и я поехал туда в 1 часу. Государя я, к сожалению, не видал; у Минни завтракали только Ксения, Миша, Ольга и Кн. Оболенская. Мы долго и много говорили с Минни при Ксении и одни. Конечно, более всего было говорено обо всем происшедшем после несчастья на Ходыньском поле. На этих днях Минни об

этом же говорила с Павлом, горько порицая и его, и Владимира за их вмешательство и неловкие советы. Он, т.е. Павел, был после этого у Государя, передал ему разговор с Императрицей-Матерью и жаловался на графа Палена, который в Москве будто бы был с ним, Павлом, очень непочтителен, когда обсуждали вопрос о назначении Палена верховным следователем. А Минни говорит, что Пален был вызван на непочтительность резкостью Павла. После того Государь сказал матери, что если бы она не слушала «наговоров разных свиней», то не выходило бы разных неприятностей. Словом, произошло огорчение... Я совершенно разделяю взгляды Императрицы в данном случае. Но мне больно замечать, что между нею и Ее невесткой рождаются глухие неудовольствия... Императрица М.Ф., так же как и мы все, глубоко скорбит, что Он подписал рескрипт Палену, а потом взял его назад. — О, как все это меня печалит и смущает!

Павловск. 14-го утром.

Пятница. 12 июля.

Третьего дня в театре виделся с Владимиром и Минхен. Мне не очень хотелось с ними встречаться, особенно с ней. После их участия в обсуждении последствий Ходынской катастрофы и их неудачных советов Государю я не могу побороть в себе некоторой горечи по отношению к ним. Кроме того, опасаюсь, чтобы Минхен по примеру прошлых лет не назвалась на завтрак в полку; я бы желал этого избежать, т.к. зимой, когда у них был бал, она не пригласила ни одного из наших офицеров. После такого невнимания к полку в благодарность на все наши любезности и неоднократно оказанный ей в полку гостеприимный прием, я не хотел бы ее приглашать. — Видел в театре и Сергея (Михайловича). Он недавно вернулся из Дрездена, где лечился от летучего ревматизма у Рейера, очень поправился и прибыл в весе на 16 ф. Прежде я не очень ему сочувствовал: он пустоват, ничего не читает и несколько злоязычен. Но нельзя ему отказать в уме и здравом смысле. На этот раз я был рад с ним встретиться, в надежде узнать от него новости о петергофской жизни и о том, что делается около Их Величеств. Он сказал мне, что Пален уже составил мнение о следствии по поводу Ходын-

ской катастрофы, но не знает каково оно. Дядя Миша после того виделся с Паленом, но Сергей и от отца ничего еще не слышал к чему там пришли. — Говорили мы с Сергеем М. и о Государе. Сергей говорит, что хорошо его изучил, когда Он еще был Наследником. И очень его любит. Его нерешительность и недостаток твердости С. приписывает воспитанию; он подтвердил мое мнение: никто, собственно говоря, не имеет на Ники постоянного влияния, но к несчастью Он подчиняется последнему высказанному Ему взгляду. Это свойство соглашаться с последним услышанным мнением, вероятно, будет усиливаться с годами.

Как больно и страшно, и опасно!

1/1 1899 — 1/1 1900

Учреждение при Академии наук Пушкинского отделения изящной словесности. Опровержение учения Дарвина. Шильдер и его гипотеза о загадочной смерти Александра I. Утверждена программа чествования 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина и создан комитет из старейших лицейцев. Выставка Виктора Васнецова. Дочь поэта И. Козлова передает К.Р. автограф Пушкина. Постановка «Гамлета» в Мраморном дворце. В роли Гамлета К.Р. Студенческие беспорядки. Академик Фаминцын обращается к царю. «Слово и дело» времен Николая II. Царь считает Витте виновником студенческих беспорядков. Обсуждение вопроса о допуске иностранного капитала в Россию. Противостояние Витте и Победоносцева. На карте Империи появляется город Мирный. Экспедиция на Шпицберген. Посвящение перевода «Гамлета» Александру III. Богослужение в честь Пушкина в Казанском соборе, вечер в консерватории. Домашний пушкинский праздник. Сонет «Полк». Царь дает согласие на репетиции «Гамлета» в Эрмитажном театре. Поездка в Черногорию.

Интриги Великого Князя Владимира. Отстранение Константина Романова от должности командира Преображенского полка.

*Денежный клад в Киевской лавре. Кабинет Николая II. Поселок Константиновский (в честь К.Р.) на острове Шпицбергене.
Экспедиция на землю Санникова.*

*Вечером 3 января.
Мраморный*

Пятница. 1 января 1899.

Хоть и лег пораньше накануне Нового года и начал было засыпать, но бой часов в полночь меня разбудил к немалой моей досаде: я предпочитаю не слышать этих двенадцати ударов, возвещающих смену старого года новым.

До обедни успел кончить визиты и расписаться, где надо. Большого выхода не было ввиду того, что молодую Императрицу берегут; она простудилась и лежит, так что переезд Их Величеств из Царского, предполагавшийся 31-го, не состоялся...

Воскресенье. 10.

Прибивка нового штандарта Кавалергардам в Аничковом дворце. Мы с Митей в конно-гвардейских мундирах. Мария Федоровна как шеф пожаловала своему полку замечательной красоты воздуха для полковой церкви, шитые золотом, серебром, шелками и драгоценными камнями в Московском женском Алексеевском монастыре по рисунку Васнецова.

В 3 заседание Пушкинской комиссии в полном ее составе. Присутствовал и Витте; он оказался смелее нас всех и для увековечивания памяти поэта предложил учредить при Академии наук особое Пушкинское отделение по изящной словесности. Это будет возвращением к прежней Российской Академии. — Победоносцев на этот раз оказался гораздо стоворчливее. Программа выработана; остается повергнуть ее на Высочайшее благовоззрение.

22 января.

Среда. 20.

С утра уже испытывал боязнь и волнение в ожидании спектакля; хотел бы ничем не развлекаться — это, кажется, лучшее для игры, да не удалось... В заседании физико-

математического отделения Коржинский представил свой новый труд и при этом, против обыкновения, сказал длинную речь. Он с жаром и убеждением опровергал взгляды последователей Дарвина и указывал несостоятельность учения естественного подбора. Некоторые слушали его с глубоким сочувствием, например Бредихин, Чернышов и я; но другие, как, например, Ковалевский, кажется, остались недовольны. После очередного было еще заседание Шпицбергенской комиссии, и я вернулся домой только в $1\frac{1}{2}$ 6-го. — Чем ближе к спектаклю, тем все сильнее и сильнее разбирал меня страх, даже гораздо больше, чем перед первым представлением¹, и вместе с тем мучительно и страстно хотелось играть... Стоя за кулисами и ожидая своей очереди выйти на сцену, я умирал от волнения, крестился и молился Богу. — Грешно ли это? — не думаю: в драматическом, как и во всяком, искусстве есть Божия искра. А играть хочется не из пустого тщеславия, а любя искусство. И вот я вышел. Первые слова и извлечение меча, кажется, удались; но тем не менее я чувствовал, что у меня даже ноги дрожат от волнения. Впрочем, это скоро прошло, и я вполне овладел собой... Словом — успех необыкновенный. Только и слышалось, что надо показать это представление Государю и играть не на нашей маленькой сцене, а на Эрмитажном театре. Вот бы хорошо было!

Понедельник. 25 января.

Вчерашний день прошел довольно толково. С утра было около 20 градусов. — У нас обедали Петя Ольденбургский и генер.-лейт. Шильдер, автор Истории Александра I. Разговор шел оживленно и все на исторические темы. Позвали мы Шильдера вследствие того, что Петя очень заинтересовался легендой о том, что Александр Павлович не умер в 1825 году, а ушел в Сибирь, где проявился в Томске под именем старца Федора Кузьмича, скончавшегося в 1862 или 64 году. Сам Шильдер, хотя и не имеет непреложных доказательств в подтверждение этой легенде, склонен, однако, ей верить.

¹ 15 января 1899 года в Измайловском досуге была представлена трагедия В. Шекспира (перевод К.Р.) «О Гамлете, принце Датском». Гамлета играл Вел. Князь Константин Романов.

*Мраморный. 28 января**Вторник. 26.*

Было заседание Пушкинской подкомиссии, в котором определили печатать портрет Пушкина с гравюры Райта в 100 000 экземпляров, выбить 4 золотых медали, 20 серебряных и 1500 или 2000 (точно не помню) бронзовых. В отделении русского языка и словесности постановили ходатайствовать перед М-ром Финансов об 6 креслах, таким образом, число ученых будет увеличено до 8, а в память Пушкина окажется 4 кафедры для представителей изящной словесности.

Четверг. 28 января.

Второй год служили панихиду в крепости у могилы основателя полка Петра Великого по случаю годовщины его смерти. Это чествование Петра завел я в прошлом году, хотя сам был тогда за границей. На панихиде были все офицеры и фельдфебеля и с каждой роты по унтер-офицеру, ефрейтору, рядовому и молодому солдату. Все прикладывались к гробнице Петра. — Сильный мороз.

Начал читать прошлогоднюю статью графа Л. Толстого «Что такое искусство» в журнале «Вопросы психологии и философии». Поразительное смешение здравых и вздорных понятий.

*30-го.**Пятница. 29.*

Высочайше утвержденная программа чествования 100-летия со дня рождения Пушкина напечатана в газетах. Объявлен также конкурс на слова юбилейной кантаты, которую сочинять будет Глазунов. Слова должны быть доставлены Непр. секретарю Академии наук не позже 15 февраля под девизом, а фамилия автора в запечатанном конверте. Я нарочно не принимался за стихи, пока не появится объявление конкурса, и начал сочинять вчера. Боюсь, ничего не выйдет. Вечером, разувшись, ходил по темной столовой и выдавил из своего мало вдохновенного мозга строк 12. А так бы хотелось написать хорошие слова...

Утром в 9 ч. 5 февраля.

Четверг. 4.

С вечера 3-го, всю ночь и вчера полдня болела голова; встал часом позже, чем хотелось, настроение духа было мрачное. Стихи не удавались, третий день бился над одной и той же строфой; обдумывал ее, идя по Екатерининскому каналу, Невскому и Казанской в курсы, и, наконец, справился.

После завтрака был у меня художник Васнецов (Виктор Мих.), одно из наших современных художественных светил. Говорили с ним про статью Л. Толстого «Что такое искусство» и вместе возмущались. Васнецов выставляет в Академии художеств свои картины.

Императрица М.Ф. позвала нас чай пить в Аничков дворец. — Вечером окончил вступительный хор Пушкинской кантаты.

Утром 6-го

Пятница. 5 февраля.

Много принимал вчера. Товарищ гр. Протасова-Бахметьева, бывший лицеист П.М. Кауфман говорил мне о мысли, возникшей между старыми лицеистами учредить при Академии наук род нового комитета из старейших и наиболее выдающихся лицейств для издания книг, полезных для народа, помимо ученого комитета М-ва Нар. Просвещения... — Были на выставке картин Васнецова, какая сила и сколько поэзии!

Понедельник. 8 февраля.

Существует 87-летняя старушка Александра Ивановна Козлова, дочь поэта-слепца. Вчера я получил от нея след. письмо: «В.И.В.! Позвольте просить вас взять под ваше покровительство прилагаемое стихотворение Пушкина — автограф, полученный моим отцом, слепцом-поэтом Козловым в ответ на посланную им Пушкину свою первую поэму «Чернец». Я радуюсь вручить именно вам этот драгоценный листок, в котором священная для меня память моего отца соприкоснулась с великим именем Пушкина. — Я совершенно одинока, стара (мне 87 лет) и слаба, но я

живо помню встречи с В. В-м, у гр. Блудовой и у Якова Грота. Примите же от меня горячее пожелание долгих лет вашему семейному счастью, любви к доброй науке, поэзии и к музыке. В.И. В-ва покорная слуга Александра Козлова, дочь поэта».

Автограф Пушкина на четверти листа, в правом верхнем углу которого стоит цифра 1.

И. И. Козлову.

Певец, когда перед тобой
 Во мгле сокрылся мир земной,
 Мгновенно твой проснулся гений,
 На все минувшее воззрел
 И в хоре светлых привидений
 Он песни дивные запел.

О милый брат, какия звуки!
 В слезах восторга внемлю им.
 Небесным пением своим
 Он усыпил земные муки:
 Тебе он создал новый мир:
 Ты в нем и видишь и летаешь,
 И вновь живешь, и обнимаешь,
 Цветущей юности кумир!

А я — коль стих единый мой
 Тебе мгновенье дал отрады,
 Я не хочу другой награды

Недаром темною стезей
 Я проходил пустыню мира.
 О нет! недаром Жизнь и Лира
 Мне были вверены Судьбой!

А.П.

15 мая 1825.

Михайловское-Арапово.

Письмо старушки писано (кроме последних слов) Софией Александровной Стахович, которая приложила записку и от себя; поясняя, что А.И. Козлова хотела бы через меня передать автограф в Румянцевский музей или Александровский Лицей. Я написал С.А. Стахович, умоляя оставить эту драгоценность у меня вплоть до моей смерти.

15 февраля вечером.

Меня волновала, — да и теперь еще волнует, — постановка «Гамлета» у нас дома. В Мраморной зале поставили довольно большую сцену. Мы не играли почти м-ц, надо было подрепетить.

Пятница. 12.

Репетицию назначили на пятницу в 8 вечера... Я «играл вовсю», впрочем, как и всегда, даже на первых репетициях, потому что очень строго отношусь к Шекспиру и не хочу, да и не могу шутить, играя Гамлета. Для меня это род священнодействия.

Воскресенье. 14 февраля.

Послал за служащим в конторе писцом Александром Коровиным; он уже успел напечатать мою кантату на ручной машинке; я дал ему приписать девиз «Душа поэта встрепенется, как пробудившийся орел», имя К.Р. вложил в особый конверт, снаружи которого должен был быть помещен тот же девиз, и поручил отнести все в Академию к Дубровину. Коровина там не знают, так что тайна будет сохранена.

Утром 16-го

Понедельник. 15.

В городе много говорят о студентах здешнего университета: 8-го числа там бывает годичный акт. На нынешний раз перед этим днем министерское начальство объявило, что в случае беспорядков будут приняты строгие меры, а в самый день нарядили множество полиции, кот., как слышно, действовала глупо и непоследовательно; были даже пущены в ход нагайки, хотя студенты ни в чем не провинились. Теперь ученики всех высших заведений перестали ходить на лекции. У меня в Курсах тоже волнуют: их срамят «Гороховыми дурами», упрекают в недостатке товарищества и в том, что они продолжают учиться.

Мраморный. 17 февраля.

Вторник. 16.

Вчерашний день один из счастливейших в моей жизни: в 2 ч. в Академии началось заседание Отделения русск. языка и словесности, в которое были также приглашены Непр. секретарь, сенатор Кони и композиторы Римский-Корсаков и Глазунов. Из сорока сочинений, присланных на конкурс, комиссия после долгих прений остановилась на двух стихотворениях; из них одно более удовлетворяло потребности композитора, а другое имело преимущество в литературном отношении. Сначала решили вскрыть конверт с именем автора первого сочинения; это оказался некто неизвестный в литературе врач Давид Львович Мандерштейн (кажется, так). Но этим не удовлетворились и единогласно решили вскрыть и другой конверт, приложенный к стихотворению литературно более совершенному, там оказалось имя К.Р. — В это время я, нарочно не принимавший участия в заседании, ходил по академическим залам, где развешивались картины выставки Общества Петербургских художников. М.И. Сухомлинов пришел сказать мне об одержанной мною победе. Я перекрестился. Мне везет удивительно! Я точно родился под счастливой звездой.

Утром 18-го.

Среда. 17 февраля.

Вчера должно было состояться чрезвычайное заседание министров по поводу студентских происшествий. Результата не знаю. У меня на Курсах волнуются, но пока все довольно благополучно; многие слушают лекции. Два академика, Фаминцын и Бекетов (последний был преподавателем Государя), подали Его Величеству через генерала Гессе письмо, в котором просят милости и защиты студентам.

Петербург. 19 февраля.

Четверг. 18.

Весь город только и говорит, что о студентском столкновении с полицией 8 февраля; царит общее негодование.

Учащаяся молодежь глубоко возмущена, волнуется, но вместе с тем держит себя вполне спокойно и прилично.

Утром 20-го

Пятница. 19 февраля.

Вчера был у меня градоначальник Клейгельс. Я спрашивал его, не знает ли он чего о пострадавших в свалке с полицией студентах. Он положительно отрицает это. Удивительно, непонятно и противно!.. Были у меня Фаминцын и Бекетов, просили устроить им аудиенцию у Государя и подали письменное об этом прошение. Я послал его Царю, который написал на нем: «Могу принять их завтра в 2^{1/2}».

*Мраморный, утром в
Прощеное воскресенье.*

Суббота. 27.

Академик Фаминцын был у меня и сказал, что опять подал Государю письмо через дежурного флигель-адъютанта. Дело в том, что, несмотря на производство генерал-адъютантом Ванновским назначенного Государем расследования, м-во народ. просвещения, и одно оно, продолжает высылать студентов, и в значительном количестве. Я знаю достоверно, что эти высылки производятся крайне бестолково, без достаточных оснований и безо всякой вины. Фаминцын в письме, написанном прекрасно, сдержанно и с достоинством, умоляет Государя прекратить эти высылки, угнетающим образом действующие на молодежь, за спокойствие которой опять нельзя ручаться. — Так больно и обидно!

*Первый день после поста,
утром 1 марта.*

Воскресенье. 28 февраля.

Всеподаннейшее письмо Фаминцына дало мне повод встревожиться за его автора. Несомненно, что он белым засядет в глазах министров Внут. Дел и Народ. Просвещения, которые чего доброго набросят на него тень «политической неблагонадежности» этого «слова и дела» наших дней.

2 марта.

Понедельник. 1 марта.

Вечером слушали у Eгénie продолжение нового романа Л. Толстого «Воскресенье» в чтении М.И. Стаховича. Удивительные есть страницы!

Утром 19 марта.

Четверг. 18.

Что мне приходится слышать, что если бы я был министром просвещения, то беспорядков среди студентов не было, что я среди молодежи популярен. Да я и сам думаю, что, пожалуй, сумел бы с ними справиться; я люблю молодежь и доверяю ей. Но нет, я не попаду в министры; меня в высших сферах считают либералом, мечтателем, фантазером и выставляют таким перед Государем, и он, думается мне, сам приблизительно такого же обо мне мнения. Он не видит во мне того, за что меня выдвигают в общественном мнении, во мнении не правящих классов; у Царя, кажется мне, есть против меня некоторое недоверие; по крайней мере, за четыре с половиной года его царствования он ничем не показал мне своего доверия, я не получил ни одного самостоятельного назначения, не считая разве Пушкинской юбилейной комиссии. Назначение членом Комитета Финансов не в счет, его придумал Витте. Честолюбие и тщеславие, этих два моих скрытых качества, возбуждают во мне желание занять ответственное место в Государственном управлении; но рассудок подсказывает, что сам Государь бережет меня от этого. Будучи министром, я бы лишился возможности заниматься своими любимыми трудами. И все-таки где-то внутри, в самых затаенных закоулках души, гнездится дурное чувство обиды на то, что мною не хотят пользоваться.

20 утром.

Пятница. 19 марта.

Распоряжением министра Просвещения все студенты здешнего университета уволены с представлением им права подать заявления о поступлении вновь. Не понимаю эту меру, одновременно карающую и виновных —

меньшинство — и правых, которых, несомненно, гораздо больше. Как будто министерство создано не для того, чтобы давать, а для того, чтобы отнимать просвещение!

24 марта.

Воскресенье. 21.

Принимал по делам московского Политехнического музея товарища министра Финансов Коковцева и узнал от него любопытные подробности о последних событиях. — Государь прислал министру Финансов какую-то безымянную записку, в которой он, Витте, назывался главным виновником вновь возникших беспорядков среди учащейся молодежи, как автор предложения прибегнуть не к крутым мерам, а всестороннему расследованию, его же, Витте, обвиняли и в том, что он приложил все старания к наибольшему распространению этого его мнения, поданного в совещании министров. Коковцеву не известно, кто подал Государю эту записку; Витте полагает, что это дело Горемыкина.

После того, в среду 17-го было у Государя особое совещание для обсуждения вопроса, следует ли допускать в Россию иностранные капиталы. Царь вышел к собравшимся министрам, видимо, расстроенный — вероятно, университетскими беспорядками.

В заседании он сказал, что прежде считал вредным прилив в Россию чужих капиталов, что потом он стал склоняться на сторону мнения Витте, который в этом приливе видит только одну пользу, а впоследствии, под влиянием различных записок и отдельных мнений снова поколебался в своих суждениях. — Витте говорил необыкновенно убедительно, горячо и ясно. Большинство согласилось с ним. Противного мнения держались Куропаткин и граф Муравьев. Первый, как и всегда, говорил с замечательным красноречием, но с помощью громких слов, как, например, честь, достоинство России, патриотизм и т. п., старался опровергнуть доводы Витте. То же делал и Муравьев, читая по писанному свое мнение, не имеющее никакого значения. Государь остался на стороне министра финансов, и было решено не препятствовать притоку в Россию иноземных капиталов. — В тот же день все мини-

стры были приглашены на совещание к Горемыкину. Он начал с того, что попросил Витте посоветовать, как быть с университетами. Витте, сильно раздраженный анонимкой, направленной против него и поданной Государю запиской, резко ответил, что не за чем к нему обращаться за советом, что он выдает финансы, а что если надлежащие министры не знают, что им делать и как управиться с учащимися, да еще во всех этих брожениях непременно хотят найти политическую подкладку, то лучше всего закрыть все учебные заведения. Не приняли ли эту злую иронию за совет, которому надо последовать?

30 марта.

Тяжело на душе, сердце болит за бедную молодежь. Недавно Павел говорил Мите, что университетские непорядки истекают из политической пропаганды и что если не принять самых строгих мер, то можно дожидаться повторения 1 марта 1881 года. Полагаю, что этот тупой взгляд на современные дела внушен Павлу Сергеем из Москвы. Неудивительно, если такого мнения держатся и некоторые государственные люди. Расстроенный этим мучительным вопросом, я вчера был у Витте и целый час говорил с ним. Услыхал я от него ужасные вещи. Витте осуждает карательные меры, высылки, аресты, применяемые направо-налево и притом бестолково. Другой лагерь состоит из трех человек: Победоносцева, Горемыкина, всем старающегося ему подслужиться, и Боголепова. Они сумели «подействовать» на Сергея, который всегда склонный преувеличивать политическую неблагонадежность учащихся и учащих, из Москвы то и дело пишет «зажигательные письма»... Горемыкин сам посылает в толпу учащихся своих сыщиков — agents, — сеющих там волнения, сам печатает и распространяет возбуждающие умы воззвания, и, когда эти меры приводят к смятению и беспорядкам, нашептывает Государю, что студенты и прочие учащиеся в высших учебных заведениях — это враги отечества и самодержавия...

Утром 21 апреля.

Вторник. 20.

В понедельник вечером написал, а вчера рано утром послал Царю письмо, в котором упомянул о Коростовце. Вчера же пришел царский ответ. На докладах по Пушкинской комиссии Государь сделал испрошенные мною резолюции: соизволил на поднесение мною к Высочайшему подписанию указа об учреждении при Отделении русск. языка и словесности особого Пушкинского разряда и Пушкинского фонда. Председателем комитета по сооружению памятника Пушкину в Петербурге Царь избрал меня.

Утром в Фомино воскресенье.

Суббота. 24 апреля.

И. А. месяц назад подарил мне канареечку — самочку в подруги к моему снегирю; говорят, что иногда, впрочем редко, от такого скрещивания происходят премиленькие птенцы. Но у меня таковых, кажется, не будет: птички никакого внимания друг на друга не обращают. По утрам я выпускаю их из клетки. Туда они сами собой возвращаются.

Утром 27 апреля.

Понедельник. 26.

Начал вчера списывать свои стихотворения, написанные после издания 1889 г., в чистую тетрадку, и в том порядке, в каком хочу выпустить книжку. Всего будет в ней 40 пиес. Жидковато для целого десятилетия 1889—1899, но что же делать! Разбил стихотворения по отделам: таких отделов будет 8. В первом, «У берегов» 6 пиес, во втором, «Весна и Лето» — 5, в третьем, «Ночи» — 6, в четвертом, «Осень» — 7, в пятом, «В строю» — 5, в шестом, без заглавия — 3, в седьмом, «Послания и стихотворения на разные случаи» — 6 и, наконец, в восьмом, Переводы — 2. Вчера списал стихи в три первые отдела.

Воскресенье. 2 мая.

Царь сказал мне, что придет проект указа министру финансов о создании близ Да-лянь-ваня нового русского города, которому надо дать имя. Предложены различные названия, но они не нравятся Государю, и он поручил мне придумать какое-нибудь, пригласив, если я найду нужным, и академиков. Желание Государя состоит в том, чтобы имена Александр и Николай не входили в эти названия, чтобы по возможности в него вошло слово «мир» и чтобы оно было удобопроизносимо иностранцам.

*10 мая в день приезда в
Стрельну.*

Воскресенье. 9.

На военном транспорте «Бакан», который везет ученую экспедицию Академии на о-ва Шпицбергена, был вчера утром напутственный молебен. «Бакан» стоял в Неве, пониже Николаевского моста; я там был, прослушал молебен, осмотрел транспорт и пожелал плавающим счастливого пути. — Днем с Мама на публичном акте в Консерватории. — Написал Царю о том, что в Отделении русск. языка и словесности, которому я передал Государеву волю о приискании названия для создаваемого на Квантунском полуо-ве нового города, придумано имя: **Мирный**. Оно одновременно пришло в голову и Майкову, и мне.

Утром 19-го в лагере.

Вторник. 18 мая.

Почти не выходил вчера из барака, только утром был на передней линейке, на смотре охотничьей команды, да ходил завтракать и обедать в собрание, причем был в меховом сюртуке. С утра 10° градусов, потом дождь, после полудня подул пронизывающий северный ветер и температура спустилась до +5°. У меня горло болело, непогода подействовала на меня удручающим образом. — Чувствую себя преплохим полковым командиром, мало сведущим, мало власть имущим. Надо бы мне улучшить в полку стрельбу, как это сделал Васмунд в Измайловском полку в 1890 году; кажется, я бы должен был у него научиться, но

стрелковое дело и не любо мне и не хорошо знакомо, я совершенно неспособен на всякую технику. Кроме того, я весьма склонен к лени, охотно сижу дома, не делая движения. Для здоровья вредно, и производит уныние. Безвыходно оставался вчера в бараке с 1 часа до 8 часов. — Начал читать книгу Григорьевского о Черногории на случай, если меня послали бы в эту страну.

Красное. 20 мая.

Среда. 19.

Вчера утром холодно, днем несколько теплее, но дождь, к вечеру опять холод с сильным ветром, 5—6 градусов; одна грусть. Начали курс стрельбы. Идут ротные ученья. В нынешнем году приказано производить строевые смотры внезапно; в этом заметно намерение бороться с рутинной, чему нельзя не радоваться. — Ездил в город в Академическое заседание. Отправлению Шпицбергенской русско-шведской экспедиции встретились препятствия: частный пароход «Находка» оказался далеко не готовым к отплытию. Пришлось нарушить контракт с владельцем этого парохода, не выполнившим условия, а поручить академику Чернышову зафрахтовать в Швеции другой пароход.

Пятница. 21 мая.

Погода в мои именины с утра солнечная, но очень холодная, ветреная; под вечер буря с градом. Стынешь даже в комнатах. Каково-то бедным солдатам в палатках! Приема не было. Обедня во временной церкви, в одной из комнат среднего этажа. За завтраком одни свои домашние. Получил 160 (=) поздравительных телеграмм и, кроме того, довольно много писем. От Царя и молодой Царицы прислали мне в подарок премилую папиросницу красной эмали с золотыми украшениями fin de siell работы Фаберже.

Красное Село. 24 мая

Суббота. 22.

Кончил сонет — посвящение к «Гамлету», но не знаю, хорошо ли. Есть удачные строки, особенно конец, а середина слабая.

*Вечером.**Вторник. 25.*

Л. Н. Майков, которому я послал из Красного свой сонет — посвящение с просьбою высказать мнение и свое и женино, ответил мне премилым письмом: жена его, «которой ум и тонкий вкус знаток в твореньях самых строгих муз» (по словам, к ней обращенным покойным А. Н. Майковым¹), осталась вполне довольна сонетом, а сам Леонид Ник. предложил только вместо «русской речи» сказать «речи русской».

Теперь не стыдно вписать сюда этот сонет, посвящение перевода «Гамлета» покойному Саше².

Как сладкую мечту, о Незабвенный,
В душе таил надежду ТВОЙ поэт:
Перед Тобой повергнуть труд смиренный,
Желанный плод усилий долгих лет.

Ты повелел, чтоб «Гамлет» несравненный
На речи русской вновь увидел свет; —
Но перевод, Тобою вдохновленный,
Созрел — увы! — когда тебя уж нет.

С тобою мы разлучены могилой,
Но верится: и в небе будет мило,
Что на земле свершилось в любви.

Любовь Твое исполнила веленье...
Прими ж, о Царь, поэта посвященье
И труд его с небес благослови!

*Стрельна. 27 мая.**Среда. 26.*

С утра до вечера дождь, к ночи — буря. До 10-ти я уже был в Казанском соборе; митрополит облачался; в большом храме — почти пусто, из знатных никого. Позже стали съезжаться: гр. Ив. Ив. Толстой, Зверев, Л. И. Майков, Милица и Стана со своими свитами, внук поэта, гвардейский стрелок 2-го батальона поручик Пушкин, — вот и всё. Богослужение очень торжественное и благолепное, чудное пение. Между литургией и панихидой Владыко

¹ Аполлон Майков — русский поэт, Леонид Майков — его брат.

² Саша — Александр III.

произнес слово; может быть, его осудят, но, по-моему, он как иерарх не мог говорить иначе: нельзя обелять того, что черно, оставаясь верным правде. Он указал на пререкаемость имени Пушкина, на резкую двойственность его натуры, его нехристианское и христианское; последнее в нем восторжествовало. Не понравилось мне в слове митрополита только употребление нерусских слов: момент и др. — Богослужение было очень длинно, кончилось только в 2-м часу. — В 2 зала консерватории ломилась от публики: великие князья и княгини, сановники, министры, дамы, люди разных сословий, военные, учащиеся. В глубине сцены среди зелени, освещенный ярким электрическим лучом, бюст Пушкина; перед ним придворный оркестр в красных мундирах; на помосте, продолжавшем сцену и выступавшем в залу, во всю ширину длинный стол под малиновою скатертью, за которым поместились академики, я — в середине. Заседание было мною открыто чтением телеграммы Государя (мною же и сочиненной: но слова «Наша Россия» царь заменил словами *вся Россия!*). Потом я же читал Высочайший указ Сенату и, когда все сели, произнес свое вступительное слово. Говорил очень громко и отчетливо, так что, как мне стало известно потом, все слышали каждое слово. Нельзя сказать того же про А.И.Веселовского и А.Ф.Кони, которые целые полтора часа читали после меня.

Красное Село. 28 мая.

Продолжаю про торжественное собрание Академии.

После речей я прочитал главнейшие адреса и телеграммы, полученные из разных краев: приветствие князя Николая Черногорского (французскую телеграмму), депешу Стааля от русской делегации на Конференции мира в Гааге, адрес Сербской академии, Веймарских соединенных литературных обществ, Чешской Академии, телеграмму из Москвы от Об-ва любителей русск. словесности, членом которого был Пушкин. В заключение артисты Долина и тенор Ершов, хор русской оперы и придворный оркестр исполнили под управлением композитора Глазунова его Кантату на мои слова; они были напечатаны на отдельных листах и разложены по всем стульям залы.

Сочинение мне понравилось и тронуло меня; я слушал его из боковой ложи. Так закончилось академическое торжество. — К обеду — в Стрельне. Буря с дождем. В честь Пушкина Мама позвала к обеду четверых старших детей.

Красное Село. 31 мая.

Воскресенье. 30 мая.

Дома, в одной зале наверху, показывали детям и домашним туманные картины из произведений Пушкина. Началось с портрета Пушкина, после чего была показана картина, изображающая келью в Чудовом монастыре с пишущим Пименом и просыпающимся Григорием. При этом Иоанчик и Гаврилушка наизусть сказали всю Пушкинскую сцену. Гаврилушка, легче запоминающий наизусть, говорил роль Пимена, как более длинную. Оба мальчика говорили эти дивные стихи прекрасно, местами необыкновенно толково и выразительно, так что трогательно было слушать. При появлении картины из сказки о «Спящей царевне» соответствующие стихи говорили попеременно Татиана, Костя и оба старших мальчика. Маленькое четверостишие сказали и двое младших. А когда показали Петра на «берегу пустынных волн», Татиана произнесла вступление к «Медному всаднику». Словом, вышло прелестное домашнее Пушкинское утро.

Пошли корректуры 5 акта «Гамлета».

Красное, утром 1 июня.

Понедельник. 31 мая.

Вечером окончил новый солдатский сонет «Полк», задуманный еще в 1895 году. При этом я строго исполнил требование Микель-Анджело, по-верному мнению которого задумывать произведение — (неразборчиво) — следует пылко и страстно, а исполнять спокойно и рассудочно. Четыре года назад мне горячо хотелось написать этот сонет, но, несмотря на пламенную охоту, ничего не удавалось, прошло время, мысль созрела, и теперь я, наконец, совладал с нею.

Лагерь, 11 июня.

Четверг. 10.

Однако надо сюда вписать новые стихотворения; в нынешнем году написано уже 5; давно не было столько в подобный срок. Списываю два последних.

ПОЛК (сонет)

Наш полк! Заветное, чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Другим оно старо, для нас — все так же ново
И знаменует нам и братство, и семью.

О знамя ветхое, краса полка родного,
Ты, бранной славою венчанное в бою!
Чье сердце за твои лоскутья не готово
Все блага позабыть и жизнь отдать свою?

Полк учит нас стерпеть безропотно лишения
И жертвовать собой в пылу святого рвенья.
Все благородное — отвага, доблесть, долг.

Лихая удадь, честь, любовь к отчизне славной,
К Великому Царю и вере православной —
В едином слове том сливается: наш полк!

А вот оконченное вчера:

* * *

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь.
И если вслед за огорченьем
Нам улыбнется счастье вновь,
Благодарим ли с умилением,
От всей души, всем помышленьем
Мы Божью милость и любовь?

Стрельна, 13го.

Суббота. 12 июня

...Сонет («Полк». — Э. М.), а также посвящение к «Гамлету» послал Государю* и получил следующий ответ: «12 июня 1899 г. Милый мой Костя, с **умилением** прочел я Твое трогательное посвящение памяти моего дорогого Отца. Разумеется, напечатай его в главе твоего издания. Вторая сонета** мне также сильно пришлась по сердцу: трудно было бы более кратко и столь выразительно изобразить всю суть воинского долга...»

1899—1900 гг.

Июль.

Воскресенье. 4.

Я получил приказание все-таки ехать в Черногорию. На проводах Минин спросил Царя, когда мне явиться перед отъездом? Он назначил 7 1/2 вечера. К назначенному времени я и поехал в свитской парадной форме. У него в кабинете окнами на море чудесно: вид обворожительный, прохладно, уютно. А жара была сильнейшая. Сперва он побранил меня за парадную форму. Вручил мне бриллиантовое ожерелье для невесты*. Я оставался у него с полчаса. Впервые услышал от него о своем будущем назначении в Военно-учебные заведения. Говорили и о славянстве: он вспомнил, что есть у Пушкина стих об этом, и я поспешил привести этот стих наизусть: «Славянские ручьи сольются в русском море, Оно ль иссякнется?»

Цетинье, дом князя Мирко.

9 июля 11 1/2 вечера.

Описывать путь от Петербурга до столицы Черногории и скучно, и долго, и не любопытно; оно так бледно и незначительно в сравнении с сегодняшними впечатлениями. Ограничусь общими чертами. В день отъезда был у меня довольно неприятный разговор с Мама: ей не по сердцу моя посылка в Черногорию. Сказывается столкновение германского духа со славянским.

Вторник. 6.

В дороге все читал о Черногории, все знакомился с этой необыкновенной, своеобразной, особенно привлекательной страной.

Четверг. 8.

В 2 пришел из Триеста пароход Graf Wurmbrand, на нем прибыли и поплыли с нами далее дочь Черногорского князя Анна с мужем, принцем Баттенбергом, и князь Петр Карагеоргиевич (покойная его жена — 1890 г. — была дочь князя Николая) с прелестными двумя сыновьями Георгием и Александром 11-ти и 10-ти лет... Но что за ночь — волшебство! Тишина, светлый месяц, звезды. Далматинский берег очень живописен. Если бы не владычество Австрии!

Пятница. 9 июля.

Утром пароход заходил в Рагузу (Дубровник). Что за дивное утро! Что за чудесные виды на прибрежные горы и скалы! Сейчас же от восхищения стихи завертелись в голове... Голубое, как сапфир, море отовсюду замкнутое высочайшими горами, а в глубине залива, высоко и далеко — Черногория, там, под облаками. Обидно вспомнить, что *наш* импер. Александр I письмом Владыке Петру II принудил его отдать Котор Австрии!! Австрийцы портили мне впечатление, если только можно испортить: оно было так необыкновенно, так величественно. — Прошел вдоль караула, отделался от австрийского начальства любезными фразами и — поскорее с Нарышкиным в коляску. На козлах два черногорца в живописной одежде. Кучер в красном, расшитом золотом на спине, а рядом с ним «пернаник» — один из 60 телохранителей Князя, в малиновом сукне с черными на спине шнурами. И так эти черногорцы честно смотрят прямо в глаза, так приветливо улыбаются. Я вздохнул свободно, оставив за собою австрийцев. Перед нами отвесная высочайшая стена; дорога каким-то чудом лепится по ней, извиваясь змейкой... Все выше и выше! Которский залив все дальше и дальше и глубже в бездне под ногами. Вот попадают

черногорцы — рабочие... Я крикнул им: «Помогай Бог!» — и один из них, молодой, с милым открытым лицом, так весело закричал мне в ответ: «Добра все встреча!» Все выше и выше! Вот мы на вершине, внизу Которский залив кажется уже только милым бирюзовым озером. Мы на границе. Меня встречает Мирко, второй сын Князя, молодец, 20-летний красавец, с прекрасным, каким-то «соколиным» лицом. Мы знакомы с 96 года, оба сочувствуем друг другу. Расцеловались. С ним наш поверенный в делах К. А. Губастов, его чиновник С. А. Лермонтов, воспитатель Мирка русский полковник Сумароков и два молодца черногорца, назначенные при мне состоять. Далее я ехал с Мирком... Вот дорога начинает постепенно спускаться, все изгибами и извилинами. Видна равнина Цетинья. Дождь проходит. Весело, сердечно, откровенно болтаем. Вот и Цетинья. Маленькие, скромные, каменные строения; но мне все нравится, все по сердцу, всех бы обнять, всем бы закричать, что мы родные братья! Раздаются пушечные выстрелы, звонят в колокола. Я уже завидел у дверей дворца Князя Николая. Выпрыгиваю, обнимаемся с ним, передаю ему Царский поклон. Он ведет меня мимо почетного караула. Я кричу им: «Помогай все Бог, юнаци!» Наверху, на балконе, Княгиня Милена, снимаю перед нею шапку. Идем с Князем в монастырь, где рака владыки Петра I. Митрополит встречает с крестом и св. водою и слушаем краткий молебен... Чувствую себя совсем как дома, в семейном кругу. Меня ведут ко мне, через улицу, напротив дворца, в доме Мирка. Маленькие, уютные комнаты. — В 8 обед во дворце. Просто, незатейливо, радушно. Гуляем в лунную ночь с Князем по саду.

Цетинье, 11-го.

Суббота. 10 июля.

Я здесь утопаю в блаженстве: чудный по красоте, солнцем пригретый край; глаз не видит темных, опошленных сторон гражданского развития. Нет западной плоскости культуры. Народ нам родной, православный, слышна речь близкая к родной, своя одежда, живописная, красивая, не заменена европейской. Все мало, но есть какая-то благородная простота и достоинство. Видел казармы на два батальона пехоты с артиллерией. Чистота поразитель-

ная... На горе могила владыки Даниила, любовался видом на всю крохотную столицу. Где я живу — три окна по фасаду: одно в кабинете, другое в гостиной, третье в спальне, первая и третья из этих комнат угловые и имеют еще по боковому окну. Из спальни я переговариваюсь в боковое окно с Мирко, который живет в соседнем доме, через проулочек и его окно напротив моего. — Был у симпатичного митрополита, владыки Митрофана, который, будучи еще игуменом, геройски защищал от турок монастырь на Мораче и имеет Георгиевский Крест. Дивной ночью гулял пешком с Мирком. Ему хочется послужить в строю в России. Если бы у нас в полку!

Понедельник. 12 июля.

Прибыли в Антивари, или, вернее, Тополицу (первое название принадлежит городу с портом, а второе — местечко на пустынном берегу моря, где находится небольшой дворец Князя и прилегающие к нему здания). Здесь меня встретил Дано, последний черногорский Князь.

Вторник. 13 июля.

Дано и Мирко (сыновья Князя Черногории Николая) возили меня в старый город, разгромленный черногорскими пушками и отнятый у турок в 1877 г. Подобно Севастополю, он поныне стоит в развалинах, заросших виноградом и плющом; но, несмотря на это, жители в нем есть, по большей части мусульмане; улицы между жилыми домами круто поднимаются в гору и вымощены большими камнями, настолько наглаженными ходьбой, что ноги скользят по ним, как по льду. В старой католической церкви теперь склад оружия. Есть заброшенная церковь византийских времен с остатками хорошей стеной живописи. Были и в новой церкви, где сегодня Ютта присоединится к православию. В 8-м часу вечера, когда в море показался пароход австрийского Ллойда, Graf Wurmband, привозивший из Триеста невесту с ее матерью и братом, мы в парадной форме перебрались на яхту и пошли навстречу.

Среда. 14 июля.

В 9 утра было назначено присоединение принцессы Ютты к православию. Мать и брат не желали при этом присутствовать, и мне было предложено отвезти невесту в Антиварийскую церковь. Ютта была очень хороша в черногорийском наряде. Дорогой в церковь, в коляске разговор клеился не слишком; она спросила меня, придется ли ей отрекаться — *abschworen* — от лютеранской веры. Я ответил, что ее присоединение состоится по тому же обряду, по которому наше вероисповедание приняла императрица Александра Федоровна, и прибавил, что оба наши вероучения христианские и что лютеранам ни от чего отрекаться не надо, а надо только принять ко всему существующему еще кое-что новое... Символ веры Ютта прочитала сама по книжке, в которой он был написан немецкими буквами. Ей нарекли имя Милицы.

...Я расспрашивал нашего посланника Губастова о здешних делах и услышал от него многое такое, что разочаровало меня. Он видит немало темных сторон в Черногории: беспорядочность финансов, не всегда точное исполнение требований Князя, которые в свою очередь бывают часто противоречивы и непоследовательны. Сыновей Князя Губастов считает избалованными, плохо воспитанными, пустыми, ленивыми. Даниил будто бы не любим в стране, невнимателен, даже резок и груб, оттирает от отца его главных советчиков и способных людей, стараясь получить над ними преобладающее влияние, окружает себя ничтожными людьми... Мирко, по мнению Губастова, лучше старшего брата, но мало способен и пустоват, ничего не читает. Мне было больно слышать это: я видел здесь все в розовом свете и не замечал темных сторон; все же мне кажется, Губастов преувеличивает эти темные стороны.

Четверг. 15 июля.

Во всех деревнях жители встречали жениха и невесту с цветами и с графинами воды, водки или вина, которые вместо пробки накрыты апельсинами... Цетинье стало неузнаваемым: со всей страны собралось множество народа, везде флаги, цветы, зелень, по улицам войска

шпалерами, выстрелы из пушек, колокольный звон, крики «живио». Зрелище и красивое, и торжественное, и трогательное.

Цетинье. 17-го.

Удивительный народ эти черногорцы: я уже говорил, что к свадебным торжествам со всех краев страны сюда пришли толпы народа и живут в театрах и палатках по всей равнине вокруг столицы. Полиции никакой, а беспорядка не заметно. Пьяного я ни одного не видал: их здесь не бывает...

*Цетинье. 18-го в день
отъезда.*

Суббота. 17.

Давно мне не случалось за границей не радоваться возвращению в Россию. Здесь, в родной Черногории, я чувствовал себя не за границей, а как бы дома. Очень мне жаль, что сербский язык мне неизвестен. Просил здесь достать мне Библию в сербском переводе (Ветхий Завет — Даничича, а Новый — Караджоеча) и читаю Евангелие; кое-как справляюсь и понимаю, но говорить не могу.

*На греческом военном судне
«Крит» в Адриатическом море*

Воскресенье. 18.

Последний день в Цетинье прошел суетливо. Надо было распределять подарки, я постарался быть как можно щедрее. Были у обедни в маленькой церкви Иван-Бега. Князь сам читал Вторую и молитву Господню. После завтрака началось томление, неизбежное при расставании. Ходили с Ники в дом наследника прощаться с великой герцогиней. Она слывет очень не умной и не вяжется с Черногорией; эти немецкие принцессы с узеньким миро-созерцанием и придворною церемонностью здесь не на месте... Прощаться с черногорским семейством было очень жалко. Проводили меня как родного.

Стрельна, вечером 27 июля.

Я не подозревал всего того, что здесь без меня творилось. Прошел слух, что в полку произошла не кража, а растрата, в которой виновны офицеры, и что теперь стараются дело замаять. Полагают, что слухи эти идут от двора Владимира...

Стрельна, утром 28го.

Вторник. 27.

Вчера я пережил тяжелые впечатления, совершенно особого, до сих пор неведомого мне рода... Владимир задал мне вопрос: не знаю ли я кого-нибудь, кому мог бы сдать полк? Я был огорошен и внутренне возмущен, но сидел молча, не возражая ни словом и не оправдываясь. Когда он кончил, я доложил, что следствие обнаружило причастность к преступлению только трех негодяев и не предполагает и возможности целой шайки. Наконец, Владимир дал мне совет обо всем этом переговорить с его начальником штаба Васмундом.

Красное, 7 августа.

Пятница. 6.

Поехал в Петербург, в крепость. Генерал Васмунд вызвался поехать со мною — он желал поговорить. По его словам, Владимир еще до печального в полку происшествия покражи говорил ему, Васмунду, что хорошо бы мне, не откладывая, занять должность Гл. начальника военно-учебных заведений и, следовательно, его совет сдать полк ничего общего не имеет со совершенным преступлением.

Лагерь, 8го утром.

Суббота. 7 августа.

Я спрашивал Царя, можно ли будет в январе поставить «Гамлета» на Эрмитажном театре, как то было Высочайше повелено, или спектакль не состоится.

Узнал, что нам надо готовиться играть.

Павловск. 10 августа.

Воскресенье. 8.

После семейного праздника Царь похвалил мое стихотворение «Черногории» (я вручил его накануне), позволил послать его Князю Николаю, но не пожелал, чтобы оно было напечатано, покуда жив нынешний император австрийский.

Вечером разбираю вещи, которые — в Петербург, которые — в Стрельну и Павловск, и думаю: не последний ли раз я в милом лагерном бараке? Расставаться с ним жаль; но мне кажется, жди меня это расставание годами двумя, тремя раньше, мне было бы гораздо больше жаль, чем теперь. Кто знает, проведу ли я еще один лагерь в полку?

Павловск, 12 августа

$\frac{1}{2}$ 9 утра.

Среда. 11.

Так хочется начать здесь жизнь деятельную, вставать рано, спать поменьше, не тратить попусту времени. Главное теперь увлечение — перечеркивание, в уже сброшюрованном экземпляре I тома моего «Гамлета» на ватманской бумаге, всего того, что может быть выпущено при постановке на сцену; целиком поставить трагедию невозможно — потребовалось бы часов шесть времени, а на придворный спектакль в Эрмитажном театре можно уделить не более трех. Поэтому нужно прибегнуть к значительным сокращениям.

Павловск. Утром 13²⁰ августа.

Четверг. 12.

Между прочим Якубовский сказал мне, что я назначюсь Гл. начальником военно-учебных заведений через 3 месяца, а именно 14 ноября. Так сказал ему военный министр, по секрету, а он, Якубовский, думал, что мне это известно. Я же слышал это в первый раз. Значит, Владимир говорил с Государем, а Государь под этим влиянием говорил с Куропаткиным. Итак, мне через 3 месяца придется сдавать полк. У меня сердце сжимается при этой мысли.

Павловск. 5 октября.

Понедельник. 4.

Меня очень смущает мысль, что я буду назначен на новую ответственную должность до окончания представлений. Я боюсь, что мое появление на подмостках сцены, да еще сцены придворной, где меня увидит все общество, и появление немедленно по вступлении в новую и важную должность произведет очень невыгодное впечатление. Скажут, и не без основания, что не успел я взяться за новую обширную деятельность, как уже ломаюсь на театре.

Среда 27. Октябрь.

С волнением ожидаю понедельника 1 ноября, когда предполагено начать репетиции «Гамлета» в Эрмитажном театре. — Не представляю себе, как провести главную сцену (III, 2), еще не игранную мною у Измайловцев, особенно то место, когда после представления уличенный король покидает залу и Гамлет поет глупую песенку. Тут Мочалов раздражался истерическим хохотом, боюсь, что никак не справлюсь. Мая Лопухина (рожд. Клейнмихель), играющая Офелию, по нездоровью не может прибыть к началу репетиций.

Утром 29 октября.

Четверг. 28.

Продолжают приходить письма с благодарностью за «Гамлета». Посвящение вызывает единогласное одобрение.

8¹/₂ утра 30 октября.

Пятница. 29 октября.

Часто, уже лежа в кровати, обдумываю роль Гамлета и не могу заснуть. Это было, например, третьего дня, до 2-х ночи не спал и встал все-таки в 7¹/₄, но с головною болью, которая, все усиливаясь, промучила меня до позднего вечера. Много играл Грига, норвежского композитора.

Утром 31 октября.

Суббота. 30.

Мысли о роли Гамлета все чаще не дают мне засыпать, обдумываю жесты, позы, интонации голоса, стараюсь приискать все более тонких оттенков, невольно волнуясь ввиду близости начала репетиций и не могу спать.

8 ч. 45 м. утра 1 ноября.

Воскресенье. 31 октября.

Более двух месяцев с лихорадочным нетерпением, как дети ждут рождественской елки, ждал я 1 ноября, когда назначена была первая репетиция «Гамлета» в Эрмитажном театре, и вот сегодня дождался. И все еще кажется мне, что это слишком хорошо, так хорошо, что что-нибудь помешает представлению. Предвижу много попутных препятствий, огорчений, неудач и неприятностей. — Все настойчивее говорят, что новое мое назначение состоится 14 ноября. Царя ожидают в Царское 4-го. Буду просить его отстрочить назначение до февраля или марта, словом, когда кончится спектакль. Любопытно мне узнать, когда и почему Царь изложил свое желание назначить меня не ранее ноября 1900 года.

Утром 5-го.

Четверг. 4.

По поручению военного министра у меня был генерал-лейтенант Якубовский и сказал, что Куропаткин не встречает препятствий испросить Государя на мое назначение не раньше великого поста. И прекрасно! Я так опасался, чтобы это назначение не состоялось одновременно с представлениями «Гамлета» или, что было бы еще хуже, до начала их.

Понедельник. 8.

Вечером третья репетиция в Эрмитажном театре. Сперва актер Давыдов, наш режиссер, прочел нам вслух весь первый акт, указывая на мелкие подробности каждому действующему лицу. Мы много вынесли впечатления из этого чтения.

Утром 10 ноября.

Вторник. 9.

Почти каждый день посвящаю по возможности не менее часа времени чтению о военно-учебных заведениях; теперь на очереди XV книга Свода Военных Постановлений. Уже не далеко до последних по списку книг, присланных мне летом Военным министром. — Продолжаю вставать непременно в 7¹/₄, даже если и лягу поздно накануне, и как приятно иметь свободные утренние часы, особенно в дни, когда поневоле приходится тратить время на разных обязательных празднествах... Заседание в Археологическом обществе в первый раз с новым вице-председателем Гр. Ив. Ив. Толстым. По поводу любопытного сообщения о находке в ноябре прошлого года богатого денежного клада в Киевской лавре распорядился составить Всеподданнейший доклад о необходимости приобрести в Государственную собственность главнейшие редкие медали и монеты из этого клада.

22 ноября.

Введение во Храм. 21.

Воскресенье.

На семеновском параде стоял при встрече Государя и потом проходил в качестве временно командующего бригадой на правом фланге.

Государь перед завтраком рассказывал, как однажды в Царском на прогулке, когда он поздоровался с одним из низших чинов сводно-гвардейского батальона, тот ответил: «Здравия желаю Ваше Высокородие». Другой раз кто-то из солдат ответил: «Ваше Превосходительство». Первому Государь ничего не сказал, только улыбнулся, а второму заметил двойную ошибку: полковничий чин никак не оправдывает обращения, как к генералу. Я просил Государя когда-нибудь назначить мне время для не слишком краткой беседы. — Видел Мунэ-Сюлли в «Гамлете». Впечатление не слишком благоприятное. — Во-первых, текст (в переводе Дюма и Мёриса) искажен и полон невозможных вставок во французском роде: например, Гамлет после исчезновения призрака в конце I акта клянется, между прочим, позабыть Офелию. Офелия видит Гамлета за кулисами в I-м акте и страшными восклицаниями выра-

жает свою любовь к нему. Мунэ слишком стар для Гамлета; крики и завывания располагают скорее к смеху, нежели к сочувствию. Но есть отдельные подробности, которым я не премину подражать.

Утром около 9 ч. 24 ноября.

Понедельник. 22.

Эти дни наш Олег в первый раз говел. Несмотря на то, что ему только 7 лет, он приступил к таинству покаяния вполне сознательно и прекрасно подготовленный Настенькой и о. Григорием Петровым. Весь в слезах приходил он просить у нас прощения. Чтобы не думали, будто это слезы от капризов, он говорит, что плачет «от грехов». Что за прелестный мальчик!.. На 7-й репетиции «Гамлета» приступили к разучиванию последней сцены. Опасаемся за слишком большую продолжительность представления и подумываем о новых сокращениях.

Четверг. 25.

На 8-й репетиции «Гамлета» главнейшие участники, наконец, были в полном составе, дождались-таки и Марьи Алексеевны Косиковской — Королевы Гертруды. Она играет прекрасно, жаль только, что так мала ростом. Разучивали мою сцену с королевой. Чтобы побереечь горло, я выпускал свои монологи.

Шли по порядку все четыре акта, кроме сцены в молельне Короля. Офелия играет все лучше и лучше. Кончили около полуночи.

*Мраморный, 28 ноября
9 ч. 10 м. утра.*

Суббота. 27.

Лучший знаток Шекспира в России, московский профессор Стороженко по моей просьбе прислал мне замечания на мой перевод «Гамлета». Их не слишком много, но они существенны, и я уже начал исправлять по ним свой текст. Бьюсь над заключением монолога Гамлета в 5 сцене I-го акта.

9 утра 29 ноября.

Воскресенье. 28.

Один из священников собора Спаса Преображения о. Александр Златковский подвергнулся обвинению в том, что плату за требу не всю внес в церковную кружку, а частью воспользовался на собственные нужды. Это случилось уже не в первый раз. Ему было предложено добровольно покинуть собор, на что он было и согласился и собрался идти в монахи, да передумал и стал оправдываться...

Был в комиссии в Консерватории по вопросу о сооружении статуи А. Г. Рубинштейну.

30 ноября.

Понедельник. 29 ноября.

На девятую репетицию в Эрмитажном театре собрались все участвующие, считая и тех, что изображают двор, офицеров, солдат и пр. Много Преображенцев, есть Семеновцы, Егеря, 4 Конно-Гренадера, есть и барышни: Зеленая, две Комаровы, две княжны Урусовы, Фукс, Пешкова, Шевичи и другие — я и сам их не знаю; Давыдов обучал всю эту толпу, и мы повторяли только те сцены, где вся она должна появляться...

Вторник. 30 ноября.

Ко мне являлся новый управляющий министерством Вн. Дел Дм. Серг. Сипягин. Он вполне порицает действия своего предшественника Горемыкина по поводу студенческих волнений прежней зимы, но и не совсем соглашается с мнением Ванновского, что ничего политического в этих волнениях не было.

9-го утром, декабрь.

В Николин день не было репетиций «Гамлета», и у меня, как у присяжного актера, просто руки чешутся, так хочется играть. С 1 ноября, можно сказать, жил от репетиции до репетиции, в промежутки считая дни, остающиеся до следующей. Что же со мною будет, когда кончатся представления «Гамлета»?

Четверг. 9.

Наконец, после промежутка в целую неделю состоялась репетиция «Гамлета» в Эрмитаже... Среди зрителей была актриса Комиссаржевская и дала нам несколько очень ценных указаний. Вот уже было 11 репетиций, а декораций еще нет и костюмов также. Но впереди еще целый месяц.

12 декабря.

Пятница. 10.

По желанию молодой Императрицы в залах Таврического дворца устроена большая «Рождественская ярмарка» в пользу Патриотического общества; к ней привлечены дамы большого света, согласившиеся быть продавщицами. Вчера на открытие этого базара прибыли из Царского Их Величества. Государь сказал мне, что еще не посылал за мною, так как был очень занят — накануне работал до 10 вечера.

Воскресенье. 12.

Стоят самые короткие дни в году, темные, мрачные, солнца мы уже давно не видали; морозу градусов 7, не более...

На парад Финляндского полка ездила только жена, а я с Егёниё и Георгием был в Академии художеств на торжественном праздновании юбилея К. П. Брюллова. Там собраны картины и рисунки этого художника; я дал для нее принадлежащий мне портрет Брюллова, писанный им самим.

Утром 14-го.

Понедельник. 13 декабря.

Сегодня торжествую свою исправность: хоть и лег вчера после репетиции во 2 часу, а заснул лишь в третьем, сегодня встал в положенное время и около 8-ми пил кофе у детей. — Вот и снегирь решается прилетать на письменный стол и усаживается на какой-нибудь портрет; в эту минуту он даже отважился пересесть ко мне на руку и взял с нее угощение. Канарейка гораздо смелее; доверчивость все более побеждает в ней всякий страх. Вчерашний день

ожидался мною с нетерпением, так как была вечером назначена репетиция, а эти репетиции теперь моя жизнь; живу от одной до другой.

Был у меня юноша Черногоубов, занимающийся биографией Фета, и подарил мне черновик последнего, мне посвященного стихотворения Афанасия Афанасьевича. Он получил его от Екатерины Владимировны, бывшей чтицей Фета в последние годы его жизни.

Мраморный, 15 декабря.

Вторник. 14 декабря.

Продержал корректуру 5-го полулиста предисловия к «Гамлету»; еще до конца его далеко; пока идет история трагедии в Германии, а впереди предстоит еще ее судьба во Франции и, наконец, в России. Типография работает хорошо, но невозможно медленно.

Пятница. 17 декабря

Царь с молодой Царицей позвали нас к обеду в Царское. Очень кстати прислали мне начисто изготовленный Всеподданнейший доклад о расширении Отделения русского языка и словесности, который я и захватил с собою в Царское... Царь пришел к самому обеду. Был позван к столу и Борис — дежурный флигель-адъютант. Только сели обедать, Ее Величество вызвали из-за стола на детскую; вскоре она вернулась: у маленькой Татианы Николаевны сделался какой-то кашель с хрипом; позванный доктор Гирш определил ложный круп. Царь говорил о моей комиссии по переходу к григорианскому календарю и говоря, что очень желал этого перехода, опасается неопределимости препятствий... Говорили также и о вопросе дня — англо-трансваальской войне. После обеда Царь позвал меня к себе в кабинет и тут продержал меня с глазу на глаз с добрый час. Он показал мне некоторые предметы — образки, кресты, распятия, коробку золотых карманных часов, монеты, добытые со дна Чесменской бухты, где в бою в прошлом столетии пошел ко дну русский корабль «Евстафий». Среди этих предметов был и осколок бомбы с крепко приставшей к нему частью кости человеческой ноги и остатками подошвы сапога. — Я

доложил дело по Академии и перешел к вопросам, касающимся полка. Я услышал от Царя — он откровенно рассказал мне это — что вскоре после покражи денежного ящика Владимир докладывал ему о необходимости для меня сдать полк, доведенный до значительной расшатанности внутреннего порядка; Владимир находил, что мне следует сдать командование по крайней мере немедленно по окончании лагеря. Царь не разделял этого взгляда, который позже и сам Владимир изменил.

Суббота. 18 декабря.

Только роль Гамлета может меня расшевелить хотя бы среди глубокой ночи. Даже стыдно признаться: во глубине души я считаю исполнение этой роли своим любимым и главным делом — все остальные перед ним бледнеют.

Мраморный, 20-го

Воскресенье. 19 декабря.

В 9^{1/2} у Павла Егорыча; подарил ему шитую золотом рукавичку с руки препод. Ильи Муромца, мощи которого почивают в Киевских пещерах; эта рукавичка у меня перед образами уже очень много лет, но только теперь я узнал, что память препод. Ильи Муромца совершается 19 декабря.

10 утра 21 декабря.

Понедельник. 20.

На 14-й репетиции в Эрмитаже в первый раз появились декорации тронного зала, служащего и для сцены спектакля молельни короля, комнаты королевы, покоя во дворце для II акта, а также для сцены сумасшествия Офелии, комнаты в доме Полония и залы для заключительной картины. Все эти декорации прекрасны. В картине II акта очень удачно написана галерея, согласно словам Полония: «Вы знаете, он здесь часами иногда по галерее ходит». В молельне короля на стеновых коврах изображены события из Нового Завета: Вифлеемские ясли и даже Спаситель,

распятый на кресте. Я думаю, что надо будет сильно затушевать: мы не привыкли видеть на театре этих священных изображений... Зала была полна зрителей...

Среда. 29.

Торжественное заседание в Академии наук. Ездил туда с женой и Софьей Николаевной и открыл его чтением Высочайшего указа Сенату об учреждении при Отделении русск. языка и словесности разряда изящной словесности в память Пушкина и о соответственных изменениях в Положении об Отделении. — Академический обед у Додона. Пили за мое здоровье, как за переводчика «Гамлета», а также как за председателя шпицбергенской комиссии. Вспоминали тружеников науки в числе 19 членов, отрезанных более чем на полгода среди непроглядной тьмы полярной ночи во льдах Шпицбергена в поселке, в честь мою названного Константиновским.

1 января 1900 г.

Пятница. 31 декабря.

Сильные морозы, около 15°. Стоит серый туман. Академик Шмидт, председательствующий в комиссии по снаряжению ученой экспедиции на землю Санникова, приезжал ко мне с одним из участников этой экспедиции — лейтенантом Матисеном; они просили меня похлопотать, чтобы лейтенанта Колчака, служащего на «Петропавловском», тоже назначили в состав экспедиции, оставив его на службе; в противном случае Колчак выйдет в запас флота. Я переговорил об этом с Управ. Морским М-вом Тыртовым по телефону. Последовал отказ, несмотря на мое указание, что Колчак подаст в запас. «Пусть подает, а отпустить невозможно», — был ответ. — Я плохо понимаю такой ограниченный взгляд на вещи первой важности.

1/IV — 31/XII — 1906

Рождение княгини Веры Константиновны. Обсуждение статей законов, касающихся Императорской фамилии. Уделы — собственность Царя или Императорского Дома? Импера-

трица сочиняет церемониал открытия Государственной Думы. Торжественный церемониал на крестинах княгини Веры Константиновны отменен в связи с тревожным временем и открытием Думы. Сонет «К ночи». Витте подает в отставку. Покушение на Дубасова в Москве. Торжественное открытие Государственного Совета и Государственной Думы. Речь Царя. Петрункевич требует амнистии политзаключенным. Николаю II председатель Гос. Думы Муромцев нравится. Дума — очаг революции. Новая усыпальница в Петропавловском соборе. По всей России — политические убийства. Дума не вносит примирения в стране. Хлеб и булки из придворной пекарни. Среди Преображенцев — бунт. Лейтенант Гаршин, племянник писателя.

Прогноз князя Андронникова: «Династию выгонят вон». День рождения Иоанна Константиновича — в лесу чай и шоколад. Ожидание гибели Царствующего Дома, междоусобные войны, кровопролития. Крайне левые считаются неуязвимыми. Погребение генерал-губернатора Москвы, Великого князя Сергея. Юнкера в Орле, Киеве, Елизаветграде. Гос. Дума распущена. Слухи о заговоре: цель — захватить банки. Николай II предлагает Великим князьям встать во главе уступок земли неимущим крестьянам. Царь наказывает взбунтовавшихся Преображенцев молчанием. В Петербурге провалился мост через Мойку. К. Р. организовывает лекции для военных училищ о законе, правах монарха, земельном вопросе, социалистических учениях. Решение строить Пушкинский дом. Семейные радости: дети, подарки, рождество, елка.

Павловск (Пишу вечером
12 апреля, на другой день
после рождения нашей
маленькой Веры)

Вторник. 11 апреля 1906.

Фомина неделя.

...Жена очень страдала, помнится, ни один ребенок не давался ей так болезненно. Почти не было перерыва

между схватками. В 8 ч. появились Отг¹ и Женя, а через 23 минуты мы с женой с блаженством услышали крик нашей маленькой Веруси. И сразу прошли у жены боли, она опять стала веселая и довольная, а сверх того безмерно счастливая появлением дочурки. Господь как будто вознаградил нас за утрату нашей бедной милой Натуси... Послал за детьми. Первая прибежала Татиана; я объявил ей, что у нее сестрица Вера, и мы оба заплакали. Пришли и все мальчики; я и их поздравил с сестрой. Они догадывались, что родился ребенок, т. к. Игорь видел в окно, как приехала Кондратьевна, и сейчас же рассказал братьям. Побежали к Мите, который еще лежал в кровати. Иоанчик и Гаврилушка очень просили послать их к Их Величествам сообщить о новорожденной, я было хотел послать туда Короченцова. Посоветовался с Митей и пустил мальчиков в Царское... В 1/2 2 в нашей походной церкви отслужили молебен, к которому приехала Имп. Александра Федоровна со Станой и ее сыном Сергеем. Как мило со стороны Императрицы! — Обедали с детьми, Надей и Сашенькой Короченцовым в зале Мира.

Пишу в Павловске 13-го

Среда. 12 апр.

Хорошо выспавшись, встал с головной болью — расплата за предыдущую бессонную ночь и волнения, хотя и радостные. — Кормилицу достали из Тверск. губернии, Аннушку, жену полового какого-то трактира в Москве. Поступила к нам новая помощница Ике, по имени Мари, православная, говорящая по-русски и по-немецки. Новорожденная сосала исправно, спала тихо, в одной комнате с Георгием, который (неразб. — Э. М.) хотел, чтобы ее положили к нему в кроватку. — Погода не очень теплая — восточный ветер — но солнечно. Жена чувствует себя прекрасно. Ни слабости, ни нервности, настроение прекрасное... Приходила Императрица и передала людям для жены букет из чудесных роз.

¹ Д. Отг — лейб-акушер, профессор.

Пишу 14-го.

Четверг. 13 апреля.

Государственный секретарь барон Иксуль передал мне в письме приглашение Владимира быть у него в 4 ч. в Петербурге «для обмена мыслей по поводу статей Основных законов, касающихся Императорской Фамилии». Застал у Владимира Николашу, Сандро, Андриюшу, Министра Двора Фредерикса и Барона Иксуля. Поставлен был вопрос о необходимости оградить Учреждение о Импер. Фамилии от посягательств будущих Государственных Совета и Думы. По статье 55 вновь выработанных Основных Государств. законов почин пересмотра их принадлежит единственно Императорскому Величеству. Но чтобы пересмотр Учреждения о Импер. Фамилии миновал и Государств. Совет и Думу, мы единогласно предположили, чтобы в случае пересмотра он производился по указаниям Государя. Попутно затрагивались несколько довольно щекотливых вопросов, из которых главный — как смотреть на Уделы, как на собственность Государя или Императорского Дома. В совещании все видели в Уделах собственность Импер. Дома, которую опекал Государь, как его глава. Но указывалось, что в действительности нередко деятельность Уделов выражалась как ничего не имеющая общего с Императорским Семейством, а только с самим Государем. Так, наприм., без нашего ведома в минувшую войну было выдано в пользу раненых 2 миллиона из удельных сумм, как бы от имени Императорск. Фамилии. Владимир будет просить Государя разрешить пересмотр Учреждения о Импер. Фамилии для выяснения многих темных его сторон.

Павловск.

Пишу 16-го.

Пятница. 14 апреля.

В Мраморном было у меня совещание с профессорами, вызвавшимися читать лекции на курсах для учителей и учительниц низшей школы в Павловске; в нынешнем году опять предполагаю открыть курсы с 16 августа по 14 сентября.

*В Павловске.
Пишу 17 апреля.*

Воскресенье. 16.

Большая прогулка с детьми. — По желанию жены угощали шоколадом в тронной зале всех детей наших служителей, детей было 94, это по случаю рождения нашей Веруси.

Пишу 19 апреля.

Понедельн. 17.

Чудные летние дни. На площади перед большим Царским дворцом церковный парад л.-гв. 1-му Е. В. и 2-му стрелковым батальонам и л.-гв. 6 Донской казачьей батарее.

Солнечный, тихий теплый день. Оба командира батальонов назначены флигель-адъютантами. Я так рад за Петю Дельсаля! — За завтраком сидел подле Императрицы Александры Федоровны. Просил ее крестить вместе с нашим Костей маленькую Верусю, и Императрица по-видимому этому обрадовалась. Узнал от нее, что она вместе с церемонимейстером бароном Павл. Павл. Корфом сочиняет церемониал открытия Государственной Думы, которому будет придана возможная пышность. Дамы в русских платьях, Государь взойдет по ступеням на трон в Георгиевском зале Зимнего дворца, Императрицы займут особо приготовленное для них место. Государь прочтет тронную речь. Аликс говорила, что в составлении церемониала старается не подражать западным образцам, а согласовать его с русскими обычаями. Но я смею сомневаться, чтобы эти обычаи ей слишком хорошо известны, да и как связать их с парламентом?.. Государь назначил наши крестины на 25 апреля, за два дня до открытия Думы.

*Пишу в Павловске
21 апреля.*

Числа с 16-го у нас идет некоторое брожение. Митя передавал мне после одной из поездок в город, куда ездил раза три-четыре в неделю, что Павел Егорович советует

обставить крестины маленькой Веры как можно скромнее и проще, наподобие того, как год назад крестили покойную нашу Натусю. Ему кажется, что в настоящее тревожное время крестины, устроенные по торжественному церемониалу за два дня до полного грозной неизвестности открытия Государственной Думы, могут вызвать нарекания. — Лично я не соглашался с этим, полагая, что своим правом можно и должно пользоваться везде и всегда и что если верноподданные, конечно, не усмотрят в торжественности крестин ничего неуместного, то для врагов престола совершенно безразлично, пышно или бедно обставлены крестины в доме одного из членов Императорской Фамилии; враждебно настроенным все равно ничем не угодить. — 17 Государь назначил крестины на вторник 25 апреля по примеру крестин всех наших мальчиков, т. е. с церемониалом. Я колебался, от какой части набрать почетный караул, от 2-ой ли роты Им. стрелков или от эскадрона Кавалерийского училища, в котором теперь состоят наши старшие сыновья, и просил Государя решить это, он остановился на эскадроне... Имп. А. Ф., сочиняя церемониал открытия Думы, предполагала прибытие в Петербург на яхте к самому Зимнему дворцу. Но это отвергнуто ввиду возможности дурной погоды, очень бы затруднившей бы дам в русских платьях. Поднят вопрос, как быть Государю на открытии, в короне ли и порфире? Фредерикс от меня собирался к графу Палену, чтобы с ним посоветоваться.

*Пишу в Павловске
22 апреля.*

Стоят восхитительные, весенние, но по теплу точно летние дни. Еще в среду 19-го мы всем нашим обществом завтракали на крытом полукруглом балконе, примыкающем со стороны двора к картинной галерее. В тот же день ужинали в зале Мира: к вечеру стало прохладнее и сырее. — Зелень распустилась; даже на дубе и липе почки развертываются и кажутся зелеными точками. 20-го вечером было чудесно, волшебная ночь, луна, совсем тепло. Мы обедали или, вернее, ужинали в 7 ч. на Гонзаговой галерее. А в 10-м часу поехал встретить на станции Митю,

который на несколько часов ездил в город. Потом походил еще, чтобы полюбоваться лунной, теплой, тихой ночью. И вот опять зародился новый сонет «К ночи», это уже седьмой.

Пятница 21 апреля.

Гулял ночью. Сонет готов.

*В Павловске
в Юрьев день*

Суббота. 22.

Жаркая погода — июльской в пору; вчера в тени 20°. А вот новый «Сонет к ночи».

Какой восторг! Какая тишина!
 Благоуханно ночи дуновенье
 И тайною истомой усыпленья
 Природа сладостно напоена.
 Тепло. Сияет кроткая луна...
 И очарованный, в благоговенье
 Я весь объят расцветом обновленья
 И надо мною властвует весна.
 Апрельской ночи полумрак волшебный
 Тебя, мой стих мечтательно-хвалебный,
 Из глубины души опять исторг.
 Цветущую я созерцаю землю
 И, восхищен, весне и ночи внемлю;
 Какая тишина! какой восторг!

...Граф Витте подал в отставку и заменен в должности Председателя Совета Министров бывшим министром Вн. Дел И. Л. Горемыкиным. Говорят, что выходит весь кабинет. В Разряд изящной словесности вместе с другими избрал в Почетные Академики Алексея Николаевича Веселовского.

Воскресенье. 23 апреля.

Нашему прелестному Георгию минуло 3 года. В Царском Селе парад лейб-уланам. Государь лично выдавал награды офицерам, бывшим под командой Орлова

в Лифляндской губ. для усмирения восстания. — За завтраком слышал, как он говорил, что всегда противился назначению Куропаткина Главнокомандующим действ. армии и что упрекает себя за уступку общественному мнению.

*Пишу в Павловске
26 апреля.*

В Царском Селе перед Высочайшим завтраком распространилась весть о покушении на жизнь Дубасова в Москве; он уцелел, только легко ранен в ноги, а его ординарец граф Коновницын и сам убийца, переодетый лейтенантом флота, убиты наповал брошенной бомбой.

Понедельник. 24.

...К 7¹/₂ ч. поехал в Ж. Педагогич. Институт на конференцию. Просидел до 12¹/₂. Говорили о Законе Божиим. Наши левые настаивают, чтобы этот предмет не был обязательным, так же как и русский язык, но им не удалось этого провести. Они не останавливаются перед неблагоприятными приемами прений, умышленно не понимая поставленного им вопроса и придавая ему ложное толкование.

Четверг. 27.

Продолжается та же чудесная, жаркая погода. Пили кофе с Татианой и младшими мальчиками на балконе у картинной галереи. — Уехали в Петербург в 10 ч. Митя, Татяна, пять старших мальчиков и я. Жена, отпуская нас, тревожилась. Как-то сойдет сегодня торжественное открытие Государственного Совета и Государственной Думы? Не будет ли каких ужасов или безобразий?

Теперь 12-й час дня. Иоанчик и Гаврилушка будут стоять в строю, во взводе от эскадрона Никол. кавалер. училища, а Костя во взводе корпуса Александра II в Николаевском зале. Татяна, Олег и Игорь дождутся в Романовской галерее прихода Великих Княгинь, чтобы вместе с ними пройти на эстраду в Георгиевском зале. —

(Тогда же, 27 апреля, в Павловске.) — По приезде в Мраморный записал дневник. К завтраку приехали к нам падчерицы Елены Альтенбургской, чтобы вместе с Татианой поехать в Зимний. — К 1 ч. повез туда Иоанчика, Гаврилушку и Костю. Громадный съезд у дворца, вся набережная запружена экипажами. Подъехали к маленькому Государеву подъезду, поднялись по машине, и я провел мальчиков через малую столовую, Арабскую и Помпеевскую галерею в Николаевский зал, где они стали в строй. Обходил взводы от в. у. заверений. В зале было много членов Думы, одетых кто во фрак, кто в пиджак, кто по-русски. Вскоре их пригласили перейти в Георгиевский зал. Семейству надо было собраться к 1¹/₂ в покоях Императрицы. Все были налицо. К этому дню прибыли из-за границы Михен, Алексей, Борис. Незадолго до 2-х пришли Их Величества. Государь был в Преображенском мундире, Им. М. Ф. в белом атласном, опушенном соболем, русском платье, Им. А. Ф. в белом с золотом, с диадемой из огромных жемчужин Екатерины II. Шествие направилось в Георгиевский зал из Концертного, оттуда, во главе его, несли Императорские Регалии — печать, меч, знамя, державу, скипетр и корону. За ними следовал Государь, один; за ним обе Императрицы рядом, а потом все мы попарно. Я вел Стану. Мои мальчики молодцами стояли в строю. В Гербовом зале Великие Княгини отделились от нас, чтобы Пикетной комнатой, запасной половиной и Романовской галереей пройти в Георгиевский зал на особо приготовленное Императрицам и им возвышение, по правую сторону трона. Мы же за Их Величествами вошли в Георгиевский зал через галерею 1812 года. Когда Их Величества приложились к кресту, митрополит Антоний начал молебен перед лежавшей на аналое иконой Спасителя, привезенной из часовни Петра Великого. Налево стояли члены Госуд. Совета, направо члены Думы. Слова молитвы трогали душу и проникали глубоко в мысль и в сердце. Отошел молебен. Государь остался стоять посередине зала, певчие и младшее духовенство стали выходить из зала, унося с собою икону, аналой и подсвечники. Императрицы направилась к своему месту, где уже были Великие Княгини. Среди них была и наша Татиана, а Олег и Игорь прижались там к стене за колонной, так что их не было видно, а им все было видно. Мы — Великие Князья прошли мимо

Государя и расположились по трем нижним ступеням, ведущим к трону, между ним и возвышением для Императриц и Велик. Княгинь. Тут же на ступенях стояли несшие Царские Регалии. Когда все заняли свои места, Государь медленно и величественно направился к трону, взошел по красивым его ступеням и сел на престол.

Через спинку трона была выброшена императорская порфира. По знаку Государя министр Двора взошел по ступеням и с низким поклоном подал бумагу; Государь взял ее, отдав Фредериксу свою шапку, а потом встал, сделал шага два-три вперед и громко, внятно, медленно стал читать свою речь. Чем дальше он читал, тем сильнее овладевало мною волнение; слезы лились из глаз. Слова речи были так хороши, так правдивы и звучали так искренно, что ничего нельзя было бы добавить или убавить. В них было и величие, и вера в светлое будущее России, и любовь к народу, и желание видеть его счастливым. Закончил Царь свою речь словами: «Бог в помощь Мне и вам». И речь была покрыта громовым «ура». Тем же порядком шествие двинулось обратно. По пути следования шествия гремело «ура».

В Павловске 28 апреля.

Мы вернулись в Павловск в 6-м часу. Жара, благотворение. Перед ужином и после сидел с женой на ее балконе. — Председательствующим Государственной Думы избран Муромцев. — О, какое томление духа и сколько опасений за будущее возбуждает эта Дума! Не будет ли она терять время в пустозвонной болтовне крайнего направления, пренебрегая делом.

(Пишу в Павловске 29 апреля.) Чего доброго ждать от так называемых «лучших людей», от якобы представителей народа, от желанной Государственной Думы, когда именно по ее открытию, когда был ею избран в председатели Муромцев и еще до его вступительной речи, по его приглашению взошел на кафедру мерзавец Петрункевич, потребовал от правительства амнистии всем находящимся в заключении политическим преступникам, и когда это требование не только принято единогласно, но и покрыто рукоплесканиями? Если бы Дума занялась вопросами бла-

гоустройства крестьянства и нуждами просвещения — можно было бы надеяться, что она будет делать дело; но по началу уже видно, что этого не будет.

Воскресенье. 30 апреля.

В 3 часа были крестины нашей Веруси. Справили их самым скромным образом, без церемониала, почет. караулов, салюта и пр. Было только семейство, запросто, кто в сюртуке, кто в кителе, и близкие домашние. Тем не менее залы были чудесно убраны цветами и растениями. Прибыли из Петергофа и Гатчины Их Величества...

Чай, кофе, шоколад и шампанское в моем кабинете. Для маленьких — четырех Государевых дочек и Ирины был накрыт особый низенький стол. Государь был в форме императорск. стрелков. Слышал от него, что Муромцев ему скорее понравился, держа себя скромно и глядя прямо в глаза.

Среда. 3 мая.

Утро в 1-м кад. корпусе. Смотр внеклассных занятий. Смотрел работы по рисованию, ручному труду, танцы, гимнастику и фехтование.

Пятница. 5 мая.

Наконец, целый день в Павловске. Сильная жара, как в июле. Сирень в полном цвету. — Ответ Думы на тронную речь — гадость. Дума — очаг революции...

Суббота. 6.

Поехали с Митей в Петергоф на бензинном моторе, нанятом здесь, в Павловске. Ехали полтора часа. Жара. Был дежурным генерал-адъютантом. После обедни в большом дворце Их Величества принимали поздравления в одной из проходных зал. В числе поздравляющих был и председатель Думы Муромцев.

За завтраком меня посадили подле Имп. Марии Федоровны. Она засунула мне за колодку с орденами этот цветок... (Вклеен цветок «анютины глазки». — Э. М.)

Павловск.

Понедельн. 8 мая.

Читал в газетах, что Государь не пожелал принять депутацию от Госуд. Думы с ответом на его ей приветствие, а повелел направить адрес через Министра Двора. По тому же пути направлен и адрес Госуд. Совета. — Анчутин уехал выдавать знамя Одесскому корпусу. Тамошний командующий войсками Каульбарс сообщил, что мне ехать туда небезопасно, что он не ручается, чтобы не подстроили бомбы. Пришлось испросить Высочайшее повеление на передачу знамени через моего помощника. Таким образом, не исполнилась моя мечта побывать в Одесском корпусе перед первым выпуском. Но еще не теряю надежды побывать в Варшаве в Суворовском корпусе, тоже дающем первый свой выпуск. Генерал-губернатор Скалон уведомил, что препятствий к моему приезду не встречается, лишь бы ему, Скалону, не надо было меня встречать и сопровождать, т. к. его травят. — Мой отъезд задерживается парадом с освящением знамен для Николаевского и Александра II корпусов; Государь все еще не назначил день для парада... — У моих старших двух мальчиков удачный экзамен из артиллерии; получили по 11-ть.

Пишу 11 мая.

Среда. 10 мая.

Сегодня нашей новорожденной исполнился м-ц; она хорошо растет и прибывает в весе. А вчера, 10-го, был год, как скончалась наша Натуся... С утра, в 10-м часу поехали с Митей и 6-ю старшими детьми в город, в Петропавловский собор, где, стоя у украшенной белою сиренью и лилиями могилы малютки, слушали обедню. В последний раз пели «Христос воскрес» — отдание Пасхи... Новая усыпальница еще не готова внутренней отделкой, задерживающейся из-за устройства в ней церкви. Наружный деревянный забор снят. Гаврилушка заметил, что эта усыпальница, скорее, похожа на вокзал. — Были в Мраморном у Мама; ей немного лучше. Наскоро позавтракали и на 1 часовой поезд поспели...

14 мая в вагоне
дорогой в Варшаву

Пятница. 12 мая.

Меня огорчили известия из Полоцка. Кадеты, особенно выпускные, в том числе вице-фельдфебель и некоторые вице-унт.-офицеры непозволительно распухшими; неповиновение, дерзости старшим, самовольные отлучки — обыкновенное дело. 4-го человек 15 ушло без спросу гулять, встретили воспитателя, и один из кадет, швырнув камнем, сильно поранил ему голову. — Один выпускной, Важинский, за крупные дерзости воспитателю, отправленный директором к матери, пришел ко мне и, с развязной откровенностью рассказав о своем поступке, просил допустить к продолжению экзаменов. Отказал...

Суббота. 13.

...В 6 ч. у старших мальчиков был экзамен по закону Божию — последний. Он происходил в ковровой комнате (подле кабинета Павла I), где 30 лет назад экзаменовали меня из гардемарин в офицеры. И. и Г.¹ отвечали прекрасно, на 12.

Стрельна. 1 июня.

Среда. 31 мая.

День теплый. Газеты приводят в ужас, негодование и омерзение; по всей России политические убийства, грабежи с захватом денег на цели революции, взрывы бомб, бесчинства. В Думе процветает та же революция и не слышно ни одного разумного слова.

...Татьяна Васильевна спустилась вместе с Татианой в сад, в палатку, рассчитывая, что, как в прошлые годы, будет со мной и детьми пить утренний кофе. Но еще с последней зимы, в Павловске, я завел, чтобы дети пили кофе у меня без Т. В. и воспитателей. Я так мало имею времени для детей, что хочу хотя бы утренний кофе пить с ними без окружающих и намерен и впредь так продолжать. — Лакей Бегайкин доложил Т. В., что ей придется кушать одной. Об этом я ничего не знал. Т. В. очень оби-

¹ Иоанчик и Гаврилушка.

делась и вознегодовала. У ней на днях вечером был неприятный разговор с женой, который она мне передала, и я тут узнал о происшедшем. — Вечером был и у меня разговор с Т. В. Я сам его начал, прося извинение за неловкость, допущенную Бегайкиным. Но мне кажется, Т. В. лучше бы сделала, если б не спускалась к нашему кофе, не уверенная, приглашена ли она. Разговор был неприятный. Я настаивал на том, что имею же право желать видеться иногда с детьми без окружающих. Татиана была уже в постели; догадываясь, что у нас неприятный разговор, она плакала. Жена должна была ее утешать.

Пишу в Стрельне 4-го.

Суббота. 3 июня.

После кофе с детьми под арками, где к нашей трапезе слетается много голубей и воробьев и клюют бросаемый им хлеб, ходил по террасе и читал «Нов. Время». Это чтение вызывает раздражение, уныние и томление духа. Положение России становится, кажется, все хуже. Г. Дума не только не вносит примирения, но прямо толкает к революции. Гадко и противно читать речи, произносимые в Таврическом дворце: сколько лжи, искажения действительности, самого недобросовестного отношения к своим нравственным обязанностям.

Пишу в день ангела Игоря.

Воскресенье. 14 июня.

Опять читал «Нов. Время», гуляя по террасе, и опять негодовал и возмущался наглости речей в Г. Думе... Был в Благодетельном семействе. Павел Егорович, к опытности которого все мы прибегали, желая получить верную оценку переживаемых событий, думает, что современное настроение Г. Думы должно привести к кровопролитию большему происходившего в Москве в декабре 905 года, а потом, когда восстание будет подавлено военной силою, наступит успокоение. Забастовали в Петербурге и окрестностях пекари. Мы в Стрельне получили хлеб и булки в придворной пекарне...

Воскресенье. 11.

...Ко мне явился Преображенский капитан Старицкий. По лицу его и слезам в голосе угадал, что случилось что-то недоброе. Повел его в сад и там услышал от Михаила Ивановича, что еще перед выступлением Преображенцев в Петергоф, куда полк был наряжен на неделю на смену Измайловцам для усиления гарнизона, в Красносельском лагере было замечено в 1-м батальоне брожение; раздавались крики: «На родину», как бывает перед увольнением запасных; кричали также: «Не пойдем в Петергоф» или «Велят стрелять — не будем», выражалось неудовольствие, что ведут, а не везут. Тем не менее до Петергофа дошли благополучно и расположились нечетные батальоны в казармах Лейб-Уланских, а четные в Конно-Гренадерских.

*Пишу в Сретенье
15 июля утром.*

Старицкий дежурил по полку с 10-го на 11-е. Люди 1-го батальона, кроме 4-й роты, которою командует Старицкий, собрались на род митинга на одном из дворов. Старицкому удалось проникнуть к ним через запертые ворота, когда их отперли, пропуская конного ординарца. Люди встретили его враждебно, слышались угрозы и ругательства. Извещенный об этом командир полка Газон сообщил по телефону о случившемся начальнику дивизии (бывшему командиру полка) Озерову. Тот побывал у главнокомандующего и получил указание постараться успокоить людей; к резким насильственным мерам не решились прибегнуть, по словам Старицкого, опасаясь, что и в других гвардейских полках такое же брожение.

Озеров прибыл в 1-й батальон один и говорил с солдатами без офицеров. Они предъявили ему «требования», изложенные письменно в 18 или 19 пунктах. Хотя он и заявил, что требовать они права не имеют, а могут только просить, но вступил с ними в обсуждение пунктов. Они и возмутительны и нелепы: не отдавать честь офицерам, право ездить в отпуск по даровым билетам, право собирать митинги, право иметь представителей в Гос. Думе, не есть гороха, возвращение и восстановление в званиях, а

также безнаказанность нижн. чинов Преображенцев (11 челов.) в политической пропаганде. Озеров долго обсуждал с солдатами эти требования. Под конец они успокоились, даже просили позволения спеть народный гимн и, несмотря на одного унт.-офицера 3 роты, который пытался их отговорить, подняли Озерова на «ура» и вынесли на руках... — Среди Преображенцев — бунт... Какой ужас! Прав Старицкий, что пропал Преображенский полк. Я плакал слезами стыда и глубокого горя. — Жене и детям не сказал причины приезда Старицкого. Когда они пошли спать, побежал к Мите и ему с Короченцовым передал содержание сообщений Старицкого, связав их предварительно словом, что они этого не разболтают. Но нельзя было не предвидеть, что молва пойдет сама собою.

Понедельник. 12 июня.

...Митя ездил обедать с мальчиками в Красное. Дорогой туда он встретил Николашу в тройке и за ним полки Лейб-Уланский, Лейб-Гренадерский и Л.-Гв. Стрелковый (командир — бывший Преображенец Бакулин), шедших из Красного в Петергоф «усмирять Преображенцев»...

Пятница. 16 июня.

Вышел приказ о переименовании 1-го батальона Л.-Гв. Преображенского полка в Особый пехотный батальон с лишением его прав гвардии... Что за горе! Что за срам! Знаю от Редигера, что Государь имел намерение раскассировать батальон; но Военный министр основательно указал на то, что если люди батальона заражены преступными идеями, то опасно переводить их в другие воинские части, которым в свою очередь было бы обидно принять к себе мятежников. Редигер предложил ссылку батальона в полном его составе в Медведь, где будет производиться судебное следствие, и меру, объявленную в приказе. Государь ее одобрил.

Пишу 18-го.

...Пригласил к завтраку флиг.-адъют. полковн. Комарова, Преображенца и командира Сводно-гвардейского батальона. Хотелось поговорить с кем-нибудь из однопол-

чан о последних, для полка столь тяжелых событиях. Комаров накануне побывал в полку. Он слышал, что, кажется, в ночь на 16 июня приходил в лагерь полка какой-то «вольный» и спрашивал унт.-офицера 3-й роты, того самого, который был задержан в Петергофе. Очевидно, пришедший еще не знал, что 1-й батальон, обезоруженный, под конвоем роты л.-гв. Финляндского полка, уже отбыл в с. Медведь, Новгородск. губ. В палаточном лагере 1-го батальона разместили учебную команду. Дневальный, догадавшись, в чем дело, сказал «вольному», что унт.-офицер 3-й роты дома и впустил пришедшего в одну из палаток; а там созвал солдат, которые схватили пришедшего, пытавшегося было сбежать. При нем были прокламации, как возмутительного свойства, так, для отвода глаз, и законного, а кроме того, список нескольких солдат различных гвардейских полков и записка за подписью члена Гос. Думы Аладына; другую записку пришедший успел проглотить.

Обед у Государя в его приморском доме. Ни слова о событиях среди Преображенцев.

Мраморный.

Вторник. 20.

Когда мы с Олей и женой сели завтракать в нашей столовой, Оле доложили о молоденьком лейтенанте Гаршине (племянник писателя), сильно раненном в Порт-Артуре. Я ему говорил «ты», т. к. до поступления в Морской корпус он в 1900 г., когда я уже был назначен Гл. Начальником, воспитывался в 1-м кадетском. Зимой его лечили у Оли в госпитале в Пирее.

Пишу в Стрельне 22 июня

Костя Зеленой, флигель-адъютант Преображенцев, передал мне, что Гадону¹ предложено подать в отставку. Странно это; когда он был у Государя для доклада о печальных обстоятельствах и просил об отчислении от командования полком и предании суду, Государь его

¹ Командир лейб-гвардии Преображенского полка, Свиты Его Величества генерал-майор.

отставки не принял, утешал его, целовал и даже перекрестил... Гулял в Летнем саду, встретил там Навроцкого, бывшего Преображенца, ходили вместе. С женой и Олей приняли князя Андронникова; он всё видит в черном свете, полагая, что революция идет быстрыми шагами и что в августе династию выгонят вон, если не хуже. Настаивает, что кому-нибудь из нас надо известить Государя о грозящей опасности.

Но разве это поможет?

Пятница. 23 июня.

И вот пролетело 20 лет со дня рождения нашего Иоанчика. Милый юноша, совсем еще мальчик, благочестивый, любящий, вежливый, скромный, немного разиня, не обладающий даром слова, не сообразительный; но вовсе не глупый и бесконечно добрый. — Мы подарили ему с женой наши портреты масляными красками работы Леонтовского, довольно удачные. Пригласили всех, имеющих отношение к Иоанчику, домашних воспитателей, докторов и т. д. Но все были запросто, в кителях. За обедней в домово́й церкви служил большедворский протоиакон Громов. Завтракали под арками со стороны террасы; нас было человек 30. — Приехал и начальник Никол. кавалеров Де-Витт и произвел Иоанчика в младшие портупей-юнкера, погоны и темляк выдала мальчику Оля. В 4 ч. она уехала. А мы всем нашим маленьким обществом отправились в лес направо от Красносельского шоссе, за «Четырьмя двориками», дамы в экипажах, а мы все и Татяна на велосипедах. В лесу пили чай и шоколад.

Вечером довольно много подвинул разбор стихотворений Аркадия Семенова.

В Стрельне, в Петров день

Среда. 28 июня.

...В обществе много говорят о решительной невозможности правительству, т. е. кабинету Горемыкина работать с данным составом Г. Думы. Поговаривают о желательности составить новое министерство из умеренных, но более приятных Думе, чем нынешнее министерство. — Часто

слышно, что мы быстрыми и широкими шагами приближаемся к какому-то страшному бедствию, тем более грозному, что оно неведомо. Будет ли это гибель Царствующего Дома, междоусобная война, кровопролитие?

Люди положительные, монархического направления жаждут разгона Г. Думы, диктатуры, крутых мер, казней, насилия, террора в ответ на террор. Другие, и я к ним присоединяюсь, полагают, что Думу лучше не трогать и дать ей самой провалиться в обществ. мнении. — Злоба накапливается, когда слышишь и читаешь о действиях мерзавцев в роде Аладьина, Седельникова — представителей крайней левой в Думе. Возмутительно, что они считаются неуживимыми...

Стрельна. Пишу 30 июня.

Петров день.

Вернувшись в Стрельну, застал у себя Риттиха уже в форме Пажеского корпуса. На будущей неделе, пользуясь тем, что еще не вступал в должность инспектора, он поедет со мною из Москвы в Орел, Киев и Елизаветград. — Приходил ко мне кадет VII класса Герберт Вульфийус, просил разрешения о переэкзаменовке. — Купался с 5-ю мальчиками. Старшие двое после ужина уехали верхом в Красное. — Ика Клейн заявила жене, что силы ей изменяют и что она не может более оставаться у нас няней; просит к зиме найти ей заместительницу. Это очень жалко и совсем не легко.

Пишу 1 июля.

Пятница. 30 июня.

Опять недоволен собой, нечистые мысли вот уже месяц снова одолевают. Спокойное, в мире с совестью расположение духа, продолжавшееся с декабря по май, когда я испытывал, конечно, уже не в первый раз и только временно, какое-то духовное перерождение, сменилось состоянием, в котором удаляешься от Бога, падаешь и не хочешь подняться...

Москва. В Николаевском дворце 5 июля.

Вторник. 4 июля.

Прибыв в Москву, поехали Оля со мной, а жена с Татианой и Христофором к Тверской в Кремль, в Николаевский дворец, где Элла нас приютила. По городу расставлены городовые, из которых многие стоят с винтовками. В Кремле наружные часовые чести не отдают, т. к. винтовки у них заряжены. К погребению Сергея прибыли Алексей и Борис. Элла водила нас в Андреевскую церковь Чудова монастыря ко гробу Сергея, а потом во вновь освященную церковь во имя препод. Сергия, расположенную над Алексеевской. Она устроена под высоким синим, с золотыми и разноцветными звездами сводом, склон которого начинается немного выше старого, с красноватой каймой мраморного пола. Иконостас весь из чисто белого мрамора исполнен по рисункам Павла Жуковского в византийском стиле и напоминает San Miniato близ Флоренции. По стенам тянется кайма синего цвета по золоту с белыми и малиновыми обрамлениями. В северной стене полукруглая выемка под пологим золотым мозаичным полусводом; под ним приготовлена могила Сергею, а рядом Элла устроила место и для себя. Эта церковь бесподобно хороша; в ней таинственно-укромно. Освящение ее состоялось рано утром перед нашим приездом, и Элла с Марией причастились за первой обедней. — Днем ходил с Олей, Татианой, Марией и Христо в Архангельский собор, в Кремлевский дворец, в Грановитую палату и в терема. — Вызывал начальника Александровского училища Ферсмана и просил его приютить меня в лагере училища на две ночи. Узнал от него, что настроение юнкеров если не тревожное, то повышенное и что всегда можно ожидать брожения и нарушения дисциплины.

Всенощная в Андреевской церкви, после чего мы подняли гроб Сергея и понесли его к месту вечного упокоения; по пути около мощей святит. Алексея отслужили литию. Потом по парадной лестнице Николаевского дворца и по площади внесли гроб в ворота Чудова монастыря и из-под них направо в новую церковь и опустили в могилу.

*Пишу 5 июля в лагере
Александровского военного
училища на Ходынском поле,
близ Всесвятской роуи.*

Среда. 5 июля.

Мы с женой спали в комнате Е. Ф. Джунковской, воспитательницы Марии. В старину это была спальня моей бабушки Александры Федоровны. Нам уже приходилось спать в этой опочивальне, когда мы приезжали на юбилей Александровского училища в декабре 1901 года. Татяна спала вместе с Олей в спальне Марии, которая перебралась в уборную Эллы.

В 10 — обедня в новой Сергиевской церкви. За завтраком много народу. В 3-м часу Оля, жена, Татяна и Христофор уехали с Эллой в Ильинское, откуда жена с Татяной должны были вечером ехать на ст. Химки, чтобы вернуться в Петербург... А за мною приехал Риттих, с которым собираюсь провести два дня в Ходынском «лагере», чтобы побыть в училищах и съездить в Орел, Киев и Елизаветград... У Петровского дворца, где сворачивают в поле, поджидали меня верхом три юнкера-Александровца (Любинский, Спрадский и Альбанович), конные ординарцы, и проводили до лагеря училища... Отпустив начальство, зашел в один из барачков и говорил со вновь поступившими. Сходил с визитом к Гершельману. Вернувшись в училище, зашел в лазарет и продолжал говорить с юнкерами. Видел их в столовой. Нашел немало знакомых. Обедал у офицеров и опять говорил с новичками. Эти беседы я так люблю; болтаю с ними как с детьми, ласкаю, бранюсь, высмеиваю, и никогда они не обижаются. — Поместили меня в барачке батальонного командира.

*В вагоне между Орлом и
Киевом, на ст. Конотоп,
Черниговск. губ., 9 июля.*

Суббота. 8 июля.

В ночь на 8-е прибыли в Орел. Оставался в вагоне, старом знакомом, Сибирской ж. д., в котором разъезжаю по России с 1900 года. Праздник моего Тифлисского полка, и я был рад быть в его форме; у меня с собою только китель,

не взял даже и орденов... Рыков, директор, в отпуск и приехал из ст. Чернь только к моему посещению. — Познакомился с молодыми воспитателями, недавно поступившими Остоцким, Офросимовым 2 и Левитским; все трое обещают стать хорошими воспитателями. — Один из самых маленьких кадетиков — Воля (Всеволод) Веселаго — сын воспитателя корпуса, славный шустрый мальчуган. Самый крохотный, перешедший во II класс Толя (Анатолий) Горохов — я прозвал его «горошком» — совсем маленьким лишился матери и теперь у него злая мачеха, а отец живет в Орле. Мальчик умеет сигнализировать двумя красными флагами. — Был в лагере и Коля Хомический, с которым год назад мы ехали от Орла до ст. Знаменки. Я его не узнал — так он вырос и возмужал...

*12 июля в вагоне,
Киев — Елизаветград*

Воскресенье. 9 июля.

...Весело забилося сердце при виде выстроенных на передней линейке дорогих моих юнкеров в белых рубашках с голубыми, обшитыми серебряным галуном погонями и в фуражках с красными околышами и козырьками. Юнкерская музыка играла марш. Пошел вдоль фронта. На левом фланге, когда молодежь распустили, перекинулся несколькими словами с офицерами. Тут подъехал Сухомлинов. От него узнали радостную весть, что Государь распустил Г. Думу и что Столыпин назначен первым министром с оставлением министром Вн. Дел. От Риттиха слышал потом, что при этом известии многие юнкера крестились. Из учтивости беседовал с Сухомлиновым, но так меня и тянуло к моим юнкерам. Команд. войсками — спасибо ему — задержал меня очень недолго; вошел в толпу юнкеров, и пошли расспросы — кто такой, откуда, или — если попадалось знакомое лицо — называл фамилию и из какого корпуса, а то старался фамилию припомнить. Одним из первых попался на глаза юнк. Плятт; помню, как в прошлом году, еще студентом Киевского политехникума, он приходил в Осташево проситься в училище, я принял его в сумерки, в саду и, помню, как наш... Его-

рушка Феоктистов наблюдал за ним в стеклянную дверь, опасаясь, как бы студент — а следовательно, человек не безопасный, не вздумал посягнуть на мою жизнь. Плятту разрешили поступить, несмотря на то, что он женат...

Кадет, как в старшем классе, так и новичков, немало, но все же менее половины всего состава; бывших студентов, гимназистов и реалистов все же больше, чем кадет, и последние, к сожалению, учатся хуже первых, да оно и неудивительно: со стороны берут только с лучшими свидетельствами, а кадеты поступают в пехотные училища из числа худших по успехам... Многие фамилии были мне знакомы, помнил и лица некоторых, а иных очень, очень радовался снова повидать; например, Симбирца Колосова и реалиста из Костромы Федора Прокофьева из крестьян, который много раз приходил ко мне прошлой осенью, такой бедный и жалкий, и умолял принять его, т. к. ему некуда было деваться.

Понедельник. 10 июля.

...Обед и ужин с офицерами. Опасались, не вызовет ли роспуск Г. Думы волнений и беспорядков, но, к счастью, везде тихо и спокойно. Вечером был юнкерский концерт под навесом столовой. Отличались тенор Бойко, нигде не учившийся пению, но обладающий прелестным, задушевым и от природы хорошо поставленным голосом и вкусом. Хорошо играл на виолончели толстяк Островершенко, очень хорошо мелодекламировал Карсун.

*В вагоне, Елизаветград —
Петербург 14 июля.*

*Лагерь Киевского
училища.*

Уже собирался лечь спать, когда Ритгих пришел сказать мне, что от Данкварта и нескольких юнкеров он слышал о существовании в училище некоторого числа молодых людей, преимущественно из студентов, зараженных вредными учениями и старающихся распространить их среди товарищей. Самым вредным из них считают Ано-

сова (старш. класса). Эти юнкера тайком собираются на сходки в роще за инспекторской дачей и читают незаконные книжки, Аносов позволяет себе оскорбительные речи о Государе... Решил, что надо предупредить Коссовича (начальник Киевского училища, Георгиевский кавалер Лев Игнатович Коссович. — Э. М.) и поговорить с твердым в своих верноподданных убеждениях юнкером (тоже из студентов) Сорокиным, и это удалось мне на другое утро.

Лагерь Киевского училища.

Вторник. 11 июля.

Настало время прощаться. Перед тем как сесть в коляску, вошел в середину толпы юнкеров и сказал несколько слов о важности верного служения нашему воинскому долгу, о непринадлежности ни к каким партиям и верности святым понятиям — Бог, Царь и Родина, без которых нельзя быть истинным воином...

Стрельна. 20 июня.

...Митя передавал, что Г. Дума была распущена ввиду добытых правительством сведений, что в ней составилась заговор, имевший целью овладеть всеми банками. Опасались больших беспорядков, в Петербург было стянуто очень много войск. Но общественное спокойствие почти не нарушалось. Если правительство заберет в руки твердую власть и не будет бездействовать, революцию удастся подавить...

Петербург.

Воскресенье. 30.

Мы взволновались с Митей, когда после завтрака у Их Величеств на ферме (по случаю рождения Цесаревича была обедня в Александрийской церкви) Николаша передал, что Государь зовет нас к себе. В приморском дворце были кроме нас Владимир, Николаша и Петюша. Государь позвал нас в кабинет и сказал, что аграрное движение, охватившее всю Россию, побуждает его подумать о том,

что Царствующему Дому следует стать во главе уступок земли неимущим крестьянам, уступок предполагаемых и в Госуд. имуществам и в кабинетских владениях и в насильственном отчуждении частновладельческих земель, решаясь на продажу крестьянам 1 800 000 десятин Удельной земли, состоящей у крестьян в аренде. Николаша и Петюша поддакивали. Владимир горячо ополчился на это предположение, говоря, что если надо принести жертву, то следует зрело обдумать, насколько она будет целесообразна и кого удовлетворит; что если эта мера является только уступкой дерзким заявлениям, высказанным в бывшей Г. Думе, то следует помнить, что уступки никого не удовлетворяют; что мы видели за последний год, к чему привели уступки и что если на требование отдать руку... то доберутся и до головы. Кроме того, Владимир указал, что мы, члены Царств. Дома, здесь далеко не все в сборе и что такой важный вопрос нельзя решать, не спросив всех членов семьи, из которых иные совершеннолетние и имеют совершеннолетних сыновей. Государь согласился на заявление Владимира потребовать положительных указаний о числе лиц, которые воспользовались бы предполагаемой продажей Удельных земель.

В Стрельне 4 августа.

Четверг. 3 августа.

...Ко мне являлся новый командующий Преображенским полком полковн. В. М. Драгомиров и понравился мне, у него простое, но доброе, открытое лицо и смотрит прямо в глаза. Слышал от него, что он умолял Государя еще в половине июля не восстанавливать 1-го батальона переводом в полк людей чужих полков, хотя бы Георгиевских кавалеров, а воссоздать его, воспользовавшись солдатами батальона, не бывшими в Петергофе и, след., не принимавшими участия в беспорядках; а кроме того, перевести из каждой роты полка, начиная с 5-й по взводу, и эту сборную, но все же Преображенскую часть наименовать 1-м батальоном. Государь ответил, что, прибыв в Красное, переговорит об этом с Главнокомандующим. Но до сих пор окончательное решение неизвестно.

На параде в Красном Государь, здороваясь, сказал не «Здорово, братцы», как бывало, а «Здорово, Преображенцы». — Он не будет на полковом празднике.

Пишу в Мраморном вечере.

Суббота. 3 августа.

Спросил Государя, ехать ли мне на другой день к Преображенцам на церковный парад и если ехать, то как быть: парад должен был принять командующий дивизией; я бы его стеснил, а принять парад сам могу лишь по указанию свыше. Царь сказал, чтобы я пропустил этот праздник и совсем не ездил бы в полк. На него гnevаются: Царь, а также Николаша и Петюша были не в Преображенских мундирах. Слышал от Комарова, что после отбоя, на последнем маневре Государь, проезжая мимо воинских частей, благодарил полки, расположенные по обе стороны дороги, а мимо Преображенцев проехал молча. Командующий полком спрашивал Фредерикса, ехать ли 6-го к Государю с поздравлениями и к Государыне с букетом? Министр Двора передал этот вопрос Николаше, и Драгомирову было сказано — не ездить. — Мне кажется — пересаливают; покарали I батальон, ну и довольно; а теперь это уже добивают. Грустно.

Среда. 9.

Митя, Николаша, Петюша, Николай, Георгий и Сергей, а также Владимир с сыновьями Борисом и Андреем и я были позваны к Государю в фермерский дворец на совещание. Были там еще министры Вн. Дел Столыпин, финансов — Коковцов, земледелия — Кн. Васильчиков, Двора — Барон Фредерикс и начальник Управления уделов Кн. Кочубей. Обсуждался вопрос, по которому Государь созывал нас 30 июля. Николай предложил ввиду политической необходимости пойти навстречу безземельным крестьянам, не продавать арендованной земли, а пожертвовать ею. Но, вникнув в это предложение, пришли к заключению, что жертва будет настолько ощутительна для некоторых членов семьи и что потеря доходов настолько сократит наше содержание, что жертвовать невозможно. Решили все-таки землю продавать.

Четверг. 10 августа.

Мне минуло 48 лет. Молодость уходит. Холодная погода. Обедня дома, запросто.

Стрельна. 13 августа.

Суббота. 12.

Причащались в монастыре. Архимандрит Михаил сам вызвался служить в трапезной церкви, соборне. Опять примирился с совестью, сильно загрязнившейся за это лето. — В Петербурге провалился Ново-Михайловский мост через Мойку. Хороши думские порядки! Грабежи и убийства по всей России продолжают, грабители и убийцы большей частью благополучно скрываются.

Пишу 15-го.

Понед. 14.

Накануне на Ново-Петергофском вокзале неизвестной женщиной убит командир Л.-гв. Семеновского полка свиты Е. В. генер. Мин. Революционеры этим отомстили за его решительные действия по подавлению восстания в Москве.

Пятница. 18 августа.

...Принял профессора (бывшего в 90-х годах ректором С.-Петербургского университета) В. И. Сергеевича. Он воодушевился моим приглашением прочесть несколько лекций в одном из военных училищ, но хочет подготовиться и начать не ранее половины октября и продлить лекции на полчаса. Быть может, это и удастся. Лекции свои он предполагает разбить на 4 отдела: о законе, о правах монарха, о земельном вопросе и о социалистических учениях, приводя каждый отдел к применению к нашей действительности. — Ему и книги в руки.

Стрельна.

Воскр. 20 августа.

Буря, западный ветер так и ревет. Ходил на пристань смотреть на бушующие волны. Публика стала заметно менее приветлива; многие не кланяются, очевидно намеренно....

Вторник. 22 августа.

...Кончил сонет памяти Глинки, начатый еще в январе.

*Пишу в Павловске
25 августа.*

Четверг. 24.

Митя с пятью мальчиками и Сашенькой в 1/2 8-го утра верхом выехали в Павловск. В начале 9-го я вдвоем с Татианой пил кофе. Прошелся напоследок по саду. В 10 с женой и Татианой поехали в Павловск в ландо. Как ни радовался я переезду в мой милый Павловск, где мы опять хотим перезимовать, Стрельну покинул не без сожаления... Какое наслаждение опять быть в дорогом Павловске! — Круглый зал, что под ротондой, за лето окрасили белым, а вдоль арок пустили узор, как в нижнем кабинете Марии Федоровны. В нашей маленькой столовой постлан серый ковер во всю комнату и устроены занавески к дверям и окнам. — Забежал к Ваве, которая с племянницей Верой Николаевной переехала накануне. Заглянул к Мите и к Сашеньке. У Татианы комната выкрашена в белый цвет. Взял Татиану и с нею прошел в караульный дом, тоже вычищенный и покрашенный. Заступали Императорские стрелки; поболтал с ними. Обошли с Татианой комнаты мальчиков, тоже все заново окрашенные в светлые цвета по их вкусу. — Днем выходил в сад опять с Татианой...

Павловск. 26 августа.

Пятница. 25 августа.

Не нарадуюсь сознанию, что опять живу в Павловске и что, даст Бог, мы проведем здесь всю зиму. — Особенно способствует благодушному настроению мой огромный кабинет, своей величиной, красотой, удобством и уютностью придающий жизни много прелести. — Погода сырая и не теплая... Жена уходит спать в 11-м. Остаюсь один, занимаясь в кабинете до 12, иногда до 1 ч.

*Павловск.**Понед. 28.*

Прочел на днях в фельетоне Меньшикова в «Нов. Времени» о новой книжке сонетов некоего Владимира Жуфа. Приобрел ее. Целых 200 сонетов. Есть очень милые, изящные, образные. Удивляюсь легкости, с какою даются они автору. Каждое путешествие, напр. в Египет, в Палестину, дарит ему целый ряд вдохновений, и он облакает в сонеты один за другим встречаемые на пути предметы. Завидую этой способности так легко и часто вдохновляться. Сколько раз я мечтал таким же образом передать свои путевые впечатления, и все напрасно. Удалась только Венеция, и то давно. Из задуманных образов прошлого, за два года или более, одолел только Суворова и Глинку. Досадная скудость!

Павловск. 30 августа.

Павел Егорович в общем одобрил мой сонет памяти Глинки, но верно заметил, что во 2-м стихе «Сродни их (его песен) звуки русскому душой» надо бы изменить, т. к. эти звуки нам не только сродни, а родные. Теперь обдумываю это место, чтобы его переделать. Павел Егорович нашел еще, что хотя у меня упомянуты главнейшие произведения Глинки, и «Руслан» и «Жизнь за Царя» и отдельно «Славься», можно было бы сказать больше.

Вторник. 29 августа.

...Кончил разбор стихов, присланных мне моим питомцем по Александровскому училищу Котомкиным. Он из крестьян. Теперь, по моему ходатайству, переведен из Усть-Двинского полка в Лапшевский резервный батальон в Казани, на родину.

*Пишу в Павловске 6 сентября.**Четверг. 31 августа.*

С утра и часов до 5^{1/2} все мне мешали выйти на воздух, а погода была чудная. — Слушали лекцию С. Ф. Платонова об Александре I, которого он оценивает почти

исключительно с отрицательной стороны: так, упоминая Елизавету Алексеевну, он называет ее просто женою Александра; не лучше ли было бы называть Императрицей. Будь это кто другой, я бы возмутился; но в устах Сергея Федоровича такие промахи меня огорчили.

С тех пор, как писал в последний раз, успел побывать в Пскове, провести в тамошнем корпусе два дня и вернуться домой...

Кроме часов завтрака, обеда, чая и отдыха в квартире директора, все время оставался в корпусе, то в одной роте, то в другой. Говорил в VII классе о различии между поэтом и стихотворцем; предложил кадетам самим определить в чем разница; кто-то верно ответил, что различие в художественности, без которой стихотворцу не стать поэтом.

Суббота. 2 сентября.

Ходил по классам. Беседовал со старшими кадетами о их ссоре между классами. Главное всему причиной — проклятая политика; в VII классе несколько человек и гораздо большее число в VI-м считаются «красными», т. е. зараженными слишком передовыми взглядами; читающими газеты крайнего направления. Их-то и имел в виду Гурский, когда (во время ссоры между классами. — Э. М.) обозвал их сволочью. Есть деление на «черносотенцев» и «красных». Старался внести успокоение и примирение...

Вторник. 5.

Скромно отпраздновали именины отсутствующей жены. Молебен, завтрак в Греческом зале. Опять прогулка с мальчиками на велосипедах и кофе с творогом на ферме. — Вечером на две ночи приехала Оля. — Получил письмо от Татианы из Hummelshain'a, длинное, обстоятельное, содержательное, остроумное. Очень развилась славная девочка.

Павловск. 8 сентября.

У мальчиков с 8-ми утра начались уроки; они принялись за учебу охотно и весело. — Гулял с Олей, за нами ехала коляска, мы в нее садились, катались, потом снова

шли пешком и опять садились в нее. Любовались Павловском в его чудесном осеннем уборе. — В Петербурге хоронили Трепова (дворцового коменданта). Элла нарочно к похоронам на несколько часов приехала из Ильинского. Ей хотелось видеть Олю, и я с ней поехал в город. Зашли в Публичную библиотеку, где она никогда не бывала. Осмотрели главнейшие сокровища.

Суббота. 9.

Побывал в городе. Заехал помолиться на могиле Папа — (день его рождения). В I-м корпусе знакомился с новичками. — Завтракал с Олей в Мраморном. Был в Общем собрании Академии. Впервые увидел двух новых академиков — Вернадского (минералогия) и Дьяконова (русская история с юридической точки зрения). Заседание кончилось раньше, чем я рассчитывал. Отправился на вокзал пешком. — Всенощная в большой Павловской церкви.

Начал писать приказ по военно-учебным заведениям. Проекты составили мне Бутовский, П. В. Петров и И. П. Книпер; из них и перерабатываю свой приказ о патриотичности воспитания.

Вторник. 12 сентября.

...Палтолик посоветовал посократить мой приказ о патриотичности воспитания и обучения и исключить слова, касающиеся лжеучений и революционной пропаганды. Уже в полночь с жаром принялся за переделки и к 1 ч. ночи кончил.

*Пишу в Павловске
15 сентября.*

Среда. 13.

Узнал от Преображенского капитана Графа Литке — (он был у меня на приеме 12-го), что новый командующий дивизией «свиты» Е. В. генерал Лечицкий, невзлюбив почему-то полк, на смотре учителей молодых солдат только и делал, что бранился, ругаясь самыми непозволи-

тельными словами, вроде: хам, мерзавец, негодяй, сволочь. Он потом (кажется, 11-го числа) вызвал по тревоге весь полк в казармы на Кирочную, объявил, что на его имя прислано безымянное письмо и долго непозволительно ругался; слово «сволочь» почти не сходило с его языка. Между тем письмо было подписано «запасный унтер-офицер», из чего еще не следует, что писал его Преображенец. В заключение он приказал всех нижних чинов полка не увольнять со двора в течение недели. — Драгомиров подал прошение об отставке. И офицеры, и солдаты крайне озлоблены против Лечицкого.

Четверг. 14 сентября.

Обедню отстоял во вновь расписанной и на славу удавшейся церкви Педагогического института... Глядел и не мог наглядеться. Узоры иконостаса, из-под которых отливают всеми цветами и красная, и синяя, и малиновая, и вишневая, и меловая, и голубая, и зеленая фольга; превосходно исполненные по древним образцам иконы и стенная иконопись, эта строгость стиля, гармония очертаний и красок ласково действует на душу.

Суббота. 16.

В Академии читал свой отзыв о стихотворениях сына лесничего А. А. Семенова. Ему решено помочь и деньгами, и книгами.

Павловск.

Воскресенье. 17 сентября.

Татиана вернулась из-за границы счастливая и довольная; ей было там хорошо, но она узнала и тоску по родине.

*Пишу в Павловске
21 сентября.*

Среда. 20.

Хорошо выспался. В свободные минуты сочиняю новое стихотворение. Умывшись и одевшись, выхожу из уборной в кабинет, молюсь Богу на коленях в углу около пись-

менного стола перед иконами, у которых всегда теплится лампадка в виде молящегося херувима, и читаю Апостол и Евангелие дня. Потом покормлю рябиной снегирей и иду к двум младшим детям. Георгий взял меня за руку, просясь к моему кофе. Беру его. В маленькой столовой он усаживается не на стуле рядом, а непременно ко мне на колени, стучит ложечкой по яйцу, чтобы разбить скорлупу, накладывает мне сахару в чашку, наливает в мой кофе сливок и мешает ложечкой. На его долю тоже приходится скромное угощение. Говорит он мало, а если говорит, то все шепотом; это со мной и с детьми. У себя же на детской болтает громко. — Шел дождь. Все утро провел дома. В 10-м часу прибежали дети. Олег именинник, но тем не менее у всех были уроки. Дал Олегу подарки; купил ему накануне полочку красного дерева с акварельным видом Крыма. Пришла Оля, расположилась с книгой в кресле, и мы наслаждались, благодушествовали, пользуясь свободой, тишиной и спокойствием. Перед завтраком молебен в церкви. Завтрак в зале Войны. Днем гулял сперва с Татьяной, потом с ней и Олей, а под конец, когда Татьяна ушла на урок, с одной Олей заходили на дачу бывшую графини Кутайсовой, теперь Шнобеля; думали найти хорошую старинную мебель, но почти ничего порядочного, кроме одного шкапика Jacob, не оказалось. Пили кофе у Вавы. Зашли к двум младшим детям. Георгий опять взял меня за руку и попросился ко мне. При нем разулся в уборной, он взял сапоги и хотел отнести их Мише, но, не найдя его, отдал курьеру, привезшему бумаги из Главного Управления. На мой вопрос, отдал ли он сапоги Мише, маленький пояснил, что его нет, а был солдат.

Ужин в семейном кругу, — за хальмой с детьми. Остаток вечера за фортепиано и письменным столом.

Пятница. 22 сентября.

В 2 часа у меня в столовой собралась Пушкинская комиссия — Граф И. И. Толстой, вице-президент и непременный секретарь Академии наук, Саломон, Исаков, Султанов. Предполагали кроме памятника Пушкина на Петербургской стороне, при съезде с Троицкого моста, направо на набережной выстроить Пушкинский дом для

хранения рукописей и всего относящегося к Пушкину и писателям, появившимся после него. Обсуждали «положения» этого Дома.

Вечером 24-го.

Воскресенье. 24 сентября.

Завели новое знакомство: здесь, в Павловске, более 10 лет живет член Совета и юриконсульт Министерства Путей Сообщения Павел Викторович Деляров, образованный человек, знаток искусства, обладатель собрания картин старинных мастеров и приятный собеседник. Это приятель Киреева, который мне и посоветовал познакомиться. Пригласил его сегодня завтракать. Стол накрыли в первый раз в Ковровой комнате между кабинетом Павла I и залой Войны. Были еще Е. К. Булгакова, Риттих и Петя Дельсаль. Деляров сидел подле Татианы, близко от меня и всех нас очаровал своей беседой. Надо будет чаще видаться.

Приходила сестра Преображенца, графиня Мария Михайловна Лорис-Меликова, просить, чтобы я взял обер-офицером для поручений ее зятя, Преображенца Нолькена. В этом я ей отказал, говоря, что не хочу плодить тунеядцев, хотя и люблю Нолькена, но целый час водил ее по дворцу и показывал наши сокровища.

Петербург.

Понедельник. 25.

В соединенном заседании Отделения русского языка и словесности нас собралось немного: за А. Н. Веселовского, почти умирающего, председательствовал Фортунатов; были еще академики Ламанский, Шахматов, Голубинский и Соболевский и почетные академики Кони, Арсеньев и Вейнберг. Я читал в извлечениях свой длинный отзыв о стихотворениях А. А. Семенова. По-видимому, с моим мнением о поэтических их достоинствах собрание согласилось.

Утром 27-го.

Вторник. 26 сентября.

Все бы хорошо, если б быть в ладу с совестью. Но отговев немного более месяца назад, опять уступил и нехорошим мыслям и минутной слабости. С годами все мучитель-

нее сознаю раздвоение своей природы и мгновенные переходы от добра ко злу и обратно — Господи, помоги!.. Но не кощунственна ли такая молитва? Ведь нельзя же не признать глубокой правды в словах «На Бога надейся, но сам не плошай», словах, в которых сказала народная мудрость. Знаю, что не годится уповать на одну Божию помощь, не идя ей навстречу упорной борьбой с самим собой, со своими слабостями, со злом, так же как нельзя рассчитывать только на свои силы без помощи свыше...

В Павловске 29 сентября.

Среда. 27.

Стоит благодатная осень. Мой кабинет становится все уютнее и красивее, устроил поуютнее оба угла по сторонам большой зеркальной двери, ведущей в старую биллиардную, где потом был кабинет Папа, в котором он и скончался, а теперь живут Георгий и Вера. На днях один немецкий ученый, кажется из Марбурга, пишет мне, прося сообщить, не имеется ли среди неизданных рукописей Лафатера (?), принадлежащих здешней дворцовой библиотеке, чего-нибудь, касающегося Гете и его друзей. Мы достали эти рукописи. Их — четыре тома в красных сафьяновых переплетах. Это акварельные рисунки всевозможных типов, тончайше миниатюрной работы с подписями рукой Лафатера. Собраны они по приказанию моей прабабки Марии Федоровны в 1796 г. Аделунгом.

Пятница. 20 октября.

В Медведе окончился суд над нижними чинами бывшего 1-го батальона. Во время суда прибыл адъютант Главнокомандующего с инструкцией раздуть дело, чтобы оправдать целесообразность уже принятых мер. Если так, то это чудовищно. И точно, прокурор, обвинивший только за *неповиновение*, сразу перескочил к обвинению в *явном восстании*. Пятеро приговорены к каторге. А Совет рабочих депутатов одновременно приговорен к лишению прав и ссылке на поселение. Каково соответствие!

Павловск. 25 октября.

Вторник. 24.

Вчера в «Нов. Времени» появилась статья «Слово правды», в которой Эль-Эс (капитан Соловьев, бывший мл. офицер Киевского в. училища, раненный в действующей армии и теперь прикомандированный на полгода к моему Главному Управлению) описывает печальные события за минувший июнь м-ц в Преображенском полку и суд в с. Медведь, при котором он, Соловьев, присутствовал с начала до конца. По прочтении этой статьи в сознании ясно обозначается истинное значение события. Нельзя не признать, что зачинщики, виновные в подстрекательстве к неповиновению, отнюдь не виновны в Государственном преступлении. Ничего политического в этом деле не было. Между тем военный прокурор Шебеко, несомненно под давлением высшего гвардейского начальства, перескочил от обвинения в неповиновении к пристрастному усмотрению в этом простом дисциплинарном проступке явного восстания. Следствием этого 5 человек приговорены к каторге. — Тоска берет, когда подумаешь об этом.

Пишу в 9-м часу утра
31 октября в Павловске.

Воскресенье. 29 октября.

Отстояв обедню в Мраморном, услышал от Мити, а потом от Павла Егорыча, что Николаша был вне себя, прочтя в «Нов. Времени» от 24 октября статью Соловьева; наведя справки и узнав, что его прикомандируют к моему Главному Управлению, Николаша будто бы выразился, что всякие поблажки и либерализм исходят от меня. Он заявил Военному Министру, что Соловьев должен быть или предан суду, или исключен из службы. Эти сведения получены от кн. Андронникова, который побывал у Редигера.

Понедельник. 30.

Ночью спал тревожно; сквозь сон беспокоила меня мысль о необходимости написать Государю, послать ему статью Соловьева, просить о смягчении участи Пре-

ображенцев, подвергнувшихся не в меру жестокому приговору суда. Но колеблюсь и малодушно не могу решиться.

*Павловск, 9-й час утра
1 ноября.*

В понедельник, войдя в кабинет, я увидел окрестность в полном зимнем уборе; за сутки выпало много снега; им густо облепило кусты и деревья и застлало землю. Картина чудесная. И здесь, и даже в городе сразу установился санный путь. И теплее, и уютнее, и бесшумнее, и веселее на полозьях, чем на колесах.

*Пишу в Павловске
3 ноября.*

Среда. 1 ноября.

В соединенном заседании Отделения русского языка и словесности и Разряда изящной словесности А. Ф. Кони читал подписанное им, а также Арсеньевым и Вейнбергом представление в Почетные академики Нестора Котляревского.

В Павловске 7 ноября.

Пятница. 3.

За обедом С. Ф. Платонов, к общему нашему ужасу, рассказывал о возмутительных, царящих в Петербургском университете порядках, ссылаясь на одного из своих коллег-профессоров. Платонов привел его сравнение университета с общественной грелкой: всякий, кому вздумается, прямо с улицы идет туда, как бы ни был одет; в коридорах, даже в аудиториях ходят в шапках и курят, и никто с этим безобразием не может справиться.

Суббота. 4.

Прослушал вторую лекцию генерала Бородкина в Пажеском корпусе; она была лучше первой, и конец звучал одушевленное начало. Излагались сходство и различие французской революции с тем, что происходит у нас за последние 2 года.

*В зале Войны.**Воскресенье. 24 декабря.*

...Писал на карточках поздравление к празднику. У Мити и Иоанчика инфлюэнца, их не выпускали из их комнат, так что они не могли быть на елке. Днем, увидав в окно, что Государевых стрелков пришли сменить Императорские, переоделся в строевую форму и в ней ходил с Гаврилушкой, Татианой, Костей и Игорем. Олег заканчивал свой подарок Государю — деревянный столик, на полках которого срисовал акварелью Вещего Олега по Васнецову. Вышло очень хорошо. Мы ходили по лавкам за последними покупками; были в аптекарском магазине, в колониальном у Соколова и в немецкой булочной. У Соколова купил забавную бонбоньерку в виде жестяной деревянной будки; на передней стороне изображен часовой, держащий ружье у ноги, если подавить незаметную пружину, эта сторона открывается и на обороте появляется часовой с ружьем «на плечо». Эту коробку с леденцами, вернувшись домой и зайдя в караульный дом, я отдал тому из стрелков, который сумел ее открыть, с тем, чтобы он разделил леденцы между товарищами. — Около 4-х в моем кабинете зажгли свечи на крохотной елочке для Веры; она во все глаза и, раскрыв беззубый ротик, уставилась на огоньки. В 4 началась всенощная, к концу которой в церковь привели Георгия. После службы все собрались в тускло освещенной комнате Павла I, младшие дети держали шест с рождественской звездой, и мы славил Христа, повернувшись к образу. Я зазвонил в колокольчик, раскрылись двери, и через ковровую комнату все побежали в залу Войны, где направо у окна сияла огнями большая, до самого потолка пышная елка, вся увешанная стекляшками вместо ледяных сосулек, усыпанная ватой вместо снега и точно облитая золотым и серебряным дождем, под которым блестели золотые и серебряные орехи. По стенам, на столах были разложены подарки. Потом ходили к Иоанчику. Он был заперт в спальне, а в кабинете мы засветили маленькую елочку, спели молитвы, и по моему звонку Иоанчик вышел к нам и получил подарки. То же самое сделали у Мити. Ужинали в Ковровой: в открытую дверь была видна елка. Все были веселы и довольны. К вечеру порядочно устал.

Воскресенье. 31.

...Один Гаврилушка еще сидит у меня и читает «Анну Каренину». Вот наступает скоро и Новый год. Будет ли он счастливым для бедной России. Буду ли я лучше?

Благослови, Господи.

1/I — 31/XII — 1910

Серп нового месяца, вечерняя звезда и белый снег в Осташево на Рузе. «Царь Иудейский» — первые строфы евангельской поэмы. Коллекции Бахрушина. Храм в память моряков, погибших в войне с Японией. Борьба с собственной духовной мерзостью. Слухи о юродивом Григории, введенном к Императрице. Опера Кюи «Анжелло». Императрица-Мать вернулась из Дании. На древнем камне из-под Керчи — древние стихи. Маленькая винтовка для Царевича. Шесть лет царь не посещал в.-у. заведения. У Императрицы — неврастения. Доклад Царю о детях К. Р. Эмир Бухарский, царь и царица Болгарские в России. Красивый бал у Раевской. Образчик развязности барышень. Назначение К. Р. генерал-инспектором военно-учебных заведений. Сербский наследник ищет невесту в семье Великого Князя Константина. Николаю II нравятся исторические спектакли. Преображенцы ставят памятник Петру Великому. Парадный завтрак в Царском Селе. Царь не доверяет Гучкову. Хор певчих в ресторане Крынкина на Воробьевых горах исполняет «Умер бедняга». Мальцевские магазины, товары у Мюра и Мерилиза, фарфор братьев Корниловых. Элегия «Осташево». История любви любимой дочери К. Р. Татьяны. Гибель летчика Мацевского. Гост за Эстляндское дворянство. Гуляние в Ревеле в честь единения с великой Российской державой. Статья «Недоверие к солдату» послана Царю. Врач Биртенсон передает К. Р. подаренное ему дочерью Пушкина письмо поэта к Н. Н. Гончаровой. Бунин, его стихи и рассказы, «граничащие с порнографией». Сладкий пирог для сына. Подлинное письмо Лермонтова к Марии Лопухиной. К. Р. составляет завещание. К. Р. не считает себя собственником Павловских сокровищ.

1910 год — благоприятен для творчества К. Р.

Осташево.

*Пятница. 1 января.
1910.*

За ночь немного подморозило. Весь день сыпались поздравительные телеграммы; это единственное темное пятно, а то жизнь здесь, среди тишины — наслаждение. Обедню стояли — мальчишки на клиросе, а я в алтаре... Попытаюсь приступить сегодня к давно задуманной евангельской поэме.

Осташево. 3 января.

Суббота. 2.

В первые два дня наступившего года подвинул немного «Царя Иудейского». Но очень опасаясь, что это будет слабое, неудачное произведение... Ходили на лыжах. И что был за вечер: на бледно-голубом небе сиял узкий серп нового месяца и горела вечерняя звезда. А внизу везде белый, белый снег.

Вторник. 5.

Последний вечер в дорогом Осташеве! Сегодня опять оттепель, с утра мело. Мы проспали, и, когда после кофе вышли из дому в церковь, нам навстречу шел народ с кувшинчиками со св. водой: служба уже отошла. Позднее батюшка приходил кропить наш дом. К обеду пригласили женщину-врача здешней земской больницы Дору Семеновну. По фамилии ее никто не называет. Днем показывалось солнце, в 4 часу оно уже было на закате, и с реки было видно, как отливали золотом окна нашего дома. Между облаков кое-где проглядывало бледно-голубое небо, а снег ослепительно белый. Так красиво! После чая, когда уже темнело, прокатился с Татианой в Колышкино в одиночных санях на коне Артиллерист, а за кучера был Игорь. Он здесь ведает конюшенной частью. Молодой месяц светил с неба, и мы отбрасывали легкую тень на снег. Вечером молодежь сожгла на дворе фейерверк. Потом еще забавлялись играми, писали стихи на заданные рифмы, кормили петуха овсом, играли в прятки...

*Петербург.**Суббота. 9.*

Надо было присутствовать в Академии в Общем собрании... В Академии за отсутствием Голицына должность Непр. Секретаря исполнял Лаппо-Данилевский. Докладывалось о пожертвовании Бахрушиным Академии его богатейшего собрания предметов, касающихся литературы и театра...

*Пишу в Павловске 12-го.**Воскресенье. 10 января.*

...С нового года я очень одушевлен своей Евангельской драмой, и она не выходит у меня из головы. — Был в морском сюртуке на выставке Художествен. произведений моряков, устроенной в Академии наук в пользу построения храма в память моряков, погибших в войне с Японией. — Вечером в Павловске до поздней ночи с жаром и увлечением писал монолог Никодима, в котором переложил стихами слова Спасителя из III главы Евангелия от Иоанна.

*Пишу в Мраморном 16.**Пятница. 15.*

Так хочется справиться со своей драмой, чтобы она была и порядочным художеств. произведением и в то же время сценической пьесой, т. е. смотрелась без скуки. Не имея опыта, руководствуюсь знатоком сцены Ростаном, стараюсь приноровиться к «Принцессе Грез», конечно же, не в содержании, а в чередовании выходов действ. лиц и в продолжительности речей. — Писал на первой странице этой тетради, что под влиянием проповеди в Новый год принял решение бороться с самим собой. Казалось, что во мне свершился перелом: грешные мысли покинули меня. Но вот прошло 2 недели, и опять все по-старому. Ни поэтическое творчество, ни красота природы не побеждают моей духовной мерзости. — Ездил на Измайловский Досуг. Появилось несколько новых чтецов: кн. Манвалов, Подладчиков, Хомутов. Чтения были разнообразны и довольно удачны.

*Петербург.**Суббота. 16 янв.*

...До завтрака с Иоанчиком и Робертом разбирал письма за многие годы, полученные по поводу моих стихотворений. — В Отд. русск. языка и словесности избирали в действ. члены проф. Флоринского, но, получив 5 белых шаров и 3 черных, он оказался забаллотированным...

*В Мраморном, 19 янв.**Воскрес. 17.*

Преосвящ. Владимир (Путята) вызвался служить у нас в Павловске и служил не по архиерейскому, а просто по Иерейскому чину, в обыкновенном облачении. Царских врат от большого входа с Дарами и до запричастного не закрывали. После завтрака Владыко хотел со мной побеседовать; при этом была жена и Иоанчик. Епископ говорил по двум вопросам: о слухах про какого-то юродивого, Григория, из простых мужиков, введенного к Императрице А. Ф. Милицей и будто бы имеющего сильное влияние в домашнем обиходе Царицы. Меня несколько неприятно удивило, что Владыко коснулся совсем чужого нам вопроса, в котором весьма трудно разграничить, где кончается правда и где начинаются сплетни. Другой вопрос, о котором говорил епископ, касался назначения архиерея на должность протопресвитера военного духовенства по кончине Желобовского. Вопрос этот будто бы возник в бытность Воен. министром Редигера, и будто бы проект этот был одобрен Государем. Вынес впечатление, что епископ Владимир очень хочет со временем заменить Желобовского.

*Петербург.**Понедельник. Январь. 18.*

...В Мраморном у нас завтракали бывший Ярославский губернатор, а теперь сенатор А. А. Римский-Корсаков с женой Людмилой Павловной. Он убран с прежней должности по несогласию во взглядах со Столыпным, и теперь хочется ему отдаться деятельности «Союза русск. народа».

Видели оперу Кюи «Анджело», которую очень увле-

кался 30 л. назад. Она шла во 2-й раз по возобновлении, при довольно полном театре, но без всякого успеха. Музыка хороша только местами, а большей частью содержание драмы захватывает больше, чем музыкальное его изображение.

*Петербург, вечером 20-го
в Мраморном*

Среда. 20 января

...Гуляя, повторял вполголоса свои роли в Гамлете и Генрихе IV. Позавтракав, ходили с женой, Татианой, Тат. Вас и с Н. Корф в Константиновский дворец и смотрели там мебель, чтобы кое-чем воспользоваться для устройства Татианиной залы (пилястровой).

Пятница. 22.

К завтраку вернулся в Павловск. Татiana с Тат. Васильевной очень красиво и уютно расставили мебель в пилястровой комнате. ...Много бумаг, надо было утверждать скучные аттестации, так что на мои литературные работы решительно не было времени. Императрица Мария Федоровна вернулась из Дании. Слышал, что она будет жить в Аничковом дворце, чего не бывало уже 5 лет.

Мраморный. Вечером 24-го.

Суббота. 23.

...М. И. Ростовцев говорил мне о камне, найденном на юге России, если не ошибаюсь, неподалеку от Керчи. Этим камнем, пирамидальной формы, с просверленным отверстием, пользовались рыбаки, привязывая его ради тяжести к сетям. На нем оказалась греческая надпись в стихах. Я просил Ростовцева списать мне это четверостишие с подстрочным переводом. На утренней прогулке обдумывал, как бы передать его по-русски. К возвращению домой, к завтраку, перевод в голове был готов:

Здесь, о Гликерия, здесь, о царица, Асандра супруга,
У родника твоего выпил воды я с вином;
Жажду свою утолив, молвил я: и при жизни, и в смерти
Всем, кому гибель грозит, ты избавленья даришь.

Царское Село.

Вторник. 26.

(Павловск 29 янв.). 26-го был назначен Государем в Царскосельском Александровском дворце прием депутации от 1-го кадетского к-са для поднесения Цесаревичу маленькой магазинной винтовки. Я телеграфировал Государю, испрашивая, могу ли прибыть вместе с депутацией и предупреждал, что ввиду ветряной оспы, уже проходящей у Кости, с которым я не виделся уже 5 дней, явлюсь только в случае разрешения по телефону. В ответ меня пригласили к завтраку. Государь вышел к завтраку в малиновой стрелковой рубашке с 4-мя дочерьми. Он сел между Татианой и Марией и указал мне место между последней и Ольгой, подле которой села Анастасия. Девочки не принимали участия в нашем разговоре, а перешептывались между собою. Государь говорил, что на днях возобновит посещение в.-у. заведений, начав с 1-го корпуса, и хочет, чтобы никого не принаряжали, а при отъезде не провожали бегом за экипажем во избежание несчастного случая. 6 лет прошло с тех пор, как Он в последний раз приезжал в мои заведения: в смутные годы приездов в Петербург по возможности избегали. — Депутация состояла из директора корпуса Григорьева, командиров рот. Его Величества и 4-й, фельдфебеля Череп-Спиридовича и 11-летнего, но крохотного ростом кадетика 1-го класса Фомичева. Он оказался совершенно одинакового роста с Цесаревичем. Между завтраком и приемом Царь провел меня к Императрице, все не поправляющейся. Уже больше года у нее боли в сердце, слабость, неврастения. Она лежала на кушетке, румяная и очень красивая. — После приема я несколько минут оставался в кабинете у Государя и докладывал 1) о Косте, предполагается, что он летом выйдет в Измайловский полк, но первый год еще не будет правильно нести службу, а продолжать учебные занятия, 2) Об Олеге, который по окончании курса кадет. корпуса хочет в течение 3-х лет слушать курс Лицея. Государь на это соизволил и согласился со мною, что лучше бы Олегу посещать Лицей в форме юнкера одного из воен. училищ, 3) Передал просьбу Гладкова, желающего поднести Государю свои книги...

*Петербург.**Среда. 3. Февраль.*

...У Царя в большом Царскосельском дворце в самой большой зале парадный обед Эмиру Бухарскому, назначенному шефом Оренбургского казачьего полка по случаю 25-летия правления. Обед был без дам, человек на 80.

*В Мраморном, 12-го.**Среда. 10.*

В 5-м часу мы, вся семья с Государем во главе, в Царском Селе на Царской ветке встречали царя Фердинанда и царицу Элеонору Болгарских. Она некрасива, но привлекательна и приветлива. Перед Государем она приседала. К обеду меня с женой позвали в Александровский дворец. Нас за обедом в библиотеке было только семеро: Их Величества — наши и Болгарские и Дмитрий П. Общий разговор шел весело и непринужденно... Наша Государыня была чудесно хороша в полувырезанном черном платье, с ниткой крупного жемчуга в волосах и большим бриллиантом, спускавшимся с нее на лоб.

*Питер.**Пишу в Павловске 14-го.**Пятница. 12.*

Красивый бал у вдовы М. Гр. Раевской, рожденной княжны Гагариной. На балу у Гартонгов был за ужином ее соседом. Слышал от нее, что покойный Бор Ник. Чичерин говорил обо мне как о первом нашем современном поэте. Как ни неожиданен и лестен отзыв такого выдающегося и к тому же мне незнакомого человека, не могу признать его суждение верным; оно, несомненно, преувеличено. — На своем балу М. Г. Раевская спускалась по лестнице нас встретить, а одна из двух незамужних ее дочерей следовала за матерью, усевшись на поручень лестничных перил и скользя по ним. Вот образчик развязности нынешних барышень.

*Питер.**Воскресенье. 14 февр.*

Сегодня получил приказ, подписанный Государем вчера, о назначении меня Генерал-Инспектором военно-учебных заведений. Благослови, Господи!

*Павловск.**Среда. 3. Март.*

В церкви, как ни стараюсь внимательно прислушаться к любимым и хорошо знакомым словам великопостного богослужения, а мысли часто уносятся в область творчества; задумываешь новые произведения, исправляешь старые, переделываешь то, что пишешь в настоящее время. Пригласил Измайловца милого Данильченко, чтобы подготовить представление «Гамлета» и «Генриха IV» на Павловской сцене 17 марта.

*Мраморный, 11 марта.**Вторник. 9.*

...В 4 1/2 в павильоне царской железнодорожн. ветки встреча Сербского короля Петра. Был Государь. Почетн. караул от лейб.-гусар. В 7 1/2 в большом дворце парадный обед, без дам. Царь говорил тост по-русски, а король по-сербски.

Среда. 10 марта.

...Заходил в Казанский Собор и в Храм Воскресения. Когда вернулся домой, у жены был Король. Он собрался уезжать, да, встретясь со мной в прихожей, пожелал поговорить со мной. Я провел его в мою приемную. Тут с глазу на глаз он заговорил о видах своего наследника Александра на нашу Татиану. Еще летом писали мне об этих видах, но через министерство Иностранных дел ответили, что Т. не расположена согласиться на переговоры, и я думал, что дело кануло в воду. Таким образом, Король застиг меня врасплох. Не мог же я сказать Королю, что противлюсь этому браку ввиду того, что сербская дина-

ствия не достаточно утвердилась на своем шатком престоле. Сослался на Т., что все зависит от ее согласия. Король спрашивал, нельзя ли где-нибудь устроить свидание. Я ответил, что у нас пока нет никаких предположений на лето, и неизвестно, будем ли мы за границей, где встречу было бы легче устроить. Тем и кончилось.

14—18 марта.

На прошедшей неделе у нас было три спектакля: 14-го — 3-й исторический, 16-го Шекспировский вечер и 18-го последний исторический. Немало было хлопот с приглашениями. Кажется, перебивал весь Петербург, вся знать и много знакомых не чиновных, а скромных. Наибольшее число незваных на вечер превышало 200. Места, однако, всем хватало. 14-го удостоила нас своим присутствием Имп. Мария Федоровна. Государю у нас, должно быть, понравилось — он не пропустил ни одного вечера и был чрезвычайно приветлив и с нами, и с исполнителями, и с нашими гостями.

Павловск, 14 мая.

Четверг. 13. Май.

Прекрасное торжество справлялось вчера у Преображенцев на Кирочной ул. Посреди садика перед офицерским собранием в память 200 лет, истекших со дня Полтавской победы, полк воздвиг памятник своему основателю Петру Великому, бронзовую статую, точный снимок с памятника Антокольского в Петергофском саду близ Мон plaisir'a. Преображенский памятник отличается от Петергофского только подножием. В прошлом году что-то помешало открыть памятник, и открытие было назначено Государем на 13 мая! К этому случаю съехалось много старых Преображенцев...

Царское.

Пятница. 14 мая.

В Царском был выход, но без Императрицы и великих княгинь. Ее Величество очень утомилась за целый ряд

праздников, и ее надо побереечь. Государь был в кирасирском своего полка мундире. Все в зимней парадной форме. Обедню стояли на хорах. Пела «Херувимскую» Бахметьева, «Верую» Чайковского и «Октинию» (Господа помилуй, и подай, Господи) уральскую. Был прием поздравлений. В большом зале парадный завтрак за круглыми столами... Государь указал мне нового Председателя Гос. Думы Гучкова, во фраке сидевшего подле морского министра. Государь рассказал, что год назад, когда Гучков в Думе произнес речь, в которой задел Николашу, Сергея М. и меня, он потребовал от него через Столыпина извинений, которые Гучков и принес при первом же представлении. Государь выразился, что хотя Гучков собеседник умный и приятный, но доверие внушает к себе неполное.

Москва.

Четверг. 15 июля.

...В Николаевском дворце узнал, что Элла в Москве (она ездила в Уфимскую губ.). Поехали к ней в Марфо-Мариинскую общину в Замоскворечье. Она приняла меня очень ласково. От нее веет святостью без тени ханжества, столько простоты и искренности. Съездил я с Робертом на Воробьевы горы, где я никогда не бывал. Там есть ресторан Крынкина с открытым балконом, оттуда восхитительный вид на изгибающуюся Москву-реку и всю Белокаменную. Только мы там сели пить чай, как на хорах хор певчих в русских боярских кафтанах затянул песню на мои слова «Умер, бедняга». Я не знал, что они поются. Пригласили управляющего хором, некого Григория Николаевича, который меня узнал; он знал также, что «Умер» — мои стихи.

Не упомянул еще, что за завтраком в Эрмитаже подходил ко мне бывший адъютант покойного Сергея Алексей Стахович, теперь директор Художественного театра Станиславского, и сказал мне, что у них со 2 августа начинаются репетиции «Гамлета» в моем переводе. Качалов будет играть заглавную роль...

Пятница. 16 июля.

С утра ездили с Робертом по магазинам. Накупили кое-чего из мальцевского стекла, много нашли подходящего у

Мюра и Мерилиза; в огромных магазинах этой фирмы пробыли долго. Были в магазинах фарфора бр. Корниловых и в нескольких складах кустарных изделий.

Суббота. 17.

Утром перед выездом из Москвы заглянули в магазин Дациаро, купил там для Осташева четыре гравюры в красках «Дождливый день». Дорога от Волоколамска к нам в деревню порядочно испортилась. Но постройка шоссе решена, и говорят, оно будет готово к 1812 году (?) (1912 г.). — Дома все оказались здоровы. Когда мы с Робертом подъехали к границе имения, из-за опушки леса показалась кавалькада из 9 лошадей. Это были, Татиана, Костя, Олег, Игорь, Георгий, Miss Edgley и конюхи Климов, Зинченко и Шустов. — Вечером продолжал начатую еще по дороге в Ст. Руссу записку о нелепом ограничении свободы нижн. чинов и воспрещении им появляться во многих общественных местах.

Осташево, 24 июля

Пятн. 23.

...Отложил «Бетховена» Карганова и взялся за «Разговоры Гете» Эккермана в переводе Аверкиева. Надо еще немало почитать, прежде чем приступить к статье от переводчика, предпосылаемой переводу «Ифигении».

29 июля.

Среда. 23.

Прохладно, но хорошо. Работа подвигается. Прочел или пробежал все, что у меня есть об «Ифигении», а есть много. Все сделанные выписки со ссылками на сочинения, откуда они взяты, расположил в том порядке, в каком мне понадобится при писании статьи. М. б., сегодня и начну ее писать. — Смущает меня, что, отдыхая здесь и наслаждаясь работой, я почти чужд местному населению и не имею с ним ничего общего. А как сблизиться — не знаю, не умею.

30 июля.

Четверг. 29.

Статья от переводчика с Божьей помощью начата. Начал также утром на прогулке Элегию «Осташево», октавами, но боюсь, что ничего из нее не выйдет.

Суббота. 31 июля.

К нам приезжала из своего имения Поречье, в здешнем же Можайском уезде, Графиня Уварова (Екат. Ник. рожд. гр. Гудович), пила у нас чай и оставалась до 5-ти. — После ее отъезда пошел в наш парк, и тут мне удалась вторая октава новой элегии. — Предисловие подвинулось; о мифе об Ифигении и о том, как им пользовались трагики Древней Греции, а потом итальянские, французские и немецкие, уже готово. От этих источников перешел к самому Гете. Описание его наружности взял из Льюса. Теперь надо будет сказать о произведениях, прославивших его имя до 1775 года, т. е. о Гёце фон Берлихингене и о Вертере. Далее пойдет краткий очерк Веймарского общества.

Осташево. 17 августа

Понедельник. 16.

Плохо подается моя элегия. — Приехал Иоанчик. — С увлечением ездил по реке в байдарке. Двух-трех крестьянских мальчишек покатал на ней. Возвращаясь, когда вылезал из байдарки, она опрокинулась, и я попал в воду...

19 августа.

Вторник. 17.

Еще зимой, когда у нас в Осташеве гостили кавалергард Багратион и кавалер — паж Анька Гернгрос, я их приглашал побывать здесь летом. Теперь лагерь кончен, они свободны, и дети, особенно Олег, настойчиво просят позвать обоих. Но, побывав в Питере, из разговора с Павлом Егорычем узнал, что еще весной Татiana признавалась ему в привязанности к Багратиону. Мы с женой не

знали этого положительно, но догадывались, что такая привязанность весьма вероятна, и колебались звать молодых людей. После же разговора с П. Е. это колебание перешло в решимость не звать Багратиона. Теперь Иоанчик привез известие, что Б. ожидает приглашения, и ввиду этого никуда не выезжает. — Советовался с Олей, как быть, и с ее одобрения поговорил с Татианой. Сказал, что считаю неблагоразумным давать ей случай увлечься юношей, с которым она не может связаться браком. Я не обмолвился, что знаю об ее увлечении, и она не пошла на признания, и с моими доводами согласилась.

26 авг.

Суббота. 21.

Решительно не расположен описывать вчерашнюю поездку верхом с Олегом, Игорем, Дитрихом, нарядчиком Климовым и конюхом Чернышевым через р. Рузу ко впадению р. Рузы в Москву-реку. Погода была прекрасная, местность живописная. Поехали на Синюхово, Солодово, Шульгино, Курово, погост Лужки, откуда идет каменная дорога через Демидково, Леньково, Ракитино до самого уезд. городишки Рузы. Там свернули с большой дороги на Старую Рузу вправо и ехали через деревни Теряево, Лебехино, Городилово и Воробьево. Переправились вброд через Рузу на ее правый берег у Окулова, в какой-нибудь одной версте от устья. На левом берегу Москвы-реки поели провизию, взятую с собою у деревни Тимофеевки. Назад ехали другой дорогой, правым берегом Рузы, но далеко от реки, деревнями Бараново, Ново-Николаево, Тишино, Жолобово, Никулькино. Через реку на наш берег перебрались у Толбухина. Выехали в 9 утра, вернулись в 7 вечера. — Сделали около 90 верст. — Накануне Георгий из женских рук перешел к М.-г Denison'у и спал с ним в нижней угловой комнате, где прежде жили мальчики, а во время пребывания Оли — Sophie Baltazzi. — По возвращении из поездки меня ожидало горе. Жена, очень взволнованная, передала мне свой длинный разговор с Татианой, которая призналась в своей любви к Багратиону. Им помогал Олег, передав ему о ее чувствах и взявшись доставлять письма. Дошло даже до поцелуев.

После ужина в присутствии жены у меня был разговор с Олегом. Выражал ему глубокое возмущение принятой им на себя ролью. По-видимому, он нимало не сознает, как она неприглядна. Когда они ушли, ко мне явилась Т. Мы больше молчали. Она знала, что мне все известно. Кажется, она не подумала о том, что если выйдет за Б. и будет носить его имя, то им не на что будет жить. Позвал жену и при ней сказал Т., что ранее года никакого решения не приму. Если же ей идти на такие жертвы, то по кр. мере нам надо быть уверенными, что это чувство глубоко.

Осташево. 23 авг.

Воскресенье. 22.

Тяжелые переживаем мы минуты. Признания, сделанные Татианой жене, далеко превосходят наши подозрения и опасения. Жена продолжает много говорить с Т., я же не могу. Был у меня продолжительный разговор с Олегом, вернее, я долго говорил с ним, стараясь выяснить ему всю неприглядность его лукавой по отношению к нам, родителям, роли. Он почти ничего не говорил, только нагло глядел мне в глаза, как будто не сознавал своей вины. Но под конец он, кажется, начал понимать, что поступал скверно. При всем этом тяжелом томлении духа, я, однако, не утратил способности заниматься своим любимым делом: катаясь более 2-х часов на байдарке, в уме исправлял готовую Элегию, а вечером в предисловии к «Ифигении» «привез» Гете в Веймар.

Осташево, 26.

Среда. 25.

Татиана просила позволения написать последнее письмо Багратиону, чтобы далее, во исполнение нашего родительского требования, на целый год прекратить с ним всякие сношения. Мы с женой позволили и, конечно, ее письма не читали. Я сам подписал адрес в Петербург, в канцелярию Кавалергардского полка. Мы ничего не имели против, чтобы и она от него получила еще одно последнее письмо.

Суббота. 28.

Глупое складывание картинки, изображающей восемь концертирующих кошек, занимало меня весь день и было окончено только поздней ночью. Олег получил письмо от Багратиона с вложением другого — Татиане, и на этот раз не передал его прямо сестре, а принес его жене. Мы с ней писем не читали. Т. сказала нам, что Б. рассчитывает, по нашем возвращении в окрестности Птб., просить разрешения на брак.

Погода чудная.

Вторн. 31.

Прибыли в Павловск в 9-м часу утра. Погода чудесная. Здесь меньше желтых листьев, чем в Осташеве, липовая аллея вся зеленая...

Павловск

Среда. 1 сентября

...Вызвал в Мраморный Багратиона. Принял его стоя, в моей приемной, говорил ему «вы». Потребовал возвращения писем Татианы и Олега и прекращения переписки, свиданий и вообще сношений с ними до 21 августа 1911 года. Укорял, что он не прямо и не раньше ко мне обратился. Он сам чувствует себя виновным. Уверял, что чувство его глубоко и не изменится. Это мы еще увидим.

Павловск, 5 сент.

Суббота. 4.

Побывал в Пажеском корпусе, чтобы взглянуть на новичков, и поговорил с каждым. Генер. Шильдер назначается директором Александровского Лицея, о чем писал мне еще в Осташево. Молва называла его преемником в Пажес. корпусе командира Лейб-Гусарского полка Воейкова, на которого те же придворно-гвардейские слухи указывали, как будущего воспитателя Цесаревича. Но молва ошиблась: назначают Усова из Тверского училища, и я очень доволен этим правильным выбором. Осмотрел только что отделанные помещения, надстроенные со дво-

ра, под прямым углом к фасаду католической церкви. Там хорошо устроены просторные и светлые классы и зала для 2-й роты...

21 сентября.

Понед. 20.

Прием отменил и утро провел среди занятий, причем успел гулять 1 ч. 15 м. Приехал эстляндский губернатор полк, Изм. Владимир Коростовец, с которым я 9 лет прослужил в Преображенском полку. Мы говорили о предстоящих 28—30 сентября в Ревеле торжествах по случаю 200-летия присоединения Эстляндии. Будет открыт памятник Петру I. Государь посылает меня туда своим представителем.

Петербург

24.

В 2 $\frac{1}{2}$ был у Столыпина в Елагинском дворце, в Совете Министров. Обсуждались новые штаты Академии наук. Был назван и вице-президент. Разногласие встретилось по трем вопросам: о содержании заведующему книжным складом и его помощнику, о совместительстве звания академика с другими должностями и об отпуске только 20 т. вместо испрашиваемых 35 на ученые экспедиции физико-математического отделения. Все прошло, не удалось только отстоять помощника заведующего книжным складом. А самого заведующего переименовали в библиотекаря...

Павловск. 26.

Суббота. 25 сент.

В «Новом Времени» описание гибели смелого летуна корабельного инженера Мациевского, который 24-го на глазах жены и множества народа сорвался с высоты 500 метр. и расшибся до смерти. А 23-го он поднимал с собой в воздух председателя Совета Министров Столыпина. — Теперь что ни день устраиваются в Питере на аэродроме полеты, это праздник авиации. Я ни разу там не был. Не тянет. — Побывал в заседании Отд. русского языка и сло-

весности... Предполагаю издать 4-й выпуск своих стихотворений, приложив к ним «Ифигению»...

Ревель

Вторн. 28 сент.

Яркое солнечное утро, но холодно, заморозок. Прибыл в Ревель, одевшись в парадную преображенскую форму, пальто в рукава в 8 $\frac{1}{2}$. Встреча. Почетн. караул от 89-го Беломорского пехот. полка, которым командует Теплов. 30 лет не был я в Ревеле. Тогда здесь готовился к отплытию «Герцог Эдинбургский», на котором со мною служил Эссен, а теперь он свиты Е. В. контр-адмирал, георгиевский кавалер, начальник флота. Он представлял мне моряков. С губернатором Коростовцом поехал в собор, где встречал архиерей Иоанн и благословил меня иконой Александра Невского. Красивый, с 5-ю золочеными головами собор очень хорош. Он на верхней части Вышгорода, напротив замка, где живет губернатор и где меня поместили очень широко и удобно. В зале замка прием служащих. Много поехало депутатий...

Гуляли пешком по городу с Коростовцом. После завтрака поехали в Катериненталь, где под желтеющими каштанами у домика Петра I торжественная панихида. Катались по берегу. Видели красивый памятник погибшим на «Русалке» в 1893 году. — Чай в собрании Беломорского полка, предложенный гарнизоном. Отдых. В половине всенощной пошел в собор. В 8 обед от города в старинной ратуше. В реальном училище большой раут, тоже от города.

Павловск. 2 окт.

Среда. 29 сент.

Исполнилось 200 л. со дня сдачи Ревеля Петру Великому и присоединения Эстляндии к России. Погода нас щадила: было сухо и солнечно. Молился в соборе. По окончании обедни зашел в замок, надел оружие и шейный знак поверх пальто, застегнул чешуйку кивера под подбородком и пошел к месту памятника. По обе стороны пути тянулись шпалерами ученики учебных заведений, весело кричавшие «ура», гудели колокола, везде развевались

флаги. Вокруг памятника со всех сторон его эстрады были унижены зрителями. Я обошел войска и здоровался. Мне было приготовлено место на помосте, у подножия памятника. Тут я ждал приближения крестного хода с архиереем во главе. В конце молебна, когда запели «Вечную память» и все преклонили колена, сдернули пелену с памятника, и взорам предстал мощный, очень живо изображенный ваятелем Беренштамом образ Петра Великого. В правой руке он держит свиток, который можно принять и за зрительную трубку, а левою указывает на карту, которая не совсем понятна с первого взгляда — не знаешь, что это такое. Эти два недостатка, однако, не портят общего впечатления. Командующий парадом генер. Менчуков подал команду «Накройсь», после чего я скомандовал: «Всем парадом слушай на караул» и вынул шашку. К памятнику встали часовые, одетые в форму времен Петра. Депутации одна за другой клали к подножию статуи венки. Губернатор поднес мне выбитую по этому случаю медаль. Во главе войск я прошел мимо памятника церемониальным маршем. Меня повезли в латышский клуб, где были собраны волостные старшины со всей губернии. Оттуда поехали в Русское собрание на завтрак. Потом на выставку цветоводства. Расположенная у старинных городских стен с их башнями и высокими колокольнями, эта выставка представляла весьма живописное зрелище. В доме Черноголовых смотрел выставку предметов и бумаг, относящихся ко времени Петра I. В замке я принимал большое число депутатий с выражением верноподданнических чувств, которые они просили передать Государю. — Потом большой обед от дворянства в Actienclub. Сидел между Шиллингом и Мейендорфом. После тостов за Царя, за Императрицу, Цесаревича и за меня я сказал тост за Эстляндское дворянство, пожелав ему преуспевания в верности и преданности нашему великому Царю и в крепком единении с великой Российской державой. С обеда поехали в Катеринентальский дворец любоваться факельным шествием и слушать песни русских, немецких, эстонских обществ. С балкона дворца открывался вид на густую толпу с пестрыми фонарями, а по небу скользили яркие лучи от электрических прожекторов. — Были на гулянье эстонцев. В немецком театре концерт. Наконец, последним номером этого плотно заполненного дня был раут в доме Черноголовых.

Павловск, 5-го.

Понедельник. 4 окт.

...Хорошо поработал. Кроме вступительной статьи подвинул и примечания, пользуясь Льюсом и Бельшовским. — У меня в ротонду собрались на заседание наличные члены Отделения русск. языка и словесности: Шахматов, Корш, Котляревский и также вице-президент, непрем. секретарь и делопроизводитель Рышков. Кроме них был и мануфактур-советник Алексей Ал-др. Бахрушин, богатый человек из Москвы, жертвующий Академии наук свой богатейший московский театрально-литературный музей. Выработали положение и штат музея.

Пятница. 8 окт.

...За завтраком был Георгий Никольский. Дал ему прочесть мою статью «Недоверие к солдату», которую 6-го числа послал Государю с фельдъегерем за границу. Отказался от намерения ее печатать: произошел бы шум, а я хочу не шума и скандала, а только отмены нелепых запрещений и стеснений.

(10 окт.). Да, я высказал Б. Никольскому свое намерение издать некоторые из моих стихотворений нарочно для простого народа. Он с радостью ухватился за эту мысль и предложил сделать выборку тех пьес, которые более подходящи для простонародья.

Мраморный, 29 ноября.

Воскр. 28 ноября.

К нам приехал Государь. Иоанчик у него дежурил и, сменившись, привез известие о прибытии Высокого Гостя в 4. Условился с женой, что попрошу переговорить с Ним с глазу на глаз, а она подождет в комнате рядом. Я подробно передал Царю об увлечении Татианы Багратионом и его взаимности. Никакие слухи еще не успели дойти до Их Величеств. Государь слушал очень внимательно и сочувственно. Решения он никакого не высказал, говоря, что надо подумать и обсудить. Изложив все, позвал жену. Говорили о необходимости разрешить Великим Князьям и Князьям Императорской крови вступать в морганатические браки, для чего надо выработать условия дозволи-

тельности их. Государь не высказал решительного запрещения на брак Т. с Б., но подтвердил мое решение, что надо терпеливо выждать прохождения целого года с 20 августа, когда Т. нам созналась.

Понедельник. 29 ноября.

...Морской врач Бартенсон, служивший лет 20 назад в Измайловском полку, прислал мне для передачи Академии наук подаренное ему дочерью Пушкина графиней Меренберг письмо ее отца к его невесте Н. Н. Гончаровой, написанное на обороте письма к Пушкину Языкова. Оба письма на французском языке. Побывал у вдовы покойного вице-президента Академии наук Леон. Ник. Майкова, Александры Алексеевны, рожденной Трескиной. Она с незамужней пожилою сестрой Ольгой Алексеевной живет уже не на Васильевском о-ве, а на Мал. Мастерской, 3. Давно не был у нее. Но мы переписывались. Я посылал ей почти все мои новые стихи. И теперь поехал к ней, чтобы просить подобно тому, как было при печатании «Гамлета» и последнего издания моих стихотворений, и впредь прочитывать корректуры будущего 4-го выпуска. Алфавитный указатель имен и библиографический для «Гамлета» она взяла на себя. Я спросил, не может ли она указать мне лицо, которому можно было бы поручить составление таких же указателей и к «Ифигении». Александра Алексеевна вызвалась сама это сделать.

Почетн. академ. И. А. Бунин прислал мне новые две книжки: том 6-й стихотворений и рассказов и перевод Байронова «Манфреда». Но что за разочарование: стихи отнюдь не поэтичны; все больше сонеты, с произвольно переставленными стопами, что в корне искажает характер сонета. Есть безобразные сравнения: напр., скала в Архипелаге уподоблена *ковриге хлеба!!!* И в стихах и в рассказах попадаетесь нескромность, граничащая с порнографией.

Вторник. 30 ноября.

...Жену позвали к чаю в Царское к Их Величествам. Вернувшись оттуда в Павловск, она рассказала, что Императрица еще снисходительнее, чем Государь, отнеслась к видам Татьяны. Они оба говорили жене, что даже не

посмотрели бы на брак ее с Багратионом как на мурганатический, ввиду того, что он, подобно Орлеанам, потомок когда-то царствовавшей династии. Государь сказал, что Т. не лишится своего содержания из Уделов. Императрица нашла, что не надо ждать истечения года, но жена, ссылаясь на мой взгляд, возразила, что это необходимо для большей уверенности в прочности чувства обеих сторон.

Пятн. 3 дек.

...В газетах опять говорится о студенческих беспорядках на сходках по поводу самоубийства политического убийцы Сазонова. И опять наши власти не могут ни предупредить безобразий, ни справиться с ними.

Суббота. 4 декабря.

На «субботе» у Ермолинского, посвященной Лермонтову, Грибоедову, Веберу и Шуберту, прочел принадлежащее мне подлинное письмо Лермонтова к Марии Алексеевне Лопухиной (по французски) и приписанное в конце его стихотворение «Молитву странника»: «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою». Уже в 10 ¹/₄ надо было уйти с «субботы» и ехать на Павловск 2-й. Отправлялся в новую поездку в Полоцк, Варшаву и Киев...

Петербург

Понед. 20 декабря.

Дожили до совершеннолетия нашего Кости. Поутру он приехал из города и вошел ко мне, держа за руку свою крестницу и любимицу Веру. Перед молебном дали ему подарки. На столе в нашей маленькой столовой, в окне красовался сладкий пирог с воткнутыми в него 20-ми восковыми свечами и 21-й свечой жизни. Поздравлять его съехалось человек 60. Это были все домашние, служащие и служившие, несколько Измайловцев. Мы — семья — были в обыкновенной форме. Митя оказал особое внимание и оделся в Измайловский мундир. В церкви соборне служили молебен архимандриты Михаил и Макарий, оба дешние священники, и иеромонах Сергей...

Ездил в город на заседание Разряда изящ. словесности.

Из почет. академиков были Кони и Арсеньев. Обсуждали способы увековечивания памяти Льва Толстого. Порешили, что я напишу Столыпину письмо, в котором заявлю, что по предложению членов Разряда и Отделения предполагается испросить Высочайшее соизволение на учреждение при Академии особого комитета для изыскания способов увековечивания памяти Л. Толстого. Ответ 1-го министра внесу в Общее собрание Академии.

Петербург

Среда. 22.

Являлся Государю по случаю возвращения из служебной поездки. Он принял меня в своем кабинете. Докладывал ему о своих впечатлениях. Доложил и о том, что доставил Николаше свою статью «Недоверие к солдату» и что он заявил мне полнейшее сочувствие моим мыслям, но находит, что осуществить их нельзя. Спорить с Николашей не стал, о чем и сказал Государю, добавив, что если в течение двух столетий солдаты свободно разгуливали по Петербургу, то непонятно, почему начало 3-го века существования столицы требуется ознаменовать запрещением солдатам ходить по Дворцов. набережной, по солнечной стороне Невского и правой стороне Морской, в Летнем саду и Таврическом, на всем Елагином о-ве и ездить в трамваях. Государь со мной согласился и еще раз высказался за отмену этих запрещений и ограничений. Но я опасюсь, что все останется по-старому...

Воскресенье. 26 декабря.

...Ходил с Георгием и Miss Edgley в здешнюю крепость на елку в приходском училище. Дети пели, говорили стихи, представляли маленькую наивную пьеску «Среди цветов». В числе учеников и учениц было несколько знакомых детей нашей прислуги. — Все собираюсь и не могу продолжить разбор отвратительных стихов Милеевой, начатый еще до последней поездки. — А там надо приступить к составлению своего завещания.

Лишь после этого можно будет отдаться исправлению «Мессинской невесты» и переводу «Макбета».

*Павловск.**Понедельник. 28 декабря.*

...Писал письмо итальянскому послу Мелегари. Он писал мне об устраиваемой в будущ. году во Флоренции выставке портретов итальянских художников XV—XVIII веков и просил для нее работы Лампи, имеющиеся в Павловске. Надо было отказать, т. к. я не считаю себя собственником Павловских сокровищ, — я только обладатель майората...

*Павловск. 31 декабря.**Четверг. 30.*

Утром ходил дважды гулять, перед кофе и завтраком. Маленький мороз, туман, шел снег немного. В кармане была у меня с собой бумажка со списанным стихотворением Мюссе «Rappelle-toi», и я продолжал переводить. На второй прогулке встретился в Старой Сильвии с женой, и она, заметив, что я сочиняю, оставила меня продолжать прогулку одному. После завтрака записал перевод, уже законченный и, как мне кажется, удачный.

1910 год был благоприятен для моего творчества: в январе написал одно стихотворение, в феврале — два, в марте — одно, в мае — одно, в июне — одно, в августе — одно, в октябре — одно и в декабре — два, итого за весь год десять стихотворений. Такого обилия давно не бывало. Думаю, что приписать это надо значительному сокращению бумаг, благодаря переименованию меня в Генерал-Инспектора.

Ездил в город на елку в школу Имп. Александра II. Вернулся в Павловск в 8-м часу, к ужину. — Настроение по окончании нового стихотворения торжествующее.

Читал жене и Татиане Чайковского. Писал Оле.

*Мраморный. 31 декабря.**Пятница. 31 декабря.*

С утра оделся в стрелковую малиновую рубашу. — Гулял, наслаждаясь прекрасной погодой и любуясь снежным видом...

19/VII 1914—11/V—1915

«Дневник» в плену у немцев. К. Р. отказывается от помощи Императора Вильгельма. Царь клянется изгнать немцев с территории России. Беспорядки, стачки как рукой сняло. Вильгельм требует отмены мобилизации в России. Николай II принимает ванну. Великий князь Константин провожает сыновей Гаврилушку, Игора, Олега на фронт. Гибель генерала Самсонова. Петербург переименован в Петроград. Гибель летчика Нестерова под Львовом. Что творится с нацией Гете! Издан сборник военных стихотворений «В строю». Издан «Царь Иудейский». 26-й год службы К. Р. в Академии. Пролита кровь Царского дома: гибель сына Олега. В церквушке преподобных Олега и Серафима Саровского в Осташево над могилой Олега Константиновича. Еще четверо сыновей ушли на фронт. Наряд царских дочерей. Вечер поэзии К. Р. Охрана царьградских памятников. Вечерня и букет розовых роз. К. Р. вспоминает отца.

1914 г.

Суббота, 19 июля — 1 августа. Либенштейн.

(Павловск, 26 июля 1914)

Сегодня ровно неделя, как я уехал из Вильдунгена; за этот срок не писал дневника, да и тетрадь осталась в плену у немцев... Погода была прекрасная, теплая. Ничто не давало заметить тревожных событий, о которых сообщали газеты. Жители казались вполне спокойны, а население деревень занималось своим обычным трудом... Жена показалась мне взволнованной. Еще накануне ее двоюродный брат, новый герцог Саксен-Мейнингенский, Бернард напугал ее, говоря, что по причинам мобилизации нам не доехать до границы, и предложил приют у себя.

После Берлина.

(Павловск, 28 июля)

Воскресенье, 20 июля. Гумбиннен.

В Гумбиннен прибыли в начале 8-го часа вечера, еще засветло. Я с Шаховским и Сипягиным вышел походить по платформе. Тут было несколько солдат 33 пехотного полка. Говорили, что поезд дальше не пойдет. Шаховской с Сипягиным пошли на станцию отыскать ее коменданта и пригласить его ко мне. Он долго не появлялся. Между тем смеркалось. Нас загнали в вагон и запретили выходить. Ввели в вагон солдат с ружьями... Мы узнали, что офицер, комендант станции пошел по всем вагонам проверить паспорта. В ожидании, когда он доберется до нашего вагона, я подал мысль жене написать телеграмму Германской императрице, прося ее распорядиться доставлением нас на родину. Я считал ниже своего достоинства обратиться с такой просьбой к Императору Вильгельму... Наконец, пришел в вагон комендант станции, безусый, розовый лейтенант в очках; надо отдать ему справедливость: он был не только вежлив, но и почтителен и правильно титуловал жену и меня. Я обратился к нему с просьбой, как-нибудь доставить нас на границу. Он высказал предположение, что нас можно с рассветом довести до след. станции Сталупяны, а там в 3-х моторах отправить на границу...

Понедельник, 21 июля.

К 5-ти утра все были на ногах... Наш вагон прицепили к паровозу и повезли на следующую станцию Сталупяны, отстоящую от нашей границы в 10 верстах. Тут мы вышли из вагона. Миллер более чем учтиво предупредил нас не выглядывать из окон автомобилей, чтобы нас не застрелили. Все мы, я с женой и двумя детьми... с ручным багажом тронулись на станцию; впереди, с боков и сзади шли солдаты с ружьями, бывшие тут немцы смотрели на нас враждебно. Было приготовлено три мотора. На козлы переднего, где поместились мы с женой и детьми, сел обер-лейтенант с пропуском в руках. Дорогой остановил нас сторожевой пост, но не задержал. Далее, когда мы проехали с $\frac{1}{4}$ часа от станции, один поселянин закричал обер-лейтенанту, что близко русские разъезды. Остановились. Мил-

лер не слишком вежливо приказал выходить из автомобиля и объявил, что дальше не поедет (хотя автомобиль был под белым флагом). Более двух часов пробыли мы здесь посреди большой дороги и за это время никаких разъездов, не только что войск, не показалось. По дороге мимо нас то и дело проходили телеги, доверху нагруженные всяким домашним скарбом, с привязанной сзади коровой, лошадью или свиньей. Это жители выселялись из Эйдткунена. Проходили пешие, проезжали на велосипедах. Враждебности среди этого населения не замечалось.

...Вот вдали, в стороне Эйдткунена, показались отдельные всадники. Нельзя еще было разобрать, немцы это или русские. Но вот всадники приблизились; трое из них проехали мимо нас по дороге к Сталупянам. Мы в них узнали Смоленских улан... С особо восторженным чувством перекрестился я на пограничном мосту...

Ковна

Узнаем, что накануне был Высочайший выход в Зимнем дворце и что Государь¹ в чудесной речи сказал, что не положит оружия, пока хотя один неприятель не будет изгнан из пределов России. Созваны Г. Совет и Г. Дума. Беспорядки, стачки и забастовки как рукой сняло, единение общее, подъем духа небывалый, все партии позабыты.

Павловск

Вторник, 22 июля.

День серый и теплый... Отъезд Иоанчика был назначен вечером того же дня, а три наши гусара должны были отправиться на другой день. — Заехали в Гусарский полк, где Игорь дежурил. Увидали его, вновь произведенного 10-ю днями раньше в корнеты, не выходя из мотора, у подъезда собрания. Он начал с того, что отрапортовал мне. ...Здесь никто не понимал императора Вильгельма. Узнав о нашей мобилизации, он принял ее за угрозу и, несмотря на слово, данное ему Государем, не начинать неприятельских дей-

¹ Николай II.

ствий, резко требовал отмены мобилизации, а не добившись этого, объявил нам войну вечером 19 июля.

Вечером мы благословили Иоанчика и проводили на нашем подъезде. Нечего и говорить, как сжималось сердце. Елена придумала, чтобы все мы, Оля, Митя и дети, сложились и на общие средства устроили подвижной лазарет в 1-ю армию, в котором Елена с Марией Павл. младшей будут сестрами милосердия...

Павловск

Среда, 23 июля.

Провожали по очереди Гаврилушку, Игоря и Олега. Каждого ставили на колени перед иконами в моем кабинете. Не обходилось, конечно, без слез, хотя и сдержанных...

Александрия

Четверг, 24.

Меня с женой позвали в Петергоф к Их Величествам, в Александрию, в приморский дворец. Государь сосредоточен, но ясен, как всегда. Он много расспрашивал о наших дорожных невзгодах. После завтрака он долго рассказывал мне о последних событиях. Вот что я от него услышал. Если не ошибаюсь, 17-го или 18-го был под его председательством в фермерском дворце Совет министров. Во время заседания входит дежурный флигель-адъютант Цвицинский и докладывает, что германский посол Пурталес неоднократно вызывает министра иностранных дел Сазонова. Государь отпустил его. Сазонов вернулся с известием, что Германия требует отмены нашей мобилизации и ждет ответа через 12 часов. Позднее Государь принял Пурталеса, прибывшего по собственному почину, а не по поручению своего императора, за что Государь похвалил его (Павловск, 1 августа). Посол умолял об отмене мобилизации. Государь ответил, что послу, как служившему в войсках, должно быть понятно, что объявленная мобилизация при громадных в России расстояниях не может быть сразу прекращена, даже при угрозе смертной казни военному министру. Но, прибавил Государь, мобилизация не есть война, и он дал Вильгельму честное слово, что ни один русский солдат не перейдет границы, пока будет происхо-

дить переговоры между Берлином и Веной. — 19 июля, в день Св. Серафима, столь почитаемого Государем, выходя от всенощной, он узнал от гр. Фредерикса, с которым для скорости говорил Сазонов, что у последнего был Пурталес с объявлением войны России Германией. При этом Пурталес вручил Сазонову бумагу, в которой содержались оба ответа германского правительства, как на случай благоприятного, так и не благоприятного ответа России относительно прекращения мобилизации. Не знаю, что руководило послом, растерянность или рассеянность. Итак, нам была объявлена война. Государь вызвал к себе английского посла Бьюкенена и работал с ним с 11 вечера до 1 ч. ночи. Государь совершенно свободно, как сам он выразился мне, пишет по-английски, но должны были встретиться некоторые технические термины, в которых он не был уверен. Бьюкенен тяжкодум и медлителен. С ним сообщая Государь сочинил длиннейшую телеграмму Английскому королю. Усталый, во 2-м часу ночи зашел он к ждавшей его Императрице выпить чаю, потом разделся, принял ванну и пошел в опочивальню. Рука его была уже на ручке двери, когда нагнал его камердинер Тетерятников с телеграммой. Она была от императора Вильгельма: он еще раз (уже сам объявив нам войну) взывал к миролюбию Государя, прося о прекращении военных действий. Ответа не последовало.

•
Павловск

Пятница, 25 июля.

События разворачиваются с необычайной быстротой. Франция объявила войну Германии, Англия, в политике которой у нас не были уверены, объявила войну Германии. Германия встретила неожиданное сопротивление Бельгии, когда, нарушив ее нейтралитет, бросила свои войска на Францию через бельгийские земли.

Павловск

Пятница, 1 августа.

Он (Правитель дел, генерал инспекции Полторацкий. — Э. М.) приготовил мне к подписи бумагу на имя Воен. министра с протестом против распоряжения, кото-

рым офицерам воен.-учебн. заведений запрещен перевод в действ. армию, и с указанием, что офицеров, имеющих боевой опыт и, стало быть, необходимых на войне, могут заменить в заведениях прапорщики запаса. Я бумаги этой не подписал, а сделал на ней длинную резолюцию: имеющие боевой опыт офицеры в. у. з. составят в армии совсем ничтожный процент, а прапорщики запаса едва ли явятся желательными воспитателями.

Павловск, 4 авг.

Суббота, 2 августа.

Вечером простились с Костей, последним из пятерых сыновей, отправившихся на войну. Он отбыл на другой день. Появилось знаменательное воззвание Верховного Главнокомандующего к полякам, как русским, так и к германским и австрийским, с обещанием восстановления и объединения великой Польши под скипетром русского Царя...

Отношения между Италией, держащей себя строго нейтрально, с Австрией обостряются.

Германия подарила или продала Турции свои крейсера *гоепен* и «*Breslau*». Державы тройственного согласия усматривают в этом нарушение нейтралитета и грозят Турции. Последняя держит себя двусмысленно, вооружается и, можно опасаться, что примкнет к Германии. Зато Япония, по-видимому, готова начать войну с Германией. Болгария и Румыния еще нейтральны, но, пожалуй, вяжутся в общую борьбу, неизвестно только, к кому они примкнут. Продолжают поступать известия о жестокостях немцев над русскими, уезжающими из Германии в Россию.

Павловск

Четверг, 7 августа.

Вернувшись, получил телеграмму Ермолинского из действующей армии без обозначения дня и места отправления: «После вчерашнего кавалерийского боя Их высочества живы и совершенно здоровы. Потери такие: Конной гвардии убиты Суровцев, два Курганинова, Зиновьев, два Каткова, Князев и Бобриков, ранены Бенкендорф, Гартман, Бобриков, Дубенский и Торнау. В Кавалергард-

ском убиты: Карцов, Кильдишев, Сергей Воеводский. У кирасир двое раненых. Уланы — убит Каульбарс, ранены Гурский, Трубецкой и Скалон. Гусарский — ранен Кауфман. Конногренадеры — убит: Лопухин, ранены: Крамарев и два офицера. 3-й эскадрон Конной гвардии взял батарею. Немцы всюду отступают, сжигая деревни. Сердце сжимается. Подумаешь: в одной Конной гвардии убито 8 офицеров (в том числе родной племянник нашей Софихен) и пятеро ранено — какой Лопухин: отец или сын? Дорого же куплен успех!

Павловск

Понедельник, 18.

(19 августа) Вечером жена получила телеграмму от Буксгевдена из Копенгагена; в тамошних газетах сказано, будто наш Костя в плену у немцев. А он только что писал матери из-под Варшавы, правда, число отправления письма не было означено.

Вторник, 19.

Сегодня утром в «Нов. Вр.» как громом поразило сообщение Верховн. Главнокомандующего: неприятель стянул большие силы, от его артиллерии мы понесли большие потери. Погибли генералы Самсонов (командующий 2-й армией), Мартос и Пестич. Бедный Самсонов, мой подчиненный по Елисаветградск. у-щу, а потом Туркестанский генерал-губернатор! Я его и любил и ценил. Пожалуй, если убит Самсонов, то верна и весть о пленении Кости.

Четверг, 21.

(22-го). На этих днях Высочайше повелело переименовать Петербург в Петроград.

Павловск

Среда, 27.

(28-го). Солнечно. Парк уже в осеннем уборе, жадно читаешь газеты трижды в день. Лазарет, устроенный женой в казармах Сводно-Казачьего полка, готов и освя-

шен. Скоро туда привезут раненых... Бедный летчик Нестеров погиб под Львовом, сражаясь в воздухе с австрийским аэропланом.

Павловск

Четверг, 28.

(29-го). ...Непонятное творится с нацией, давшей миру Гете, Шиллера, Канта, Вагнера; куда девался ее идеализм, что случилось с ее нравственностью! Парламентеров забирают в плен, выкидывают белый флаг, а потом вероломно стреляют, бросают с аэропланов бомбы на неукрепленные города, пристреливают раненых. Навестил А. А. Майкову на новой квартире по 18 линии № 7. Получил от нее последние корректурные листы 2-го тома нового издания моих стихов.

Павловск

Суббота, 30.

Погода как летом. Гулял без верхнего платья. Листва окрасилась во всевозможные осенние цвета. Один вяз над круглым озером, близ старого шалэ, весь лиловый... Пришло известие, что убит Чигаев, Измайловец, игравший Никодима в «Царе Иудейском». Убиты также измайловцы Лялин и Кучевский. Последний играл Трибуна в моей драме.

Понедельник, 1 сентября.

(2). Стыдно показываться на людях: я еще не стар, относительно здоров, а не нахожусь на войне. Ведь всем не растолкуешь, что за 24 года успел отстать от строя, в чине полного генерала не найти подходящей должности в дейст. армии и что здоровье легко изменяет.

Павловск

Пятница, 5 сентября.

Когда Елена была в дейст. армии, то обедала в вагоне у Ранненкампа и видела у него начальника штаба верхов. главн. Янушкевича, который производил наилучшее впе-

чатление. Он хорошо осведомлен о крупных неладах между главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта Жилинским и подчиненным ему командующим 1-ой армией Ренненкампом. Эта рознь стоила жизни многих воинов.

Суббота, 7.

(Павловск, 8 сент.). Несколько дней назад вышло издание Сергиевского «В строю». Это мои военные стихотворения, украшенные иллюстрациями. Есть книжки по 40 коп., есть и по 25. Приложены мой портрет и автограф, а также краткая биография. Теперь вышло и роскошное (20-рублевое), иллюстрированное в красках издание моего «Царя Иудейского», первую книгу которого я послал Государю...

Благовещенский лазарет

Вторник, 9 сентября.

(10-го). Дожливо, но тепло. Гулять не выходил. Ольга Никол. (Царская дочка) написала мне на днях, прося взять на себя редактирование сборника рассказов раненых в пользу Комитета для семейств запасных. По ее поручению был у меня вице-председатель комитета К. В. Рукавишников. Много расспрашивал его о Рукавишниковском приюте (исправительном) для малолетних преступников. Славный такой старичок!

Павловск

Суббота, 13 (сентябрь).

(15-го). Общим собранием в Академии начался для меня 26-й год моей службы в Академии. Познакомился с новыми академиками — палеонтологом Андрусовым и членом Отдел. русск. языка и словесности Перетцем. Большой конференц-зал Академии превращен в Лазарет на 50 челов. раненых воинов.

Павловск

Суббота, 27.

(Осташево, 4 октября).

Не думал я, не гадал, что в эту пору мы попадем в Осташево... Но расскажу по порядку.

(Осташево, 5 окт.). В этот день, 27 сентября, мы еще и не подозревали, что случилось с нашим Олегом.

28.

После завтрака, когда гости стали расходиться, Тура Сабуров сказал мне на верхней площадке лестницы, что командирше лейб-гусар генеральше Шевич по телефону сообщено, будто бы Олег легко ранен в верхнюю часть ноги. Меня это сильно взволновало, но слово «легко» утешало, так что я очень радовался. Признаюсь, у меня было сильное желание, чтобы кто-нибудь из сыновей был легко ранен; это бы вернуло его к нам и заодно доказало о добросовестной службе в строю. У себя внизу в конверте нашел 3 телеграммы. Жена отдыхала, а когда проснулась, я прочел ей все 3 телеграммы, стараясь скрыть волнение... Мы с женой решили ехать в Вильну.

Взял с собою для Олега Георгиевский крест, принадлежавший отцу и подаренный им мне. Засыпал в вагоне счастливый, полный уверенности, что Олег поправляется. Насколько было сладко заснуть под отрадным впечатлением и насколько стало горько при пробуждении от новых известий. Генерал Адамович не мог меня дожидаться в Вильне и написал мне карандашом из Корсовки. Вот выдержки из его письма: ...«Спешу скорее сделать вам известным все, что знаю об О. К. Он ранен третьего дня. Была схватка эскадрона с сильным разездом. Его Высочество шел в атаку, но лошадь, по его словам, слишком вынесла. Его Высочество видел человека, который прицелился... Я был допущен к Олегу К-чу врачами. Его Высочество встретил меня как бы «нетяжелый» больной. Приветливо, даже весело улыбнулся, протянул руку и взглянул Вашим взглядом. Войдя, я поздравил князя с пролитием Крови за Родину. Его Высочество перекрестился и сказал спокойно, без трепета: «Я так счастлив, так счастлив! Это нужно было. Это поддержит дух, в войсках произведет хорошее

впечатление, когда узнают, что пролита Кровь Царского Дома. Это поддерживает Династию». Оба князя сказали мне несколько восторженных слов о поведении солдат с ними вместе в боях». Наш поезд двигался неимоверно медленно и опоздал в Вильну на целый час... В большой угловой комнате, ярко освещенной, направо ближе к окнам Олег лежал на кровати. ...Он был очень бледен, но мало изменился. У встретившего нас на пороге этой комнаты Игоря¹ были расширенные, заплаканные глаза. Олег узнал нас, у него было сияющее выражение. Я поднес к его губам Георгиевский крест и вложил его ему в руку. По-видимому, он не совсем понимал... Я стоял у его изголовья на коленях, моя голова приходилась рядом с его головой. Смотря в упор мне в глаза, он спросил: «Паскин, ты здесь?» и попросил обойти по другую сторону кровати. Я это сделал и приколот Георгиевский крест к его рубашке с правой стороны груди.

(Осташево, 6 окт.). В первые минуты, пока он был еще в сознании, как трогательно выразилась его радость свидания, которого он ждал с нетерпением. С 4-х часов его искусственно поддерживали подкожными впрыскиваниями камфары и глотками шампанского, чтобы он дожид до нашего приезда. И Господь подарил нам это утешение. С какою нежностью обвивал он руками за шею мать и меня, сколько говорил нежных слов! Но сознание заметно угасало... Я то поддерживал его голову, то гладил по волосам и по лбу или закрывал ему глаза. Одно из последних его слов было «Пойдем спать». Он постепенно успокаивался, переставал метаться, становился неподвижнее; дыхание делалось все ровнее и тише. Наконец, он совсем затих, и нельзя было уловить последнего вздоха. Когда наступила кончина, было 8 ч. 22 м. вечера. И не стало нашего Олега!

Осташево

Пятница, 3. Октябрь

Приехали в Осташево часа за полтора до прибытия гроба. Вышли ему навстречу на село. На площади, между часовенкой и памятником Александру Освободителю, служили литию. Гроб отвязали от лафета, осташковские кре-

¹ Игорь Константинович — сын В. К. Константина, брат Олега.

стьяне подняли его на руки и понесли по липовой аллее, направо на птичий двор, мимо окон Олега в сад и направо вдоль реки. Путь в начале парка, где ведет налево дорожка на холмик, возвышающийся над заливным берегом Рузы, под деревьями расположено «Натусино место». Так мы называли этот холмик, где есть скамейка: 9 лет назад, когда заболела наша Натуся, мы ждали тут телеграммы с известиями. Вместо крытого берестой круглого стола со скамейкой вырыли глубокую могилу, обделав ее деревянными досками. Здесь Осташевский батюшка Малинин, с нарочно прибывшими духовником Олега иеромонахом Сергием и Павловским диаконом Александром отслужили последнюю литию. Георгиевский крест на подушке из материи георгиевских цветов держал Георгий. Осташевский батюшка перед опусканием гроба в могилу прочел по бумажке слово; оно было не мудрое, но чтение прерывалось такими искренними рыданиями батюшки, что нельзя было слушать без слез. Мы отцепили от крышки гроба защитную фуражку и шашку; кто-то из крестьян попросил поцеловать ее. Опустили гроб в могилу. Все по очереди стали сыпать горсть земли, и все было кончено.

Осташево

4 октября

Временами нападает на меня тоска, и я легко плачу. Ужас и трепет берут, когда подумаешь, что с четырьмя сыновьями, которым вскоре нужно вернуться в действующую армию, может случиться то же, что с Олегом. Вспоминается миф о Ниобее, которая должна была лишиться всех своих детей. Ужели и нам суждено это? И я стану твердить: «Да будет воля Твоя».

Воскресенье, 5 октября

...Чудные октябрьские дни. С утра морозит, на траве иней, на реке сало, а днем на солнце тепло. Приехал по нашей просьбе всеми нами любимый инженер Серг. Ник. Смирнов. Мы хотим, согласно желанию Олега, выстроить над его могилой церквушку во имя преподобных князя Олега и Серафима Саровского. Смирнов охотно за это берется.

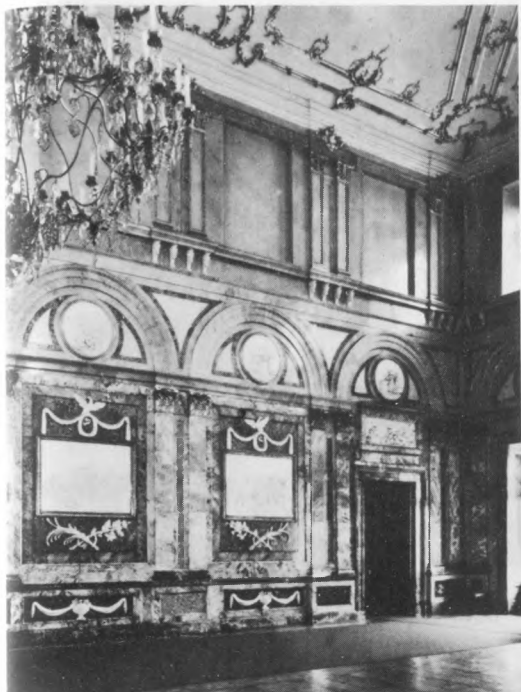
К. Р. музицирует. 900-е гг.

*Мраморный дворец.
Невский фасад*

*Мраморный дворец.
Парадная лестница*

Мраморный зал во дворце

*Мраморный дворец.
Главный фасад*

Павловск. Большой дворец

Константин Романов

Павловск

Павловск. Большой дворец.
Столовая

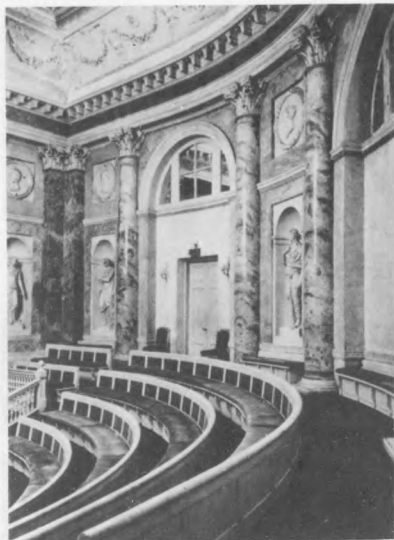
Въ Павловскѣ находился съ Надубетомъ
Левъ Романовъ 1909 - 1910.
Л. Романовъ

*Страницы журнала «Нива»
от 7 сентября 1913 г.
с Египетскими стихами К. Р.*

*Великий Князь Константин
Константинович со старшими
сыновьями во время путешествия*

*Эрмитажный театр.
Зрительный зал*

Эрмитажный театр

*Драма К.Р. «Царь Иудейский»
на сцене Эрмитажного театра.
5-е действие. Сад Иосифа
Армафейского. 1914 г.*

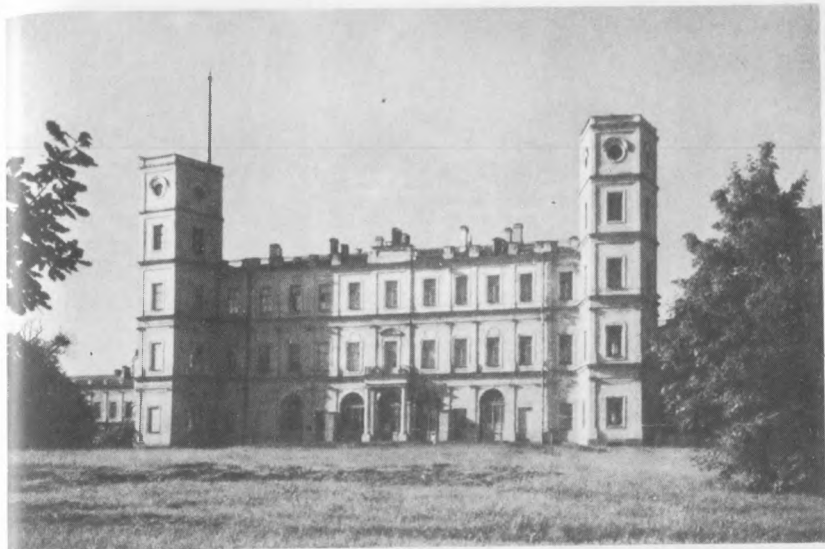

*К.Р. в роли Иосифа Аримафейского
в драме «Царь Иудейский».
11 января 1914 г.*

К.Р. в роли Гамлета. 900-е гг.

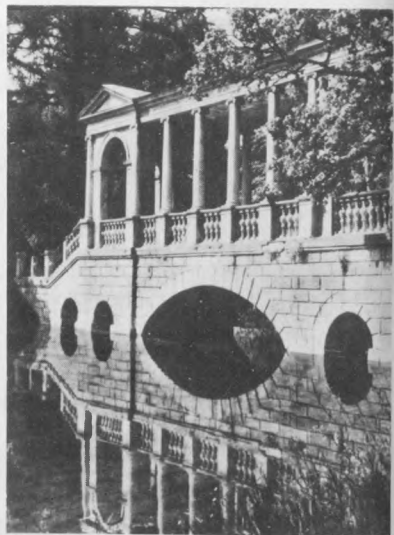
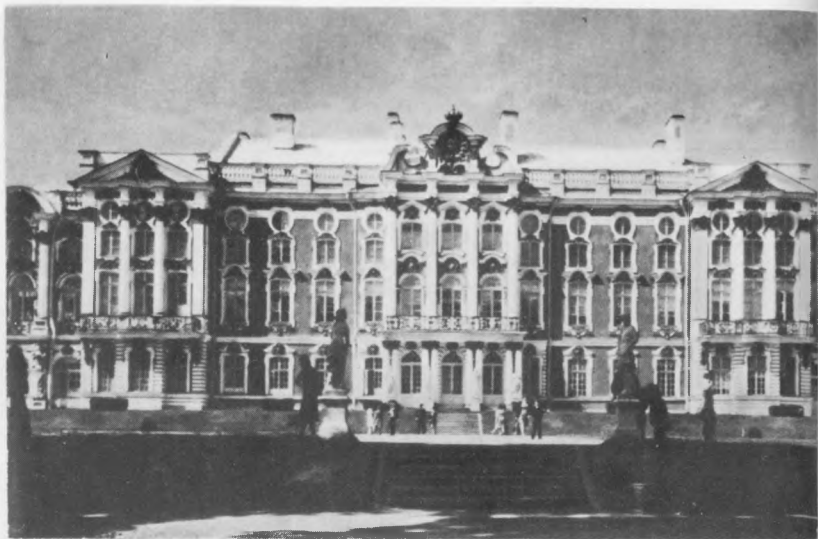

Петергоф. Большой дворец

Гатчина. Дворец

Гатчина. Павильон Венеры

Царское Село. Екатерининский дворец

Царское Село. Знаменская церковь

Царское Село. Мраморный мост

Царское Село. Китайский мостик.
Крестовый канал

Царское Село. Китайский мостик.
Крестовый канал

Санкт-Петербург. Александро-Невская лавра. Троицкий собор

Санкт-Петербург. Никольский собор

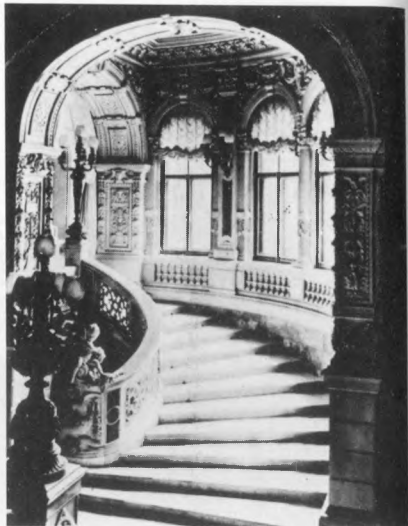
Санкт-Петербург. Семинарский корпус Александро-Невской лавры

Дворец Великого Князя Алексея Александровича

Санкт-Петербург. Манеж Кавалергардского полка

Вид на здание
в саду

*Санкт-Петербург. Дворец
Великого Князя Владимира
Александровича*

*Парадная лестница во
дворце*

*Великий Князь Владимир
Александрович*

Владимир.

Павловск

Вторн., 21.

Был у меня мой издатель Ник. Ник. Сергиевский, просидевший 3 м-ца в Ростове, в плену у немцев... Он вскоре выпускает (своим, а не моим изданием) сборник избранных моих стихотворений. Туда будет включена и не печатавшаяся до сих пор моя «Черногория» (письмо к князю Николаю Черногорскому от 1899 года). Говорили о напечатании отдельным томом всех моих статей в прозе. Многие из германских и австрийских подданных обращаются ко мне с просьбой о разрешении им не подвергаться высылки из России. Эта высылка требуется для всех часто без разбора.

Павловск

Воскресенье, 16 (октябрь)

Были на освящении пещерной церкви во имя Святых Константина и Елены, устроенной Вильгковскими в Царскосельском придворном госпитале. Она строго выдержана в византийском стиле IV—VI веков. Императрица А. Ф. и старшие ее дочери присутствовали, одетые сестрами милосердия. Я не совсем понимаю, к чему этот наряд? Во время обедни приехал в новую церковь Игорь. Он с Гаврилушкой отпущен домой на некоторое время. К Игорю я чувствую большую нежность, особенно после смерти Олега, больше, чем к трем старшим сыновьям. К жину были Гаврилушка, Костя и Игорь.

Павловск

Понед. 17 (ноябрь)

Приехал мой издатель Н. Н. Сергиевский... Он просил и получил мое согласие на покровительство задуманному им роскошному изданию Истории русской одежды.

Павловск, Мраморный

Четверг, 20 (ноябрь).

В Мраморном по просьбе Шахматова принимал генерального секретаря Польского Ученого Общества Кони-

ца. Он ходатайствовал, чтобы я вышел с представлением к Николаше заступиться за профессоров Львовского университета, которые с переходом Галиции во власть России бедствуют, оставаясь без содержания.

Суббота, 29 ноября

...Почтенный Бор. Ил. Гладков, которого я очень уважаю, прислал мне рукопись своей драматической фантазии «Кто отвалил камень?», которую просит посвятить мне. Это совсем слабое произведение. Пришлось сочинить послание, которым очень прошу не выпускать в свет этого сочинения и пускаюсь в разбор его.

Москва

Четверг, 11 (декабрь)

В Москве встретили меня директора кад. корпусов. Поехал в Сокольники в казармы гренадерского саперного батальона, куда еще в июле перебрался из-за войны из Варшавы Суворовский кадетский корпус. Помещение довольно убогое. Пока обходил классы, прибыл Государь. Он с Императрицей уже с 7-го числа в Москве. Он обошел все помещения и вышел на улицу, куда велел вывести кадет, и прошел вдоль их фронта. Он приказал распустить их на 3 дня. Из Суворовского корпуса, где со мной были г.-л. Степ. Нил. Лавров и полковн. Липинский, я с ними и Хоцановским поехал в 1-й Московский корпус. Там находится 2-я рота Полоцкого корпуса, который из-за войны переведен из Полоцка во Владикавказ, Москву, Сумы. Завтракал у Римского-Корсакова. Отдохнув у него, побывал за обедом у кадет. Ходил к раненым нижн. чинам, которых немало приютили в корпусе, где увидел его директора Быстревского. Потом был в 3-м корпусе и изрядно устал.

В 10 уехал в Орел.

Петергоф

*Вторник. 30 декабря
(Последний день 1914 г.)*

К полудню приехали с Олей в город. Там совершенно неожиданно для нас к нам в вагон вошел наш новый Георг-

гиевский кавалер — Костя. Мы думали, что он в действ. армии, а он приехал на несколько дней сюда, краснощекый и пополневший. Большая радость.

С 2-х часов назначена была репетиция чтения на ролях «Ц. И.»¹.

Музыку Глазунова к моей драме консерваторский органист... переложил для органа и фортепиано... Музыка звучала прекрасно. Зато чтение шло неверно и с перерывами. Было плохо слышно: пришлось усиливать голос и по два раза повторять прочитанное...

Приехал на эту репетицию милый Данильченко, отмороженные ноги которого заживают.

Мраморный, Павловск

2 февраля

Удуше и перебои сердца мучили меня ночью до 4-х утра, к утру прошло... С тех пор я проводил дни, сидя на большом кресле в моей приемной и никуда не ходил дальше моей уборной... Меня часто посещала Имп. Мария Федоровна. Раз посетил Государь и привез мне пряжку за 40 лет службы в офицерских чинах. Я бы должен был получить ее 10 августа 1914, но это было забыто.

Павловск

Вознесение. 30 апреля 1915.

Вчера для меня был праздник: в 4 ч. в Греческой зале состоялось повторение главнейших номеров устроенного Н. Н. Сергиевским в собрании Армии и Флота «Вечера поэзии К. Р.». Мы пригласили двух старших царских дочек, Зизи Нарышкину, Изу Буксгевден и всех наших домашних с женами и дочерьми. Всего гостей было человек 30 с небольшим.

Греческую залу устроили красиво и уютно с помощью кресел, диванов, кушеток, столиков. Исполнителями были Ведринская, Тиме, Студенцов, Ходотов, Андреева-Дельмас, Райчев и др. Исполнялись мои стихи и романсы.

¹ «Царь Иудейский» — драма К. Р.

Воскресенье, 3.

Наши армии должны были отступать от Карпат... В 5-м часу нас навестили Их Величества... Царь рассказывал о своей поездке в Каменец-Подольск, Одессу, Николаев и Севастополь.

У меня был директор нашего археологического Института в Царьграде академик Ф. И. Успенский. Я обращался к Николаше и получил его согласие на поручение Успенскому охраны царьградских исторических памятников в случае овладения нами Царьградом.

Павловск

Троица, 10 мая

Измайловцам посланы телеграммы и в действ. армию и в запасной батальон в Красное. Состояние здоровья не позволило мне поехать в Красное. Обедню и вечерню стоял дома с букетом розовых роз. Было тепло. Сидел на берегу Славянки в старой семейной роще, когда приехали Костя и безрукий Измайловский командир Кругловский.

Духов день, 11

Нездоровилось. За день было несколько приступов спазматических болей в груди, действующих удручающим образом на настроение... Италия объявила войну Австрии. Это большой важности событие, ожидавшееся с нетерпением всеми, кто сторонник тройственного соглашения. Вести о боях в Галиции более успокоительные. В дневнике баронессы Раден за 1853 г. прочел, что 6 февраля в Большом театре на представлении «Риголетто» в. к. Елену Павловну в ложе, где она была со своими фрейлинами Раден и Zisa, навестили мои родители... Эдита Федоровна еще 9 лет до освобождения крестьян угадала в Папа будущего большого деятеля¹.

¹ Эта запись сделана за месяц до кончины Великого Князя. Смерть настигла его за чтением исторических мемуаров, необходимых для новой пьесы.

ЗАПИСКИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА РОМАНОВА
О ПОСЕЩЕНИИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА
1898

Бюкебург. 12 февраля 98.

Уже 5 января в полку узнали, что 9-го числа в 7 часов Государь Император прибудет обедать в новое офицерское собрание в Тавриде. Это собрание было готово и открыто 19 ноября 1896 года. Еще тогда Государь пообещал взглянуть на него и под предлогом осмотра принять обед. Это посещение предполагалось по переезде Их Величеств из Царского Села в Петербург, но вследствие болезни Императрицы Александры Федоровны переезд в зиму 1896—97 г. не состоялся. Мраморная доска, вделанная в стену зала над статуей Александра I в ожидании надписи, которой хотели увековечить память о первом посещении Государем Нового Собрания, оставалась пустою, и многие у нас уже потеряли надежду увидеть когда-нибудь эту надпись.

1 января 1898 после Царского выхода к обедне в большую церковь Зимнего дворца, командир полка напомнил Его Величеству об обещании посетить офицерское собрание по переезде в город. Государь помолчал, подумал и сказал: «Дай мне несколько дней осмотреться. Не бойся, я не забуду и непременно буду к вам. Но смотри, чтобы не было издержано ни одной лишней копейки, чтобы был простой «четверговый» обед. Я не хочу вводить офицеров в расход».

В воскресенье 4-го на семейном обеде у Императрицы Марии Федоровны в Аничковом дворце Государь сказал Командиру полка: «Да, я обдумал и хотел бы обедать у вас в пятницу, если только в этот день полк не занимает караулов». Командир полка ответил, что караулы не мешают. — «А в котором часу?» — «Когда Вашему Величеству будет благоугодно». — «У вас, помнится, обедают 6¹/₂. Но нельзя ли в 7 ч. Мне так удобнее. Только помни, чтобы не было лишних расходов». — «А в какой быть форме?» Государь полустрого, полушутливо сказал: «Конечно, в полной парадной» и прибавил: «Разумеется, просто в скрутках». Командир полка напомнил, что годом раньше Его Величеству благоугодно было выразить согласие при посещении собрания осмотреть и полковой лазарет, находящийся под той же кровлей, чтобы не огорчить больных, которые, отделенные от собрания только одной стеной, конечно, были бы очень опечалены, не увидав Державного Шефа. Государь согласился. Затем командир полка испросил разрешения пригласить к обеду всех офицеров, служивших в строю 1893—94 году (в бытность Его Величества Командиром I-го батальона) и с тех пор вышедших из полка, а также корпусного командира кн. Оболенского, бывшего в то время начальником дивизии и постоянного участника всех полковых торжеств. Государь соблаговолил согласиться на предложение командира полка: по прибытии в собрание прямо проследовать в лазарет, потом сесть за стол и уже после обеда обходить нижние и верхние комнаты собрания, чтобы тем временем офицеры успели разойтись по всему помещению, а не толпились в которой-нибудь одной комнате. Государь сказал, что можно этим воспользоваться и поиграть на бильярде по старой памяти. Командиром полка было еще испрошено позволение выстроить нижних чинов в саду перед собранием, а также выпить за здоровье Шефа во время обеда.

(Альтенбург. 3 марта 98)

Оставалось пять дней до девятого числа. Всем прежде служившим одновременно с Государем, а также выбывшим из полка разослали приглашение на обед, кому письменно, кому по телеграфу. Командир полка обсуждал со старшим полковником подробности приема, желательно

было все предусмотреть, устранить какие бы то ни было неловкости и шероховатости, обдумать каждую мелочь, чтобы не погрешить против благоговения к Высокому дорогому Гостю, предугадать все, что могло бы показаться Ему неприятным или скучным и что нарушило бы порядок.

9 января в 7-м часу вечера офицеры полка и гости были в собрании. От угла Потемкинской улицы, по Кирочной и в саду до самого подъезда собрания расположились шпалерами по обе стороны пути все нижние чины полка, кроме роты Его Величества и старших нижн. чинов I-го батальона, которых расставили внутри на ступеньках лестницы, от подъезда вверх до лазаретной церкви. Остальные же фельдфебеля, старшие в командах и сверхсрочные поместились на лестнице, ведущей из верхнего этажа лазарета в средний. Дежурному по I-му батальону офицеру было разрешено отлучиться от казарм на Миллионной и находиться в Собрании. Ровно в 7 часов раздались на улице крики. — Государь, подъехав, поздоровался с солдатами, которые, ответив на приветствие, закричали «ура». В подъезде Государь был встречен дежурным по полку шт.-капитаном графом Лорис-Меликовым, отпрапортовавшим Его Величеству по новой, осенью 1897 года утвержденной форме. Улыбнувшись ему, Государь сказал: «Трудно рапортовать по-новому?», снял с себя и отдал вестовым фуражку, перчатки и шашку и протянул руку командиру полка, корпусному командиру и каждому из полковников. Тут мы в первый раз увидели Государя в нашем сюртуке с белым кантом на обшлагах, незадолго перед тем введенным в полках I-й гвард. дивизии. Поднимаясь по лестнице, Его Величество поздравил толпившихся ему навстречу офицеров с Новым Годом и поздоровался с фельдфебелями и сверхсрочными I-го батальона, и людьми Своей роты. Сперва была осмотрена церковь, а оттуда Государь прошел в полковой лазарет, куда за ним последовали корпусный командир, командир полка, полковники, дежурный по полку и заведующие лазаретом шт.-капитан Коростовец и казарменными зданиями поручик Вильчковский. Встреченный в лазарете врачами и сестрой милосердия, Государь обошел больных и каждого, а особенно более трудных, заботливо спрашивал о здоровье и о том, как и где заболел. — Вернулись в собрание по парадной лестнице. В гостиной Государь подал руку генер.-май-

ору Огареву (командиру л.-гв. Стрелкового Е. В. батальона), в должности шталмейстера Гартонгу и генерального штаба подполковнику Ванновскому, сыну бывшего военного министра. Увидав в зале обильную закуску, накрытую на двух длинных столах у большого бюста Петра Великого, Государь спросил, не роскошнее ли она обыкновенного? Было отвечено, что такая же закуска подается перед каждым товарищеским обедом. — Обеденный стол был накрыт покоем. Среднее председательское место, спиной к Мраморной статуе Александра I (работы известного ваятеля начала XIX века Рауха) предполагалось для Государственного Шефа, но, отведав закуски и подойдя к столу, Государь не пожелал занять этого места, предоставил его командиру полка, а сам сел рядом правее, как бывало садился, когда еще командовал батальоном. Перед царским прибором было поставлено меню, нарочно к этому случаю нарисованное акварелью командиром 12 роты, шт.-капитаном Шиповым¹, а также стояли два серебряных стакана, заведенные к 6-му августа 1897 г. в память десяти лет, прошедших со времени командования Государем I-й полуроты Его Величества. Остальные два стакана, с вырезанным на них именем Цесаревича Николая Александровича и годом Его зачисления в списки полка (1868), по желанию Государя, выраженному Им в день полкового праздника 1896 г., ежедневно подающиеся на стол, на этот раз очутились перед приборами шт.-капитана Коростовца и поручика Шлиттера, которые по заведенному 7 августа 1896 г. обычаю, оба встали и осушили стаканы. Обед был нарочно заказан самый простой и состоял из след. блюд: рассольника, говядины с гарниром, жаркого из дичи и

¹ Командир полка получил разрешение Государя отпечатать это меню на память участникам обеда 9-го числа. По наведенным справкам оказалось, что печатание в красках может быть исполнено только в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг за 500 р., но что на это потребуется месяца полтора работы. При этом офицеры выразили желание, чтобы меню было отпечатано в первоначальном виде по числу участников обеда и чтобы, кроме того, заготовили и другие снимки, без обозначения блюд с тем, чтобы это же меню служило на будущее время в полковые праздники. Через несколько дней командир полка испросил разрешение Государя Императора удержать меню на срок, необходимый для напечатания, на что Его Величество изъявил желание принять расходы по заказу Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг на Себя.

мороженого. Соседом Царя справа был Кн. Н. Н. Оболенский, Государь предложил ему мадеры из Своей бутылки, но не отдал князю, который хотел ее взять, а сам налил ему в рюмку; затем Он протянул бутылку через стол старшему полковнику Коростовцу, сидевшему напротив командира полка. Шампанское было всем разлито уже после второго блюда с тем, чтобы, если после тоста командира полка, Государю было бы угодно отвечать, оставалось Его Величеству время обдумать Свои слова. Ком. полка попросил позволения у Государя выпить Его здоровье; Он поморщился, не сразу ответил, но потом сказал: «Нечего делать, надо покориться». — Тогда ком. полка встал и как только прекратился шум отодвигаемых стульев (Альтенбург 5 марта 98) и смолкла музыка, начал говорить, постепенно возвышая голос: — «Ваше Императорское Величество, с радостным, нетерпеливым трепетом ждали мы обещенного Вашим Величеством дня, когда впервые увидим Вас в этих стенах. И желанный день настал. Отложив царственные труды и заботы, Ваше Величество вспомнили тех, на чью долю выпал завидный жребий несколько лет прослужить с Вами под одними Знаменами. Если и всегда, и во всякую воинскую часть посещение Верховного Вождя вносит великую радость, то какое невыразимое счастье даруете Вы нам, не только вступая в наш круг, но и деля с нами эту товарищескую трапезу. Государь! Преисполненные любви, благодарности и восторга, наши сердца рвутся к Вам навстречу, сливаясь в единый заветный клик: «Да здравствует Державный Преображенец!» — И раздалось такое «ура», что мороз побежал по коже и казалось, что стены не выдержат. Царь поклонился на все стороны, постоял немного, потом взял за руку командира полка, обнял его, поцеловал и сел, сделав и ему знак садиться. Но «ура» не прекращалось; Государь снова встал, опять поклонился и сел; тогда «ура» смолкло — не хотели слишком утомлять Дорогого Гостя.

Кофе подавали за столом, а Государю вместо кофе по старой памяти подали чашку чаю, что Он заметил и похвалил. Допив чай, Царь встал и раньше, чем выйти из-за стола, взял стакан и стал говорить: «Господа, Мне трудно выразить вам то волнение и ту радость, которые Я испытываю, находясь в первый раз вновь среди вас. Поверьте,

что в течение последних 3-х лет Я постоянно всеми помыслами стремился к вам, но не мог этого исполнить по разным причинам. Наконец, Мне удалось быть с вами среди этой незнакомой, хотя роскошной обстановки. Я бесконечно счастлив видеть дорогие Мне, знакомые лица. Надеюсь и уверен, что Преображенский дух будет всегда жить и окрылять Преображенцев. Пью ваше здоровье. Ура».

Жадно ловилось каждое слово; шт.-капитаны Граф Татищев и Коростовец, и поручик Кн. Оболенский втихомолку наскоро записывали Государеву речь, а потом записи были сличены. За царскими словами не раздался ни один хотя бы слабый крик: такова дисциплина обычая.

Выйдя из-за стола, Государь прошел в арсенал и осматривал хранящиеся в нем предметы, причем объяснения давал заведующий арсеналом и библиотекой шт.-капитан гр. Татищев. За арсеналом была осмотрена читальная комната, где внимание Государя привлекли манекены, одетые в полковую форму различных эпох. Тут пробило 9 часов. Дежурный по полку подошел с рапортом. Этот рапорт заранее обдумали, и он был произнесен так: «Ваше Императорское Величество, л.-гв. в Преображенском полку больных в лазарете 33, в госпиталях 22, арестованных не имеется¹. В течение дежурства Ваше Величество изволили осчастливить полк Своим Посещением» (Новая форма рапорта требует упоминания о всех случившихся происшествиях).

(Альтенбург. 6 марта 98)

Зайдя в кабинет командира полка, Государь поднялся в верхний этаж и осмотрел бильярдную, дежурную комнату, карточную и библиотеку. В бильярдной собралось очень много офицеров; игра на бильярде не состоялась. Ком. полка испросил позволения устроить «сидение». Государь согласился и сошел вниз в залу, где сел у подножия бюста Петра Великого, пожелав, чтобы все сели в кружок. Перед Его Величеством был стол, заставленный стаканами, среди которых возвышался золотой жбан (подарок В. К. Сергея Александровича), наполненный шам-

¹ Их было велено выпустить по случаю посещения полка Его Величеством (К. Р.)

панским с ананасами и персиками. Офицеры поместились вокруг стола; в другом конце залы играл 2-й музыкантский хор. — Князя Оболенского, сидевшего по левую руку Государя, попросили запевать старые полковые застольные песни: Державинскую «Краса пирующих друзей», «Пчелка золотая», «У нас в питье считается три класса» и пр. Князь запел, офицеры подхватили, и сам Царь подтягивал. После, когда отпустили музыкантов, запели хором Его Величеству: «Без полковника не пьется и вино не веселит, песня звонко не поется и стакан пустой стоит», при этом все вскочили с мест, Государь встал, опорожнил свой стакан и потребовал, чтобы под эту же песню пили и другие полковники. Потом Он потребовал стакан содовой воды, поставил его на тарелку, подал кн. Оболенскому (которому запрещено пить вино, что было известно Государю) и запел, как водится: «Николай Николаевич, здравствуйте, здравствуйте!» В ответ на это князь подал Государю на тарелке стакан шампанского, припевая: «Ваше Величество, здравствуйте, здравствуйте!»

Государь пожелал, чтобы пили по выпускам; начал князь Оболенский, а Государь причислил Себя к выпуску 1868-го года, когда был начислен в списки, а 1887, летом которого впервые начал службу в рядах полка. Старшим в выпуск 1887 г. оказался Ванновский. Когда дошла до него очередь, он поднес наполненную вином серебряную стопу Его Величеству, а кругом пели: «Подноси сосед соседу, сосед любит пить вино, выпивай сосед любезный, оботри сосед соседа, поцелуй сосед соседа» и т. д. Конечно, Ванновский не посмел утирать губы Царю, но держал салфетку в руке, вытянувшись в струнку. Государь взял у него салфетку, вытер себе усы и, трижды облобызав Ванновского, подал братину следующему по старшинству в выпуске поручику Барону Зедделеру; тот выпил, Царь обтер ему губы и тоже три раза с ним поцеловался.

Во время «свидания» Государь пожелал сказать два слова командиру полка в его кабинете и, пройти туда так, чтобы никто не вставал, командир шепнул направо и налево, чтобы все сидели смирно, и, когда Государь встал и вышел, ни один человек не тронулся с места.

Оставшись с командиром с глаза на глаз, Царь обнял его, провел рукой по груди и сказал: «Как хорошо!» Он был видимо доволен, а как счастливы были в полку, того,

как говорится, ни словом сказать, ни пером описать. Как-то не верилось даже, что все это наяву, что Тот, которому мы присягали, за Кого готовы сложить свои головы — находится тут между нами, пьет с нами и песни поет.

Когда Он вернулся в залу из кабинета командира, запели песню, введенную в обычай русским хором в Москве во время коронации: «За дружеской беседою»; припев мы изменили так: «К нам приехал наш родимый, Государь наш дорогой!» При последних словах все повскакивали с мест и грянули восторженное, оглушительное «ура». У многих глаза были влажны от избытка чувств.

Государь приказал командиру полка назвать ему потихоньку офицеров, поступивших в полк после 1894 года; Он знал их из приказов по полку по фамилиям, но не в лицо.

В 2 часа Царь собрался уезжать. Когда он вышел из залы, офицеры подхватили Его на руки, донесли до подъезда, одели и усадили в коляску. Многие бежали за экипажем, некоторые даже до угла Сергиевской и Воскресенского проспекта.

Так кончился этот незабываемый вечер или, вернее, ночь с 9-го на 10-е января, оставив по себе невыразимо светлое воспоминание в сердце каждого Преображенца.

Воспоминания

ЦАРСТВЕННЫЕ
ПРЕОБРАЖЕНЦЫ

*Мраморный дворец.
17 марта 1896 г.*

ВОСПОМИНАНИЯ

*о службе Государя Наследника Цесаревича Николая
Александровича, ныне благополучно царствующего
Государя Императора л-гв в Преображенском полку*

2 января 1893 — 20 октября 1894

*Записано командиром полка Генерал-Майором Великим
Князем Константином Константиновичем в 1896 году*

6 августа 1892 г.

Государь Наследник Цесаревич Николай Александрович был произведен в полковники. Его Высочество выразил командующему полком В. К. К. желание вступить в ряды Преображенцев и принять командование 1-м батальоном, на что намеревался испросить разрешение Государя Императора.

23 августа в Стрельне команд. полком получил от Его Высочества следующую записку из Александрии (близ Петергофа): «Дорогой Костя, спешу разделить с тобой мою искреннюю радость: у меня только что произошел с Папа разговор, содержание которого так давно волновало меня! Мой милый, добрый Папа согласился, как прежде, охотно и разрешил мне начать строевую службу с зимы! Я не в состоянии выразить тебе испытываемые мною чувства; ты вполне поймешь это сам. Как будто гора с плеч свалилась! Итак, я буду командовать 1-м батальоном под твоим начальством. Целую крепко нового отца-командира. Твой Ники».

Нечего распространяться о том, какую радость вызвало это известие в полку и с каким нетерпением ожидалась зима 1892—93 года. Цесаревич Николай Александрович, прослужив летом 1887 года субалтерн-офицером в роте Его Величества и командовав ею в лагерное время

следующего, 1888 года, успел оставить в сердцах своих сослуживцев самые отрадные воспоминания. Для всестороннего изучения строевой службы трех родов оружия Е. В. два лета сряду (1889—1890) пробыл л.-гв. в Гусарском полку, а в лагерную пору 1892 г. командовал батареею Его Величества л.-гв. Конно-артиллерийской бригады. Но в зимнее время Цесаревич еще ни разу не находился в строю ни в одной из воинских частей, и эта честь впервые выпадала на долю Преображенцев.

26 августа Наследник Цесаревич отбыл с Их Величеством в Иван-город на маневры. В конце августа заведующий конторой Его Высочества начал вести с заведующим в полку хозяйством полковником Галлером переговоры о постройке дома для Цесаревича в лагере полка под Красным Селом; выбор места под новый дом Цесаревич предоставил ком. полком, и оно было выбрано за прудом, между участками 2-го и 3-го батальонов. Вскоре началась и постройка дома.

...В день праздника Рождества Его Высочество сказал ком. полком в Гатчине, что желал бы начать службу в полку с 2 января наступавшего года.

...Наконец настал ожидаемый с таким нетерпением день 2 января. С 11 часов утра в казармы на Миллионной улице стали собираться все офицеры полка в парадной форме и столпились в передней и на лестнице, ведущей в роту Его Величества. Офицеры 1-го батальона находились при своих ротах. Ровно в 11^{1/2} прибыл в санях Государь Наследник Цесаревич в парадной форме и был встречен командующим полком. С верхней площадки лестницы, где поместились оба хора полковой музыки, раздались звуки преображенского марша. Выслушав рапорт дежурного по полку и по 1-му и 4-му батальонам поручика Шлитгера, Его Высочество поздоровался с офицерам, подав каждому руку... На левых флангах своих рот стояли новобранцы в гимнастических рубахах. Поздоровавшись с людьми царевой роты, Цесаревич опросил претензии и, зайдя в образной покой, осенил Себя крестным знаменем... Ком. полком ожидал Его Высочество и полковника Огарева в своем кабинете и принял их рапорты о принятии и сдаче 1-го батальона. Цесаревич переделся в сюртук и остался

завтракать в собрании среди счастливых и ликующих Преображенцев, сидел Он по правую руку командующего полком, занимавшего за столом среднее место. Чтобы не докучать новому дорогому Сослуживцу, никаких тостов на этот раз произнесено не было; но так как каждому всей душой хотелось выпить за здоровье Августейшего командира 1-го батальона, то поставили на стол большой серебряный позолоченный жбан — подарок бывшего командира полком В. К. Сергея Александровича. Из этого жбана всем налили по стакану вина и, по издавна заведенному в полку обычаю, принялись петь застольные песни и, между прочим: «Николай Александрович, здравствуйте!»... Цесаревич оказал внимание 4-м ротным командирам Своего батальона, послав каждому по стакану шампанского.

Когда встали из-за стола, Его Высочество приказал, чтобы фельдфебеля 1-го батальона ежедневно являлись к Нему в Аничков дворец с утренними рапортами, а один из унт.-офицеров или ефрейторов по очереди приносил приказы по полку...

В тот же день было отдано в приказ по полку: «Прибывшего в полк и вступившего в командование 1-м батальоном Флигель-Адъютанта Полковника Его Императорское Высочество Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича числить на лицо с сего числа»...

Начав службу в полку, Цесаревич с искренней любовью к военному делу и с полным усердием отдался командованию батальоном; Он не желал, чтобы для Него делались какие-либо исключения и строго исполнял все обязанности наравне с прочими батальонами командирами. Почтительный со старшими по служебному положению, безукоризненно учтивый, приветливый и обходительный с младшими, Он всех очаровывал простотой, искренностью и ровностью своего обхождения. В расположении полка, даже и не при исполнении служебных обязанностей, Он первый отдавал высшим начальникам и ком-му полком подобающую им честь, вставая при их появлении, раньше их не закуривал, пропускал их вперед, в их присутствии рапорта дежурного не принимал и вообще оказывал полное уважение. С равными же в чине и младшими держал Себя всегда непринужденно, но со скромным до-

стоинством, исключавшим и возможность какого-либо неуместного или слишком смелого по отношению к Нему поступка...

5 января Государь Наследник в первый раз прибыл в 1-й батальон на утренние строевые занятия и пожаловал людям на шапки мерлушку, поднесенную Его Высочеству бухарским эмиром...

Носил он сюртук, непременно темно-зеленого сукна. С Владимирским крестом в петлице, с аксельбантом и двумя вензелями на погонах (флигель-адъютантским Александра III и шефским Александра II), бывал всегда в высоких сапогах шагреновой кожи с пристегнутыми шпорами; коротких сапог и брюк на выпуск Он не любил и никто его в них не видал.

Спустя несколько дней кому полком надо было отлучиться на короткое время в Москву по делам; рождался вопрос: кому в его отсутствие временно командовать полком? Из полковников старшим по службе был Огарев, который, несмотря на свое старшинство, уступил командование полком Наследнику Цесаревичу. Не следовало ли Его Высочеству на этом основании заменить ком-го полком во время его отсутствия? Разрешить этот вопрос путем рапорта по команде представлялось затруднительным и потребовало бы долгого ожидания, ввиду чего ком-ий полком на балу в Аничковом дворце обратился за разъяснениями непосредственно к Е. И. В., главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа. В. К. Владимир Александрович решил, что Наследник Цесаревич служит в полку для ознакомления с обязанностями командира батальона и командование полком временно должно быть передано Огареву, как старшему полковнику. Такое решение вполне согласовалось и со взглядами самого Цесаревича.

26 января полк заступал в караулы по 1 отд. и дежурным по караулам впервые был Наследник. ...Во время пребывания Их Величеств в Аничковом дворце при тамош-

нем карауле полагалось присутствовать дежурным по караулам, что и было исполнено Цесаревичем. На этом дежурстве Он зашел в караульный дом, поместился там на лавке с караульным начальником, позволил людям сесть вокруг стола, а караульному унтер-офицеру Варламову велел читать вслух про походы Суворова из журнала «Чтение для солдат». Потом Он выслал караульным целый ящик папирос.

...Его Высочество почти ежедневно бывал на утренних занятиях в ротах батальона, а по понедельникам, вторникам и средам (дням заседаний Государственного Совета, Комитета министров и Сибирского комитета) обыкновенно завтракал в офицерском собрании. В столовой не было стенных часов, и в понедельник 25 января, засидевшись за завтраком, Его Высочество немного опоздал в Государственный Совет в 1 ч. дня. На следующий день Он записал в книге заявлений офицерского собрания: «26 января. Желательно завести стенные часы в столовой. Флигель-Адъютант Полковник Николай». Затем, передав перо одному из бывших тут офицеров, Он предложил тоже подписаться, т. к. они сочувствовали такому заявлению; но они отвечали, что подписи Его Высочества совершенно достаточно и что заявление, разумеется, будет принято к сведению. Он засмеялся и сказал: «Нехорошо так подводить». — Стенные часы в столовую, конечно, были немедленно приобретены.

При каждом посещении казарм Цесаревич непременно заходил на ротные кухни, пробовал пищу, внимательно следил за тем, чтобы она была хороша. Он часто беседовал с фельдфебелями и прочими нижними чинами и знал по фамилии унтер-офицеров и многих из ефрейторов и рядовых. Его простое и доброе с ними обращение сделало то, что они скоро к Нему привыкли, невольный страх перед лицом Наследника престола у них прошел, заменившись обыкновенной почтительностью нижнего чина перед начальником. Цесаревич часто бывал в столовых во время обеда людей и, застав их за столом, приветствовал их: «Хлеб да соль, братцы!»; нередко брал он ложку из рук

одного из обедающих и отведывал пищу. Если она была особенно вкусна, Цесаревич благодарил кашеваров.

В офицерском собрании Цесаревич охотно и весьма искусно играл на бильярде; однажды, проиграв партию полковнику Огареву, Он на другой день прислал ему вместо долга ковер — подарок Эмира Бухарского.

В карты Цесаревич не играл.

31 января Цесаревич прислал в офицерскую столовую несколько бочонков свежей икры, поднесенной Его Высочеству уральскими казаками.

На первой неделе поста 1-й батальон говел и в субботу, 13 февраля, приобщался св. тайн. Цесаревич приказал выдать людям на свой счет просфоры. В этот же день были крестины сына фельдфебеля Государевой роты Соколова. Августейший батальонный командир сам вызвался быть крестным отцом и держал младенца на руках... Цесаревич был в обыкновенной форме, при Андреевской ленте. После крестин Он выпил за своего крестника фельдфебельской наливки, закусил медовым пряником и пожаловал родителям ребенка серебряный сервиз, а бабке полуимпериал.

5 марта было отдано в приказе по полку: «Флигель-Адъютанту Полковнику Е.И.В. Государю Наследнику Цесаревичу и В.К. Николаю Александровичу, капитану Вельцину и поручику Крейтону завтра в час дня произвести в хозяйственной канцелярии поверку денежных сумм, хранящихся в полковом денежном ящике и об оказавшемся донести с представлением кладовой записки». — Хозяйственное отделение полковой канцелярии помещалось в казарме на Миллионной в нижнем этаже, окнами на улицу. Цесаревич лично проверил денежный ящик и расспросил полкового казначея поручика Коростовца о порядке приема, хранения и расходования сумм, внимательно войдя во все подробности возникновения, образования и назначения различных капиталов, как гласных, так и не гласных.

Того же 6 марта в 2 часа, в помещении полкового суда Наследник начал занятия с унтер-офицерами своего батальона. Эти занятия... состояли в ознакомлении унтер-офицеров и вообще начальствующих нижних чинов с необходимыми для них сведениями, преимущественно по тактике. Наследник сам прочитывал вслух несколько параграфов из упомянутого руководства; ученики повторяли прочитанное, а Обучающий объяснил непонятое. Иногда читались краткие примеры из военной истории. Любя солдата, Цесаревич любил и эти занятия, представлявшие возможность более близкого общения с нижними чинами.

16 марта Цесаревич уезжал с Их Величествами в Крым и брал туда с собою фельдфебеля 3-й роты Ижболдина, у которого начиналась чахотка... Вот извлечения из письма Наследника к командующему полком.

Ливадия, 10 апреля 1893

«Дорогой мой отец-командир... Я хотел тебе писать уже давно, но непременно после разговора с Папа относительно моего возвращения в полк. ...Желают, чтобы я здесь остался до конца (мая...). Большим утешением для меня, что я хожу в нашей форме и вижусь с Ижболдиным часто, ему слава Богу гораздо лучше, доктора говорят, что еще ничего опасного нет, видно, что даже крымский воздух повлиял на него благотворно. Я приказал выписать для него станок и необходимые для работы инструменты (Ижболдин был искусный столяр. — В. К. К. К.) и, надеюсь, бедный человек не будет очень скучать. Каждого приезжающего фельдъегеря я поджидаю с великим нетерпением, потому что всякий привозит мне новую нить от связи с дорогим полком... Грустно то, что чувствуешь себя так далеко и как бы в стороне в данное время... А мои занятия с унтер-офицерами! Только они пошли как следует и я страстно полюбил это дело — как нужно оторваться от того, что близко лежит к сердцу, и дать другому заступить свое место и довести дело до конца. Что могут думать о моей долгой просрочке — офицеры — люди? Ведь они совершенно правы подумать, что я главную

виною этому, что я упросил взять меня с собою и продержать меня на берегу Черного моря полтора месяца, вдали от службы и занятий в полку!! Вот та мысль, которая с убийственной назойливостью преследует меня повсюду.

Не откажи мне, милый мой Костя, в одной просьбе, а именно, отписывать сюда иногда о том, что делается у нас и как идет полковая жизнь. Я тебе буду искренне сердечно благодарен. — Извини, что так надоел этим письмом, но все сюда вылилось от души! Если можешь, то передай поклон всем товарищам, а также моим 4-м фельдфебелям. Обнимаю

Твой Ники».

24 мая полк переходил в лагерь под селом Красным... В это же утро в лагере полка освятили вновь выстроенный в лагере полка барак Цесаревича. По прибытии полка в Красное Село служили молебен в только что оконченной и еще не совсем отделанной новой офицерской столовой. На ее башне подняли красный флаг с желтым вензелем Петра I, Основателя полка... Переселясь в лагерь, Цесаревич стал еще ближе к полку; Он жил в своем бараке постоянно, за исключением праздничных дней... Можно сказать положительно, что никого из сослуживцев Он не приближал к Себе преимущественно перед другими. Разговоры в Его присутствии велись совершенно свободно, часто касаясь вопросов серьезных и даже государственных. Цесаревич охотно выслушивал различные мнения и нередко сам высказывался откровенно. К службе Он относился необыкновенно ревностно, любил ее и всегда возмущался, слыша или видя нерадивое или даже равнодушное к ней отношение. Строгость исполнения служебного долга легко уживались в нем с непринужденным, ласковым и приветливым обращением с нижними чинами. В этом выражался его простой и ясный, чисто русский взгляд на дисциплину. Цесаревич как-то рассказывал, что за время Его службы в лейб-гусарах там однажды принимали принца Неаполитанского; были позваны песенники, и кто-то из офицеров под лихую солдатскую песню пустился отплясывать трепака. Принц очень удивился и, обратившись к Наследнику, спросил его: «Неужели в России дисциплина допускает, чтобы офицер плясал с простыми солдатами?» — «В этом-то и есть наша сила», — ответил Цесаревич.

...Начальник дивизии (бывший командир полка) генерал-лейтенант Князь Оболенский производил смотр л.-гв. Семеновскому полку. Преображенские 1-й и 4-й батальоны под общим командованием полковника Кашеринина (командира 4 батальона) обозначали противника. Цесаревич был во главе Своего 1-го батальона; всегда сдержанный и спокойный, Он на этот раз не мог не выразить своего крайнего неудовольствия по поводу сбивчивости и неясности распоряжений штаба дивизии, следствием которых были непомерная растянутость позиции, указанной обозначенному противнику.

12 июля в 8 часов в офицерской столовой состоялся бригадный обед: были позваны все офицеры л.-гв. Семеновского полка. У Цесаревича была пестрая, с синими полосками рубашка, рукавчики которой были заметны из-под рукавов сюртука; этот синий цвет, конечно, был случайностью, но офицеры шутя говорили Цесаревичу, что такая рубашка надета нарочно для Семеновцев, под цвет их воротников и околышей.

...Когда разлили шампанское, командующий полком сказал: «Давно не собиралась за одним столом наша двухвековая Петровская бригада. Сегодня, как потомки бывших Потешных, сошлись мы единою семьею нашего Державного Основателя. Если б мог он встать из гроба и увидеть нас здесь, за этой братской трапезой, как бы возрадовалось Его сердце тому, что полки, Им созданные, пережили Его на 168 лет, ни разу не запятнав славы своих знамен. Да живет же навеки эта слава, завещанная нам великим Петром».

По примеру прежних лет в июле избиралась комиссия по установлению правил для состязательной стрельбы нижних чинов полка; председателем комиссии вызвался быть Наследник Цесаревич...

4-й роты рядовой Залесский, отдыхая в палатке после обеда, свалился с нар и занозил себе глаза. Командир 1-го батальона принял в больном сердечное участие: отправил

его в Красносельский военный госпиталь и послал сказать окружному окулисту, что просит его обратить внимание на Залесского и сообщить о состоянии его здоровья. При этом случае Его Высочество высказал полковому казначею мысль об образовании из Своего содержания, по должности батальонного командира, капитала, проценты с которого выдавались бы людям, пострадавшим подобно Залесскому.

На заре с церемонией Государевой роты унтер-офицер Уласенко, подходя на ординарца к Его Высочеству, позабыл все «чему его долго учили», и, после приема на караул, взял ружье по-старому на плечо, а не по-новому, как только что было заведено. Увидев это, Цесаревич старался извинить Уласенко перед ротным командиром и сказал, что неудивительно, когда привычка берет свое.

По пробитии отбоя весь полк стал биваком... Стоял очень жаркий день. Под вечер офицеры купались в речке Пудости; Цесаревич тоже купался с ними. Вода была холодная, не более 8 градусов, в ней нельзя было долго оставаться; к тому же было очень мелко. Купающиеся, окунувшись в студеною речку, вылезали на противоположный берег и, раздетые, грелись на солнце, лежали на траве, бегали, прыгали в чехарду; нашлись фотографы-любители, между прочим, подпоручик Герцог Лейхтенбергский, которому удалось взять несколько снимков с купающихся, в том числе и с Цесаревича. На руке у него несколько ниже локтя, заметили изображение дракона, художественно нататуированного в Японии.

На следующий день полк покинул бивак и после двухстороннего маневра, в самую жаркую пору удушливойнойного дня, по пыльной дороге пошел в Гатчину. Люди еще не успели втянуться в ходьбу, с некоторыми делались обмороки и солнечные удары. Чтобы ободрить людей, Цесаревич слез с лошади и все 14 верст шел во главе 1-го батальона. Ранним утром предстоял бригадный маневр. После отбоя полк перешел на станцию Сиверское (Вар-

шавской ж. д.) и расположился биваком на скошенном лугу, подле дачи шталмейстера генерал-лейтенанта Фредерикса... Командующий полком позвал барона ужинать в полк. Приходил и проводивший лето в Сиверской поэт Аполлон Николаевич Майков. Местные крестьяне поднесли Цесаревичу хлеб-соль.

Отдохнув немного, Наследник отправился погулять с несколькими офицерами, зашли довольно далеко, а приближалось время обеда. Случайно навстречу попался извозчик, и Цесаревич нанял его, чтобы вернуться на бивак. Дорогой извозчик, принимая Его за простого офицера, сказал, что слышал, будто при войске находится Наследник и живет в палатке; он просил хоть издали показать ему эту палатку, потому что близко к ней его, наверное, не допустят. Цесаревич обещал показать ему палатку, а когда приехали, спросил извозчика, не хочет ли он видеть самого Наследника; тот отвечал: «Еще бы не хотел...» Тогда Цесаревич говорит ему: «На, смотри». Извозчик упал на колени. Его Высочество подарил ему целковый.

Так как в воскресенье из Ст. Заречья не удалось съездить в церковь, то Цесаревич заказал обедню в Б. Вруде. Жители узнали об этом и украсили церковную ограду гирляндами зелени, а дорогу к церкви усыпали цветами. К обедне пришли Преображенцы и стоявшие биваком по соседству Семеновцы и артиллеристы. Нельзя было не заметить, как примерно Цесаревич стоял в церкви: во время богослужения он всегда стоял неподвижно, точно в строю, ни с кем не заговаривал, держался прямо и по сторонам не оборачивался.

2 августа, находясь в глубоком резерве, полк продолжал походное движение по шоссе до Кинепи. В этот день погода, бывшая с 18 июля очень жаркой и все время благоприятною, изменилась: стало заметно холоднее. К вечеру пришли на бивак в Большие Горки, под Ропшей. Обоз запоздал. Усталые и озябшие офицеры, завернувшись в бурки, уселись в кружок в ожидании палаток; у кого-то нашлась книжка Лескова: «Сказ о тульском ружейнике и

стальной блохе». Цесаревич почти всю прочитал ее вслух офицерам. Наконец, пришел обоз. Долго не поспевал солдатский обед; Цесаревич сам несколько раз ходил смотреть, готова ли пища в котлах 1-го батальона, и только около полуночи, когда началась раздача, удалился в свою палатку на ночлег.

7 августа Цесаревич отбыл с Их Величествами в Данию. 7 сентября он писал из Фреденсборга ком-му полка: «Я очень благодарен тебе, что получаю здесь приказы по полку, благодаря чему связь с товарищами и моей частью не прерывается. Ты не знаешь, как по временам находит тоска на меня по всем знакомым лицам».

«Фреденсборг. 29 сентября 1893 г. ...Теперь скоро я снова буду наезжать по-прошлогоднему в милые казармы на Миллионной с приятным для меня чувством ответственности перед 300 чел. моего батальона. Недели через две, Бог даст, и увидимся, и опять жизнь и служба пойдут по-старому тесно рука об руку. Все это время я с тревогой просматривал ведомость холерных заболеваний в наших газетах, особенно в военных госпиталях, боясь, что между ними могут быть и мои бедняги. Но, с другой стороны, приказы по полку значительно успокаивают меня в этом смысле... Привет нашему полку и, по Драгомировскому выражению, — всей меньшей братии. Крепко обнимаю моего любимого отца-командира.

Всей душой твой Ники».

Устных решений тактических задач под руководством Наследника в зиму 1893—94 гг. было семь, а именно: 19 окт., 1 ноября, 15 и 22 дек., 10, 17 и 31 января. Письменные тактические задачи разбирались Его Высочеством 21 и 28 марта.

С унтер-офицерами своего батальона Цесаревич занимался по субботам в помещении полкового суда или в казарме Государевой роты. Этих занятий в описываемую зиму было одиннадцать: 30 октября, 20 и 27 ноября, 4, 11 и 23 декабря, 15 и 29 января, 5 февраля, 26 и 31 марта. Однажды, а именно 26 марта, Цесаревич в 10-м часу утра прибыл на занятия с унтер-офицерами бодрый и свежий,

как всегда, несмотря на то, что накануне провел весь вечер и ночь в Конной Гвардии по случаю полкового праздника и оставался там до 6 утра.

28 декабря Цесаревич устроил своему батальону елку в учебном зале на Миллионной; каждый нижний чин получил из рук своего командира подарки: фельдфебеля в 10 р., унтер-офицеры в 5, ефрейтора в 4, а рядовые в 3.

2 января исполнился год со дня, когда Он вступил в ряды полка; хотели отпраздновать годовщину и заблаговременно у ювелира Фаберже был заказан золотой портсигар с вензелем Петра Великого... На другой день был назначен товарищеский обед. ...Командующий полком встал и произнес: «2 января исполнился год со дня, когда Ты вступил в наши ряды командиром батальона. Как ни осыпан полк Царскими милостями, нам прежде и не верилось, что настанет время, когда Ты и зимой, и летом будешь делить с нами служебные труды и часы досуга... Конечно, никто из нас в отдельности не заслужил необыкновенного благоволения нашего Державного Шефа, благоволения, выразившегося в твоём пребывании среди нас; только более чем двухсотлетней заслуге полка и обязаны мы этой небывалой милостью. ...Все мы дорожим тем, что, будучи нашим однополчанином со дня рождения, Ты пожелал стать и сослуживцем нашим. Прими же (при этих словах ком. полка вручил Цесаревичу портсигар) это воспоминание от Преображенской семьи и верь, что любовь ее, самая задушевная, горячая и беззаветная, принадлежит Тебе не только как потомку нашего Великого Основателя, как сыну нашего Царя и Наследнику Престола, но и как нашему доброму, милому, дорогому и бесценному Товарищу...»

С 15 числа начали ходить слухи о болезни Государя. Вызван из Москвы профессор Захарин, который 16-го был у Государя и определил воспаление легкого... В понедельник 17-го утром вышел траурный бюллетень. В полдень Цесаревич прибыл в офицерское собрание и сообщил успокоительные известия. Тем не менее в 4 1/2 созвано общее офицерское собрание и полковник Кашерининов от имени ком. полком предупредил, чтобы никто из офицеров не ездил на балы и в театр до улучшения здоровья

Государя... 18-го Цесаревич был в полку на занятии, остался завтракать и привез более утешительные известия: Государю было лучше, настроение духа веселее... Несмотря на наружное спокойствие Цесаревича, в глазах Его читалось внутреннее тревожное состояние души... 19-го узнали, что опасность миновала...

22-го Цесаревич дежурил по караулам и целые сутки провел в караульном помещении собственного Его Величества (Аничкова) дворца; он не смыкал глаз всю ночь, беседуя с караульным начальником поручиком Шлиттером.

2 апреля Цесаревич отбыл в Кобург на свадьбу своей двоюродной сестры принцессы Саксен-Кобургской Виктории-Мелиты с Великим Герцогом Гессен-Дармштадтским. Ходили неопределенные слухи о том, что Цесаревич найдет в Кобурге и свое семейное счастье, в полку с нетерпением ждали радостной вести, офицеры чаще стали заходить в собрание. Наконец 8 апреля узнали о помолвке Цесаревича с Принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской. На другое утро в Соборе Спаса Преображения собрался весь полк на благодарственный молебен; тут были и полковые дамы.

11 апреля Цесаревич телеграфировал ком. полком, прося прислать в Кобург на наступавшую Страстную неделю несколько человек полковых певчих. Пять певчих были отправлены в тот же вечер.

22-го числа ожидали возвращения Цесаревича. Все офицеры полка выехали встречать Его в Лугу. Он вышел из вагона счастливый и радостный и каждому пожал руку. На правой Его руке заметили кольцо с сапфиром — подарок Невесты; раньше Он колец не носил.

Цесаревич был назначен в число членов комиссии по экзамену учебной команды. 4 мая в 2 ч. дня в учебном зале происходил экзамен из научных предметов. Цесаревич

сам спрашивал многих учеников. На другой день экзамен продолжался из гимнастики и фехтования.

6 мая, в день рождения Цесаревича, Его в полку не видали. Он провел этот день в Гатчине.

Ввиду перевооружения полка 3-х линейными винтовками образца 1891 года требовалось устроить новое стрельбище в Красносельском лагере. Для этой работы были отправлены в лагерь 11 мая роты Его Величества, 3-я, 4-я, 5-я, 8-я, 11-я и 15-я, под общим начальством Наследника Цесаревича... Были отслужены молебны. Цесаревич сам повел три роты 1-го батальона и 15-ю на вокзал. И ввиду ненастной погоды велел их поставить под навес, где и был сделан расчет по вагонам. По прибытии в лагерь Цесаревич озаботился, чтобы немедленно было приступлено к постановке солдатских палаток, и, только обойдя их расположение, укрылся в бараке.

17-го в приказе по полку значится: «14 мая Мною были опрошены унтер-офицеры и отдельные начальники 1 батальона по обязательным для начальствующих нижних чинов сведениям из тактики. Мне отрадно отметить, что зимние занятия, веденные под руководством Августейшего командира 1 батальона, вполне достигли желаемой цели. Все полученные мною ответы свидетельствуют о прекрасном понимании нижними чинами действий младших начальников в бою. Чтение карт и планов усвоено, равно как совершенно ясное представление о назначении различных родов оружия, главнейшие условия наступательного и оборонительного расположений на биваке и сторожевое охранение изучены отлично...»

Унтер-офицеры и отделенные начальники 1 батальона действительно отличились на экзамене, перещеголяв своих товарищей прочих батальонов.

Несмотря на постоянное ненастье, непрерывные дожди и холод, работы по устройству нового стрельбища были почти окончены к прибытию полка в лагерь. Цесаревич ежедневно обходил работы, не исключая и самых дальних участков, и подолгу останавливался около работающих людей, ободряя их. Взрывы попадавших в грунт

довольно больших камней делались в его присутствии. Он часто заходил в хлебопекарню, в лагерный лазарет... ежедневно по два раза в день пробовал солдатскую пищу и часто жаловал людям по чарке водки.

Полк прибыл в Гатчину 28 мая. Как бы поздно ни вернулся Цесаревич из собрания в свой барак, в окнах его еще долго виден был свет: это Наследник писал Невесте. Ни одного дня не проходило, чтобы Он не послал Ей письма.

По старому обычаю по четвергам играла музыка, прибавлялось лишнее блюдо, офицеры приглашали своих знакомых. В один из четвергов кто-то пригласил уже знакомого Цесаревичу председателя Императорского Русского Технического Общества Михаила Ильича Кази. После обеда вокруг него образовался кружок офицеров, хотели послушать необыкновенно умные и увлекательные речи этого истинно русского человека. Был при этом и Цесаревич и принимал живое участие в разговоре. Откровенно говорили о положении флота, о возможности возникновения военного и промышленного порта на Мурманском берегу, о развитии русской промышленности, о сельском хозяйстве, о пошлинах и пр.

29 был отрядный маневр, в состав которого входил полк...

Стуѣи

РОДНОГО СЕВЕРА
КАРТИНЫ

Посвящаю Ольге

Больной матрос. В чужом порту, в больнице
Он слёг. Не много дней еще болей ему.
Ох, не легко и жить-то за границей,
А умирать — не дай-то Боже никому.

Убогая палата. Стены голы,
Пол клейкий, крашеный и низкий потолок;
Хоть бы один лампы луч веселый,
Хоть бы один в углу невзрачный образок.

Все сестры милосердья, да больные,
Все речи на чужом, невнятном языке,
Все лица незнакомые, чужие,
И одиночек меж всех в предсмертной он тоске.

Но вот неслышно, легкою стопою
Подходит женщина к кровати бедняка.
То Русская и русскою душою
Так и влечет ее провести земляка.

Слова участия на родном наречье
Так нежно, ласково звучат его ушам,
И на короткий миг свое увечье
Позабывает он, внимая тем словам.

В ее глазах так много сострадания,
Она заботливо так на него глядит,
Она ему внушает упование
И образок святой забытому дарит.

Он умер, никого не проклиная;
Есть хоть единая душа в краю чужом,
Ему не близкая, но все ж родная
Она помолится и погрустит о нем.

Дудергоф. 15 и 16 августа

СМЕРТЬ

Когда твой образ я увижу пред собою
И взглянешь пристально ты на меня; когда
Меня коснешься ты костлявою рукою
И за собою мне велишь идти туда,
В неведомую даль, откуда нет возврата,
Которой все равно мы в жертву отдаем
Кто мать, кто отца, кто друга или брата,
В тот мрак таинственный, что смертью мы зовем;
Когда услышу я зловещее то слово,
То неизбежное, нещадное: «За мной!» —
Не испугаюсь я веленья рокового,
И не единою постыдною слезой
Не буду я молить отсрочки иль ослабы.
И гордо я скажу: — Смерть! ты мне не страшна.
Пусть верует иной, беспомощный и слабый,
Что непоклонна ты, могуча и сильна;
Страшится пусть твоей косы неумолимой,
Пусть для него бежит песок твоих часов —
В тебя не верю я! Ты призрак лживый, мнимый,
Рожденный трусостью бессмысленных умов.
Для духа смерти нет! и нет для духа тленья!
И ныне и всегда бессмертен я.
Для верующих есть одно переселенье
Из мира тления в нетленья бытия.

Флоренция. 25 апреля.

НА ЧУЖБИНЕ

На площади Святого Марка,
Где вьются стаи голубей,
Где меж бесчисленных колонн за аркой арка
Пленяют взор каймой узорчатой своей,
Остановился я... Уж угасал, бледнея,
Тревожный, суетливый день;
С безоблачных небес, таинственно синяя,
На землю сонную спускалась ночи тень;
И колокола благовест унылый
Сзывал к вечерне христиан. Меня

Влекло неведомою силой
К старинному собору, чтобы дня
Забуть и шум, и утомленье.
Благоговейного исполнен умиленья,
Переступил святыни я порог...
Лампады теплились, дымилися кадила,
И сумрачная мгла, казалось, говорила:
Здесь соприсутствует нам Бог! —
И стал молиться я, спокойный и безмолвный.
Орган откуда-то с незримой вышины
Звучал торжественно, и стройных звуков волны
Лилися среди мертвой тишины.
В них слышались и слезы, и стенанья,
Скорбь за утраченные небеса.
И неземные вздыханья,
И райских песен голоса.
Прозрачный, легкий дым каждый благовонных,
Струясь вкруг мраморных столбов,
Скользя по плитам стен, вдоль сводов закопченных,
Вился и таял в мраке куполов,
Молитвой и веками освященных.
И лики строгие угодников святых
Со злата греческой мусии
Глядели на меня... И о родных
Иконах матушки-России
Невольно вспомнил я тогда;
Моя душа крылатою мечтою
Перенеслась на родину, туда,
На север, где теперь, согретая весною,
Душистая черемуха цветет,
Благоухают пышные сирени,
И песни соловей поет...
В уме столпилось столько впечатлений!..
И вздохом я вздохнул таким,
Каким вздохнуть один лишь Русский может,
Когда его тоска по родине изложет
Недугом тягостным своим.

Венеция. 19 апреля 1885

* * *

Растворил я окно, — стало грустно невмочь, —
 Опустился пред ним на колени,
 И в лицо мне пахнула весенняя ночь
 Благовонным дыханьем сирени.

А вдали где-то чудно так пел соловей;
 Я внимал ему с грустью глубокой
 И с тоскою о родине вспомнил своей:
 Об отчизне я вспомнил далекой,

Где родной соловей песнь родную поет
 И, не зная земных огорчений,
 Заливается целую ночь напролет
 Над душистою веткой сирени.

Мейнинген. 13 мая 1885

Цветущий Запад! Здесь плодами
 Так изобилует земля,
 Богаты села с деревьями
 И обработаны поля;
 Изо всего, что под рукою;
 Из гор, лесов, долин и рек
 Здесь пользу с выгодой прямою
 Извлечь умеет человек.

Но всех твоих великолепий
 Дороже, краше и милей
 Мне невозделанные степи
 Далекой родины моей.
 И этих благ не променяю
 Я на Восток убогий мой.
 Я твердо верую, я знаю:
 Есть силы на Руси святой

Под нищетой ее унылой
 В смиренности чад ее родных —
 И те таинственные силы
 Святей сокровищ всех земных.

*Дорогой из Берлина во Франк-
 фурт.
 24 сентября.*

КОЛОКОЛА

Несется благовест... — Как грустно и уныло
На стороне чужой звучат колокола.
Опять припомнился мне край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла.

Я вижу север мой с его равниной снежной,
И словно слышится мне нашего села
Знакомый благовест: и ласково, и нежно
С далекой родины гудят колокола.

Штутгарт. 20 октября 1887

А. А. Фету

Садик запущенный, садик заглухший.
Старенький серенький дом;
Дворик поросший, прудок пересохший,
Ветхие службы кругом.
 Несколько шатких ступеней крылечка,
 Стекла цветные в дверях;
 Лавки вдоль стен, изразцовая печка
 В низеньких, темных сенях.
В комнатке стулья с обивкой сафьянной,
Образ с лампадкой в углу,
Книги на полках, камин, фортепьяно,
Мягкий ковер на полу;
 В комнатке этой и зиму и лето
 Столько цветов на окне...
 Как мне знакомо и мило все это!
 Как это дорого мне!
Крытый балкон под тенистым навесом
С видом далеких полей...
Озеро с редким березовым лесом,
Быстрый и шумный ручей.
 Бедные избы, плакучие ивы,
 Хмелем увитый забор;
 Кладбище, Церковь, зеленые нивы,
 Сельский широкий простор.
Юный грезы, счастливые встречи

В роще во мраке ночном...
 Под вечер долгие тихие речи
 Рядом, за чайным столом.
 Годы минувшие! Лучшие годы
 Чуждые смут и тревог!
 Ясные дни тишины и свободы!
 Мирный родной уголок!..
 Ныне ж одно только на сердце бремя
 Незаменимых потерь...
 Где это доброе старое время?
 Где это счастье теперь?

*Начато на мызе Смерди
 26 августа.
 Кончено в Павловске
 13 сентября.*

И. П. Маркову

Блажен, кто улыбается, кто с радостным лицом
 Несет свой крест безропотно под терновым венцом,
 Не унывает в горести, в печали терпелив
 И слезы копит бережно, их в сердце затаив.

Блажен, кто скуп на жалобы, кто светлою душой
 Благословляет с кротостью уныний жребий свой,
 Кто средь невзгод, уныния, тревоги и скорбей
 Не докучает ближнему кручиною своей.

Кто, помня цель заветную, бестрепетной стопой
 И весело, и радостно идет своей стезей.
 Блажен, кто не склоняется перед судом молвы,
 Пред мнением толпы людской не клонит головы.

Кто злыми испытаньями и горем закален,
 Исполненный отвагою, незыблем и силен,
 Пребудет тверд и мужествен средь жизненной борьбы,
 Стальной наковальней, под молотом судьбы.

Венеция. 10-го апреля.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Спи в колыбели нарядной,
Весь в кружевах и шелку,
Спи, мой сынок ненаглядный,
В теплом своем уголку.

В тихом безмолвии ночи
С образа, с грустью святой,
Божией Матери очи
Кротко следят за тобой.

Сколько участия во взоре
Этих печальных очей!
Словно им ведомо горе
Будущей жизни твоей.

Быстро крылатое время!
Час неизбежный пробьет:
Примешь ты тяжкое бремя
Горя, труда и забот.

Будь же ты верен преданьям
Доброй простой старины;
Будь же всегда упованьем
Нашей родной стороны.

С верою твердой, слепую
Честно живи ты свой век;
Сердцем, умом и душою
Русский ты будь человек.

Пусть тебе в годы сомнения
В пору тревог и невзгод
Служит примером терпенья
Наш православный народ.

Спи же, пока на постели
Годы смятений и бурь;
Спи же, не зная печали:
Глазки, малютка, зажмурь.

Тускло мерцает лампадка
Перед иконой святой...
Спи же, беспечно и сладко,
Спи, мой сынок дорогой!

*Павловск, 6 октября 86. —
Петер. 4 марта 87.*

«СОНЕТЫ К НОЧИ»

I

Что за краса в ночи благоуханной!
Мечтательно ласкает лунный свет;
Небесный свод, как ризой златотканой,
Огнями звезд бесчисленных одет.

О, если б там, в стране обетованной,
Где ни забот, ни слез, ни горя нет,
Душе расцвести красою первозданной,
Покинув мир страданий, зол и бед!

Но, может быть, там суждено забвенью
Всего того, чем в нежном умиленьи
Здесь на земле пленялася душа?

Нет, будем жить! Хоть скорбью и тоскою
Больная грудь сжимается порою,
Хоть страждем мы, но жизнь так хороша!

Красное Село. 23 июля 1890

II

За день труда, о ночь, ты мне награда!
Мой тонет взор в безбрежной вышине,
Откуда ты глядишься в душу мне
Всей красотой нетленного наряда.

В сиянии твоём — что за улада,
И что за мир в отрадной тишине!

Я признаю в сердечной глубине
Власть твоего чарующего взгляда.

Цари, о ночь, и властвуй надо мной,
Чтоб мне забыть о суете земной,
Пред тайною твоей изнемогая,

И, немощным восхитив к небесам,
Окрепнувшим верни, о, неземная,
Меня земле, к заботам и трудам!

Контрксевиль. 18 мая 1892

III

Здесь, в тишине задумчивого сада.
Опять, о ночь, меня застанешь ты,
И все одной душа полна мечты,
Что я калиф, а ты Шехерезада.

Последняя нарушена преграда
Меж миром слез и дольней суеты
И царством грез и горной красоты;
Я твой, о ночь! Меж нами нет разлада.

Ты шепчешь мне про таинства небес,
И словно я с лица земли исчез,
Отдавшись весь твоей волшебной воле.

Калиф внимал красавице своей,
Но ты одна мне рассказала боле,
Чем в тысячу уведал он ночей.

Штадтгарен. 11 июня 1892

IV

Люблю, о ночь, я погружаться взором
В безоблачность небесной глубины.
Какая чистота! Как с вышины
Ласкаешь ты лазоревым убором!

Ты так светла, что меркнет лик луны,
Пустыней горнею плывя дозором,

И сонмы звезд бледнеющим узором
Двойной зари сияньем спалены.

О, нежная, прозрачно-голубая!
Гляжу, с тебя очей не отрывая,
Лицом к лицу пред тайною твоей.

Дай от тебя, о ночь, мне научиться
Средь дольней тьмы душою становиться,
Как ты сама, все чище и светлей!

Новгород. 21 июня 1899

V

Нет, не туда, о ночь, в плененном созерцанье
Взор устремляется, где в ризе золотой,
В огнях и пурпуре сокрылся царь дневной,
Багряным заревом пылая на прощанье.

Усталые глаза хотят красы иной:
Там, у тебя они найдут очарованье,
Где кротко теплится нетленное сиянье
И млеет ясною и томной синевою.

От рубежа небес с его зарей огнистой
Я очи возвожу к твоей лазури чистой
И признаю меж нас таинственный союз.

Тебе, о ночь, тебе, царице светозарной,
С восторгом радости, с молитвой благодарной
Я умиленною душою отдаюсь!

Стрельна. 4 июля 1899

VI

Она плывет неслышно над землею,
Безмолвная, чарующая ночь;
Она плывет и манит за собою
И от земли меня уносит прочь.

И тихой к ней взываю я мольбою:
— О, ты, небес таинственная дочь!
Усталому и телом, и душою
Ты можешь, бестелесная, помочь.

Умчи меня в лазоревые бездны:
Свой лунный свет, свой кроткий пламень
звездный
Во мрак души глубокий зарони;
И тайною меня обвеяв чудной,
Дай отдохнуть от жизни многотрудной
И в сердце мир и тишину вдохни.

*Мраморный дворец.
19 сентября 1904*

VII

Какой восторг! Какая тишина!
Благоуханно ночи дуновенье;
И тайною истомой усыпленья
Природа сладостно напоена.

Тепло... Сияет кроткая луна...
И очарованный, в благоговенье
Я весь объят расцветом обновленья,
И надо мною властвует весна.

Апрельской ночи полумрак волшебный!
Тебя, мой стих мечтательно-хвалебный,
Из глубины души опять исторг.
Цветущую я созерцаю землю
И, восхищен, весне и ночи внемлю...
Какая тишина! Какой восторг!

Павловск. 21 апреля 1906

VIII

О, лунная ночная красота,
Я пред тобой опять благоговею.

Пред тишиной и кротостью твоею
Опять немеют грешные уста.

Так непорочна эта чистота,
Так девственна, что, омовенный ею,
Восторгом я томлюсь и пламенею.
Как эта ночь, будь, о душа, чиста!

Отдайся вся ее целебной власти,
Забудь земли и помыслы, и страсти,
Дай пронизать себя лучам луны.
И просветленней, бестелесней ночи,
И мира полная, и тишины,
Ты вечности самой заглянешь в очи.

Осташево. 17 августа 1909

«СЕМЬ ГОЛУБЕЙ»

(Басня по поводу отлучения Л. Н. Т.)¹

Чем дело началось, не помню, хоть убей!
Но только семь смиренных голубей,
Узнав, что лев блюсти не хочет их обычай,
И выдумал (ведь дерзость какова!)
— Жить наподобье льва —
Решили отлучить его от стаи птичьей!
Ни для кого теперь ведь не секрет,
Что послан льву такой декрет:
Чтоб с голубями он не смел летать
Доколь не станет он, как голубь ворковать
И крошки хлебные клевать.
Ликуют голуби: «Мы победили, чудо!
Мы надо львом свершили правый суд,
В лице своем соединить умея
И кротость голубей и мудрость змея».
Однако, может быть, вопрос нам зададут:
Да где ж победа тут?
Но так как если верить слуху,

¹ Речь идет о Льве Николаевиче Толстом.

Те голуби сродни Святому Духу,
То каждый, чтобы быть цельней,
Конечно, от таких воздержится вопрошцев
И будет славить голубей-Победоносцев.

К. Р.

III МОСТ ВЗДОХОВ

Под мостом вздохов проплывала
Гондола позднею порой,
И в бледном сумраке канала
Раздумье овладело мной.

Зачем таинственную сенью
Навис так мрачно этот свод?
Зачем такой зловещей тенью
Под этим мостом обдает?

Как много вздохов и стенаний,
Должно быть, в прежние года
Слыхали стены этих зданий!
И эта мутная вода!

Могли б поведать эти своды,
Как в дни жестокой старины,
Бывало, оглашались воды
Паденьем тела с вышины;

И волн, и времени теченье
Спешило тело унести:
То были жертвы отомщенья
Совета Трех и Десяти...

Но не болтливы стен камня,
Не разговорчива вода,
И лишь в одном воображенье
Встают минувшие года.

Безмолвна мраморная арка,
Безмолвен сумрачный канал...

Крылатый лев Святого Марка
Сном вековечным задремал.

Штутгарт. 4 июня 1882

IV

Скользила гондола моя над волной
Морского широкого лона.
Заката малиновый луч надо мной
Румянил лазурь небосклона.

Жемчужные сверху ряды облаков
Гляделись в спокойное море,
И слышался бой отдаленный часов,
Теряясь в безбрежном просторе.

Желанием сладостным, нежной тоской
Душа изнывала и млела.
Хотелось слиться с волной голубой,
Лететь выше неба предела.

Хотелось угаснуть, как луч золотой,
Застыть, как те звуки в просторе. —
Хотелось объять ненасытной душой
Все небо и целое море!

Стрельна. 12 июля 1882

XXX

Помнишь, порою ночью
Наша гондола плыла,
Мы любовались луною,
Всплескам внимая весла.

Помнишь, безмолвно дремала
Тихим Венеция сном,
В сонные воды канала
Звезды гляделись кругом.

Мимо палаццо мы дождей,
Мимо Пьяццетты колонн
Плыли с тобою... О, Боже,
Что за чарующий сон!

Искрились волны лагуны...
Где-то в дали голубой
Плакали нежные струны, —
Пел гондольер молодой;

Пел он про месяц и море,
Про голубую волну,
Пел про блаженство и горе.
Пел про любовь и весну.

Дивная песнь навевала
Грезы блаженной любви.
В душу она проникала,
Страсть разжигала в крови...

Помнишь, порою ночью
Тихо гондола плыла,
Мы любовались луною...
О, что за ночь то была!

Красное Село. 28 июля 1882

Письма

СЕРДЦЕ СЕРДЦУ
ВЕСТЬ ПОДАЕТ

Петербург, 14 ноября 1891.

Многоуважаемый Анатолий Федорович...

Во исполнение данного мною обещания посылаю вам письма ко мне Ивана Александровича (Гончарова. — Э. М.). Я уверен, что чтение их доставит вам немало удовольствия, и не прошу вас спешить возвращением этих писем.

Константин

Пользуюсь случаем выразить вам признательность за доставление № «Недели», в котором помещена ваша любопытная заметка о покойном Ив. Ал. Гончарове.

Павловск, 30 августа 98.

Многоуважаемый Анатолий Федорович, прежде чем отдать I акт переведенного мною «Гамлета» в печать, не могу не представить на ваш суд переделок, которые я ввел в текст по вашим указаниям. Вы так верно и тонко заметили неудачные места, что я воспользовался каждым из ваших замечаний за одним только исключением, а именно, *гробныя* пелены (1, 4, 48) остались без изменения на том основании, что это прилагательное встречается в славянском переводе пасхального Канона Иоанна Дамаскина: «Видити *гробныя* пелены». Пользуюсь этим случаем, чтобы еще раз выразить вам благодарность за столь внимательное отношение к моему труду. А что я умею ценить Ваше мнение и глубоко его уважаю, пусть докажет прилагаемый список предложенных изменений.

Искренно вас уважающий

Константин

Павловск, 30 августа 97.

Многоуважаемый Анатолий Федорович,
Я обращался к вам с просьбой помочь мне в некоторых сомнениях, как перевести на русский язык слова Гамлета в последнем акте. Это слова специальные, юридические, и следовательно, никто лучше вас не может оказать мне содействие. Если бы мое письмо затерялось, я надеюсь, что вы не посетуете на меня за вторичное списывание монолога и по-английски, и в немецком переводе Шлегеля и Тика...

Искренно вас уважающий

Константин

Павловск, 13 октября 1897.

Многоуважаемый Анатолий Федорович,
Теперь, когда труд мой кончен вчерне, мне остается внимательно просмотреть его от первой страницы до последней, весьма вероятно, что при этом я натолкнусь на фразы, имеющие юридический характер; в каждом подобном случае позвольте мне рассчитывать на ваше любезное содействие.

Константин

Павловск, 29 октября 1897.

Вы много утешили и ободрили меня, многоуважаемый Анатолий Федорович, лестным отзывом о I акте Гамлета в моем переводе. Уж и не знаю, за что больше благодарить вас, за похвалу или за драгоценные замечания. Читая их, я невольно припомнил слова покойного Майкова, которыми он отозвался на мои замечания об одном из его последних стихотворений, присланном мне на разбор, вот эти слова: «Я должен сознаться, что вы поймали меня и пристыдили... Я сам знал и чувствовал, да думал: «Так сойдет, не заметят? Ан, вот и не сошло!» Вы тысячу раз правы... (Я вполне отдавал себе отчет, насколько «О, как спешит она к одру любодеежня» слабо передает немецкое). Я совершенно согласен с вашими указаниями и по ним пересмотрю и постараюсь переделать все замеченные места.

Одного только не уступлю вам, это «гробных пелен»... Вы скажете, что это по-славянски; по обращению Гамлета к призраку отца подобает приподнятый тон, в котором славянские слова вполне уместны...

Посылаю вам II акт и 1-ю сцену III-го с примечаниями... Нечего и говорить, что я буду бесконечно вам благодарен за всякое порицание, которое трудящемуся всегда полезнее одобрения; и прошу вас, будьте построже и отложите попечение задеть за живое авторское самолюбие.

Искренне ваш

Константин

Павловск, 21 августа.

10 сентября. 1897.

Многоуважаемый Анатолий Федорович, В последнем акте, где Датский принц поверяет своему другу Горацио размышления над черепом, выброшенным могильщиком из могилы, которую он копает для Офелии, я стал в тупик перед рядом выражений мне, как специалисту незнакомых... По мере того, как перевод подвигается, мне неоднократно приходилось прибегать к знающим людям, например, к академику Веселовскому, за толкованием некоторых темных мест, к покойному К. Н. Бестужеву-Рюмину, большому знатоку Шекспира, к зоологам за названиями животных и т. д. Очень надеюсь, что и вы не откажете мне в ваших сведениях.

Искренно вас уважающий

Константин

21 февраля 1899.

Многоуважаемый Анатолий Федорович, с искренней благодарностью возвращаю вам очерк И. А. Гончарова о «Гамлете». Не скрою от вас, что мне очень бы хотелось поместить кое-что из этого очерка в свои примечания к переводу. Но у меня рождается вопрос: не противоречил ли бы такой поступок предсмертной воле покойного Ивана Александровича?

Крепко жму вам руку.

Константин

3 марта 1899

Многоуважаемый Анатолий Федорович, ввиду того, что из 20-ти страниц рукописи И. А. Гончарова о «Гамлете», принадлежащей Никитенко, мне надо для моих «Примечаний» воспользоваться только какими-нибудь 7-ю страницами, я снова решаюсь обратиться к вам с вопросом: законно ли такое позаимствование или оно недопустимо до юридического определения прав г-жи Никитенко на имеющиеся в ее руках бумаги?

Я всегда слышал, что напечатание извлечений из чужого напечатанного сочинения не считается плагиатом и законом не возбраняется. Если это так, то распространяется ли подобный взгляд на рукописные, еще не появившиеся в печати произведения? Словом, буду ли я вправе воспользоваться 7-ю страницами рукописи и поместить их среди приложений к моему переводу? Если бы могла возникнуть хотя малейшая тень неблагоприятности от такого поступка, то, конечно, я от него откажусь.

Искренно ваш

Константин

7 марта 1899.

Искренно благодарю вас, глубокоуважаемый Анатолий Федорович, за добрый совет. Как ни жалко, ни досадно отказаться от заманчивой мысли включить хотя бы выдержки из статьи И. А. Гончарова в примечания к моему переводу, это отречение все-таки лучше совершения не вполне законного поступка.

Дружески жму вашу руку

Константин

Мраморный, 8 января 1900.

Многоуважаемый Анатолий Федорович, Я бы желал, чтобы вы верили, как искренно я вам благодарен за сочувствие и содействие приложениям к моему переводу «Гамлета». Выборкам из статьи И. А. Гончарова «Опять «Гамлет» на русской сцене», составляющим

несколько более $\frac{1}{5}$ всей статьи, я полагал бы предпослать следующую заметку: «Два отрывка из статьи И. А. Гончарова по поводу исполнения г. Нильским роли Гамлета. Эта статья, не бывшая напечатанной, досталась в рукописи среди писем и других бумаг Софье Александровне Никитенко, в конверте с надписью на нем покойного Гончарова: «Прошу Софью Александровну все ненужное или не имеющее значения, что она найдет в этом пакете, — уничтожить».

Книжка «Гамлета» будет послана Софье Александровне немедленно.

Константин

Мраморный, 14 января 1900.

Вы бесконечно обязали меня, многоуважаемый Анатолий Федорович, сообщив письмо Мочалова к Беклемишеву и предоставив мне включить выдержку из него в мои приложения к переводу «Гамлета».

Сердечно преданный вам

Константин

*Петербург, 11 апреля 1900,
вторник*

Христос воскрес!

Искренно уважаемый Анатолий Федорович, газетная травля, которой вы подверглись, напомнила мне слова Лермонтова, так прекрасно положенные на музыку Даргомыжским: «За каждый светлый день иль сладкое мгновенье слезами и тоской заплатишь ты судьбе». В данном случае судьба предстала вам под видом «Нового времени». Но я уверен, что, оправившись в деревне, вы вернетесь к нам бодрый и веселый, не обращая внимания на низкие нападки...

Сегодня я проводил к месту вечного упокоения нашего дорогого вице-президента Л. Н. Майкова¹. Это и для всей Академии, и для Русского отдела, и лично для меня тяжелая, незаменимая утрата.

Сердечно вам преданный

Константин

¹ Брат поэта А. Майкова.

*Мраморный дворец, 1 января
1901*

Любезные, сердечные и сочувственные ваши строки искренно обрадовали и тронули меня. Спешу откликнуться вам, многоуважаемый Анатолий Федорович, в свою очередь пожелав вам здоровья, счастья и, главное, душевного мира в этом первом году XX-го века. Что-то принесет он нам, задаете вы себе вопрос. Для разума, хотя бы во всеоружии знания и науки, этот вопрос неотразимо страшен, но для сердца, разогретого непоколебимой верой в правосудие Промысла, будущее, как оно ни загадочно, не представляет ничего пугающего. Лишь бы каждый совестливо исполнял свой долг. Я думаю, каждый век имеет свои светлые и темные стороны, и великих и малых людей и, хотя подобно вам возмущаюсь упадком нравственного уровня в наши дни, утешаюсь уверенностью, что есть же и хорошие люди. И не ради ли десятка праведников была обещана пощада Содому?

Хочется мне поделиться с вами новинкой; может быть, вы скажете словами Фета, что я «дерзаю на запретный путь», пускаясь в портретную живопись, но тем не менее отгадаете, с кого списан мною нижеследующий сонет, заглавие которого нарочно опускаю¹:

* * *

Не только тем велик и дорог он,
Что бранной славой жизнь его богата
И что нигде он не был побежден —
Нет: верой в родину была объята

Его душа; той верою силен
Он полюбить умел меньшого брата,
И светлый образ русского солдата,
Наш чудо-богатырь в нем воплощен.

Молитвою готовился он к бою
И, глазомер, венчая быстротою
И натиском, врага шел поражать.

¹ А. В. Суворов.

Сразив, его щадил он милосердно.
Вот от чего Россия чтит усердно
Создателя науки побеждать.

Эти 14 строк стоили 4-х месяцев труда искренно преданному вам

К. Р.

2 января 1903

Вы несказанно тронули и обрадовали меня, глубокоуважаемый Анатолий Федорович, присылкой автографа Ф. И. Тютчева. Его стихотворение г-же Плетневой неподражаемо хорошо; по страстности, ясности и образной красоте нельзя требовать большего совершенства от лирической пиесы. Этот драгоценный листок обогатит мое собрание редких автографов. Если бы не постоянно доброе ко мне отношение ваше, я бы стыдился принять такой ценный подарок... Верьте моему искренно-признательному уважению.

Константин.

2 октября 1903

Многоуважаемый Анатолий Федорович, вместо благодарности за доставление экземпляра издания Главных деятелей освобождения крестьян скажу вам, что с захватывающим увлечением прочел вашу живую статью о В. К. Елене Павловне. А знаете ли вы, кто натолкнул покойную мою тетку на ее широкую деятельность? Не понимаемая мужем и не слишком счастливая... она делилась своими печальями с императором Александром I. Он посоветовал ей вознаградить себя за недостаток личного счастья устройением счастья других...

Позвольте указать на маленькую неточность. На стр. 15 вы приводите разговор Николая I с Киселевым, в котором император говорит, что в мысли о необходимости преобразования крепостного права встречает прямое противоречие даже в братьях своих. Разговор происходил в 1834, когда у государя оставался в живых только один

брат, так как Константин Павлович умер три или четыре года перед тем.

Крепко жму вам руку

Константин

6 апреля 1904

Заведующий сооружением храма Воскресения Христова на Екатерининском канале генерал граф Ив. Дм. Татищев вручил мне проекты надписей, которые предполагается вырезать на гранитных досках наружных стен храма для увековечения главнейших деяний императора Александра II. Гр. Татищев сказал мне, что весьма желал бы узнать и ваше, многоуважаемый Анатолий Федорович, веское мнение об этих надписях.

Искренно ваш

Константин

Петербург, 15 июня 1904.

Одна из столичных газет, кажется «Биржевые ведомости», указала на истечение 25-летнего срока со дня первого появления в печати моего стихотворения, или нет, не появление в печати, а создание первого стихотворения. Действительно, 1879 год означен на первой странице моей книжки, но я сам совершенно упустил из виду это обстоятельство. Оглядываясь назад на эту четверть века, я искренно и сокрушенно сознаю, что сделано очень мало и что сделанное слишком ничтожно и незначительно. За последние 15 лет Муза очень скупо дарит меня своими улыбками, а иногда, как, напр., за весь 1903 год совсем не дарила; я не хозяин своего вдохновения и вызывать его насильно не умею.

...Вчера предали земле человека, мне еще более близкого, А. А. Ильина. Вы, может быть, помните ряд моих стихотворений под заглавием «Жениху и невесте», в которых некоторые неосторожные мои критики хотели находить биографические черты, считая меня «женихом», а мою жену «невестой». На деле «женихом» был теперь покойный Ильин; мне случилось быть свидетелем его романа. Это объяснит вам, что в Ильине я утратил близкого сердцу человека...

Крепко, сердечно и благодарственно жму вам руку.

18 февраля 905.

...Прочел в «Петербургских Ведомостях» некролог П. О. Бобровского, подписанный буквами А. К. Полагаю, что «штатский» ум не помешал вам взглянуть вполне по-военному на разоблачения генер. Гриппенберга, объяснимые, по-моему, всеобщей за последнее время безудержной болтовней и охватившим многих, даже убеленных сединами порядочных и донныне уравновешенных людей каким-то состоянием психоза или длительного аффекта... С покойным Павлом Осиповым я сблизился последние лет 8—10 по поводу составления им Истории Преображенского полка, мною ему порученной...

Константин

13 марта 1905.

Сердечно благодарю вас, многоуважаемый Анатолий Федорович, как от имени жены, так и своего, за доброе ваше сочувствие нашей радости по поводу появления восьмого ребенка и второй дочери. В эти невыразимо грустные дни тяжелых испытаний, разочарований, смуты, брожения и всеобщей и повсеместной расшатанности и бестолочи отрадно найти хотя б в родной семье покой и забвение.

Надо быть бодрым, нельзя падать духом, должно верить в лучшее будущее, не поддаваясь малодушным сомнениям. Но все же тяжело, и стыдно, и больно.

Душевно ваш

Константин

16 дек. 905.

Искренно благодарю вас, глубокоуважаемый Анатолий Федорович, за «Очерки и воспоминания», которые, как и все выходящее из-под вашего пера, мне дороги.

Сердечно ваш

Константин

Павловск, 17 февраля 1907.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович, как не сочувствовать вашей мысли о чествовании столетия со дня рождения покойного нашего друга И. А. Гончарова

торжественным заседанием в Академии наук. Было бы очень хорошо, если бы вы взяли на себя труд произнесения речи в память Ивана Александровича. Ввиду нескромностей, которые вопреки определенной воле покойного позволил себе г. Военский, предав гласности некоторые письма И. А. и выставив его в непривлекательном и ложном свете, полагаю, что его друзьям и почитателям необходимо всеми мерами восстановить истину; если для этого понадобится почерпать эти или другие подробности из находящихся в нашем распоряжении писем И. А., то полагаю, и сам дорогой наш покойный одобрил такое нарушение его завета, направленное на его защиту. Знакомые вам письма И. А. ко мне по первому востребованию будут вам доставлены. Целиком они не могут быть напечатаны ни теперь, ни даже через много лет. Только что я перелистал их и набрел на одно из многих мест, где И. А. нападает на современных поэтов, причисляя к ним и Вейнберга. Очевидно, это откровенное признание не подлежит огласке в печати. Мне кажется, извлечениями из писем можно и даже должно пользоваться, но лишь поскольку они послужат опровержению недобросовестных обвинений покойного, но и в этом пользовании надо соблюдать всевозможную осторожность.

...Речь Н. А. Котляревского об А. Толстом имела очень большой успех, большая зала Академии с трудом вмещала нахлынувшую публику...

Скоро вы за границей будете с удвоенным нетерпением ожидать известий об открывающейся через 3 дня Г. Думе и ваше больное сердце забьется еще тревожнее и мучительнее. Дай Бог, чтобы ему было суждено биться не только болезненно, но и радостно.

Искренно ваш

Константин

Павловск, 27 апреля 1907.

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович,

...Поздравляю вас с праздниками. Думаю, что невесело было вам встречать Пасху на чужбине... Перерыв занятий или, вернее, разглагольствований и притом часто далеко не добросовестных или прямо изменческих и преступных в нелепой нашей Г. Думе «народного невежества» должен

был и вам доставить некоторый отдых; за эти две недели газеты прочитывались веселей. Благодаря отсутствию вестей о Думе, а потому и настроение духа менее подвергалось испытанию, если, впрочем, не считать безобразий, которые и при молчании Думы, но, несомненно, не без содействия ее представителей продолжают неустанно твориться.

Письма Ивана Александровича поджидают вашего возвращения на Север. Как не согласиться с оценкой поэтического чутья, которую вы делаете, говоря о большинстве членов Разряда изящной словесности. Для примера укажу на Н. П. Кондакова, который как-то выражал мне сетование на Буренина за беспощадное гонение на Надсона, обладавшего-таки поэтическим даром, по мнению Никодима Павловича. Я же глубоко убежден, что если Буренин и виновен в нападках на личность Надсона, т. к. писал не биографию, а критические очерки, то тысячу раз прав, отрицая в нем поэтичность. Укажу на К. К. Арсеньева, не умеющего ценить по достоинству тонкой и неподражаемой поэзии Фета...

В вашей ссылке на Тургеневский отзыв о Стасове я невольно прочел и ваше личное сочувствие этому отзыву и очень ему обрадовался. Еще лет 30 назад, безусым юношей, я прочел одну из статей Стасова об искусстве и помню, что пренебрежительный взгляд на Рафаэля больно оскорбил меня, как кощунственная выходка. Суждение же Стасова о Пушкине как об «ничтожестве», вами приводимое со слов Тургенева, привело меня в такое негодование, что я умышленно не присутствовал вчера в Академии на публичном чествовании нашего покойного сочлена.

Насколько легковесны, необоснованны и переменчивы были литературные мнения Стасова, достаточно явствует из след. случая со мною: издав первую книжку своих стихотворений, я послал экземпляр ее и Стасову; он ответил мне письмом, в котором предостерегал от *lamentoso* или *dolorose*¹, точно не помню, отличающим, по его мнению, мои стихи. Это было в 80-х годах. Прошло более 10-ти лет, и тот же Стасов пишет мне в самых восторженных выражениях о моем стихотворении «Я баловень судьбы» (весьма слабom в поэтическом отношении)... Он его вычи-

¹ Жалобные, нежные.

тал в каком-то журнале... Стасов решил, что оно превосходно... и что Публичной библиотеке необходимо иметь первоначальный черновой набросок этих стихов для хранения в отдел автографов. Я поблагодарил за честь и напомнил, что стихотворение, о коем шла речь, напечатано в книжке, имеющейся у него, Стасова, уже давно, а черновика не послал, считая по меньшей мере нескромным давать свои наброски в книгохранилища.

Искренно вам преданный

Константин

Павловск, 11 сентября 1907

...Должно быть, мы скоро соберемся в Академии для ознакомления с рецензиями сочинений, присланных на Пушкинскую премию. Только вчера приступил к разбору доставшегося на мою долю.

Крепко жму вам руку

Константин

5 ноября 1907

Посмотрим, что будет дальше; обстоятельства, сопровождавшие открытие Гос. Думы третьего созыва, представляются мне утешительными и положительно невероятными после того, что пережито Россией за последние два-три года. Можно ли было при открытии первой Думы, и особенно второй, предугадать, что настроение настолько изменится? Поверил ли бы кто-нибудь, если бы тогда сказали, что через полтора года избран будет в председатели человек, подобный Хомякову?

Константин

Павловск, 27 ноября 1907

Дорогой Анатолий Федорович,
Было бы любопытно узнать мнение о «Жар-Птице» Балмонта. Не могу сказать, чтобы мне эти последние его стихи были вполне по душе. Правда, в иных есть русский дух, есть народная поэзия, есть сказочная прелесть и таинственность; но эти положительные стороны «Жар-Птицы» испорчены недостатком искренности автора, деланностью, искусственностью, а подчас и прямо нелепостью и

бессмыслицей, до которой очень падок Бальмонт на протяжении всего своего творчества.

Ваша мысль о предложении Академии дать этой книге почетный отзыв возбуждает во мне сомнение; если бы Разряд изящной словесности и признал «Жар-Птицу» достойной такого отзыва, то ради справедливости должен бы был одновременно высказать негодование и отвращение по поводу стихов Бальмонта, помещенных в прилагаемых книжках Красного Знамени. Некоторые из этих «Песней мстителя» (какое почтенное в устах истинного поэта заглавие!) помечены 21 июня 1906 г., а на первой странице «Жар-Птицы» значится: 1906 — Лето, след. Бальмонт еще в прошлом году блуждал по «извилистым и порою грязным», как вы выражаетесь, путям, одновременно выступая на свою настоящую дорогу национального, «народного поэта».

...Обратите внимание на рассказ М. Горького «Русский царь»...

Искренно ваш

Константин

Стрельна, 8 июля 1908.

Сердечно уважаемый Анатолий Федорович, ...давно не заглядывал я в Вестник Европы, и, не укажи вы мне на майскую его книжку, я бы не узнал, что в ней помещены отрывки из ваших воспоминаний... Позвольте указать вам на одну неточность: Ф. М. Достоевский скончался не в годовщину дня смерти Пушкина 29 января, а днем раньше, 28-го, в день смерти Петра Великого и памяти преподобного Ефрема Сирина, творца великопостной молитвы «Господи и Владыка живота моего». Весть о кончине Федора Михайловича дошла до меня в Алжире и произвела на меня приблизительно такое впечатление, как на описываемого вами Лоренца. Я знал, любил и почитал Федора Михайловича, он бывал у меня, читал вслух и дарил добрым вниманием. С уверенностью утверждаю, что день его кончины 28-го, а не 29 января.

Павловск, 25 ноября 1908

...Я боюсь, как бы вам опять нельзя было порадовать нас в субботу присутствием на втором литературно-музы-

кальном вечере, посвященном истории и искусству Великого Новгорода.

...Вероятно, вы прочли 1-й том изданных Э. П. Радловым писем Вл. Соловьева, в которых несколько раз упоминается и ваше имя. Верно, у вас тоже сохранились его письма, как хорошо бы было увидеть их хотя бы во 2-ом томе. Какие неподдельно веселые, блестящие русским остроумием и увлекательные письма!

Крепко жму вашу руку

Константин

Павловск, 17 февраля 1909.

...Меня очень обрадовало, что вы с Онегиным знакомы, что он вам пишет и, по-видимому, склонен поддаться вашему влиянию. И вот я возлагаю большие надежды на вас, уповая, что вам удастся разубедить Онегина в предвзятом недоверчивом отношении его к отделению русского языка и словесности и склонить к уступчивости. Он почти intractable в вопросах о приобретении Академией его богатого собрания... Мы вскоре соберемся в комиссии по устройству Пушкинского Дома. Кончаю разбор Бунина, недоумевая, почему понадобилось ему при переводе Байроновского «Каина» оставить непереуведенными изрядное число стихов.

Искренно ваш

Константин

Павловск, 17.VI.09

Отрадным впечатлением веет от письма архиепископа Антония авторам сборника «Вехи».

Павловск, 18 сентября 09

Имею вновь вышедший 2-й том писем Вл. С. Соловьева, в числе которых с удовольствием нашел и обращенные к вам. У В. Соловьева пленяет постоянное стремление к добру и правде, неизменное, иногда, быть может, непрактичное и незаслуженное благоволение к людям и незлобность с бодростью духа и юмором.

Мой перевод Гетевой «Ифигении» окончен и подвергается теперь последней отделке.

Крепко жму вашу руку, искренно вас любящий
Константин

Павловск, 24.X.09

«Сердце сердцу весь подает»: я собирался писать вам, милый Анатолий Федорович, как обрадовал меня на письменном столе вид вашего конверта... Я думаю, что не ошибусь, сказав, что угадал, о ком вы говорите, упоминая в статье об авторском праве об одном лице, с которым переписывался И. А. Гончаров, полагаю, что вы разумеете его письма ко мне, выражая желание, чтобы они были напечатаны. Если я понял верно, то не встретил бы к этому затруднений, как при переводе с иностранного языка, иногда следует удаляться от дословной точности, чтобы приблизиться к мысли подлинника, так и для того, чтобы сохранить в неприкосновенной чистоте волю и добрую память дорогого умершего, можно и должно нарушить его завещание. Письма И. А. ко мне теперь у вас. Может быть, вы подумаете, как бы и где их напечатать целиком или в извлечениях. Думаю, что моих писем печатать не следует.

Наконец, я нашел время прочесть ваши воспоминания о «Совращениях в православие в Балтийских провинциях»... Стыдно и обидно становится за тупость и недалекость государственных мужей, часто вовсе не глупых и очень просвещенных (как, напр., К. П. Победоносцев), которые даже в XX веке еще не додумались, что палкою и полицейскими мерами и смешно, и глупо, и бесцельно, и гадко ограждать господствующую веру, борясь с отпадающими от нее. Еще в XVIII веке Екатерина говорила сыну Павлу, что пушками нельзя бороться с идеями.

Дружески жму вам руку

Константин.

Павловск, 13.X.09

Милый Анатолий Федорович... вы, может быть, уже слышали, что выпущенная только 25 сентября в числе 15 т. экземпляров академическая книжка русского поэта Кольцова уже успела разойтись без остатка и постанов-

лено выпустить второе ее издание, исправленное и даже дополненное, на этот раз в количестве 20 т. экземпляров. Это отрадное явление в обновленной издательской деятельности Академии. Читались Записки о Златовратском и Бунине. К. К. Арсеньев не возвращался к вопросу о поощрении Бор. Зайцева...

Крепко жму вашу руку

Константин

Павловск, 28.X.09

Эти дни меня держит взаперти ангина, что дало мне возможность прочесть только что вышедшую книгу Родионова (отставного боевого капитана, живущего в Боровичах) «Наше преступление». Это роман из современной крестьянской жизни, дышащий неподдельной искренностью и несомненной правдой...

Жму вашу руку

Константин

Мраморный, 21.XII.09

Дорогой Анатолий Федорович, меня больно кольнули в сердце ваши слова о предчувствии, что вы еще не долго проживете. Сердечно желаю, чтобы оно не скоро сбылось. Мне сегодня вырвали зуб, и доктор не пустил на вечернюю панихиду у гроба В. К. Михаила Николаевича, последнего из детей Николая I... Примите от меня мою последнюю работу — рецензии о некоторых сборниках стихов, которые я не признал достойными Пушкинской премии.

Не так давно перевел я из Гейбеля

«ТРИ ПТИЦЫ»:

Я горлице сказал: Лети в тот край прекрасный,
Где плещет Ганга тихая волна,
И мне достань цветок любви всевластный, —
«Далеко», — молвила она.

Орлу сказал я: Дай мне молнию из тучи,
Любовь, что хладно мной пренебрегла,
Пускай согреет пламень неба жгучий, —
«Высоко», — был ответ орла.

Я коршуну сказал: О, выключь образ милый,
Запечатленный в сердца глубине:
Переболеть, ни позабыть нет силы,
«Уж поздно», — молвил коршун мне.

Крепко жму вашу руку

Константин

Павловск, 2 мая 1910

Дорогой Анатолий Федорович, ...действительно, в дневнике моего покойного отца встречается много подробностей, с которыми из сыновнего почтения я не решился бы ознакомить даже и вас. Но постараюсь доставить вам выборки мест, касающихся деятельности Гл. Комитета по устройству сельского состояния — под председательством моего родителя. Предупреждаю, однако, что в конце 50-х — начале 60-х годов он не вел дневника и, впоследствии, как хорошо помню, часто сетовал на этот досадный пропуск.

Сердечно ваш

Константин

Павловск, 5.5.10

Милый Анатолий Федорович, знаю, как вы заняты, как мало у вас досуга, как плохо ваше здоровье, как вы утомлены — и все же решаюсь утруждать вас... Из прилагаемых бумаг, весьма многословных, но, как мне кажется, искренно чистосердечных, вы увидите, что г-жа Блок, лично мне совершенно неизвестная, заступаясь за невинно, как она убеждена, обвиненного и осужденного, просит меня передать в собственные руки Его Величества свое всеподданнейшее прошение о его помиловании. Я почти никогда не исполняю подобных просьб, советуя подавать прошения установленным порядком. Но в данном случае этот порядок неминуемо привел бы к волоките, а дело, думается мне, ясное... Вот я и вздумал обратиться к Вам за советом: можно ли мне лично Государю передать прошение г-жи Блок, основываясь на невинности пострадавшего... — Ваши ценные разъяснения юридических выражений несуществовав-

шего принца Гамлета украсили примечания к моему переводу великой Шекспировской трагедии; быть может, новые ваши же разъяснения помогут скрасить молодую судьбу живого человека, впавшего неповинно в великую беду.

Искренно, сердечно вас любящий
Константин

*Осташево, Московск. Губ.
1 июля 1910*

Дорогой Анатолий Федорович, наши письма встретились, свидетельствуя о том, что мы одновременно друг друга вспомнили... В деревне работается легко и скоро. Я уже закончил рецензию о стихотворениях крестьянина-поэта Дрожжина, который представляет собою выдающееся явление, и прошу Разряд присудить ему какую-либо премию...

Мы с женой и дочерью поговариваем о том, как бы хорошо было заманить вас в нашу деревенскую глушь на несколько дней. Решились ли бы вы на это маленькое путешествие. Сердечно ваш

Константин

Павловск, 13.II

Возвращаю вам, милый Анатолий Федорович, «охапку навозной кучи без жемчужного зерна» — не приберу другого названия новинкам якобы литературного творчества, которыми вы пожелали поделиться со мною. Стихи Сологуба и безжизненны и гнусны, так же как и психопакость, — виноват: психодрама В. Брюсова. А его «Последние страницы из «дневника женщины» просто чудовищны по цинизму не только порнографии, но и самых животных чувств, например, отношение к матери... А нам так надо высоких примеров и совершенных образцов...

Искренно ваш

Константин

1 июня 1911

Дорогой Анатолий Федорович, у меня два ваших письма, на которые я еще не успел отозваться. Одно получено из Павловска около 10 мая. Приложенный к нему № газеты с продолжением «Александра I» Мережковского я

прочел с отвращением, вполне присоединяясь к вашему суждению об этой вульгарной попытке создать художественное произведение, которое дает только бесцветную, но не лишенную тенденции безвкусную фельетонную болтовню... Заметили ли вы в № 122 Русского Слова рассказ «прославленного» Леонида Андреева под заглавием «Покой». Это еще образчик современной литературы. Смысл этой далеко не поэтической и тривиальной фантазии решительно мне непонятен. К умирающему сановнику входит черт «под видом священника, ладана и свечей» и предстает кончающему жить «во всей своей святой правде». Загробное существование делится в рассказе на два вида: на nirvanу и ад. Как вам понравятся следующие строки: «Шел дождь, и все были под зонтиками, стекала с зонтиков вода и поливала мостовую. Блестела мостовая, а по лужам *молчаливо* топорщилась рябь, — был ветер при дожде...»?

Искренно ваш

Константин

Мраморный, 8 июля 1911

Дорогой Анатолий Федорович, ценя ваш художественный вкус, я бы очень желал знать ваше мнение о новом моем литературном труде. Издавна мечталось мне попытать силы на драматическом произведении, и года два назад я наконец решился приступить к 1-му действию «Царя Иудейского»¹, в котором главное действующее лицо — Христос — ни разу не должен появиться, а между тем вся драма создается только ради Его. Пока у меня готово только это 1-е действие и раньше, чем приняться за продолжение, я хотел бы узнать ваше веское мнение: стоит ли продолжать этот плод долгого, четвертьвекового обдумыванья. Рукопись, хотя и не черновая, полна вставок, выпусков, перекосов и помарок и представляет некоторые затруднения в чтении... Если вы не одобрите дерзкого моего начинания, то не стоит и переписывать набело...

Сердечно ваш

Константин

¹ Премьера в Малом театре — 1992 г. — апрель.

Мраморный, 15.7.11

Искренно благодарю вас, милый Анатолий Федорович, как за поздравление с помолвкой нашего первенца, так и за доставление Определения Петербургской судебной Палаты от 7 авг. 1875 г. Раньше, чем приступить к 2-му действию своей драмы, в котором привожу в дом Пилата нескольких римлян, я погружен в чтение Светония, Тацита, Фридендера и других. Надо проникнуться римскими веяниями.

Сердечно ваш

Константин

Стрельна, 13.8.11

Дорогой Анатолий Федорович... от вас первого услышал я про «Сказание о любви» Щепкиной-Куперник. И заглавие, и дарование этой писательницы, а главное, ваш похвальный отзыв придают этой книге особую заманчивость.

На днях я написал предисловие к «Стихотворениям» начинающего, впервые печатающегося автора Мезька (?), за которым признаю истинное поэтическое дарование. Как только брошюра выйдет — пришлю вам. Как хорошо, что вы не «за рубежом», а совсем близко.

Сердечно ваш

Константин

Стрельна, 6 сент. 11

Дорогой Анатолий Федорович, ваши строки и милый подарок — книгу Щепкиной-Куперник «Сказания о любви» — я получил перед отъездом в Белгород, а благодарю по возвращению оттуда. Какая истинно изящная поэтическая книга! Действительно, она своим настроением напоминает Тургеневскую «Песнь торжествующей любви».

Пишу вам под дивными впечатлениями в Курской губернии на величавых, проникнутых неподдельным благочестием и непоколебимою верою нашего народа торжествах прославления святителя Иоасафа. Эти молитвенные дни омрачились вестью о покушении на жизнь Столыпина и его кончине. Тяжело и больно переживать мучительную

тревогу за настоящее и будущее России, обреченной переносить столько испытаний. Утешает только вера в наш народ и его нравственную силу. Виденное и пережитое в Белгороде только укрепляет эту веру...

Константин

Мраморный, 9 сентября 1911

Дорогой Анатолий Федорович, позвольте перед вашим отъездом в Ораниенбаум потревожить вас просьбой. Она состоит в том, чтобы вы не отказали бросить взгляд на прилагаемую рукопись.

Не помню, говорил ли я вам, что академические устроители предстоящего Ломоносовского юбилея предложили мне написать слова кантаты, музыку к которой намерены заказать А. К. Глазунову или А. С. Танееву. Я не считал себя вправе отказать, хотя очень не хотелось приступать к предложенной работе. Она стоила мне немало умственного напряжения, терпения, труда и, должен сознаться, — даже скуки, плодом чего оказалась упомянутая рукопись. Обращаюсь к вам, как к собрату по Разряду изящной словесности, прося высказать откровенно, не будете ли вы и другие члены Разряда краснеть за это порождение насильственного вдохновения...

Желаю вам приятно провести время в местах, которые так любили две наши императрицы — великая и блестящая матушка Екатерина и тихая и кроткая Елизавета Алексеевна.

Сердечно ваш

Константин

Мраморный, 13.IX.11

Милый Анатолий Федорович, за внимание, уделенное вами моей Ломоносовской кантате, и за верные, вполне справедливые замечания спешу принести вам сердечную благодарность... Все, указанное вами, переделано. Вместо недопустимого выражения «звон колоколен» будет:

Гулко доносится звон колокольный,
Словно пришьельца зовет,
Радостно внемля призыв богомольный,
Смело пошел он вперед.

Начал под эти гудящие звуки
 Дальнего Севера сын
 Жадно умом погружаться в науки,
 В область их тайных глубин.

Конечно, «*фрилежанье*» было совсем неуместно. Теперь:

Монастырский ученик
 Восемь лет без перерыва
 Черпал мыслью терпеливо
 Вековую мудрость книг.

Вместо «юный» путник, что не подходило к 28-летнему Ломоносову, поставлено: «Путник сердцем ощутил». Во избежание неясности намек на насильственное рекрутство изменено так:

И, томясь в чужих краях,
 Претерпел лихую долю.
 И рекрутскую неволю
 В прусских воинских рядах.

Взамен неточности, сказавшейся в словах «Что чрез век лишь теперь признаем», будет стоять:

В темный век свой всезрящим умом
 Разгадал он средь тайн мирозданья,
 Что теперь лишь мы смело зовем
 Достояньем наук и познания.

Жду еще отзыва гр. Голенищева-Кутузова, которого я просил дать заключение о моей кантате...

Сердечно ваш

Константин

Стрельна, 21 сент. 11.

Последнее заседание Разряда изящной словесности так же, как и на вас, произвело на меня грустное впечатление. Решительно не постигаю неуместной снисходительности, с какой наши сочлены прощают представляемым кандидатам погрешности, которые, казалось бы, не должны растворять им дверей в Разряд, учрежденный в память нашего Пушкина. Вы пишете, что Гучков смотрит чрезвычайно мрачно на ближайшее будущее. Он мне не знаком, я не

знаю, можно ли доверять его дальновидности, но невольно сжимается сердце и охватывает страх за возможные преступления, из которых гибель Столыпина была первой по возобновлении серии жертв...

Сердечно ваш

Константин

*Петербург — Оренбург,
в вагоне 6 октября 1911*

Милый Анатолий Федорович... пишу с дороги. «Живой труп» и мне показался произведением слабым, не вылежавшимся, полным неясностей и ничего не прибавляющим к славе Л. Толстого. «Интервью» с каким-то репортером В. К. Николая Михайловича вызвало во мне сильное желание не давать повода говорить о себе разным газетчикам.

Отзыв о Валерии Брюсове мне понравился и еще более заставил негодовать на намерение провести этого порнографа в Почетные Академики.

Мне больно было прочесть ваши мрачные предчувствия. Впрочем, зачем называть их мрачными? Я знаю, что вы из тех, кому смерть представляется преддверием вечности и кто терпеливо и покорно ждет, когда Промыслу угодно будет отпереть эту дверь. Но с близорукой и себялюбивой точки зрения сына Земли мне бы так хотелось, чтобы дверь эта еще долго оставалась для вас закрытой.

Сердечно ваш

Константин

Павловск, 30 марта 1912

Воистинно Христос воскрес!

...Вскоре надеюсь прислать вам рукопись еще незнакомого вам 4-го акта моей драмы. Теперь с увлечением работаю над 5-м, и, кажется, труд близок к окончанию. Он, вы верно угадали, тот самый, о котором мы говорили с Иваном Александровичем (Гончаров) 26 лет назад. Долго же пришлось ему вынашиваться в голове и в сердце. Мне пламенно хотелось бы дать посетителям театра, особенно народного, здоровую пищу, удовлетворить их потребность в зрелищах, душу возвышающих, а не щекочущих

низменные поползновения, которым, к прискорбию, потворствует многое из современного репертуара. Хочется верить, что проповедь добра, правды и красоты в художественной форме восторжествует над гнусностями корифеев литературы...

Сердечно ваш

Константин

Осташево, 9 июля 1912

Дорогой Анатолий Федорович... Я прочитал ваше описание гончаровских торжеств в Симбирске и был очень тронут, что по поводу чествования нашего друга вы и меня вспомнили.

Сообщите, где предполагаете вы провести остаток лета и не приедете ли к нам на берега Рузы. Попадают сюда со станции Волоколамск на Московско-Виндаво-Рыбинск. ж. д. и надо телеграфировать в Осташево за день, чтобы были высланы лошади. Дорога со станции неважная, но в сухую погоду сносная, 20 верст. Здесь тишина и приволье...

Сердечно ваш

Константин

*Осташево, Москов. губ.,
17 июля 1912*

...Драма моя «Царь Иудейский» с внесенными в нее некоторыми поправками и изменениями побывала как в театральной, так и в духовной цензуре. Первая ввиду содержания драмы, заимствованного из евангельского повествования, не встречая с своей стороны препятствий, ожидает решения второй. А эта последняя по указанию В. К. Саблера внесла вопрос о допущении драмы на сцену в Св. Синод. Архиепископ Финляндский Сергей пожелал ознакомиться с драмой, и Синод поручил ему дать о ней заключение. Я написал преосвященному Сергию и изложил ему побуждения, руководимые мною при создании «Царя Иудейского», но еще не получил ответа. Как бы Синод ни решил, я не намерен отдавать своей драмы никакому театру, пока не поставлю ее сам в любительском спектакле... Только во время репетиций

может выясниться, что подлежит сокращению или изменению...

Во время лечения в Вильдунгене я переработал свой перевод «Мессинской невесты» Шиллера. Он был исполнен 30 лет назад, когда я был слабее, чем теперь, во владении стихом и не мог передать текста Шиллера таким же числом стихов, как у него. Теперь этот недостаток устранен и трагедия переведана строка в строку.

Сердечно вас любящий

Константин

Осташево, 9 августа 1912

Дорогой Анатолий Федорович, посылаю вам копию с письма архиепископа Финляндского по поводу «Царя Иудейского». Как и можно было ожидать от близорукости наших современных иерархов, Синод, хотя и признает благотворное влияние моей драмы, могущее умирить душу верующих еще сильнее при сценическом представлении, чем в чтении, все же не желает воспользоваться этим добрым воздействием и запрещает постановку драмы на сцене ради второстепенных и пустоватых соображений.

Пишу Государю, приводя выписки из письма Владыки Сергия и прося разрешить представление если не в общественных театрах, то в Эрмитажном или Китайском, в исполнении любителей. Не знаю, пожелает ли Государь по примеру своего Прадеда, повелевшего, несмотря на запрещение цензуры, поставить «Ревизора», дать мне очутиться в положении Гоголя.

Сердечно ваш

Константин

Павловск, 24 окт. 12

Дорогой Анатолий Федорович, благодаря вашему неизменному вниманию мое книжное собрание пополнилось новым томом ваших трудов. Перелистывая его, я напал на вашу речь в Гос. Совете о необходимости ассигнований на флот. Мне вспомнились наши беседы в Осташево, и отозвалась в душе ваша горячая привязанность к родной нашей Родине, свободная от каких бы то ни было партийных соображений. Я уверен, что вы с болью в сер-

дце и с затаенным восторгом следите за успехами оружия союзных балканских государств. Не решается ли на наших глазах пресловутый Восточный вопрос?

Сердечно ваш

Константин

Павловск, 13 октября 12

Дорогой Анатолий Федорович, от души благодарен, что вы не забыли предложенного мною вопроса о книгах для будущей Осташевской читальни. Каталогом, любезно вами присланным, воспользуюсь при помощи Олега.

...Когда же мы поумнеем! Наше совместное выступление с Австрией представляется и мне постыдным. Что же мы скажем, если балканские государства победят турок?

Сердечно ваш

Константин

Хелуан, 1/14 декабря 1912

Милый и дорогой Анатолий Федорович,
...пришло ваше дорогое письмо. Оно шло до Египта 11 дней... Как бы хотелось вместе с пожеланиями здоровья послать вам в мрачный и холодный Петербург хотя немного солнечного света и тепла... По любопытному совпадению вы напоминаете мне о жалобе детей последней, доживающей на Миллионной старческие дни, грузинской царицы на отсутствие солнца, а я здесь погружен в чтение грузинской истории, литературы, географии и археологии для будущей своей работы. Но человек так создан, что не умеет достаточно ценить настоящего: как ни наслаждаешься здесь тишиною, красками и необозримостью пустыни, пальмовыми рощами на берегу Нила, между стройными стволами которых сквозят по ту сторону реки пирамиды — царственные гробницы фараонов Мемфиса, мечтавших победить ими вечность, — а невольно пугаешься при мысли, что еще полгода остается мне до возвращения на родину. Африканское солнце не зажгло во мне вдохновения. ...Об упоминаемой вами законодательной импотенции думаю здесь и я, читая в Нов. Времени, какими мерами различные земские собрания думают бороться с хулиганством...

2/15 декабря.

Вы сожалеете о забаллотировании Гучкова при избрании его в Гос. Думу. Я не разделяю ваших сожалений. Гучков мне не знаком, о нем и его деятельности я знаю слишком мало. Но его выступление в Думе по поводу Распутина весной текущего года произвело на меня неприятное впечатление...

Мне показалось, он более бил на политический скандал, а не говорил по требованию истинного патриотизма. Его речь ничему не могла помочь и не помогла, а только сильнее разогрела страсти.

Вы разочаровались в Деларове. Я, было, находился под его обаянием — он прелестный собеседник и необыкновенно сведущ в истории искусства. Но мне пришлось прекратить с ним знакомство, несмотря на то, что он постоянный жилец Павловска и след. наш сосед. — Из Павловского дворца лет шесть-семь назад весьма искусным загадочным образом были украдены две очень ценные картины Греза; у нас были косвенные указания на причастность Деларова к этой пропаже: он промышляет покупкой и продажей художественных предметов и преимущественно картин старинных мастеров.

...Наша гостиница Аль-Хаят, что по-арабски значит — жизнь, представляет собою оазис в пустыне, на краю городка Хелуана, в получасах езды по жел. дороге от Каира. Хелуан возник недавно, лет 10—20 назад, состоит из нескольких пересекающихся под прямым углом улиц и расположен в 5 верстах от правого берега Нила. Из него к нам проведена вода, благодаря чему на каменисто-песчаной возвышенности, на которой стоит наш дом, много тропических растений и тени.

На одной из скал, видимой из наших окон, за загородкой заведены штук семь местных газелей, очаровательных по грациозности движений и легкости, серо-желтых с белыми брюшками, на таких тоненьких ножках, что кажется, они должны преломиться от малейшего дуновения. Одно из этих прелестных животных, хотя робко и опасно, но берет хлеб у меня из рук. Прилагаю вид гостиницы, причудливого здания, окруженного живописными террасами, соединенными между собою ступенями из дикого камня. В цветниках между террасами много пальм, финиковых, саговых, кактусов, агав, сикомор, алоэ;

розы в изобилии... А кругом — голая пустыня. Казалось бы, ее ровное однообразие, песок и камень должны наводить уныние, но она однообразна только на первый, поверхностный взгляд. В действительности в ней встречаются и лощины, и овраги, и целые холмы и горы, по которым устроены каменоломни. Но главная прелесть пустыни — это ее тишина и яркость окраски, изменяющейся по мере движения солнца. А оно здесь царит неизменно и если скрывается за редкие тучи, то на минуты... Закаты солнца — настоящий праздник для глаз. Лишь оно скроется за одной из видных из наших окон пирамид, вырезающихся резкими треугольниками на синеве неба, далеко по ту сторону Нила, который светлой и узкой полосой тянется слева направо — небо окрашивается в бледно-желтый, лимонный цвет... Над пустыней воцаряется сумрак, очень кратковременный. Бледно-желтый отлив на Западе, куда обращены пять окон нашей полукруглой гостиной, превращается в ярко-оранжевый, постепенно переходящий в багрово-красный, а горы Мекатала, каменной гряды, тянущейся от Каира к Хелуану, отливают лилово-розовым оттенком. И сразу наступает ночной мрак. Заката надо остерегаться, одеваясь потеплее, в это время на несколько минут становится прохладно. Но только погаснет вечерняя заря и сменится ночью, опять тепло. Как ярко здесь звезды!

6/19 декабря

Здесь нельзя не любоваться местным населением. Арабы очень живописны, когда не отказываются от своего бурнуса и чалмы, променяв их на опошливающий европейский пиджак. Они рослы, стройны, у них благородная поступь, изящные движения. Много очень смуглых и даже совсем черных, но с красивыми, тонкими чертами лица, блестящими черными глазами и ярко-белыми зубами. Черные, когда не негры — суданцы, потомки древних египтян, очень напоминающие их старинные изваяния. Эта порода людей далека от вырождения; а между тем турецкое влияние, подчинившее себе арабов, уничтожило арабскую культуру, стоявшую, бывало, на значительной высоте: арабы, давшие нам изумительные образцы зодчества, славившиеся в астрологии, географии, истории, замерли в

своём развитии. Современный культурный Египет обязан англичанам или вообще европейцам...

Встретьте и проведите Рождество и Новый год в добром здоровье и поминайте иногда искренно вас любящего почитателя

Константина

Асуан

Здесь, в Хелуане, ещё теплее, чем в Нижнем Египте; наша гостиница не в 5-ти верстах от Нила, как в Хелуане, а на самом правом берегу реки Фараонов. Здесь первая гряда нильских порогов, образуемая несколькими скалистыми островами, из которых наибольший, Элефантина, заросший густой тропической зеленью и стройными перистыми пальмами, красуется перед самым моим окном. Свое название получил он, как говорят, от прибрежных, омываемых в половодье волнами Нила гранитных глыб; в этих плоских, гладких, неуклюже-округлых скалах есть, правда, что-то слоновье: точно спины, бока и плечи огромных окаменелых слонов. Цветы в изобилии, олеандры розовые и белые; желтые, пахучие шарики мимозы, хорошо знакомые по котильонам петербургских балов; только мимоза здесь — тенистое дерево, и ее шарики втрое крупнее привозимых на берег Невы. Розы во множестве, есть и гвоздика и родные подсолнухи...

...Не знаете ли вы нового М-ра Вн. Дел Маклакова, занявшего самый трудный ответственный в России пост? Можно ли возлагать на него надежды? И удастся ли ему, такому молодому и едва ли опытному деятелю, внести в работу правительства единство, систему и ясное сознание цели, об отсутствии которой вы так справедливо сокрушаетесь.

Очень, очень вам благодарен за вырезки из различных газет и журналов с образчиками современного «пленной мысли раздражения». Действительно, разве не пленные мысли в головах гг. Философовых, Мережковских, Зинаид Гиппиус и П. Б. Струве? И понимают ли сами они, что хотят сказать? Я читал ваши вырезки, пока наш поезд мчался берегом Нила мимо пальмовых рощ, убогих, мазанных из глины лачуг в деревушках феллахов и тучных, ярко-зеленых полей, возделываемых обнаженными земле-

дельцами с черными или бронзовыми стройными телами.

Стихи некого А. Конге, в которых «солнце низится, готовое от горизонта *отколоться* (!!)\», напомнили мне, что надо поделиться с вами моей попыткой описать солнце, не откальзывающееся, а просто садящееся за одной из пирамид Дашура, видных вдаль за Нилом из наших окон в Хелуане. Но предупреждаю, что это очень ничтожное стихотворение:

ВЕЧЕР В ЕГИПТЕ

Алеет Нил румяным блеском...
 Длиннее тени пирамид...
 Багряный вал ленивым плеском
 С прибрежной пальмой говорит.
 Объята заревом пустыня;
 Все ниже солнце... Через миг
 Надгробья царского твердыня
 Сокроет пламеносный лик.
 Коснувшись грани мавзолея,
 Горит он кругом огневым
 И закатился, пышно рдея,
 За исполином вековым.

С удовольствием читаю «Житейские встречи», и мне словно слышится ваш знакомый голос, так как некоторые из этих встреч мне известны по милым рассказам в Осташеве и Павловске.

24 февр./9 марта 1913

Дорогой Анатолий Федорович... проведя 5 недель в Асуане, мы 12 февраля перебрались в Луксор и здесь пробудем 3 недели. 5/18 марта собираемся на неделю в Каир, а потом в Сицилию. За этот месяц муза меня посещала: я написал два довольно крупных стихотворения, навеянных Египтом... Мне хотелось бы, чтобы эти стихи понравились вам более написанных тоже под южным небом Бальмонтом, в которых только и есть хорошего, по-моему, что теплое чувство к далекой родине, но поэзия в них отсутствует, будучи заменена каким-то кликушеством...

Разысканный «Русским библиофилом» вариант «Моряка» Лермонтова если и не есть важное открытие, то все-

таки может быть приветствуем, как каждая строка гениального поэта. — Как я сочувствую вашему намерению выступить в поход против засорения и коверкания русского языка, блестящий образец такого непозволительного отношения к языку содержится в присланной вами вырезке... как бы я хотел помогать вам в этом «походе». Хорошо бы, если бы каждый из членов Разряда изящ. словесности принял в вашем походе участие...

Из Измайловского полка мне пишут о деятельной подготовке к исполнению моего «Царя Иудейского» на сцене Китайского театра; идут считки, рисуются декорации и костюмы, Глазуновым сочиняются музыкальные номера. Драма должна пойти осенью. Государь желает присутствовать на одной из последних репетиций, чтобы ввиду исключительности содержания пьесы решить, можно ли будет исполнить ее в Эрмитажном театре при большом собрании зрителей.

Вы упоминаете, что скончалась хорошая ваша знакомая, жена добрейшего П.Н. Воронова. Я ее видел один раз в жизни в Красном Селе, когда командовал последний год Преображенским полком, а ее муж был начальником штаба нашей дивизии. Я только что закончил формальные и скучнейшие аттестации офицеров полка и отослал их в штаб. Но Павел Николаевич заметил, что в последней графе аттестационных списков мною не было вписано против фамилии каждого офицера слова «достоин», означавшего, что аттестуемый может быть подвигаем по службе... И вот Воронов, тогда еще полковник, отыскал меня где-то в лагере, заманил в свою квартиру и заставил 70 раз вписать в пустую графу «достоин»... Если увидите П.Н., пожалуйста, выразите ему мое сердечное соболезнование.

Сердечно вас любящий

Константин

Афины, 19 апреля 1913

Дорогой Анатолий Федорович, начинаю это письмо дня за три до отбытия из Греции — мы поплывем в старую столицу дождей, чтобы налюбоваться перед отъездом в Штутгарт, Альтенбург и Вильдунген ее застывшей, но все еще очаровательною мраморною грезой...

Вы упоминаете о «Жизни за царя» на парадном спекта-

кле в один из дней празднования Романовского юбилея, и это неудачное представление наводит на грустную мысль о незадачливости многих наших современных начинаний. Куда ни посмотришь, на всем лежит отпечаток какой-то неумелости, неловкости, бессилия. Все чаще приходит на память выражение из «Гамлета», переданное в моем переводе так: «Подгнило что-то в датском королевстве»...

Быть может, не зная вполне всех обстоятельств внешней политики, мы судим с односторонностью, а потому неправильно. Напр., я никак в толк не возьму, что согласие России с австрийской выдумкой Албанского герцогства вяжется с нашими старинными историческими задачами... Я спрашиваю себя, может ли быть сильно правительство, действующее наперекор общественному мнению?

Вполне присоединяюсь к вашему мнению о желательности, чтобы письменные доклады о премиях предварительно рассылались наличным членам Разряда для ознакомления. Значительное число и объем этих докладов не дает возможности прочтения их целиком в самом заседании. И вот мы судим в нем о том, что сами хорошенько не знаем...

Получил книгу Э.Л. Радлова о В.С. Соловьеве. Она читается с наслаждением и будто очищает душу... Здесь стоит теплая, ясная, душистая весна, часто заманивающая меня в чудесный, огромный, тенистый, весь пропитанный сладким запахом цветущих апельсиновых деревьев дворцовый сад с темными кипарисами, увитыми белыми, желтыми и красными розами; с пальмами, платанами и южными соснами. В этом саду я нашел восхитительный уголок: среди густой зелени описывает круг дорожка... и приводит к одинокой скамейке под навесом вьющихся роз всех оттенков. Здесь уселся я с книгой Радлова. В головах доверчиво шелкал, свистал и заливался соловей; какая-то птичка возилась в листве надо мной и ко мне на колени упал малиновый лепесток розы...

Теперь скоро полночь. Пора и честь знать, а потому прерываю эту болтовню.

Сердечно вас любящий

Константин

Вильдунген, 13 июня 1913

Дорогой Анатолий Федорович, ...увлечение своими литературными занятиями вполне овладело мною во время лечения здешними водами и ваннами... В одной со мною гостинице живет очень привлекательная особа — Ольга Владимировна Гзовская, известная артистка сперва Московского Малого Театра, а теперь труппы Станиславского. Она... нисколько не похожа на актрису: ни цвет лица, ни привычка держаться, ни наряды, всегда изящные и безукоризненно скромные, не носят отпечатка крикливости и задора. Я не мог упустить случая и не ознакомить ее с «Царем Иудейским», мнение даровитой артистки так дорого драматическому автору. И я не раскаялся: она дала мне немало полезных и очень тонких указаний. Одновременно пришло письмо с замечаниями академ. Корша, весьма ценными. Я был с ним в оживленной переписке относительно как «Мессинской невесты», так и «Царя Иудейского». Уйдя с головою в исправление обоих этих трудов, я теперь покончил с ними...

Вести ваших писем и приносимые газетами полны печали, заставляют с тревогой смотреть в будущее. Но велик Господь, и среди нашего измельчавшего поколения ужели не найдется хотя бы горсть праведников, по молитве которых Он помилует и спасет. Не понимаю, как могла ваша речь о допуске в университеты кадет, реалистов и семинаристов не подействовать на Госуд. Совет...

Сердечно жму руку

Константин

*Осташево, Моск. г.
28 июня 1913*

Дорогой Анатолий Федорович, ...теперь хочу приняться за статью о поэзии Гр. Голенищева-Кутузова, которую предполагаю прочесть в академических поминках... покойного, но смущаюсь и трушу, как бы не повторить уже много раз говоренного... и не впасть в общее место...

Сердечно вас любящий

Константин

Осташево, 27 июня 1913

...Мне хотелось бы окончить сочинение речи о Гр. Голенищеве-Кутузове. Около половины уже написано, а именно, самые обстоятельные отзывы о поэзии покойного, составленные Страховым и Вл. Соловьевым; основываясь на их авторитетах, выскажу свой взгляд на творчество покойного поэта. Справившись с этой более мучительной, чем увлекательной работой, мечтаю начать примечания к «Царю Иудейскому», который после вашего отъезда превратил из пятиактной в четырехактную пьесу... Это сокращение на целый акт, думаю, хорошо отзовется на драме, освободившейся от излишних подробностей и повторений и выигравшей в развитии драматического действия от устранения скучных для зрителей задержек и пауз. Мне пишут, что музыка, сочиняемая к моей драме А. К. Глазуновым (увертюра, антракт, трубные звуки и пр.), обещает быть очень удачной.

Крепко жму руку

Константин

Осташево, 9 августа 1913

...Я только сегодня вернулся из-под Петербурга, где на Преображенском празднике после полутора лет опять увидал Государя. В Павловске вчера и третьего дня принимал многочисленную толпу вновь произведенных офицеров, бывших моих милых питомцев, из которых многих помню еще малыми детьми. И радостно было разделить их радость при вступлении в самостоятельную жизнь, и жаль отпускать на волю этих оперившихся птенцов, с иными из которых, быть может, никогда уже не придется свидеться. Храни их Господь...

Крепко жму вашу руку

Константин

Осташево, 22 августа 1913

...Теперь я погрузился в примечания к «Царю Иудейскому», первое из них относится к Пилату... и обещает быть пространным и довольно любопытным. Но работа эта кропотлива; вообразите, что о Пилате существует

целая литература, насчитывающая более 100 названий.

До свидания, дорогой Анатолий Федорович...
Сердечно вас любящий

Константин

Павловск, 15 сентября 1913

Дорогой Анатолий Федорович, ваши оба письма застали меня в Москве 31 августа и 1 сентября. Живя в 1-м Московском кадетском императрицы Екатерины II корпусе (бывшем Головинском дворце, выстроенном Кваренги на месте прежнего деревянного, в котором Екатерина была присоединена к православию), я в течение шести дней посещал военно-учебные заведения и знакомился со вновь поступившими кадетами, а в обоих военных училищах повидал кадет, знакомых еще малыми детьми. Ответить вам не было времени...

Примите от меня оттиск «Нивы» с моими египетскими стихотворениями. Письмо студента Алексеева при всей своей наивности польстило моему самолюбию. Поручу у себя в конторе переслать... экземпляр «Гамлета» и написать, что пришлю и новое издание моих стихов...

Сердечно к вам привязанный

Константин

Мраморный, 11 октября 13

Возвращаю вам вырезку из Русск. Ведомостей с речью нашего сочлена Бунина. В ней высказаны очень верные мысли. Но по прочтении не хочется ли сказать автору: «Не вам бы говорить, не нам бы слушать!»

Искренно ваш

Константин

Павловск, 14 янв. 14

Дорогой Анатолий Федорович, эти строки — благодарственные и вместе прощальные: сегодня мы с моей Велик. княгиней и сыном Гавриилом уезжаем в Египет. Заранее поздравляю вас с приближающимся вступлением в 8-й десяток жизни. В этот день — 28 января — вспомню

вас в озаренном солнцем Асуане, у самых нильских порогов. «Царь Иудейский» едва ли будет поставлен на общественной сцене. Но жаловаться я не могу, постигшее его запрещение только окружило его некоторой таинственностью и служит его успеху. О нем много говорят и пишут, он переводится на языки немецкий, французский, латышский, чешский...

До свидания, надеюсь в Осташеве будущим летом...

Константин

28 января/10 февраля 1914

Асуан

Дорогой Анатолий Федорович, не могу не вспомнить вас сегодня, в день вашего 70-летия... Да пошлет вам Господь «старость покойную». Как говорит Лермонтов, молясь перед иконой Матери Божией, «теплой Заступницы мира холодного», за «душу достойную». Надеюсь, вы уже получили именной экземпляр моего «Царя Иудейского»... Хотелось бы приступить к новому драматическому произведению, но нужно еще много прочесть, чтобы изучить эпоху, из которой я хочу воспользоваться содержанием будущей пьесы. Задумываю показать в ней соприкосновение русской истории с грузинской в век царицы Тамары. Но у меня нет убеждения, что мой план удастся.

Сердечно ваш

Константин

Асуан, 23 февраля 1914

Дорогой Анатолий Федорович... как бы хотелось без помощи чернил и бумаги поговорить с вами о совершившихся правительственных переменах, о вашей работе по борьбе с пьянством, о литературных ваших занятиях, о биографии В.К. Елены Павловны. Вы опасаетесь, что у вас не хватит сил и, главное, времени на окончание этого последнего труда. Вы с принцессой Еленой тщетно перебрали всех, кто мог бы взяться за эту работу. И вот мне пришла в голову дерзкая мысль предложить свои услуги... Надеюсь, что не погрешу ни односторонностью, ни недостатком художественности, ни тенденциозностью... Взвесьте хорошенько все доводы за и против моего предложения...

Несмотря на поход Пуришкевича и К° на «Царя Иудейского» или, может быть, именно благодаря этому походу, 10 000 экземпляров 1-го издания разошлись без остатков через 2 $\frac{1}{2}$ недели, выпускаю 2-ое издание. Драма переводится на девять языков, и из-за границы приходят предложения поставить мою пьесу на сцене...

Сердечно ваш

Константин

Харакс, 9 апреля 1914

Христос воскрес! Дорогой Анатолий Федорович, успех «Царя Иудейского» (20-я тысяча которого уже разошлась без остатка) побуждает меня писать опять для театра, уже более года обдумываю план пьесы и только в самое последнее время набросал его начерно. Очень долго и медленно зреют у меня в голове мои создания... У меня задумана драма на любопытный случай, упоминаемый еще Карамзиным в примечаниях к «Истории Государства Российского», привлечший мое внимание лет 25 назад. Это появление младшего сына Андрея Боголюбского, Юрия, в Иверии и его брак с царицей Тамарой. Мне кажется, это сюжет весьма оригинальный, живописный, картинный и никем не тронутый.

На днях узнал я, что в Урюпине (войска Донского) один податной инспектор взялся прочесть в клубе без платы за вход моего «Ц.И.» перед публикой. Хоперский окружной атаман чтение разрешил. Напечатали и расклеили афишу, но на третий день помощник пристава взял с чтеца подписку, что он читать не будет, т.к. чтение пьесы запрещено Синодом. Подат. инспектор написал частное письмо окр. Атаману, указывая, что едва ли удобно запрещение, т.к. всем известно, кто такой К.Р. ... Чтение разрешили... но директор Реального училища запретил на общей молитве ученикам быть на чтении. То же сделали в Женск. гимназии. Зато эту молодежь пустили в вечер чтения в кинематограф, где показывалась порнографическая драма «На дне полусвета». Как это умно! Подобные запрещения чтения напечатанной книги имеют место по всей России, и даже в Петербурге.

Сердечно ваш Константин

3/16 июля 1914,
Вильдунген

...Здесь русские сильно были взволнованы известием о покушении на Григ. Распутина и о том, что он при смерти. Бывают случаи, когда ловишь себя на радости смерти ближнего и силишься подавить эту грешную радость. Я никогда не видел Распутина, но его соблазнительная знаменитость внушала мне опасения и тревогу. Грустно, когда подобные темные люди приобретают значение; еще грустнее, когда ими пользуются личности, добывающиеся для себя выгод.

Будьте здоровы

Константин

8 августа 1914, Павловск

Дорогой Анатолий Федорович, прочтя вчера в Вечернем Вр. перечень лиц, о которых их близкие просят сообщить какие-либо сведения, я заключил, что вы еще не получили таковых о бедной вашей сестре... От детей у нас вести хорошие, но, по-видимому, последний кавалерийский бой, завершившийся взятием у немцев целой батареи, стоил нам многих потерь...

Крепко жму вашу руку

Константин

7 сентября 1914, Павловск

Дорогой Анатолий Федорович, жена очень сердечно благодарит вас за... сочувствие ее материнской тревоге. До сих пор, благодарение Богу, у нас хорошие вести о всех пятерых сыновьях и зяте. Вы, конечно, приняли к сердцу, притом больному, ...утрату нашей милой старушкой Ю.Ф. Абаза, ее внука, павшего на поле брани среди Преображенцев, понесших крупные потери, а также гибель знакомых вам Измайловцев. Двое из последних принимали участие в «Царе Иудейском» — Чигаев — Никодим и Кучевский — трибун... Моя муза упорно молчит уже более года. В переживаемое нами время требуется исключительное вдохновение; есть вещи, о которых лучше молчать, если не находишь силы сказать что-либо веское и важное.

Сердечно ваш

Константин

Осташево, 5 октября 1914

Дорогой, сердечно любимый Анатолий Федорович, в тяжкие, горестные дни, последовавшие за 29-м сентября, когда не стало нашего сына Олега, «новопреставленного воина, за веру, Царя, Отечество на поле брани живот свой положившего», моя мысль не раз обращалась к вам в уверенности, что найдет вас плачущим и сочувствующим нашей незаменимой потере. И строки ваши от 30-го IX подтверждают, что я не ошибся. По желанию, неоднократно выраженному нашим незабвенным усопшим, мы похоронили его в Осташеве. Если выйти из комнаты, в которой вы здесь гостили, и направиться вправо, вдоль реки, там, где начинается лес, есть дорожка, ведущая на небольшой холмик, возвышающийся над берегом, совсем близко от дома, минутах в 3-х ходьбы. Быть может, вы помните там круглый, крытый берестой стол и скамейку. Тут нашел наш дорогой Олег последнее пристанище. Тут же 9 лет назад мы часто сидели с женой, оплакивая покойную дочь Наталью, которая родилась и прожила свою двухмесячную жизнь, пока ее старшие братья были в Крыму. Таким образом, они ее не знали и никогда не видели, но одному из них было суждено теперь встретиться с нею там, «идеже несть болезнь ни воздыхание». Олег любил вас, любил бывать у вас, любил вас слушать.

Господу угодно было взять у меня того из сыновей, который по умственному складу был наиболее мне близок. Да будет Его господняя воля.

Ваш благодарный

Константин

Павловск, 18 октября 1914

...С неделю назад граф С.Ю. Витте спрашивал по телефону у Управляющего моим Двором, нельзя ли побывать у меня, чтобы изложить несколько мыслей и привлечь меня к деятельности, которая по окончании войны может получить немаловажное значение. Было время, когда я питал доверие к С.Ю. и охотно беседовал и переписывался с ним. Но после 1905 года по понятным вам причинам я разочаровался в графе, прекратил с ним всякое общение и всячески его избегаю.

На предложение работать с ним заодно я поручил ему передать, что, поглощенный своим горем, стесняюсь принимать... ..Иностранной политикой я не занимаюсь и не могу себе представить рода деятельности, при помощи которой можно было бы предотвратить беду, если она действительно надвигается. Может быть, вы растолкуете мне эту загадку...

А знаете ли вы, что м-р Вн. Дел, разрешив циркуляром чтение моей драмы по ролям со сцены, при условии отсутствия костюмов и декораций, м-ца через два или три воспретил эти многоличные чтения и допустил только единоличные. Никак не могу уверовать в мудрость такого распоряжения.

Сердечно ваш

Константин

Павловск, 10.XI.14

Сердечно любимый Анатолий Федорович, как мило и любезно с вашей стороны, что вы прислали мне книгу «Старины и Новизны» и при этом снабдили ее закладками в наиболее любопытных местах. ...Статья Л. Андреева о Сербии написана так пламенно, что наверно найдет себе отклик в обществе.

Сердечно ваш

Константин

Павловск, 11.XI.14

Дорогой Анатолий Федорович, ...посылаю вам очень для меня лестное обращение П.С. Пороховщикова, на случай, если вы его не читали. Мне тем более приятно последовать его совету — переиздать перевод «Гамлета» с моими примечаниями, — что я сам давно уже подумываю о новом, дополнительном издании...

...Но раньше, чем приступить к переизданию, мне нужно кое-что добавить к примечаниям. Нужно будет получить сведения обо всем существенном, обогатившем литературу о «Гамлете» с 1901 г., когда был издан мой первоначальный труд. У меня имеется обстоятельный трактат А.Д. Бутовского, большого знатока истории фехтовального искусства, объясняющий многие темные подробности последнего поединка Гамлета с Лаэртом, их обмен

рапирами и пр. Быть может, и у П. С. Пороховщикова найдутся сведения о новейшей Гамлетовской литературе и он не откажет поделиться ими со мною.

На этих днях я понес чувствительную утрату в лице Александры Алексеевны Майковой (вдовы Леонида Николаевича), которую очень любил и почитал, полный благодарности за чтение корректур моих трудов и составление указателей алфавитных и библиографических. Всего за три дня до ее кончины, последовавшей от разрыва сердца, она писала мне, трудясь над последними корректурными листками 2-го тома будущего издания моих стихов за годы 1879—1912... Присланная вами... заметка Леонида Андреева действительно очень образна и написана как бы огненным языком. Сердце сжимается от мысли, что Болгария поддается австро-германским дипломатическим козням и наущениям. Вчера директор русского археологического института в Константинополе академик Успенский сообщил мне со слов С.Д. Сазонова, что между правительством нашим и великобританским уже состоялось соглашение относительно обладания Россией Босфором и Дарданеллами. Дай Бог дожить до этого великого события.

Сердечно вас любящий

Константин

Мраморный, 24 января 1915

В самый Новый год началось у меня удушье и затруднение дыхания... Вместо обеда я попал в кровать, в которой меня продержали дней шесть. ...Чувствуя свое сердце, которое доныне никогда не давало себя знать, я невольно обращался мыслями к вам, издавна испытывающему это неприятное ощущение...

...В данное время из наших сыновей только Измайловец Константин находится в действующей армии под Радомом, где его полк на отдыхе считает раны и обречен, по выражению Лермонтова, «Товарищей считать». Много уже пало этих товарищей!

Вы не ошиблись: дочь Татьяна... вчера вернулась, украшенная Георгиевской медалью за раздачу подарков офицерам Кавказского Лейб-Эриванского полка в сфере артиллерийского огня.

Сердечно ваш

Константин

Павловск, 4 марта 1915

Дорогой Анатолий Федорович,
 ...Смерть графа тоже заставила меня вспомнить о вас; думалось, какое произведет она на вас впечатление. Я еще слаб, еще нет недели, как мне позволяют вставать с кровати на несколько часов в день.

Жму вам руку.

Сердечно вас любящий

Константин

*Павловск,
 Вербное воскресенье,
 15 марта 1915*

Дорогой мой Анатолий Федорович, если беда никогда не приходит одна, то, по счастью, это иногда может быть сказано и о радости. Я испытал это 9 марта, подарившем всех нас вестью о падении Перемышля, а лично мне принесшем ваше милое письмо. Незадолго перед тем только успел я перед вами похвастаться восстановлением здоровья, как вновь испытал две неприятности: 6 марта потерю памяти, длившуюся целое утро... а 8 марта обморочное состояние с усиленным сердцебиением... Теперь выздоровление опять наладилось. Не сумею выразить, как ваши строки тронули меня своей заботливостью. Будьте уверены, что я плачу вам тревогой, не меньшей, чем вы обо мне, узнав о вашем падении на рельсах, ушибах и костылях.

А как умел писать Ф.И. Тютчев. Его письма жене, которые он, конечно, не предназначал для печати, так и искрятся остроумием, глубиной мысли и неординарными ее оборотами...

(Письмо без окончания)

Павловск, 31 марта 1915

Милый и дорогой Анатолий Федорович, ...в последнем вашем письме, начинающемся радостным пасхальным приветствием «Христос воскрес», вы затрагиваете струну, на которую чутко отзывается моя душа, а именно, вы говорите о неудовлетворительности русского перевода Евангелия. Этот перевод отзывается какой-то канцеляр-

щиной, и неудивительно, что он уже дважды вызывал попытки «художников слова» дать новый, более приближающийся к церковно-славянскому тексту перевод. Это переводы В. Жуковского и К. П. Победоносцева. Известны ли они вам?..

Сердечно ваш

Константин

Р. S. В этот же вечер. Опять температура у меня сегодня выше, что полагается.

31 марта 1915

...Возвращаю вам статью Валерия Брюсова «Маленькие драмы Пушкина». Она, мне кажется, не лишена справедливости и подкупает почтительным отношением к «Солнцу нашей словесности». Тем не менее я не хотел бы видеть В. Брюсова, облеченным званием Почетного академика. Есть грехи не прощаемые, и он, как мне кажется, не свободен от них. Мне не забыть его прежнего гаерства.

Сердечно ваш

Константин

Павловск, 8 апреля 1915

Дорогой и сердечно любимый Анатолий Федорович, ... в моей библиотеке нашелся перевод 4-х евангелистов, исполненный Победоносцевым, и я смогу послать вам эти книги. Обратите внимание на предисловие к переводу Евангелия от Иоанна. Я бы пошел еще дальше Победоносцева, приближаясь в переводе к церковно-славянскому тексту: напр., слово **искони** в первых же стихах 1-й главы от Иоанна могло бы быть сохранено без изменения. Перевода Жуковского у меня еще не отыскивали...

Вы упоминаете Б. Садовского, а незадолго до получения вашего письма мне прислали его книжку... под заглавием «Озимь». В книжке есть дельные мысли, как, например, изобличение Валерия Брюсова в отсутствии поэзии его «простыночных» стихов якобы о любви. Но не могу не согласиться с мнением автора о лиризме А. Блока, признаваемого первым в наше время лириком, «последователем» или по крайней мере приемником Фета...

К искреннему своему прискорбию, я не могу, хотя сильно хотел бы того, поддержать вашего укора Б. Садовскому за упоминание об «убежденном атеизме» Фета. Незабвенного Афанасия Афанасьевича я близко знал и крепко любил, так же как и жену его Марию Петровну, родную сестру знаменитого Боткина. От нее я знал, что Фет действительно был «убежденным атеистом», по крайней мере по внешним проявлениям религиозности или, вернее, по отсутствию последней. М.П. говаривала мне, что ее муж в последние годы избегал принятия Св. тайн, и в предсмертные дни было невозможно убедить его причаститься. Не указывает ли этот недостаток религиозности у Фета, как и «абсолютный ноль», вместо будущей жизни в устах творца «града Китежа», на присущую людям, и даже самым одухотворенным из них, раздвоенность души? Вы правы: нельзя не сказать про них: «Бедные слепцы!»...

Всем сердцем любящий вас

Константин

Павловск, 25 апреля 1915

Милый, дорогой Анатолий Федорович, ...вы писали об бывшем у вас сильнейшем сердечном припадке; а одновременно (в ночь на 17-тое) у меня был сильный приступ удушья, длившийся часа три-четыре... Как бы хотелось знать, что лучше... вам! Да поможет Господь вам успеть написать все то, что душа ваша требует написать до того, что (как) Он позовет вас к Себе. Я глубоко верю, что и волос с головы нашей не спадает без Его воли, и, следов. верю, что эта всеблагая воля *вовремя* отрывает нас от здешних наших дел. Поэтому ходячее выражение *безвременная кончина* для меня звук пустой... Эта всеблагая воля лучше нас знает, когда должен последовать последний призыв...

...Как сжимается болью и опасениями сердце в ожидании известий о сражении между Вислой и Карпатами!

До свидания, дорогой Анатолий Федорович.

Сердечно ваш

Константин

Из выступления А. Ф. КОНИ

...Когда была возобновлена Пушкинская Академия под названием Разряда Изящной Словесности, то в числе первых 9 Почетных Академиков из представителей изящной литературы, критики и живого слова были избраны Великий Князь и Лев Николаевич Толстой. Из этих 9 лиц, к сожалению, остались в живых только двое — я и Короленко.

Оглядываясь на нашу деятельность в течение 16 лет, я не могу не отнестись с чувством благодарного и сердечного уважения именно к Почетному Академику К.Р. Каким я его и буду называть. Прежде всего возникает вопрос, за что он был избран. Чтобы быть почетным академиком, нужно иметь те или другие заслуги, правильно или нет оцененные в области живого или печатного слова, а вот когда мы с этой точки зрения посмотрим на работу К. Р..., то прежде всего окажется, что в его лице был избран Лирический поэт, прямой преемник Фета, Майкова и Тютчева. Сладость и чистота слога, целомудренность пера сливались у него с задушевностью и глубиной содержания. Вместе с тем и искусный переводчик, он не только переводил правильно и точно выдающиеся произведения на русский язык, но сопровождал их большими комментариями, делавшими его труд самостоятельным и глубоко продуманным. Достаточно указать на его перевод «Ифигении» Гете, к которому он присоединил исследования об условиях, при которых была написана знаменитая трагедия.

Во всем том, что писал Великий Князь, сказывается чуткое, отзывчивое сердце, глубоко чувствующее и переживающее всякое душевное настроение, всю духовную сущность любви и дружбы. Как пример тех трогательных слов или живых звуков, которые умел К.Р. издавать на своей лире, достаточно привести следующее стихотворение:

Уж гасли в комнате огни...
 Благоухали розы...
 Мы были молоды с тобой.
 Так счастливы мы были нас окружавшею
 весной —

Так горячо любили.
 Чему не смел поверить я,
 Что в сердце ты таила —
 Все это песня соловья за нас
 договорила...

Это отзывчивое и чуткое сердце билось в груди восторженного ценителя природы — «от Финских хладных скал до пламенной Колхиды». Действительно, большей частью его стихотворения описывают природу. Он восторгается ею во всех ее видах; и зимой, и летом, весной и осенью — среди палящего зноя Египта и холодных пустынь Севера — везде для него звучит этот тайный голос природы и видится «не мертвый лик», как говорит о нем Тютчев.

Это восторженный поклонник искусства во всех его видах: и в живописи, и в драматическом искусстве, и в музыке. Известно, что он был очень дружен с Чайковским и проводил долгие часы в беседах с ним. По словам Чайковского, они пробеседовали раз пять часов, причем Великий Князь советовал Чайковскому написать оперу на сюжет «Капитанской дочки», а Чайковский подал мысль Великому Князю написать драматическое произведение на сюжет Евангельский. Это сердце билось в груди человека, горячо любящего свою родину и тоскующего в разлуке с ней. Вот что он говорил в одном из своих стихотворений:

И вздохом я вздохнул таким,
 Каким вздохнуть один лишь русский может,
 Когда его тоска по Родине изложет
 Недугом тягостным своим.

Или в другом месте:

Несется благовест... Как грустно и уныло
 На стороне чужой звучат колокола.
 Опять припомнился мне край отчизны милой,
 И прежняя тоска на сердце залегла.
 Я вижу север мой с его равниной снежной,

Но и эти ноты пантеизма скоро проходят, и наступает торжество веры. Однако сомнению надо было отдать известную дань, и, как поэт, как человек с склонностью и с любовью к драматургии, поэт К.Р., во всяком случае, не мог не остановиться на великих произведениях Шекспира, и он выбрал то, что отвечало этому периоду сомнений, — то есть Гамлета. Дело в том, что сомнения играют огромную роль в произведениях Шекспира: или это сомнение в справедливости предпринимаемого дела, — тогда это будет Макбет; или это сомнение в разумности совершенного, — тогда это будет Лир; или это будет сомнение, благодаря которому разрушено личное счастье, — тогда это будет Отелло; или это будет сомнение во всем и во всех, и прежде всего в самом себе, — тогда это будет Гамлет. Тут применимо мнение известного критика Крейзига, говорящего, что герои Шекспира несут свою судьбу в себе. С этой точки зрения Гамлет есть жертва своих постоянных сомнений... «Быть или не быть» — весь этот монолог отвечает снедающим его сомнениям. И, наконец, Гамлет, умирая, ничего не находит другого сказать, что «конец — молчание».

Этому переводу К.Р. посвятил много лет и много труда. Можно сказать, что перевод лучший из тех, которые существуют у нас. Если он не всегда совершенен по стиху, то, во всяком случае, по точности, по соблюдению подлинника, что по особенностям английского стихосложения очень трудно, это перевод, представляющий громадные достоинства. Правда, есть один перевод, который мог бы стать еще выше, но это не перевод, ее переделка, очень талантливая, в которой много произвольного, а именно, «Гамлет» в переводе, или переделке, Полевого. Достаточно, чтобы охарактеризовать эту переделку, сказать следующее: все мы знаем чудесное и глубокое выражение «человек он был», но этого у Шекспира нет, это ему Полевой приписал, а у Шекспира Гамлет говорит: «во всем, во всем король был человек совершенный».

Но в смысле точности, верности, затем любви к своему делу Гамлет Великого Князя, конечно, достоин занять одно из первых мест. Везде в нем чувствуется могучее влияние шекспировского духа. Этот перевод сопровождается обширными приложениями. Во-первых, к нему присоединено подробное изложение и исследование

источников самой трагедии, потом исследование изданий и оценки их, потом цитаты игры тех или иных актеров, — Мочалова, между прочим, — затем примечания, в высшей степени богатые, филологические, исторические, из области ботаники, психиатрии и юридической, — причем тут оказалось широкое и благородное отношение Великого Князя к труду некоторых лиц, которым он сделал честь обратиться за специальными разъяснениями. Я лично давал некоторые разъяснения юридического свойства по очень сложным вопросам, возникающим из разговора могильщиков. Я был тронут, что Великий Князь в III томе поместил целиком мои разъяснения с указанием, что они принадлежат не ему, а мне.

Итак, сомнение было побеждено, и затем наступила полная вера и умиленное отношение к Христу, учителю любви к людям, затем явилось, как всегда бывает у человека... желание пропаганды, желание поделиться с другими и в той форме, которая наиболее доступна человеку, — оратору в речи, священнику в проповеди, поэту — в драматической форме. Но как поделиться, каким образом передать свою веру в Христа, в искупление, в лучшую жизнь, в награду за земные страдания?

...Можно обратиться к народному эпосу, к народной легенде, к тому, как представляет себе народ праведную жизнь на Земле, состоящую в умении жертвовать собой для других и страдать с твердой верою и перейти затем в то иконописное царство небесное, которое себе представляет народ, — и тогда это будет «Град Китеж» с чудною музыкой Римского-Корсакова и чудесным либретто Бельского. Наконец, можно обратиться прямо к Христу и изложить эпизоды из его жизни таким образом, чтобы *величие и высота Его учения, прелесть и чистота того аромата, который истекает из этого учения среди толпы невежд, враждебных людей, лицемеров, фарисеев, трусов и ожесточенных людей, являлось бы с особенной силой.* Этот последний путь избрал Великий Князь. Но затруднение выведения Христа на сцену все-таки существует, и у многих могут в этом отношении являться некоторые соображения, которые, конечно, приходили в голову и Великому Князю. В средние века существовали мистерии, когда действующим лицом являлся Христос, но это были, так сказать, особые духовные представления, это были религиозные вещи,

которые давались с возвышенной целью и в известной особой обстановке. Надо заметить, что и ныне в «Страстях Господних» обстановка особенная, там люди готовятся в течение 7 лет, там роли наследственные в известной семье. Они в обыкновенное время уже ничего не играют, готовятся постом и молитвой и причащаются перед тем, как начать представление; это своего рода священнодействие. Но допустить на обыкновенном театре представления с выведением на сцену Христа, причем накануне будет даваться какая-нибудь модная пьеса о «получении пощечин» или о «законе дикаря» или тот же самый актер, который накануне произносил злостные монологи Франца Мора, на другой день будет благовествовать словами Иисуса Христа — довольно рискованно... В Западной Европе существуют пьесы, в которых выведен Христос, например, «Дочь Пилата», есть ненапечатанная пьеса пастора голландского, тоже посвященная Иудее, касающаяся Христа. Но в них Христос не главное действующее лицо, Он остается в стороне и едва мелькает. Великий Князь остановился на таком приеме: он решил *не выводить на сцену Христа*, а представить *сцену Его божественного учения*, захватывающую женщин, восторженного Иосифа Аримафейского и сомневающегося Никодима и текущую среди трусости и злобы людской. И он выполнил эту задачу чрезвычайно удачно. Во-первых, действие представления, взятого из последних дней земной жизни Христа, развивается естественно и жизненно, и интерес к нему не ослабевает ни на минуту... В этой трагедии помещены такие глубокие контрасты, которые придают действию чрезвычайную силу. Все, кто присутствовал на представлении, подтвердят, что в некоторых местах невозможно удержаться от волнения... таковы, например, сцены с Пилатом.

Пилат — это, в сущности, губернатор, которому хочется показать лицом свою губернию, свою Иудею. Приезжает ревизор-префект из Рима, а в это время евреи кричат, шумят, требуют, чтобы им отдали того человека, которого Пилат совсем не знает, который ему представляется полусумасшедшим... Грозящие возмущением вопли надо утолить, иначе это может быть понято как бездействие власти, как неумение управлять губернией и народом, соблюдать возможность сказать, что «все обстоит бла-

гополучно». Префект приедет в Рим и скажет, что в губернии не все обстоит благополучно, и Пилат может быть причислен к министерству, что очень неудобно. И вот является сцена, в которой Пилат старается быть любезным со своим гостем и тревожится криками толпы, и жена Пилата, которая втайне следует Христу, но которая все-таки должна занимать гостя, говорить с ним о скачках в Риме и новостях и модах, когда у нее сердце не на месте. Это волнует зрителя. Затем Пилат несколько раз оставляет гостя, выходит на балкон, говорит с народом, а народ требует распятия Христа. Наконец, народ говорит ему жестокое для труса слово: «Еси не казнишь, не друг еси Кесарю». Это окончательно грозит опалой Тиверия... И в то время, когда идет светский разговор, приходит на сцену раб, цедит из фонтана кувшин и уходит с этим кувшином, не произнося ни слова. Зритель понимает, что Пилат решил УМЫТЬ РУКИ.

Помимо поэтических достоинств «Царя Иудейского», впечатление от него таково, что можно с уверенностью думать, что многие, которые пришли на это представление как на светское удовольствие, больше заботясь о своем наряде и о том впечатлении, которое они произведут на окружающих, они ушли с расстроенным, взволнованным, потрясенным и умиленным сердцем и, быть может, повторили слова Филарета в ответе Пушкину: «Вспомнись мне — забытый мною!»

В этом состояла общественная заслуга автора этой драмы. Она была поставлена на сцене, когда наше общество чрезвычайно предалось разным суетным удовольствиям, когда все время у светского общества проходило в забавах, на скачках, в кинематографах, в игре на тотализаторе, в созерцании танго, в утонченных мечтах, поливаемых реками шампанского.

Великому Князю пришлось, однако, много испытать тревог и волнений по поводу своего произведения. Не все его понимали, сыпались осуждения, неосновательные, поверхностные. Я имел случай слышать от одной дамы, супруги довольно высокопоставленного лица, нападения на это произведение, причем она негодовала, что на сцене выведен Христос и Божия Матерь, а также Апостолы. На мои уверения, что нет ничего подобного, я получил ответ: «Помилуйте, ведь мой муж был в Эрмитаже и сам это

видел и возмущался». Пришлось снова подтвердить, что на сцене Христа нет и 11 Апостолов тоже нет. «Но почему же 11? — спросила меня недоумевающе, а не 12-ти? И, каюсь в том, сказал, что 12-й — Иуда — сидит среди публики».

Между «Гамлетом» и «Царем Иудейским» стоят отзывы Великого Князя по сомнениям, которые представлены были в Академии на Пушкинские премии. Из этих отзывов выясняется чрезвычайно привлекательный и ясный образ Великого Князя как человека. Мы знаем его отношение к Родине, его отношение к Богу, но тут мы видим его отношение к людям. Он назвал себя в одном стихотворении «баловнем судьбы», и, действительно, его высокое положение, его высокое родовое происхождение, та обеспеченность, в которой он находился, — это избавляло его от тех камней преткновения и терний, которые приходится преодолевать и испытывать многим, чтобы достичь жизненных благ. Но он смотрел глубже на жизнь, этот баловень судьбы, страдая от созерцания жизненных печалей и недостатков. И поэтому... не сделался тем, чем мог сделаться, блестя образованием, высокопоставленный, обеспеченный, то есть, по выражению Герцена, «умной ненужностью». Напротив, он всей душой старался служить людям, насколько мог и умел; в его душе звучало: «tat twamosil» — изречение браминов: «это тоже ты». В этом состоит, по их мнению, задача жизни, это же, в сущности, и задача всякого истинного христианина, т.е. в умении ставить себя на место другого. Во многих произведениях Великого Князя звучит этот голос совести. Он сам говорит: «О если бы совесть в жизни уберечь». Это его лучшая мечта...

И затем, в одном из стихотворений содержится синтез жизни в том смысле, как он его понимал:

Поверь, мой друг, не страшно умирать,
Когда средь огорченья и страданья,
Средь испытаний и труда
Ни разу грешные уста
Не изрекали слов роптанья,
Когда умели нежно душой
Мы разделять чужое счастье,
Когда в печали, полные участья,
Мы жили радостью чужой,

Мы плакали чистосердечно
И горемычной участи людей,
И относились беспечно
К печали собственной своей.

Это сказалось и в его отзывах. Будучи поэтом, он имел право предъявлять строгие требования и к себе, и к другим поэтам... Требовал, чтоб поэт не потворствовал переменчивым и преходящим вкусам толпы и не был стихотворцем, к которому дрессированная муза является по первому зову. Вдохновение, по его мнению, должно являться не по Заказу, а в силу потребности.

Задача поэта представлялась ему возвышенной и ответственной. Но рядом с этим его радовало и восхищало, когда оказывался талант в каких-либо подлежавших его разбору произведениях. Он готов был забыть теневую сторону произведения и приветствовать его светлую сторону с восторгом в своих отзывах... Это свойство его выражалось далее в том, что когда кто-либо из начинающих поэтов оказывался даровитым человеком, но материально в тяжелом положении, требующем поддержки и одобрения, Великий Князь приходил к нему на помощь. Мы знаем произведения второстепенных поэтов с предисловием, написанным Великим Князем, мы знаем, как он стремился подвязывать крылья разным самоучкам, испрашивал для них пенсии, рекомендуя дать премию и т. д.

Одним словом, доброе, снисходительное отношение к людям, умение поставить себя на место начинающего поэта и понять все те трудности, которые он должен испытать, прежде чем он пробьется, было свойственно Великому Князю. Но зато он был непоколебим в своей любви к русскому языку, отличая те злоупотребления в русском языке, которые проявлялись в последнее время до крайности, то обилие иностранных слов, совершенно ненужных, те выражения, в которых пустая форма блуждает в пустой мысли; он отличал фальшивые и изысканные выражения...

Вот, собственно, все, что можно сказать о деятельности Великого Князя как литератора. Надо сказать, что мы, его товарищи по Разряду Изыщной Словесности, давно уже видели, как колеблется его здоровье, как пламя его жизни все больше угасает на ветре житейских волнений и тревог. Он пережил тяжкие минуты тревог за близких и

дорогих ему лиц, когда ему пришлось возвращаться из Германии после объявления войны. Затем судьба нанесла ему тяжкий удар, отняв у него сына, который являлся его продолжателем, который горел, пылал и был полон тем, что Некрасов называл «святым беспокойством»...

Он задумал новое драматическое произведение, очень интересовался биографией Великой Княгини Елены Павловны, но в душе чувствовал, что ему осталось жить немного. В одном из стихотворений он говорит:

Как знать, — неведомым крылом
Уж веет смерть и надо мною...
И, если б с радостным челом
Отдаться в руки ей без боя,
И с тихой кроткою мольбою,
Безропотно, с улыбкой ясной,
Угаснуть осенью безгласной
Пред неизбежною зимой.

Здесь, разумеется, осень жизни и зима жизни, но прошла весна, недавняя весна нынешнего года, и она не дала свершиться зиме в жизни Великого Князя... Смерть наложила на него свою леденящую руку неожиданно, почти во время чтения мемуаров Кюстина об Елене Павловне...

В разборе стихотворений Лохвицкой, представленных на Пушкинскую премию, он отмечает с особенным чувством одно из стихотворений этой поэтессы, посвященное душе ее знакомой, покинувшей земную юдолю:

Ты была безропотно покорна,
Ты умела верить и любить,
Дни твои — жемчужин белых зерна,
Низанных на золотую нить...
Вечный мир душе твоей прекрасной,
Отстрадавшей муки бытия.

...Мы можем повторить, обращаясь к незабвенной тени: «Вечный мир душе твоей прекрасной, отстрадавшей муки бытия!»

КОММЕНТАРИИ

КОММЕНТАРИИ

Константин Николаевич (папа) (1827—1892) — великий князь, второй сын Николая I; предназначался с детства для морской службы, 1851 г. — генерал-адмирал, с 1855 г. управлял флотом на правах министра, 1861 г. — наместник Царства Польского, с 1865 г. председатель Государственного Совета. В 1884 г. сложил с себя все должности.

Александра Иосифовна (мама) (1830—1911) — великая княгиня, до замужества — принцесса Саксен-Альтенбургская Августа, супруга великого князя Константина Николаевича.

Елизавета Маврикиевна (1865—1927) — великая княгиня, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская, жена великого князя Константина Константиновича Романова (К. Р.). После революции жила в Мраморном дворце с младшими детьми, князем Георгием Константиновичем и княжной Верой Константиновной. Покинув дворец, переселилась в дом Жеребцова на Дворцовой площади. В ноябре 1918 г. уехала в Стокгольм к шведскому королю и королеве вместе с детьми. Из Стокгольма переехала в Брюссель, потом в Германию, на свою родину в г. Альтенбург близ Лейпцига, где и скончалась.

Князья Иоанн (Иоанчик) (1885—1918), Константин (Костя) (1891—1918), Игорь (1894—1918) — дети великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны; вместе с великой княгиней Елизаветой Федоровной (Элла), великим князем Сергеем Михайловичем, князем Владимиром Павловичем Палей весной 1918 г. сосланы в Вятку, затем в Екатеринбург. Летом 1918 г. содержались в г. Алапаевске Верхотурского уезда Пермской губернии. В ночь на 18 июля их всех повезли из Алапаевска в Синячиху. Вблизи дороги сбросили живыми в старую шахту. Великий князь Сергей Михайлович был убит пулей в голову. Шахту забросали гранатами.

Гавриил Константинович (1887—1955) — великий князь, сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны. Выехал на Запад после революции с помощью Максима Горького. Жил в Париже, похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Татьяна Константиновна (Татиана) (1890—1970) — княгиня, старшая дочь великого князя Константина Константиновича Романова и великой

княгини Елизаветы Маврикиевны, в первом браке княгиня Багратион-Мухранская (князь Константин Александрович Багратион-Мухранский убит под Львовом в 1915 г.). После революции не была арестована, но сопровождала в ссылку великого князя Дмитрия Константиновича (Митя), брата отца. Когда Дмитрий Константинович был казнен в Петропавловской крепости, она покинула Петроград вместе с детьми. Жила в Киеве, Одессе, Румынии и Швейцарии. В 1946 г. княгиня Татьяна Константиновна постриглась в Женеве в монахини, приняв имя Тамары, и уехала в Иерусалим настоятельницей русского Елеонского женского монастыря.

Олег Константинович (1892—1914) — князь, сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны. Убит на фронте 29 сентября 1914 г.

Георгий Константинович (1903—1937) — князь, сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны. После революции вместе с матерью уехал из России. Жил в Брюсселе, Швейцарии, Англии, Нью-Йорке. Умер в Нью-Йорке после операции аппендицита.

Наталья Константиновна (Натуся) (1905) — княгиня, дочь великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны. Умерла в младенчестве.

Вера Константиновна (1906) — княжна, младшая дочь великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны. После смерти матери жила в Лондоне, Альтенбурге, Гамбурге, откуда в 1951 г. переехала в Нью-Йорк.

Ольга Константиновна (Оля) (1851—1926) — королева эллинов, сестра великого князя Константина Константиновича, находилась в России, когда началась первая мировая война. Работала в Павловске, в госпитале. В Павловске ее застала революция. Она не хотела уезжать из России. Покинула ее в 1918 г., так как ее сын, греческий король Константин, смещенный с престола и живший в Швейцарии, заболел. В 1920 г. скончался ее внук, греческий король Александр. После его смерти королева Ольга Константиновна стала регентшей Греции, пока король Константин не вернулся в Грецию. После отречения короля Константина жила во Франции, Англии, Риме. Скончалась в Риме.

ДНЕВНИК ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
КОНСТАНТИНА РОМАНОВА

(К. Р.)

8/IV — 30.VI.1877 г.

Дмитрий Константинович (Митя) (1860—1919) — великий князь, сын великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, в 1897—1905 гг. главноупр. Гос. коннозаводства. Расстрелян в Петропавловской крепости в январе 1919 г.

«На фрегате «Светлана» великий князь плавал в первые годы своей службы во флоте.

«...Послать на Дунай...» — речь идет об участии великого князя (К. Р.) в боях против турецкого флота у Силистрии в 1877 г.

25/V — 17/X 1879 г.

Александр II (1818—1881) — российский император (1855—1881).

Мария Александровна — императрица (1824—1880), жена Александра II, дочь великого герцога Гессенского.

Сергей Александрович (1857—1905) — великий князь, ген.-адъют., ген.-лей., член Гос. совета, сын Александра II, дядя Николая II, командовавший лейб-гвардейским Преображенским полком, в 1891—1905 гг. — Мос. ген.-губ. Убит эсером Каляевым.

«Поповка» — броненосец «Вице-адмирал Попов».

«...Кроме Государя была княжна Долгорукая...» — речь идет о романе царя Александра II и княжны Екатерины Михайловны Долгорукой.

Соловьев Александр — учитель. 2/14 апреля 1879 г. неудачно стрелял в Александра II. На суде сказал: «Не старайтесь, Вы ничего от меня не узнаете, я уже давно решил пожертвовать своей жизнью».

Александра Павловна (1783—1801) — великая княгиня, четвертая дочь Павла I и Марии Федоровны, 13 лет помещала переводы с французского в журнале «Муза». Брак с королем Густавом IV шведским расстроился. В 1799 г. вышла за эрцгерцога Иосифа, палатина венгерского.

Алексей Александрович (Алексей) (1850—1908) — великий князь, сын императора Александра II, ген.-адъют., ген.-адм., глава морского ведомства (1880 — июнь 1905), член Гос. совета.

Владимир Александрович (1847—1909) — великий князь, главнокомандующий войсками гвардии и Петербургским военным округом, член Гос. совета, член Комитета министров, президент Академии художеств.

Мария Павловна (старшая, Михень) (1854—1923) — великая княгиня, жена великого князя Владимира Александровича, урожденная герцогиня Мекленбург-Шверинская.

Александр III (Саша) (1843—1894) — российский император (1881—1894), отец Николая II.

Мария Федоровна (Минни) (1847—1928) — императрица, жена императора Александра III, мать Николая II, дочь датского короля Христиана IX.

14/III — 3/X 1880 г.

Куинджи А. И. (1841—1910) — рус. художник-передвижник. Для пейзажей характерны романтическая приподнятость, декоративность и звучность колорита, близкие к натуре эффекты освещения.

«Здоровье императрицы... развод отказали...» — Это был последний год жизни тяжело больной и оскорбленной тайной связью Александра II с княжной Е. М. Долгорукой императрицы Марии Александровны. Умерла она 22 мая 1880 г.

Верещагин В. В. (1842—1904) — рус. художник. Близок к передвижникам. Обличал завоевательные войны. Погиб при взрыве броненосца «Петропавловск» в Порт-Артуре.

Цесаревич — речь идет об Александре Александровиче, будущем императоре Александре III.

Ольденбургская Евгения Максимилиановна (Евгения) (1845—1925) — урожденная герцогиня Лейхтенбергская, княгиня Романовская.

Победоносцев К. П. (1827—1907) — юрист, обер-прокурор Синода (1880—1905), член Гос. совета. Вдохновитель реакции.

Николай Александрович (1843—1865) — второй сын Александра II.

«...Какое положение займет бывшая княжна Д...» — После смерти императрицы Марии Александровны Александр II сочетается тайным браком с княжной Екатериной Долгорукой. Тайным указом Екатерине Михайловне присваивается фамилия Юрьевская и титул светлейшей княгини. Александр II представляет царской семье свою морганатическую супругу. Дети, рожденные Екатериной Долгорукой, тоже возведены в княжеское достоинство.

Верховная распорядительная комиссия была учреждена указом в целях общественного порядка. Возглавил ее ген.-адъют. граф Лорис-Меликов. «Он имел право давать приказы каждому представителю государственной власти и являлся личным сотрудником царя во всех государственных

делах. Никогда еще ни один из подданных русского царя не пользовался такой властью» — так писал Морис Палеолог, французский дипломат, автор книги «Александр II и княгиня Юрьевская».

22/IV — 5/X 1886 г.

Воронцов-Дашков И. И. (1837—1916) — граф, ген.-адъют., генерал от кавалерии, 1881—1897 министр императорского двора и уделов и главноупр. гос. коннозаводства; с 1905 г. по сентябрь 1915 г. наместник на Кавказе, главнокомандующий войсками Кавказского военного округа, член Гос. совета. После убийства Александра II начальник царской охраны и один из организаторов тайного общества по борьбе с революцией («священной дружины»).

Янъшев И. Л. (1826—1910) — протопресвитер, протоиерей придворных соборов, духовник императора Николая II.

Тино (1868—1923) — сын королевы Греции Ольги Константиновны и короля эллинов Георга I, племянник К. Р., король греческий. Отрекся от престола в 1922 г.

Грот Я. К. (1812—1893) — рус. филолог, академик Петерб. АН (1856). Установил нормы рус. правописания, сохранившиеся до реформ 1918 г.

Апухтин А. Н. (1841—1893) — рус. поэт-лирик, очень популярный в свое время. Стихи положены на музыку («Ночи безумные», «День ли царит»).

Дрентельн А. А. (1868—1925) — фон, флиг.-адъют., ген.-майор свиты, командир л.-гв. Преображенского полка; 1906 г. — штабной офицер для поручений, прикомандированный к императорской главной квартире; 1915 г. — ген.-майор свиты.

4/VIII 1888 г. — 2/V 1889 г.

Елизавета Федоровна (Элла) (1864—1818) — великая княгиня, урожденная принцесса Гессенская и Рейнская, сестра императрицы Александры Федоровны. Основательница Марфо-Мариинской обители в Москве. Убита 18 июля 1918 г. под Алапаевском.

Николай Николаевич старший (д. Низи) (1831—1891) — великий князь, сын Николая I, ген.-адъют., ген.-инспектор по инженерной части и ген.-инспектор кавалерии; председатель Гл. комитета по устройству и образованию войск, член Гос. совета; с 10 сент. 1864 г. главнокомандующий войсками гвардии и Петерб. воен. окр.; с 10 авг. 1876 г. главнокомандующий действующей армией.

Цесаревич (Николай Александрович, Ники) (1868—1918) — старший сын Александра III, с 1894 г. — российский император.

Костомаров Н. И. (1817—1885) — историк, писатель.

Полонский Я. П. (1819—1898) — поэт, прозаик, мемуарист.

Страхов Н. П. (1828—1896) — философ, критик, публицист.

Сумбатов-Южин А. И. (1857—1927) — актер, драматург, театральный деятель.

Толстая С. А. (1825—1895) (урожденная Бахметева, в первом браке Миллер) — жена поэта А. К. Толстого.

Фофанов К. М. (1862—1911) — поэт, его творчество было особенно популярно с 1887 г. до 1890-х гг.

Бестужев-Рюмин Е. Н. (1829—1897) — историк, академик.

Надсон С. Я. (1862—1887) — рус. поэт, автор стихов гражданской скорби.

Майков А. Н. (1821—1897) — поэт, член-корр. Петерб. АН.

Голенищев-Кутузов А. А. (1848—1913) — граф, поэт, упр. двором и крестьянскими поземельными банками, в 1889—1895 гг. упр. канцелярией императрицы Марии Федоровны.

Делянов И. Д. (1818—1897) — граф, министр народного просвещения (1882—1897).

Александра Федоровна (Аликс) (1872—1918) — императрица, жена Николая II с 1894 г., урожденная Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса Гессен-Дармштадтская. Расстреляна вместе с семьей в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

1/1 — 31/X 1890 г.

Николай Михайлович (1859—1919) — великий князь, внук Николая I. Его монографии по истории России I-й четв. XIX в. содержат значительный исторический материал; президент Рус. исторического общества.

Бредихин Фед. Ал. (1831—1904) — рус. астроном, академик Петерб. АН (1890). Труды охватывают почти все отделы астрономии.

Струве Вас. Як. (1793—1864) — рус. астроном и геодезист, академик Петерб. АН (1832), основатель и первый директор Пулковской обсерватории.

Струве Отто Вас. (1819—1905) — рус. астроном, академик Петерб. АН (1856—1879), директор Пулковской обсерватории (1862—1889). Сын В. Я. Струве.

Ковалевский Ал-др О. (1840—1901) — рус. биолог, академик Петерб. АН (1890).

Бутлеров Ал-др Мих. (1828—1886) — рус. химик-органик, основатель казанской научной школы, академик Петерб. АН (1871). Поборник высшего образования для женщин.

1/XI 1890 г. — 1/I 1892 г.

Ольденбургский А. Д. (Алек.) (1844—1932) — принц, женат на Евгении Максимилиановне, герцогине Лейхтенбергской, княгине Романовской; ген.-адъют., генерал от инфантерии по гвардейской пехоте, сенатор, член Гос. совета; во время 1-й мировой войны главноначальник санитарной и эвакуационной частями. В эмиграции.

«Несколько новых стихов продолжения поэмы»... — Видимо, речь идет о драматическом отрывке «Возрожденный Манфред». Опубликовано в «Русском обозрении» (1894, № 3).

Опекушин А. М. (1838—1923) — рус. скульптор, автор памятников Пушкину в Москве, Лермонтову в Пятигорске и др.

«...10 лет с ужасного дня 1 марта 1881 г...» — день и год убийства Александра II Освободителя.

«...Назначение Сергея встречается с радостью» — великий князь Сергей Александрович Романов — сын Александра II. Он был назначен на должность московского ген.-губ. Александром III, на чью деятельность и политику оказывал немалое влияние, как впоследствии и на правление Николая II. Великий князь Сергей Александрович, по словам Витте, «до самой смерти был одним из самых близких и влиятельных лиц» при дворе Николая II». С К. Р. Сергея Александровича связывала дружба с юных лет.

Богданов-Бельский Н. П. (1868—1945) — рус. живописец, передвижник, автор жанровых картин, посвященных сельской школе, крестьянским детям.

«Бывший тут мой племянник (Georgie)»... — Георгий Георгиевич (Джорджи), королевич греческий, сын великой княгини Ольги Константиновны и Георга I, короля Греции.

Васмундт Г. Р. (1838—1904) — флиг.-адъют., полковник, командир л.-гв. 1-го стрелкового батальона, начальник штаба Петерб. округа. Умер в Швейцарии.

Никитенко А. В. (1804—1877) — рус. литературный критик, историк литературы, цензор, академик Петерб. АН. «Записки и дневник» содержат большой литературный и исторический материал.

«...поехал от имени полка к Государыне» — к Марии Федоровне, жене Александра III.

Фаминцын А. С. (1835—1918) — рус. физиолог растений, основатель Петерб. научной школы, академик Петерб. АН.

Михаил Михайлович (Миша) (1861—1929) — великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны, флиг.-адъют. В 1891 г. вступил без разрешения царя вmorganатический брак с графиней Меренберг. Был исключен со службы и жил постоянно в Англии.

...С фотографиями покойных Государя и Императрицы, Саши, Минни, Владимира, Алексея, Сергея, Павла и Мари... — Речь идет об императоре Александре II, его жене императрице Марии Александровне, их детях великом князе Александре (царь Александр III), Владимире, Алексее, Сергее, Павле, о дочери Александра II великой княгине Марии, а также о жене Александра III Марии Федоровне (Минни).

1/I — 31/XII 1893 г.

Горбунов И. Ф. (1831—1895) — рус. писатель, актер. Мастер устных рассказов.

Ксения Александровна (Ксения) (1875—1960) — великая княгиня, дочь императора Александра III, сестра Николая II, жена великого князя Александра Михайловича.

Виктория Федоровна (Виктория) (р. 1876) — великая княгиня, урожденная принцесса Виктория-Мелита Саксен-Кобург-Готская. По первому браку жена великого герцога Эрнста Гессен-Дармштадтского, брата императрицы Александры Федоровны. Умерла в 1936 г.

1/I — 31/XII 1896 г.

«...молодой императрицы...» — Речь идет о супруге императора Николая II Александре Федоровне.

«Владимировичи еще несовершеннолетние» — сыновья великого князя Владимира Александровича.

«У Сергея и Павла...» — у великих князей, сыновей Александра II.

«Таманьо бесподобен...» — итальянский певец (1850—1905). Славился как исполнитель партий в операх Верди.

Ольденбургская Евгения Максимилиановна (Евгения) (1845—1925) — жена принца Александра Петровича, урожденная герцогиня Лейхтенбергская, княжна Романовская. Председательница Императорского общества поощрения художеств.

Григорович Д. В. (1822—1899) — рус. писатель («Деревня», «Антон-Горемыка», «Гуттаперчевый мальчик»).

«...С императрицей М. Ф...» — Речь идет о вдове Александра III Марии Федоровне и ее переживаниях в связи с романом, а потом женитьбой Александра II на княжне Е. М. Долгорукой.

Гурко И. В. (1828—1901) — рус. генерал, фельдмаршал. В русско-турецкую войну 1877—1878 гг. во главе передового отряда совершил поход в Забалканье, командовал отрядом гвардии под Плевной. Занял Софию и разбил турок под Филипполем. В 1883—1894 гг. ген.-губ. Привисленского края.

«...Памяти покойного государя...» — Александра III.

Лорис-Меликов М. Т. (1825—1888) — граф, рус. гос. деятель. В 1880—1881 гг. министр внутренних дел. Сочетал репрессии против революционеров с уступками либералам.

«...Решение нового государя...» — Александра III.

«...Моей бабушки императрицы» — Александры Федоровны, жены императора Николая I.

«...Взглядов Владимира...» — великого князя Владимира Александровича, сына Александра II.

«...Обедал д. Миша...» (1832—1909) — великий князь Михаил Николаевич, сын императора Николая I, ген.-фельд., председатель Гос. совета, член Комитета министров.

Сольский Д. М. (1833—1910) — граф, член Гос. совета, директор департамента экономии Гос. совета, председатель Гос. совета.

Фердинанд I (1861—1948) — герцог Кобургский, болгарский князь (1887—1908), потом царь — с 1909 г. В 1918 г. отрекся от престола, бежал в Германию.

«...Оставался у Сергея...» — Здесь и дальше речь будет идти о ген.-губ. Москвы, великом князе Сергее Александровиче.

«Приехала Оля» — сестра К. Р., королева греческая.

«Вера с дочерьми» — сестра К. Р., великая княгиня Вера Константиновна.

«Митя присоединился...» — брат, великий князь Дмитрий Константинович.

Драгомиров М. И. (1830—1905) — рус. воен. теоретик, генерал от инфантерии в русско-турецкую войну 1877—1878 гг., в 1878—1879 гг. — начальник Академии Генштаба. Последователь Суворова в вопросах воспитания и обучения солдат.

«...Прибывают иностранные принцы...» — «Новое время» сообщало, что на коронацию прибыли греческая королева, два владетельных князя, три правящих герцога, двенадцать наследных принцев, шестнадцать принцев и принцесс.

Алексей Александрович (1859—1908) — великий князь, сын Александра II, ген.-адм., гл. нач. флота и морского ведомства, член Гос. совета.

Делянов И. Д. (1818—1897) — граф, гос. деятель, с 1882 г. министр народного просвещения. Проводил реакционные контрреформы.

Набоков В. Д. (1869—1922) — юрист, публицист, депутат I-й Гос. думы. В 1917 г. управляющий делами Временного правительства. Белоэмигрант.

Милюгин Д. А. (1816—1912) — граф, ген.-фельд., почетный член Петерб. АН. Умеренный либерал, провел буржуазные военные реформы 1860—1870 гг.

«...Нет единодушия во взглядах на это несчастье...» — В своих «Воспоминаниях» Витте писал: «...одна партия утверждала, что здесь министерство двора ни при чем, что виновата исключительно в катастрофе московская полиция, а другие почли более для себя выгодным пристать к партии великого князя Сергея Александровича и поэтому утверждали, что великий князь и его полиция тут ни при чем, а вся вина падает исключительно на чинов министерства двора» (т. 2, с. 71). Так произошло разделение среди высших сановников: одни за Воронцова-Дашкова, другие за великого князя Сергея Александровича.

«...Полицмейстера Власовского...» — Полковник А. А. Власовский был назначен на должность московского обер-полицмейстера великим князем Сергеем Александровичем. Именно Власовского сделали самым виновным за ходынский катастрофу как фигуру малозначительную.

«Михайловичи» — дети великого князя Михаила Николаевича, сына императора Николая I.

1/1 1899 г. — 1/1 1900 г.

Витте С. Ю. (1849—1915) — граф, рус. гос. деятель, министр путей сообщений в 1892 г., финансов — с 1892 г., председатель Комитета министров с 1903 г. Проводил политику привлечения буржуазии к сотрудничеству с царским правительством. Автор «Воспоминаний».

Петр Александрович (Петя) — принц Ольденбургский (1868—1924), ген.-майор свиты, муж великой княгини Ольги Александровны, сестры Николая II. Брак был расторгнут высочайшим указом осенью 1915 г.

Мария Федоровна (М. Ф.) (1843—1894) — рус. императрица, жена Александра III, дочь датского короля Христиана IX.

Кокцов В. Н. (1853—1943) — граф, министр финансов в 1904—1914 гг., председатель Совета министров в 1911—1914 гг. Сторонник курса Витте, потом Столыпина.

Горемыкин И. Л. (1839—1917) — ст. секретарь, сенатор, член Гос. совета, ученый-правовед, министр внутренних дел (1895—1899), председатель Совета министров (1906, 1914—1916). Инициатор роспуска I-й Гос. думы.

Милица Николаевна (Милица) (1866—1951) — великая княгиня, жена великого князя Петра Николаевича, дочь черногорского князя Негоша (короля Николая I). В эмиграции.

Анастасия Николаевна (Стана) (1868—1935) — урожденная княжна Черногорская, великая княгиня, жена великого князя Николая Николаевича (младшего), в первом замужестве за герцогом Лейхтенбергским, князем Романовским.

Куропаткин А. Н. (1848—1925) — военный министр, главнокомандующий силами, участвовавшими в войне с Японией, позднее командовавший Маньчжурской армией. В связи с волнениями в Туркестане назначен Туркестанским ген.-губ. и командующим войсками Туркестанского воен. округа. В апреле 1917 г. арестован. Освобожден Временным правительством.

11/IV — 31/XII 1906 г.

Александр Михайлович (Сандро) (1866—1933) — великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны, ген.-адъют., адм. Во время I-й мировой войны зав. авиационной частью в действующей армии. Женат на великой княжне Ксении Александровне, сестре Николая II.

Николай Николаевич младший (Николаша) (1856—1929) — великий князь, женат на Анастасии Николаевне (Стане). С марта 1919 г. в эмиграции во Франции, где выдвинут монархическими кругами на императорский престол.

Андрей Владимирович (Андрей) (1879—1956) — великий князь, сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны (старш.), двоюродный брат Николая II; ген.-майор свиты, с 1911 г. присутствовавший в правительственном Сенате. В 1915 г. — командир л.-гв. кон. артиллерии. В эмиграции.

Петр Николаевич (Петюша) (1864—1931) — великий князь, сын великого князя Николая Николаевича (старш.), женат на великой княжне Милице Николаевне.

Пален К. И. (1833—1912) — фон, граф, министр юстиции (1867—1878), член Гос. совета.

Веселовский А. Н. (1838—1906) — рус. литератор, академик Петерб.

АН. Исследования базировались на глубоком знании славянской, византийской, западноевропейской литературы и мирового фольклора.

Елена Георгиевна (Тинхен) — принцесса Саксен-Альтенбургская, урожденная принцесса Мекленбург-Стрелицкая, жена герцога Альберта (Альбера) Саксен-Альтенбургского.

Дубасов Ф. В. (1845—1912) — ген.-адъют., адм., в 1897—1899 гг. командовал Тихоокеанской эскадрой, 1901—1903 гг. вице-адм., председатель Морского технического комитета, моск. ген.-губ. (ноябрь — апрель 1906 г.), член Гос. совета. Возглавлял карательные экспедиции по подавлению крестьянских движений в Черниговской, Полтавской, Курской губерниях, руководил разгромом Декабрьского вооруженного восстания в Москве. На него совершено два покушения.

Муромцев С. А. (1850—1910) — юрист, проф. Моск. университета, публицист, присяжный поверенный, председатель 1-й Гос. думы, земский деятель, один из руководителей кадетской партии.

Борис Владимирович (Борис) (1877—1943) — великий князь, ген.-майор свиты, сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны (старш.), двоюродный брат Николая II.

Петрункевич И. И. (1843—1928) — земский деятель, юрист, организатор земских съездов в 1870 г. В 1904—1905 гг. председатель «Союза освобождения», один из лидеров кадетов. Белоэмигрант.

«*Погребение Сергея в Москве*» — В феврале 1905 г. в Москве был убит великий князь Сергей Александрович, генерал-губернатор Москвы.

Лафатер Иоганн Каспар (1741—1801) — швейцарский писатель, автор романа «Понтий Пилат, или Маленькая библия», лирических стихов, популярного трактата по физиогномике «Физиогномические фрагменты...»

19/VII 1914 г. — 11/V 1915 г.

Тетерятников Н. К. — камердинер Николая II.

Пурталес Фридрих (1853—1928) — фон, граф, германский посол в России (1907—1914).

Серафим Саровский (1760—1833) — монах Саровской пустыни, известен своим благочестием.

Самсонов А. В. (1859—1914) — генерал от кавалерии. В начале 1-й мировой войны командовал армией, потерпевшей поражение в Восточно-Прусской операции, главным образом по вине Я. Г. Жилинского и П. К. Ренненкампа. Покончил жизнь самоубийством.

Нестеров П. К. (1887—1914) — рус. военный летчик, основоположник высшего пилотажа. Погиб в воздушном бою 26.8.1914 г. в районе г. Жолковы, впервые применив таран.

Ренненкамф П. К. (1854—1918) — ген.-адъют., ген. от кав.; в 1905 г. командир 7-го Сибирского армейского корпуса; в 1906 г. командир 3-го Сибирского армейского корпуса; до 1-й мировой войны командовал войсками Виленского воен. окр., во время войны получил в командование 1-ю армию, с которой наступал в Восточной Пруссии. После неудач под Лодью в ноябре 1914 г. отставлен от командования, отчислен в распоряжение Военного министерства. Уволен в отставку в начале 1915 г. После февральской революции арестован. Расстрелян в Таганроге.

А. Ф. — Имеется в виду императрица Александра Федоровна, жена Николая II.

1/I — 30/XII 1910 г.

«...Задуманной евангельской поэме...» — Речь идет о начале работы над мистерией «Царь Иудейский».

Лаппо-Данилевский А. С. (1863—1919) — рус. историк; академик Петерб. АН; труды и публикации по социальной экономике. Осн. соч. «Методология истории».

Бахрушин А. А. (1865—1950) — рус. театральный деятель. На основе своих коллекций создал частный литературно-театральный музей (ныне театральный музей его имени).

«...О слухах про какого-то юродивого Григория... введенного к императрице А. Ф. Милицей...» — Сестры Милица Николаевна и Стана Николаевна, называемые «черногорки», были близки императрице Александре Федоровне. Милица Николаевна познакомила А. Ф. с предшественником Григория Распутина — Филиппом, человеком, не лишенным мистических способностей, высланным из Франции авантюристом. Потом пришла очередь знакомства и с Г. Распутиным.

Распутин Г. Е. (1864/65—1916) — «старец», фаворит царской семьи. Крестьянин с. Покровского Тобольской губернии. Убит в 1916 г. в доме князя Ф. Ф. Юсупова.

Ростовцев М. И. (1870—1952) — историк античности и археологии.

Ольга Николаевна (1895—1918) — великая княжна, старшая дочь Николая II и императрицы Александры Федоровны. Расстреляна в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

Татьяна Николаевна (1897—1918) — великая княжна, дочь Николая II и императрицы Александры Федоровны. Расстреляна вместе с семьей.

Мария Николаевна (1899—1918) — великая княжна, дочь Николая II и императрицы Александры Федоровны. Расстреляна в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

Анастасия Николаевна (*Анастасия, Настася*) (1901—1918) — великая княжна, дочь Николая II и императрицы Александры Федоровны. Расстреляна вместе с семьей.

Алексей Николаевич (*цесаревич*) (1904—1918) — великий князь, наследник-цесаревич, сын императора Николая II и императрицы Александры Федоровны. Расстрелян вместе с семьей.

Татьяна Константиновна (*Татиана*) (1890—1970) — княжна, старшая дочь великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны, жена князя К. А. Багратиона-Мухранского. В эмиграции игуменья Елеонской обители в Иерусалиме.

Багратион-Мухранский К. А. — князь, флиг.-адъют., поручик кавалергардского полка, муж Татьяны, зять великого князя Константина Константиновича (К. Р.). Во время 1-й мировой войны был прикомандирован к 13-му лейб-гренадерскому Эриванскому полку. Убит в бою 19 мая 1915 г.

Жилинский Я. Г. (р. 1853) — генерал от кавалерии по Генеральному штабу, Варшавский ген.-губ. и командующий войсками Варшавского воен. округа. Во время 1-й мировой войны командующий Сев.-Зап. фронтом.

Воспоминания о службе наследника царевича Николая Александровича в Преображенском полку 2 янв. 1893 — 20 октября 1894 г.

Записки великого князя Константина Константиновича Романова о посещении императора Николая II Преображенского полка 1898

«Мой милый, добрый папа» — Речь идет об императоре Александре III.

«Бывшего командира полком»... — Командиром л.-гв. Преображенского полка (1887—1891) был великий князь Сергей Александрович.

Кази М. И. (1839—1896) — капитан 1 ранга, служил в «Русском обществе пароходства и торговли». Директор Балтийского завода (1876—1892).

Письма К. Р.
Анатолию Федоровичу Кони
14 ноября 1891 г. — 25 апр. 1915 г.

«Заметка о покойном Иване Александровиче Гончарове...» — О своем «знании» писателя А. Ф. Кони писал так: «В начале семидесятых годов я снова встретился с ним и, сойдясь довольно близко, пользовался его неизменным дружеским расположением в течение последних пятнадцати лет его жизни».

«...Письма ко мне Ивана Александровича Гончарова»... — Переписка К. Р. с Гончаровым началась с 1884 г. Гончаровым написано великому князю 34 письма.

«...Переведенный мною «Гамлет»... — К. Р. переводил У. Шекспира в 1899—1900 гг., в переводе К. Р. «Гамлет» ставился в Александринском театре. Имел успех.

Бестужев-Рюмин К. Н. — историк, академик.

Веселовский А. Н. (1838—1906) — рус. литературовед, академик Петерб. АН. Исследования базировались на глубоком знании славянской, византийской, западноевропейской литературы и фольклора.

Мочалов П. С. (1800—1848) — актер, крупнейший представитель романтизма в рус. театре. Прославился в трагедиях Шекспира и Шиллера.

«...С кого списан мною сонет...» — Речь, скорее всего, идет в сонете о полководце Суворове.

«...статья о В. К. Елене Павловне»... — О великой княгине Елене Павловне, жене великого князя Михаила Павловича, четвертого сына императора Павла I в «Воспоминаниях старожила» Кони писал: «Представительница деятельной любви к людям и жадного стремления к просвещению в мрачное николаевское царствование, она вопреки вкусам и поведке своего мужа, всей душой отдавшегося культу выправки и военного строя, являлась центром, привлекающим к себе выдающихся людей в науке, искусстве и литературе, «подвизывала крылья» начинающим талантам и умела умом и участием согреть их».

«...появление второй дочери...» — Речь идет о рождении княжны Веры Константиновны.

«Речь Н. Котляревского об А. Толстом...» — Котляревский Н. А. (1863—1925), рус. литературовед, академик Петерб. АН.

Арсеньев К. К. (1837—1919) — рус. публицист, юрист, земский деятель, почетный академик Петерб. АН, гл. ред. «Энциклопедического словаря» и «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза—Ефрона.

Стасов В. В. (1824—1906) — рус. художник и музыкальный критик, историк искусства, почетный член Петерб. АН. Автор монографий и статей о музыке, живописи, скульптуре, рус. композиторах и художниках.

Радлов Э. Л. (1854—1928) — рус. философ-идеалист, член-корр. Рос. АН, директор Петерб. публичной библиотеки. Перевел «Этику» Аристотеля.

Соловьев В. С. (1853—1900) — рус. религиозный философ, поэт, публицист. Оказал большое влияние на рус. идеализм и символизм.

Сборник «Вехи» — Сборник статей о русской интеллигенции (М., 1909), выпущен группой публицистов и философов (Н. Бердяев, С. Булгаков, М. Гершензон, А. Изгоев, Б. Кистяковский, П. Струве, С. Франк).

«Ифигения в Тавриде» — перевод К. Р. произведения Гете, вошел в сб. «Стихотворения 1900—1910» (Спб., 1911).

Зайцев Бор. (1881—1972) — рус. писатель; его творчество связано с Москвой начала XX в. Умер в эмиграции.

«Царь Иудейский» — пьеса написана К. Р. по совету композитора П. И. Чайковского в 1913 г. Снабжена подробным комментарием. Была поставлена по личному разрешению Николая II в придворном Эрмитажном театре. Играли в ней участники Измайловских досугов, некоторые из которых погибли на фронтах первой мировой войны. Постановка драмы на «большой» сцене для широкой публики была запрещена Синодом. Суть запрещения — история Христа не для обычного лицедейства, не для суетного развлечения. Синодальное запрещение не распространялось на издание драмы, которая выходила дорогими и дешевыми книгами. Отклики на «Царя Иудейского» были разноплановыми: от восторженных до сдержанно-недоумевающих по поводу запрета.

Светоний Гай Гранквилл (ок. 70 — ок. 140) — римский историк и писатель; гл. соч.— «О жизни двенадцати цезарей».

Тацит (ок. 58 — ок. 117) — римский историк. Главные труды посвящены истории Рима и Римской империи, религии, общественному устройству и быту древних германцев.

Щепкина-Куперник Т. Л. (1874—1952) — рус. советский писатель, переводчик, засл. деят. иск-в РСФСР. Пьесы, повести, рассказы, стихи. Переводы Э. Ростана, У. Шекспира, Ж. Б. Мольера. Мемуары — «Театр в моей жизни».

Николай Михайлович (1859—1919) — великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны, внук Николая I, двоюродный дядя Николая II. Расстрелян в Петропавловской крепости в 1919 г.

Страхов Н. Н. (1828—1896) — рус. критик, публицист, философ, член-корр. Петерб. АН.

«Новое время» — рус. газета, издавалась в 1868—1917 гг. в Петербурге. Первоначально газета придерживалась либеральной ориентации, в 1876 г. занимала в ряде случаев консервативные позиции, отличалась крайней резкостью тона в полемике с прогрессивной журналистикой.

Гучков А. И. (1862—1936) — рус. капиталист, лидер октябристов. Депутат и с 1910 г. председатель 3-й Гос. думы. В 1917 г. военный и морской министр Временного правительства.

«...тишайшая Елизавета Алексеевна» (Луиза-Мария-Августа) (1779—1826) — рус. императрица, супруга Александра I. Отличалась скромностью, много и серьезно читала, сообщая все нужное Александру I. Вела уединенный образ жизни, занималась благотворительностью. Основала женское патриотическое общество в 1812 г. Умерла в Белеве.

Маклаков Н. А. (1871—1918) — гофмейстер, министр внутренних дел и шеф жандармов, в 1915 г. — член Гос. совета.

«ОТЕЦ ВСЕХ КАДЕТ»

Кадету

Сонет

Хоть мальчик ты, но, сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьей,
Гордися ей принадлежать душой.
Ты не один: орлиная вы стая.

Настанет день, и, крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой.
Завидна смерть за честь родного края!

Но подвиги и славные дела
Свершить лишь тем, в ком доблесть расцвела:
Ей нужны труд и знание, и усилья.

Пускай твои растут и крепнут крылья,
Чтоб мог и ты, святым огнем горя,
Стать головой за Русь и за Царя.

*Воронеж-Вольск,
11 марта 1909*

Эти стихи К.Р. после их опубликования в 1909 году знал каждый, кто имел счастье быть причисленным к славному племени Российских кадет, в каком бы чине он к тому времени ни состоял. Великий Князь Константин Константинович, бывший с 1900 года Главным начальником военно-учебных заведений, заслужил у воспитанников всех кадетских корпусов Императорской России самую восторженную, поистине сыновнюю любовь, и не приходится удивляться, что в Русской Армии он был известен как Отец всех кадет.

Не следует забывать, что «золотой век» русской литературы и всех искусств вообще трагично совпал со временем непрерывных либерально-революционных устремлений на подрыв основ Российской государственности. Кадеты и юнкера, жизнь которых по определению должна была быть посвящена служению Государству на военном поприще, постоянно испытывали тлетворное влияние «нигилизма», к сожалению, уже крепко укоренившегося в гражданских учебных заведениях, особенно в университетах.

Великий Князь Константин отлично понял, что в борьбе со злом за юные души нельзя рассчитывать на успех, если принимать только реп-

рессивные меры. Они — крайность, хотя иногда и безусловно необходимая. Основой восприятия военной молодежи Константин Константинович считал духовность и нравственность.

И вот что удивительно. Казалось бы, никакой особенной реформы и не было. Старый кадетский катехизис остался в неприкосновенности. Но Великий Князь как бы окрасил его по-новому, и в жизни корпусов воссияла та необыкновенная духовность православного русского воинства, которая всегда призывалась существовать во имя Доблести, Добра и Красоты, во имя Божией заповеди «Больше сея любви никтоже иметь, да кто душу положит за други своя».

«Звание воина, — говорил Константин Константинович, — почетно, а кадета, как будущего офицера, особенно» (отсюда — отмена оскорбительных и унижительных телесных наказаний).

И еще: «Недостаточно надеть форму кадета, а затем и офицера — надо суметь с достоинством пронести ее через всю жизнь».

И еще: «Издеваться над солдатом, тем более бить его — нельзя. Его можно и должно любить, учить и суметь сделать из него истинного воина — слугу Царя и Родины. На это способен только образованный офицер. Нельзя поэтому отворачиваться от науки. Нужно знать не только математику и физику, но и русскую литературу, историю, географию, музыку».

И наконец: «Нельзя презирать не военных людей и чваниться перед ними. Слова «шпак», «штафирка» должны исчезнуть. И среди не военных, даже самых маленьких людей были, есть и будут верные и преданные слуги Родины».

Константин Константинович был наделен редким даром подбирать себе под стать помощников. Он, вопреки традиции, назначал директорами корпусов молодых полковников, быстро и без обид отставляя от дел всех рутинеров. При нем в Петербурге открылись курсы офицеров-воспитателей, к преподаванию на которых Великий Князь привлек лучших профессоров. Все воспитанники кадет рано или поздно должны были пройти через эти курсы. Те, кто прошел, возвращались в корпуса, по утверждению одного из свидетелей, «точно хорошо вымытые и освеженные в прекрасной бане».

Военно-педагогическая деятельность Великого Князя Константина дала прекрасные результаты. Еще перед Русско-японской войной Армия с удовлетворением отметила, что из корпусов в военные училища стали приходить образованные, скромные, мыслящие и работающие юноши, горящие желанием служить Отечеству.

Объединение Российских кадет в Нью-Йорке, которое составляют воспитанники четырех Российских военно-учебных заведений в изгнании (Донского Императора Александра III, Крымского и 1-го Русского

Великого Князя Константина Константиновича кадетских корпусов в Югославении, а также Корпуса-лицея имени Императора Николая II во Франции), полагает, что в рамках любезно предоставленного издательством небольшого места в этой книге лучший способ рассказать о Константине Константиновиче Романове как о любимом педагоге и начальнике — поместить здесь воспоминания кадет, сохранивших свои светлые впечатления от встреч с Великим Князем до гробовой доски.

Анатолий Марков 1-й
Воронежского Михайловского кадетского корпуса
Великий князь и кадеты Императорской России

В 1855 году Главным начальником военно-учебных заведений был назначен Великий Князь Михаил Николаевич, возглавлявший военно-учебное дело до 1891 года, после чего никто из императорской фамилии не занимал этот пост вплоть до марта 1900 года, когда во главе военно-учебных заведений волей Императора Николая II был поставлен его двоюродный дядя — Великий Князь Константин Константинович со званием Главного начальника военно-учебных заведений. Он был на этом посту до 1910 года, когда получил звание Главного инспектора военно-учебных заведений, в каком и пребывал вплоть до своей кончины (последовавшей 2 июня 1915 года), оставаясь, таким образом, во главе военного образования непрерывно в течение пятнадцати лет.

Вскоре после своего назначения Великий Князь исходатайствовал перед Государем возвращение кадетским корпусам прежних знамен, сданных в архив при переименовании корпусов в военные гимназии, и отдал распоряжение выносить их в строй на парадах «как наивысшую воинскую святыню и лучшее украшение кадетского строя».

Проведший всю свою молодость в строю и занявший пост Главного начальника военно-учебных заведений после того, как откомандовал ротой и батальоном в лейб-гвардии Преображенском полку, Великий Князь хорошо понимал, что представляет собой знамя для военного воспитания.

12 ноября 1913 года знамена благодаря Великому Князю пожалованы и тем корпусам, которые их еще не имели, причем Августейший начальник считал необходимым лично вручать их каждому кадетскому корпусу в торжественной обстановке, «испытывая при этом гордость и восторг вместе с кадетами, видя знамя в строю корпуса», как он позднее писал в своих воспоминаниях.

Перед недоброй памяти революцией 1917 года кадетские корпуса, как пишет кадет-писатель С.Двигубский, «отличаясь друг от друга цве-

том погон, имели совершенно одинаковую учебную программу, воспитание, образ жизни и строевое учение. Из всех учебных заведений России они были, без всякого сомнения, наиболее характерными как по своей исключительной особенности, так и по той крепкой любви, которую кадеты питали к своему родному корпусу. Встретить в жизни бывшего кадета, не поминающего добром свой корпус, почти невозможно. Кадетские корпуса со своим начальствующим, учительским, воспитательным и обслуживающим персоналом высокой квалификации, с прекрасными помещениями классов, лабораторий, лазаретов, кухонь и бань, красивым обмундированием и благоустроенными спальнями, гимнастическими залами стоили императорской России очень дорого. Несмотря на все эти затраты, при наличии 30 корпусов, выпуск каждого года давал не более 1600 новых юнкеров, что, конечно, не могло удовлетворить нужду в офицерском составе армии.

Но тут мы подходим к замечательному факту: этого числа было совершенно достаточно, чтобы дать закваску всей юнкерской массе и пропитать ее духом, который каждый кадет выносил с собой из корпусных стен и которым, незаметно для себя самих, насквозь проникались те, кто в военные школы приходил из гражданских учебных заведений. На этих кадетских дрожжах и поднималось пышное тесто корпуса офицеров Российской Императорской Армии. Кадетские корпуса прививали любовь к Родине, Армии и Флоту, создавали военное сословие, проникнутое лучшими историческими традициями, вырабатывали тот слой русского офицерства, на крови которого создавалась российская военная слава. Кадетская среда и обстановка воспитывали жертвенность, и поэтому не пустыми словами в жизни кадет являлась формула: «Сам погибай, а товарища выручай».

Наружный лоск и подтянутость кадет были общеизвестны, погоны являлись гордостью каждого кадета, и он с детства привыкал их уважать. Образовательный и культурный уровень корпусов был выше средних учебных заведений гражданского ведомства, что имело своим результатом тот факт, что на протяжении двух столетий Россия знала, кроме военных героев и славных полководцев, целый сонм ученых, писателей, художников, поэтов, композиторов, мореплавателей, путешественников и даже духовных подвижников и великих пастырей, вышедших из кадетской Среды, то есть людей, которые являлись творцами и участниками великой и бессмертной русской культуры».

«Пройдет какой-нибудь десяток лет, — пишет другой кадет-писатель, Г.Месняев, — и не останется на свете русских людей, которые помнят о тех мальчиках в военной форме, которые внешне, а еще более внутренне так отличались от своих сверстников, учившихся в граждан-

ских учебных заведениях. Особняком, не сливаясь с ними, держали себя эти дети и юноши, носившие имя «кадет», как бы сознавая себя членами особого ордена, к которому русская дореволюционная интеллигенция относилась если не враждебно, то, во всяком случае, с некоторым осуждением. Кадетские корпуса не пользовались в штатских кругах, да и не могли пользоваться популярностью, так как жили совсем другими идеалами, поклонялись «иным богам» и дышали иным воздухом. Их мировоззрение было ясным и простым, и это мировоззрение культивировалось только в старых стенах кадетских корпусов, независимо от цвета их погон — душа у всех кадет была одна, находился ли корпус в Петербурге, Москве, Полоцке или Симбирске. И в столице, и в глухой провинции — везде кадеты были едины. Они не только учились по одним и тем же учебникам, читали одни и те же кениги, но с первых же шагов входа под гулкие корпусные своды их окружала одна и та же атмосфера, которую они незаметно для себя впитывали на всю жизнь.

В те времена никто не внушал кадетам любви и преданности Царю и Родине и никто не твордил им о долге, доблести и самопожертвовании. Но во всей корпусной обстановке было нечто такое, что без слов говорило им об этих высоких понятиях, говорило без слов детской душе о том, что она приобщалась в тому миру, где смерть за Отечество есть святое и само собой разумеющееся дело. И когда впервые десятилетний ребенок видел, что под величавые звуки «Встречи» над строем плыло ветхое полотнище знамени, его сердце впервые вздрагивало чувством патриотизма и уже навсегда отдавало себя чувству любви к тому, что символизировало мощь и величие России... Так, незаметно, день за днем, без всякого внешнего принуждения, душа и сердце ребенка, а затем и юноши копили в себе впечатления, которые формировали личность. Вот этими-то путями незаметно внедрялось то, что потом формировалось в целое и крепкое мировоззрение, основанное на вере в Бога, на преданности Царю и Родине и готовности в любой момент сложить за них свою голову. Эти понятия заключали в себе большую нравственную силу, которая помогала старым кадетам пронести через всю их многострадальную жизнь тот возвышенный строй мыслей и чувств, который предостерегал и спасал их от ложных шагов. И вот за это мы, старые кадеты, до гробовой доски носим в себе чувство живой и теплой благодарности и привязанности к своим старым кадетским гнездам, в которых мы отрастили свои крылья для того, чтобы лететь к славе и чести, к тяжелому подвигу, к жертвам, страданию и смерти.

Это живое и осязаемое нами единство и заставляет сейчас нас, старых кадет, искать друг в друге поддержку и помощь. Кадетская спайка всегда основывалась на чувстве абсолютного равенства между кадета-

ми; сын армейского капитана и сын начальника дивизии, кадет, носящий громкую историческую фамилию и носящий самую ординарную, богатый и бедный, русский, грузин, черкес, армянин или болгарин — все в стенах корпуса чувствовали себя совершенно равными. Только по своим личным качествам, по тому, были ли они хорошими или плохими товарищами, различались кадеты в корпусе среди других. И всегда, как в стенах родного корпуса, так и потом в жизни, кадет кадету был и оставался друг и брат. Кроме того, мы, старые кадеты, твердо верим в то, что наш голос последних носителей кадетских преданий и традиций найдёт отклик в душах всех будущих кадет, которым будет суждено создать новую и свободную Россию...»

Особенную солидарность и веру в себя самих внес в кадетский быт Великий Князь Константин Константинович, сыгравший в жизни и воспитании кадет последнего перед революцией периода времени совершенно исключительную роль. Всю свою светлую и любящую душу он посвятил кадетам и окончательно уничтожил в кадетских корпусах остатки старого казарменно-казенного духа. Подняв на большую высоту учебное дело, он одновременно с тем сумел подобрать для кадетских корпусов воспитательный состав, которому внушил, что дело офицера-воспитателя не только выполнять карательные функции, как это было в старину, но любить кадет, заботиться о них и воспитывать. Казарменная атмосфера корпусов прежнего времени благодаря стараниям Великого Князя была заменена заботливым, любящим и чисто отеческим воспитанием. В ответ на эти заботы чуткая кадетская семья не только поняла, но и вполне оценила заботы о ней, совершенно изменив свой хапрактер под его управлением. Враждебные отношения между офицерами-воспитателями и кадетами, существовавшие как наследие прошлого, исчезли совершенно, и кадеты стали не только уважать, но и горячо любить своих воспитателей. Состав последних стараниями Великого Князя также совершенно изменился. Вместо офицера бурбона и карателя, кадетские корпуса узнали новый тип — воспитателя по призванию, заботливого опекуна, любящего своих кадет. За все эти заботы о них кадеты дружно ответили своему Августейшему начальнику горячей благодарностью и преданной любовью.

В своих письмах к сестре, Королеве Греческой*, Великий Князь писал:

«Все мне говорят, что я добр и снисходителен к кадетам, и никто не знает, какое счастье доставляет мне возможность проявлять в отношении их доброту и ласку. Дело в том, что я гораздо больше получаю от

*Ее Королевское Величество Ольга Константиновна, вдовствующая Королева Эллинов, родилась 22 августа 1851 года, была в супружестве с Королем Эллинов Георгом I. — Придворный календарь 1917 года.

них, нежели даю. Не проходит и двух дней в любом корпусе, во время моих объездов, как мое сближение с кадетами становится настолько тесным и задушевым, что прощание с ними причиняет мне огромное огорчение. В день отъезда с утра я начинаю томиться предстоящей разлукой с ними, и, поверишь ли, при отходе поезда почти всегда кадеты, даже самые большие, плачут при расставании со мной навзрыд, и я сам не могу удержаться от слез...»

В другом письме к сестре Великий Князь пишет: «Ты не можешь себе представить, до какой степени кадеты, облагороженные военным мундиром и духом военной доблести, мне милы...»

На второй или третий день моего поступления в корпус, выходя погулять по плацу со своим одноклассником-второгодником, я обратил внимание на три закрытых ставнями окна и дверь, выходящую в вестибюль.

— Что это за помещение? — спросил я своего спутника, знавшего все ходы и выходы корпуса.

— Это комнаты Великого Князя.

— Какого Великого Князя? Ведь их много.

— Князей-то много, да наш кадетский только один — Константин Константинович.

Через несколько дней после этого я как вновь поступивший кадет получил от своего офицера-воспитателя портативное, изящно изданное и особой формы Евангелие в черном коленкоровом переплете. На первой его странице было напечатано факсимиле стихов с подписью К.Р. следующего содержания:

•Пусть эта книга священная
Спутница нам неизменная
Будет везде и всегда
В годы борьбы и труда•.

По традиции корпуса именной экземпляр этого Евангелия выдавался каждому вновь поступающему кадету — как бы благословение Великого Князя начинающему жить мальчику — и берегся нами как святыня. Многие из старых кадет, покидая родину, взяли ее с собой в изгнание среди немногих вещей, напоминающих им дорогое прошлое. У нас в семье было три экземпляра этой книги, полученных каждым из трех братьев одновременно.

От товарищей по роте я вскоре узнал, что с именем и личностью Великого Князя у кадет связаны самые лучшие и дорогие воспоминания; в кадетской среде из уст в уста передавался ряд рассказов о том, как Великий Князь выручал многих кадет в трудные минуты жизни. У нас в корпусе за год до моего поступления он спас от исключения кадета, за-

подозренного в шалости, которой тот не совершал, и приговоренного к позорному наказанию — снятию погон. Этому кадет категорически воспротивился, так как считал, что ничем не заслужил подобного наказания.

При мне был случай, получивший самую широкую известность в кадетской среде. Дело заключалось в том, что маленький кадетик второго класса, родной внук известного генерала и композитора Цезаря Кюи, имел какие-то неприятности со своим офицером-воспитателем и, ища справедливости и защиты, написал наивное и детски-трогательное письмо тому, кого все кадеты России считали своим покровителем и защитником.

Великий Князь, тронутый таким доверием ребенка, в первый же свой приезд в корпус, встретившись наедине с офицером-воспитателем, просил его особенно позаботиться о кадете Кюи, не упомянув, конечно, о полученном им письме. Офицер, само собой разумеется, полагая, что семья Кюи лично известна Великому Князю, стал исключительно внимательным и доброжелательным по отношению к мальчику.

В бытность свою начальником военно-учебных заведений Великий Князь почти никогда не утверждал приговоров об исключении кадет из корпусов, не желая губить их будущее, считая, что раз родители отдали сына на воспитание государству, они вправе рассчитывать, что он окончит корпус. Если же кадет разбаловался и плохо учился, то это была вина его воспитателя, за которую нельзя наказывать ребенка, а тем более его родителей.

Великий Князь при мне посетил наш корпус дважды, причем каждый раз пробыл в нем по несколько дней. Без всякой свиты с утра и до вечера он ходил по классам, залам и спальням всех рот, наблюдая жизнь кадет и с ними беседуя.

В младших классах он позволял малышам окружать его густой толпой и гулял с ними по коридорам, слушая с улыбкой, как они с чисто детским доверием несли ему свои радости и горе, твердо веря в то, что он поможет исправить все, что можно.

В первый приезд Великого Князя мне не пришлось с ним говорить. Во второй же он приехал к нам в Воронеж уже генерал-инспектором военно-учебных заведений, когда, занимая этот пост, уже не принимал непосредственного управления кадетскими корпусами. Это случилось весной 1913 года, в самый разгар экзаменов, когда я уже был в седьмом классе.

Помню, будто было вчера, как открылась большая дверь в коридор первой роты и в ней в сопровождении директора корпуса, генерала Бородин, появилась высокая, необычайно стройная фигура Константи-

на Константиновича с тонкими породистыми чертами лица, седыми усами и небольшой бородкой. Проходя мимо меня, вытянувшегося во фронт, он остановился и, слегка картавя, спросил:

— Как твоя фамилия, гренадер?..

— Марков-первый, Ваше Императорское Высочество!

— А кем же ты, Марков-первый, приходишься Маркову-второму — члену Государственной думы?

— Племянником, Ваше Высочество.

— А, вот так? Ну, брат, твой дядюшка, как две капли воды, на Петра Великого похож и ростом, и наружностью. Без грима Саардамского плотника играть может. Постой... так ты, значит, внук писателя Евгения Маркова?

— Так точно!

— Ну, так я, брат, знал твоего деда... знал и уважал как человека и как писателя... «Черноземные поля» его и теперь часто перечитываю, мысли в них чистые, да и язык прекрасный... А отец твой где служит?

— Теперь предводителем дворянства, по выборам, а в молодости был военным инженером.

— Так ты, значит, тоже математик?

— Никак нет, Ваше Высочество. Математику едва на семерку вытягиваю и... терпеть ее не могу.

— А как с русским языком и словесными предметами?

— По всем двузначные баллы имею...

— Он, Ваше Высочество, — вмешался в разговор директор, — лучшим по сочинению в выпускном классе, я у них русский язык преподаю. Одиннадцать баллов в годовом имеет; на выпускном экзамене, думаю, на все двенадцать вытянет.

— Вот видите, Матвей Илларионович, — живо обернулся к нему Великий Князь, — ведь это же опять подтверждение моей теории. Вы ее помните?

— Как же, Ваше Высочество, и думаю, что она безошибочна...

— Видишь ли, Марков, — снова обратился ко мне Константин Константинович, — дело в том, что я на вас, кадетах, убедился, что сыновья очень редко наследуют способности своих отцов, а внуки почти всегда идут по стопам дедов. Вот и ты — сын математика, а по математике «плаваешь» и ее не любишь, зато унаследовал от деда его литературные способности. Мне это очень приятно слышать, что на тебе моя теория опять оправдалась.

За обедом Великий Князь имел по традиции, строго соблюдавшейся в корпусе, свой прибор за первым столом первой роты, где сидели самые высокие по росту кадеты, а за старшего стола — вице-фельдфебель. И среди

них... я. Это считалось у нас большой честью, так как после каждого посещения корпуса Великим Князем в стол, за которым он обедал, врезалась серебряная дощечка с именами тех кадет, которые сидели вместе с ним.

Через два года, уже будучи офицером, приехали в корпус, я первым долгом отправился в столовую, чтобы убедиться в том, что традиция соблюдена; остался очень доволен, увидя рядом с великокняжеским именем мое.

С нами, кадетами первого стола, князь в это свое посещение вел разговор о наших дальнейших планах по окончании корпуса, расспрашивал о родителях и семьях каждого.

— Ты, Ардалион, по-грузински говоришь? — спросил он моего соседа — красавца-грузина князя Микеладзе.

— Говорю, Ваше Высочество.

— А ну, скажи, как по-грузински — «сукин сын»?

— «Мама-дзагле», — засмеялся Микеладзе, сияя белозубой улыбкой.

— Ну, молодец! Вижу, что говоришь. А вот мой зять ни одного слова по-грузински не понимает, и я его за это очень стыжу. Ты знаешь, кто мой зять?

— Так точно, князь Константин Александрович Багратион-Мухранский.

— Вот то-то и оно. А я, брат, о тебе знаю, что ты из Кулашей.

— Откуда же это вам известно, Ваше Высочество? — изумился Микеладзе.

— А вот знаю, — добродушно засмеялся князь. — Если хочешь знать, то от старого князя Давида. Он тебе кем приходится?

— Дедом двоюродным.

— Ну, так вот он мне и сказал, что где бы я ни встретил Микеладзе, то могу быть уверенным, что он из Кулашей. Кроме Кулашей, нигде нет и не было Микеладзе, а кроме Микеладзе, никого нет в Кулашах. Вот тебе и весь фокус-покус...

На другой день утром, когда я стоял у географической карты, сдавая экзамен по географии, в класс вошел Великий Князь в сопровождении нашего строгого ротного командира полковника Трубчанинова, тянувшего свою строевую роту всюю и не дававшего ей никаких поблажек. Сев за стол экзаменаторов, Великий Князь задал мне ряд вопросов о Туркестане, который стоял у меня в билете. В то время как я ему отвечал, Трубанек, как мы называли ротного, почему-то не переставал сверлить меня глазами, явно выражая свое неудовольствие.

Когда, наконец, Великий Князь вышел из класса, поставив мне полный балл, при среднем сочувствии нашего географа капитана Писарева, никому такого балла не ставившего, Трубчанинов набросился на меня со свирепым выговором. Оказалось, что во время моего ответа

Великому Князю я, показывая ему что-то на карте, повернулся к нему вполоборота, что в глазах полковника было явным нарушением дисциплины. Строгий строевой служака, он считал, что выправка для военного человека важнее всех географий, и потому немедленно, прямо из класса, как говорится, без пересадки отправил меня под арест.

В тот же вечер, сидя в заключении, я смотрел в окно на голубые дали задонских степей и на густой ковер белой акации в корпусном саду. У меня впервые тоскливо и сладко жалось сердце. В голову пришла мысль, что с окончанием корпуса наступает для меня пора взрослой жизни, которая и радовала, и пугала одновременно.

Осенью того же года мне пришлось увидеть Великого Князя в третий раз уже в Петербурге, где я был на младшем курсе Николаевского кавалерийского училища.

Он вошел в нашу столовую во время завтрака и стал обходить столы, беседуя с юнкерами и безошибочно определяя, кто из них какой корпус окончил. Подойдя ко мне, он положил руку мне на плечо и, улынувшись, сказал:

— Этого я тоже знаю. Он у меня в Воронеже экзамен по географии держал. Ведь твоя фамилия Марков?.. Вот видишь, я тебя не только помню, но и знаю, что двенадцать двенадцатью, а под арест ты с экзамена все же влетел... Так-то, братец, дружба дружкой, а служба службой, Трубанек твой мужчина был серьезный.

Это был последний раз, когда я видел Великого Князя. Через два года он скончался, оставив после себя в сердцах бывших кадет самую светлую память и горячую благодарность. Да будет пухом родная земля нашему Князю.

(1961 г.)

П.Волошин-Петриченко Петропавловского Полтавского кадетского корпуса Почти Белинский

В 1909 году во времена летнего парада в Красном Селе к батарее Михайловского артиллерийского училища подъехал Князь Константин Константинович. Встреченный, как полагалось, он спешился, и около него, по обычаю общения в кадетских корпусах, сразу собралась целая группа Михайловцев. Почти всех он узнавал. Остановил свой взгляд и на мне.

— Постой, постой... Фамилии твоей не помню... Помню, какая-то длинная история... Ведь у тебя и брат был? Он как?

— В седьмом классе, Ваше Императорское Высочество.

— Вот его хорошо помню. Ведь это он раскритиковал мои стихи!..

История критики была такова. В один из приездов в корпус Великий Князь, как всегда окруженный свободно с ним державшимися кадетами, сидел в зале у рояля и беседовал с нами. Он только что сыграл нам два этюда Шопена.

— Ну, а кто же из вас любит русскую поэзию?

Вытолкнули Глеба.

— Как твоя фамилия?

— Кадет Волошин-Петриченко, Ваше Императорское Высочество.

— Ох, какая длинная история! Кого же из поэтов ты любишь?

— Фета, Ваше Высочество, — с отличавшей его серьезностью ответил Глебка.

— Ах ты клоп! Да разве можешь ты понять что-нибудь в поэзии Фета! Ведь это один из лучших русских поэтов!.. А мои стихи какие-нибудь знаешь?

— Так точно, Ваше Высочество!

— Какие же, например?

— «Умер бедняга», «Несется благовест», «Наш полк» ...

— А сможешь что-либо прочесть?.. Ну? А мы послушаем.

Глебка бойко и не без пафоса читает:

«Наш полк — заветное, чарующее слово
Для тех, кто смолоду всю жизнь свою в строю.
Иным оно старо, для нас — все так же ново
И знаменует нам и братство, и семью...».

Заканчивает он на подъеме:

«...Любовь к Царю и вере православной
В едином слове том сливается — НАШ ПОЛК».

— Тебе это стихотворение нравится?

— Так точно, Ваше Высочество...

— Ты что-то замаялся. А? Ну-ну, валяй, критикуй...

Глебка краснеет, как бурак.

— Ну же!

— «Наш полк» — не одно слово, а два, — выпаливает брат.

— Ах ты! — ахает Великий Князь. — Да ты будущий Белинский!.. Слушай, клоп: я задам тебе загадку, а в следующий мой приезд ты мне на нее ответишь. Верно: грамматически «наш полк» — два слова, но подумай все-таки, почему «Наш Полк» можно считать и одним...

Второй эпизод с Глебушкой носит несколько семейный характер, и я упоминаю о нем только потому, что он может прибавить лишний штрих к образу Великого Князя.

Глебка часто болел. Но к седьмому классу он все равно хорошо вырос и стал довольно миловидным юношей, несмотря на свой «гоголев-

ский» (как его дразнили дома) нос. Был он серьезен, очень хорошо учился, был произведен в вице-унтер-офицеры и назначен знаменщиком (большая честь).

Тут-то и разыгралась история. Глебка заболел, его на казенный счет отправили лечиться на Кавказ, и он принужден был остаться на второй год в седьмом классе. Случай в нашем корпусе редкий.

Но это еще не все! Вернувшись с Кавказа, брат заявил дома и в корпусе, что в военное училище он не пойдет, а хочет поступать в Киевский университет. Дома, конечно, целая драма. Мама ходит заплаканная, отец с нахмуренными глазами запирается в кабинете и строчит письма в корпус и нашему уездному предводителю дворянства (Глебка был дворянским стипендиатом). Вот так славный военный род!

В корпусе тоже растерянность: вице-унтер-офицер, знаменщик, прекрасный кадет — и вдруг не идет в училище!.. Отнять у него право ношения знамени — оскорбить мальчишку на всю жизнь, не отнять — обидеть новых «вицов». Что делать?

Решили донести Великому Князю.

Ответ: «Знаю Волошина. Жалею, но пусть идет туда, куда влечет сердце. Государю и Родине нужны верные слуги везде. Знамя пусть носит в очередь с новым знаменщиком. Константин».

Хочется поставить последний штришок в этом эпизоде, отчасти в память дорогого для меня Глебушки, отчасти и для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, как все-таки кадетские корпуса формировали молодые души.

Глебка блестяще окончил Киевский университет Св. Владимира, был оставлен при нем для продолжения научной работы, но грянула война, и сердце не выдержало: он пошел добровольцем на фронт. Кончил он свою военную карьеру в Галлиполи* в чине капитана и военного прокурора 1-го армейского корпуса генерала А.П.Кутепова. Умер в Болгарии — на достойнейшем посту и в большой бедности.

(1958 г.)

*Пустынное местечко на западном берегу пролива Дарданеллы. Здесь 22 ноября 1920 года высадился 1-й армейский корпус Русской Армии генерала от кавалерии барона П.Н.Врангеля после эвакуации из Крыма. Под командованием генерала от инфантерии А.П.Кутепова корпус стоял в Галлиполи лагерем до ноября 1921 года. В голом поле были сооружены православный храм, казармы, жилье для гражданских беженцев. К лету 21-го года в лагере действовали семь военных училищ, двенадцать различных офицерских курсов, гимнастическо-фехтовальная школа, 6-классная гимназия, курсы бухгалтерские, технические, иностранных языков. 16 июля был открыт и освящен братский памятник «Тем, кому не нашлось места на Родине», сложенный из камней, которые принесли на кладбище все без исключения русские лагерники — от командира корпуса до малышей детского сада. «Галлиполи» — одна из вех подвижничества русского воинского духа.

Христофор АУЭ 3-й, Первого кадетского корпуса

Великокняжеская ложка

Я кадет Первого кадетского корпуса, выпуска 1902 года. Последний год пребывания в корпусе я был старшим певчим нашего церковного хора.

Однажды осенью хор был вызван в Мраморный дворец петь на крестинах Князя Георгия Константиновича, сына нашего Августейшего Главного начальника. По окончании службы нас провели в столовую, где был сервирован великолепный завтрак. Великий Князь обходил нас, разговаривал и, как всегда, осыпал нас шутками и своей безграничной лаской. Завтрак заканчивался мороженым, к которому были поданы золоченые серебряные ложки с великокняжеской короной и вензелем покойного отца Великого Князя — генерал-адмирала Константина Николаевича. По столу пробежал сигнал: ложки «сувенировать».

Однако, вернувшись в корпус, я, как и многие другие виновники «сувенирования», пережил большую тревогу.

И вот через несколько дней я был вызван в дежурную комнату, где внезапно увидел Великого Князя. Как часто он это делал, проявляя чуткость и внимание к нам, Константин Константинович вышел со мной на площадку — чтобы наши офицеры не услышали разговора. Протянул руку вверх ладонью:

— Ну?

Я мгновенно хотел бросится за ложкой, но он остановил меня.

— А если я потребую все сорок две, ты их мне тоже вернешь?

— Так точно, Ваше Императорское Высочество!

— Ну так вот что. Я, конечно, не сомневался, что это не было воровством, а лишь детским «сувенированием», и потому уже заказал на замену все сорок две ложки. Но чтобы это было в последний раз. Иначе мне ваши завтраки будут обходиться слишком дорого, и я не смогу вас больше приглашать к себе.

Нашей детской радости, конечно, не было конца.

Поехав на последние каникулы, я отвез эту дорогую реликвию в дом моих родителей, где она и хранилась в кабинете моего отца, старого воина Русско-турецкой войны, участника боев на Шипке. (Господь избавил его от тяжелых переживаний. Он скончался в сентябре 16-го года.) В 1929 году мне удалось вывезти к себе мою матушку, и она привезла мне эту высокочтимую память о дорогом прошлом.

Из «Военной были» я узнал, что судьба сохранила сына нашего покойного Великого Князя*, и решил вернуть ложку ее законному хозяину, будучи уверенным, что Князю она будет еще дороже, так как сделана для его деда в 1868 году, а мне это возвращение дает несказанное счастье подтвердить под конец моей жизни всю мою глубокую преданность и бесконечную благодарность Человеку и Начальнику, ласками которого я был осыпан во все время пребывания в корпусе, Павловском училище, где мне посчастливилось быть знаменщиком, и в родном лейб-гвардии 3-м Стрелковом Его Величества полку.

Покойный Великий Князь всегда приветствовал меня:

— Здорово, Христофор!

Когда же он встретил меня в Зимнем дворце вскоре после моего производства в офицеры, то сначала поздоровался, как всегда, громко, но потом подошел поближе и тихонько сказал улыбаясь:

— А ты не сердись на меня, что я продолжаю называть тебя на «ты»? Ведь ты уже офицер.

Я с чистым сердцем ответил:

— Если Ваше Императорское Высочество желает осчастливить меня — я прошу не изменять старого здравья.

С тех пор до конца я был для Великого Князя — Христофор и «ты».

Между прочим, еще один счастливый момент из мой кадетской жизни. Осенью 1901 года во время урока ручного труда в нашу столярную мастерскую вошел Великий Князь с двумя старшими сыновьями — Князьями Иоанном и Гавриилом. Вызвав кадета Тимофеева и меня, Константин Константинович назначил нас дать несколько уроков столярного дела его сыновьям. Я был учителем князя Гавриила.

Никогда не думал, что начало ремесла, полученное еще в корпусе, пригодится мне в постройках и перестройках на моей птичьей ферме в далекой Австралии.

Навсегда мне памятная ложка летит в Париж, к своему законному хозяину, вместе в этой истории. Оказия — мой однокашник Алексей Алексеевич Геринг. Низко кланяюсь ему за помощь. Особенно радуюсь, что прибытие великокняжеской реликвии, по моему расчету, совпадает с праздниками Рождества Христова — «дорого яичко ко Христову Дню».

Ура — от старого кадета — Князю Гавриилу Константиновичу! Да пошлет ему Господь Бог здоровья и покоя на много лет, а нам — много радости видеть его в наших рядах на долгие годы.

(1955 г.)

*Князь Гавриил Константинович. Родился 16 июля (н.ст.) 1887 г., скончался в Париже 28 февраля 1955 г. — *Ред.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Э.Матонина</i>	
ЗАГАДКА К.Р.	
	5
ДНЕВНИКИ	
	47
ВОСПОМИНАНИЯ	
	365
СТИХИ	
	383
ПИСЬМА К.Ф.КОНИ	
	401
<ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ А.Ф.КОНИ>	
	447
КОММЕНТАРИИ	
	459
«ОТЕЦ ВСЕХ КАДЕТ»	
	478

Романов К.К.

Р 69

Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма./ Вступ. ст., коммент. Э.Матониной. — М.: Искусство, 1998. — 493 с.: ил.

ISBN 5-210-01334-0

Книга представляет литературное наследие Великого Князя Константина Константиновича Романова — его письма, дневники, избранные стихотворения. Это практически первая попытка показать читателю незаурядную личность, принадлежащую интеллектуальному фонду России.

Эта работа продолжает ряд книг издательства «Искусство», связанных с публикацией литературного наследия знаменитых русских родов, сыгравших значительную роль в судьбах России.

ББК 84.Р1

К.Р.
Великий Князь Константин Романов

Дневники
Воспоминания
Стихи
Письма

Составитель
Матонина Элла Евгеньевна

Редактор
М.М.СИНГАЛ
Художественный редактор
М.Г.ЕГИАЗАРОВА
Технический редактор
Н.Г.КАРПУШКИНА
Корректоры
Ю.А.ЕВСТРАТОВА
Н.А.МЕДВЕДЕВА

Л.Р. № 010157 от 14.02.97 г.
Сдано в набор 20.03.96. Подписано в печать 08.12.1997. Формат издания 84x108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Баскервиль. Офсетная печать. Усл. кр.-отт. 27,97.
Изд. № 4322. Тираж 2000. Заказ 41.
Издательство «Искусство» 103009 Москва, Малый Кисловский пер., 3.
Отпечатано с готовых диапозитивов АООТ «Тверской полиграфкомбинат»
в АО «Астра семь» 121019 Москва, Филипповский пер., 13.

ISBN 5-210-01334-0

9 785210 013347

*Это первая и не полная, к сожалению,
попытка вызвать из небытия
и представить читателям,
принадлежащую интеллектуальному
фонду России, личность.
имя, жизнь, деятельность
Великого Князя Константина
Константиновича Романова,
как и многое из той эпохи,
которую он представлял,
«унесено ветром» российских
катастроф.*

